Сократ Схоластик

SOCRATES SCHOLASTICUS

(ок. 380 — ок. 440)

Происхождение:

Предполагают, что он родился **около 380 г.**
Обосновывание:
— учителя Элладий и Аммоний стали давать уроки юному Сократу сразу же после их бегства из Александрии, где они участвовали в языческом мятеже 90-х гг. IV в. (Церковная история, V.16)
Возражение:
— нет точных сведений, в какие именно годы преподавали в Константинополе эти грамматики.
Следовательно:
— речь может идти только о весьма условном времени — последней четверти IV в.

Сократ родился и провел если не всю жизнь, то значительную ее часть в Константинополе (V.24).

По-видимому, он принадлежал к состоятельному сословию, поскольку имел возможность получить прекрасное образование. Он изучал грамматику, риторику, библейскую экзегезу, отлично знал латинских авторов.

Деяния:

Предположения:

- не был священником, мотивируется его либеральным богословием

    но доктрина тогда еще не была сформулирована

- Сократ не мог быть и чиновником, т.к. в его сочинении нет характерного для таких авторов панегирических описаний императорских деяний

    Однако, забывают при этом о явной симпатии, которую Сократ выказывает существующему порядку вещей.

- титул «Схоластик» дает многим повод видеть в нем «адвоката»

но патр.Фотий демонстративно опускает это прозвище

- знание Сократом латыни связывает его с юриспруденцией

  но знать латинский мог и любой образованый человек, не обязательно юрист

Творения:

«Церковная история»

Является единственным произведением Сократа Схоластика.

«Церковная история» охватывает события в Римской империи почти полуторавекового периода.

Сократ начинает свое повествование с момента, на котором остановился его предшественник Евсевий — на 306 г.
(год провозглашения Константина Великого императором в Галлии) [I. Введ.].
А завершает его 439 г.
(год рукоположения кесарийского епископа Фалласия) [VII. 48].

Каждая отдельная книга посвящена событиям одного или, реже, нескольких правителей:

Первая книга:

Константин Великий

Вторая книга:

Констанций

Третья книга:

Юлиан и Иовиан

Четвертая книга:

Валентиниан и Валент

Пятая книга:

Феодосий Великий

Шестая книга:

Аркадий

Седьмая книга:

Феодосий Младший

Кончина

Год смерти Сократа неизвестен.
Но он умер после 439 г.,
года, на котором останавливается его «Церковная история».

наверх
| Главная страница | Имена | Тематический раздел | Географический раздел |
Хронологический раздел | Библиотека |

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХ ИМЕН, ЕРЕСЕЙ И СОБОРОВ,

упоминаемых в книге Сократа Схоластика "Церковная история"

(римскими цифрами обозначены номера книг, арабскими номера глав)

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ЭТНИЧЕСКИХ НАИМЕНОВАНИЙ

Сократ Схоластик

ЦЕРКОВНАЯ ИСТОРИЯ

КНИГА I

Текст приводится по изданию: Сократ Схоластик. Церковная история. - М.: "Российская политическая энциклопедия" (РОССПЭН), 1996. - 368 с.
В основу этого издания положен русский перевод "Церковной истории" Сократа Схоластика, выполненный в середине 19 века в Санкт-Петербугской духовной академии, судя по всему, с греческого издания в Патрологии Ж.Миня (Socratis Scholastici Historia ecclesiastica//PG, t. 67, Paris, 1859, col. 30-842). Текст "Истории" печатался по 2-му изд. (Саратов, 1911); имена, географические и этнические наименования были приведены в соответствии с нормами современного русского языка. Сам перевод был отредактирован, сомнительные места сверены с греческим оригиналом.
Издание снабжено научной статьей, примечаниями и указателями.

ГЛАВА 1

Введение в сию книгу

Евсевий, сын Памфила [1], изложив историю Церкви в целых десяти книгах, остановился на временах царя Константина, которыми прекратилось гонение Диоклетиана на христиан [2], а описывая жизнь Константина, упоминал и об Арии, но только отчасти, ибо, как в похвальном слове [3], заботился более о похвалах царю и о торжественности речи, чем о точном раскрытии событий. Вознамерившись описать события в Церкви с того времени до настоящего, мы за начало своего повествования примем конец его «Истории» [4] и, не заботясь о высокопарности языка, передадим читателям частью то, что нашли в рукописях, частью то, что узнали из рассказов. А так как для нашей цели нужно наперед упомянуть, каким образом царь Константин пришел к христианству, то, начиная свое дело, мы с возможной краткостью скажем об этом.

ГЛАВА 2

Каким образом царь Константин пришел к христианству

Когда Диоклетиан и Максимиан, прозванный Геркулом, согласились между собою сложить царскую власть и избрали частный род жизни, тогда соправитель их Максимиан, по прозванию Галерий, прибыв в Италию, поставил двух кесарей: Максимина — над востоком, и Севера — над Италией [5]. Между тем вместо Констанция, который умер 25 июля, в первом году двести семьдесят первой Олимпиады [6], царем Британии провозглашен был сын его Константин [7]; а в Риме, силою преторианского войска, сделался более тираном, чем царем, сын Максимиана Геркула Максентий [8]. По этой причине, Геркул, снова возымев желание царствовать, вознамерился погубить своего сына Максентия, но войско не допустило его сделать это, — и он впоследствии окончил свою жизнь в Тарсе киликийском [9]. С повелением взять Максентия послан был в Рим

Галерием Максимином и кесарь Север; но он погиб от измены своих войск [10]. Поставив наперед царем Лициния, последним из правителей всей империи умер Галерий Максимиан [11]. А Лициний, происходивший из Дакии [12], давно уже был его товарищем по военной службе и другом. Между тем Максентий жестоко обходился с римлянами и следовал способу управления более тиранскому, нежели царскому: бесстыдно насиловал благородных женщин, многих граждан лишал жизни и совершал другие подобные сим поступки. Узнав об этом, царь Константин старался избавить римлян от их рабства и немедленно начал думать, каким бы образом погубить тирана [13]. В таких размышлениях он спросил себя, какого бы Бога призвать ему помощником в битве? И пришел к мысли, что войска Диоклетиана, предавшись богам эллинским, не получили никакой пользы, а отец его Констанций, оставив эллинское богослужение, провел жизнь гораздо счастливее [14]. Находясь в таком раздумье и в то же время ведя за собою войско, он нечаянно увидел дивное и невыразимое словом явление: в полуденные часы дня, когда солнце начинало уже склоняться, узрел он на небе крестовидный столп света с надписью: «сим побеждай». Царь был поражен этим знамением и, не веря сам своим глазам, спросил присутствующих, видят ли и они явление. Когда же те подтвердили, он совершенно уверился в божественном и дивном видении. Сверх того, во время наступившей ночи явился ему во сне Христос и приказал устроить знамя по образцу виденного знамения, чтобы в нем иметь как бы готовый трофей над врагами. Убежденный этим провещанием, царь устроил крестный трофей, который и доныне хранится в царском дворце, и тем с большей уверенностью приступил к делам. Сразившись с неприятелем близ Рима, около так называемого Мульвийского моста, он одержал над ним победу; а Максентий утонул в реке. Эта победа над Максентием одержана им на седьмом году царствования [15]. В то время соцарственником Константина, правителем востока был Лициний, женатый на сестре его Констанции [16]. Получив от Бога столь великие блага, Константин приносил ему благодарение. Это благодарение состояло в том, что он прекратил гонение на христиан, вызвал их из ссылки, вывел из темниц, возвратил им забранные в казну имущества [17]. Сверх того он возобновлял церкви и все это делал с великим усердием. В то же время умер в Салоне далматской отказавшийся от царствования Диоклетиан [18].

ГЛАВА 3

Как произошло, что, когда Константин усиливал христианство, соправитель Константина Лициний воздвиг на христиан гонение.

Помышляя о Христе, царь Константин все совершал как христианин: созидал церкви и обогащал их драгоценными вкладами, а храмы языческие запирал, либо разрушал, и находившиеся в них статуи выставлял на позорище. Напротив, соцарственник его Лициний, быв напитан мнениями языческими, ненавидел христиан, и если, боясь царя Константина, не смел воздвигнуть на них явного гонения, зато многим строил козни тайно. Иногда решался он наносить им вред и открыто; но то были гонения местные. Сим ограничивался Лициний; это только состояло в его власти. А когда в том или другом случае поступал он тирански, то отнюдь не укрывался от Константина, и зная, что Константин на него досадует, прибегал к самооправданию. Прислуживаясь ему, он обольщал его притворною дружбою и многократно клялся, что не будет замышлять ничего тиранского, но клянясь, в то же время был и вероломен, потому что не оставлял мысли о тиранстве и намерения преследовать христиан. Он поставил закон, чтобы епископы не сближались с эллинами и чрез то не представляли повода к распространению христианства. То было гонение вместе и явное и тайное: словами оно прикрывалось, а на

деле становилось открытым. Гонимые подвергались невыносимым бедствиям и со стороны тела, и со стороны имуществ.

ГЛАВА 4

О том, что война между Константином и Лицинием возгорелась ради христиан

По этой причине царь Константин сильно на него разгневался; вот почему, расторгнув узы притворной дружбы, они сделались врагами; а вскоре потом дошло у них и до войны [19]. Много было сражений и на суше и на море [20]; но наконец, у Хрисополиса вифинского, приморской крепости Халкидона, Лициний претерпел поражение и сдался [21]. Взяв его живым, Константин обнаружил в отношении к нему чувство человеколюбия: отнюдь не хотел умертвить его, а повелел ему жить спокойно в Фессалонике [22]. Однако он недолго оставался спокойным, но, собрав каких-то варваров, старался отмстить за свое поражение. Узнав об этом, царь приказал лишить его жизни, и это приказание было исполнено [23]. Таким образом, Константин стал повелителем всей империи, объявлен царем самодержцем и тотчас же начал усиливать христианство. Это делал он различными способами, — и христианство чрез него наслаждалось глубоким миром. Но такому миру препятствовала междоусобная вражда христиан. Что это была за вражда и как она началась, мы, по возможности, расскажем.

ГЛАВА 5

О споре Ария с епископом Александром

После Петра, который, будучи епископом александрийским, мученически умер в царствование Диоклетиана, епископский престол занят Ахиллом; а после Ахилла, во время упомянутого мира, на епископский престол воссел Александр. Живя вне опасности, он собирал Церковь и иногда, в присутствии подвластных себе пресвитеров и других клириков, любочестно богословствовал о Святой Троице, рассуждая философски, что Святая Троица есть в Троице единица. Один подчиненный ему пресвитер, Арий, человек не без знания диалектики, думая, что его епископ вводит учение Савеллия ливийского, из любопрения [24] уклонился к мнению, прямо противоположному мысли Савеллия, и на слова епископа стал грубо предлагать возражения, говоря, что если Отец родил Сына, то рожденный имеет начало бытия; а отсюда явно, что было время, когда не было Сына, и необходимо следует, что Сын имеет свою личность, из небытия [25].

ГЛАВА 6

О том, как из этого спора произошло начало раскола в Церкви, и как александрийский епископ Александр низложил Ария и его единомышленников

Этими новыми умозаключениями он возбудил многих к исследованию вопроса, — и малая искра превратилась в великий пожар. Получив начало в Церкви александрийской, зло распространилось по всему Египту, Ливии и верхней Фиваиде и пожирало уже прочие епархии и города [26]. Мнение Ария разделяли и многие другие, особенно же держался

его Евсевий — не кесарийский, а тот, который, прежде был епископом Церкви беритской, потом принял епископство в Вифинии над никомидийскою. Слыша и видя это, Александр воспламенился гневом, составил Собор из многих епископов и низложил Ария вместе с его единомышленниками [27], а жителям городов писал следующее:

Послание епископа александрийского Александра.

«Возлюбленным и честнейшим сослужителям повсюдной кафолической Церкви, Александр желает здравия о Господе.

Так как единство тела кафолической Церкви и заповедь божественного Писания повелевает хранить союз единомыслия и мира, то нам следует писать и объявлять друг другу о местных событиях, чтобы, — страждет ли, или здравствует один член, — сострадать ему, либо сорадоваться. В нашей епархии появились люди — беззаконники и христоборцы, учащие такому отступлению (от веры), какое справедливо можно почитать и называть предтечею Антихриста. Я хотел было молчать об этом, полагая, что зло, может быть, погибнет с одними отступниками, не перейдет в другие места и не заразит слуха людей непорочных: но так как нынешний епископ никомидийский Евсевий, который, представляя, будто на нем лежит вся тяжесть Церкви, оставил Берит и засмотрелся на Церковь никомидийскую, — так как этот самый Евсевий безнаказанно покровительствует сим отступникам и решился писать ко всем защитительные в пользу их послания, чтобы неведущих увлечь в крайне бедственную и христоборственную ересь, то, зная предписание закона, я счел необходимым прервать молчание и возвестить о том всем вам, чтобы вы ведали и отступников, и жалкие положения их ереси, и чтобы не слушали, когда будет писать Евсевий. Желая возобновить чрез них давнюю, забытую от времени свою злонамеренность, он показывает вид, будто пишет за нас, а из дела видно, что предпринял это, заботясь о себе.

Итак, отступники у нас суть Арий, Ахилл, Анфалис, Карпон, другой Арий, Сармат, Евзой, Лукий, Юлиан, Мина, Элладий, Гаий, а с ними Секунд и Феона, называвшиеся прежде епископами. Изобретенные же и высказываемые ими, вопреки священному Писанию, положения суть следующие: Бог не всегда был Отцом; было время когда Он не был Отцом. Не всегда также было и Слово Божие, но родилось из небытия; потому что Бог, существуя как Бог, сотворил Его не-сущего из не-сущего; следовательно, было время, когда Его не было. Сын есть создание и творение: Он и по существу не подобен Отцу, и по природе не есть истинное Слово Отца, истинная Его мудрость, но есть одна из Его тварей и порождений. Рожденный и Сам собственным Словом Бога и мудростию в Боге, которою Бог сотворил и все, и Его, Он есть Слово и Мудрость по злоупотреблению имен. Таким образом, по природе Он, как и все разумные существа, превратен и изменчив: Слово отчуждено, обособлено и отделено от существа Божия. Отец неизглаголим для Сына; потому что Сын и не знает Его совершенно, с точностию, и не может видеть Его в совершенстве. Да Он не знает, что такое и собственная Его сущность. Сын сотворен для нас, чтобы чрез Него, как чрез орудие, Богу сотворить нас. Его и не было бы, если бы Бог не восхотел дать бытие нам. Итак, спросите их: может ли Слово Божие превратиться, как превратился дьявол? Они не побоятся сказать: да, может, потому что природа его, по свойству бытия рожденного и превратного, превратна.

Всех единомышленников Ария, которые говорили это, всех сих бесстыдных людей и последователей их мы, с епископами Египта и Ливии, в числе близ ста, предали анафеме; а окружающие Евсевия, стараясь смешать ложь с истиною, нечестие с благочестием, приняли их. Но они ничего не сделают, потому что истина победоносна: нет общения света со тьмою и согласия между Христом и велиаром (2 Кор. 6, 15). Кто когда слыхал

подобное? Или кто, слыша это ныне, не изумится и не заградит своих ушей, чтобы мерзость таких слов не коснулась его слуха? Кто, слыша глаголы Иоанна: *в начале бе Слово* (Иоан.1), не осудит говорящих, что было время, когда Его не было? Или кто, слыша в Евангелии: *единородный Сын и вся Тем быша* (Иоан. 1. 3, 18), не возненавидит произносящих, что Сын есть одно из творений? Как может Он быть равен сотворенным чрез Него вещам? Или как Он единороден, причисляясь, по их мнению, ко всему? Как мог Он произойти из не-сущего, когда Отец говорит: *отрыгну сердце мое Слово благо* (Пс. 44, 1) *и из чрева прежде денницы родих Тя* (Пс. 109, 3)? Или как Он не подобен сущности Отца, когда есть совершеннейший образ Его, отчее сияние, и когда Сам говорит: *видевый Мене виде Отца* (Иоан. 14, 9)? Как Сын, будучи Словом и мудростию Бога, мог некогда не быть? Это все равно, если бы они сказали, что Бог некогда был бессловесен и не мудр. Как Он превратен и изменчив, когда говорит о Себе: *Аз во Отце и Отец во Мне* (Иоан. 14, 10) и *Аз и Отец едино есма* (Иоан. 10, 30), или чрез Пророка: *видите, яко Аз есмь и не изменяюся* (Мал. 3, 6)? Может быть, эти слова иной будет относить к самому Отцу; но гораздо приличнее в этом месте прилагать их к Слову; потому что Оно, и вочеловечившись, не изменяется, или, по Апостолу, *Иисус Христос вчера и днесь, тойжде и во веки* (Евр. 13, 8)? Что заставило их также говорить, будто Он рожден для нас, когда Павел пишет: *Его-же ради всяческая и им-же всяческая* (Евр. 2, 10)? А что касается до их хуления, будто Сын не знает совершенно Отца, то этому удивляться не должно; ибо однажды предположив вступить в борьбу со Христом, они уже отвергают слова самого Христа: *якоже знает мя Отец, и Аз знаю Отца* (Иоан. 10, 15). Если Отец только отчасти знает Сына, то явно, что и Сын только отчасти знает Отца; но поскольку первого положения сказать нельзя, то есть, Отец совершенно знает Сына, то очевидно, что как знает Отец свое Слово, так знает и Слово своего Отца, которого Оно есть Слово. Говоря это и раскрывая божественные Писания, мы часто приводили их к убеждению. Но они, как хамелеоны, опять изменялись и старались Писания привлекать на свою сторону: *егда приидет нечестивый во глубину зол, нерадит* (Притч. 18, 3) [28]. Было и до сего много еретиков, которые, простерши свою дерзость далее надлежащего, впадали в безумие. Но эти, всеми своими словами стараясь отвергнуть божественность Слова, оправдывали собою первых и были как бы ближе к Антихристу, а потому и отлучены от Церкви, потому и преданы анафеме. Мы скорбим об их погибели тем более, что некогда они сами назидали Церковь, а теперь отпали от нее: однако же не удивляемся этому, ибо то же сталось и с Именеем, и с Филитом. Да и прежде их Иуда следовал за Спасителем, а потом сделался предателем Его и отступником. И касательно этих самых мы не оставлены без предостережений. Сам Господь предсказал: *блюдите, да никтоже вас прельстит. Мнози бо приидут во имя Мое, глаголюще: Аз есмь и* — и время близко, — *многи прельстят* (Мат. 24. 4, 55). Не идите за ними. А Павел, узнав об этом от Спасителя, писал: *в последния времена отступят нецыи от здравой веры, внемлюще духовом лестным и учением бесов, отвращающихся от истины* (1 Тим. 4, 1). Если же Господь и Спаситель наш Иисус Христос и Сам возвещает, и чрез Апостола упоминает о таких людях, то мы, лично слышавшие нечестивые речи их, справедливо, как сказано выше, предали их анафеме и объявили отлученными от кафолической Церкви и веры. А ваше благочестие, возлюбленные и честнейшие сослужители, известили мы для того, чтобы вы не принимали никого из них, кто захотел бы прийти к вам, и не верили ни Евсевию, ни кому другому, кто стал бы писать о них; как христианам, вам надлежит отвращаться от всех, говорящих и мыслящих против Христа, как от богоборцев и растлителей души, даже не говорить им «здравствуй», чтобы иногда не сделаться причастниками их грехов, как заповедал блаженный Иоанн (2 Иоан. 1. 10, 11). Приветствуйте братий ваших, и находящиеся со мною приветствуют вас».

Когда это послание Александра разослано было по всем городам, зло еще более увеличилось, потому что, узнав написанное [29], многие вступали в состязание, и одни

соглашались с посланием и подписывали его, а другие делали противное. Особенно же враждебное расположение обнаружил никомидийский епископ Евсевий — за то, что Александр в своем послании отозвался о нем худо. Евсевий в то время был очень силен, ибо царь тогда имел своей резиденцией Никомидию, где незадолго до того, при Диоклетиане, выстроен был дворец. Поэтому многие епископы слушались Евсевия; а он непрестанно отправлял послания — то к Александру, чтобы он замял возникший вопрос и снова принял в Церковь единомышленников Ария, то к епископам городов, чтобы не соглашались с Александром. Таким образом повсюду возбуждались беспокойства; ибо видно было, что не одни предстоятели Церквей поражали друг друга словами, но разделялся и самый народ, склоняясь частью на ту, частью на другую сторону, и дело дошло до такой нелепости, что над христианством стали смеяться публично, даже в театрах. Одни, в самой Александрии, упорно состязались о высочайших догматах Веры и отправляли посольства к областным епископам; другие, приставшие к другой стороне, производили подобные сим возмущения. К арианам присоединились и мелетиане, которые незадолго до того отлучены были от Церкви. А кто они именно, — мы скажем. Когда александрийским епископом был Петр, умерший мученически при Диоклетиане, — некто Мелетий, епископ одного из египетских городов, был низложен, как по многим другим причинам, так особенно за то, что во время гонения отрекся от веры и принес жертву. Будучи низложен и однако же окружен многими последователями, он и доныне слывет в Египте ересеначальником называемых по его имени мелетиан [30]. Не имея никакого благовидного основания для оправдания себя в отступлении от Церкви, Мелетий просто говорил, что его обидели, а между тем обвинял и поносил Петра; когда же Петр во время гонения скончался мученически, он перенес свои поношения на Ахилла, принявшего после Петра сан епископа, а за Ахиллом опять на Александра. Таковы были обстоятельства мелетиан, когда возникло дело об Арии. Мелетий со своими единомышленниками присоединился к Арию и сочувствовал ему во вражде против епископа. Впрочем кому из мелетиан мнение Ария казалось нелепым, те принимали суд Александра над Арием и приговор над людьми, мыслившими, как он, признавали справедливым. Поэтому и окружавшие никомидийского епископа Евсевия, и все, благоприятствовавшие мнению Ария, писали Александру, чтобы опрометчиво сделанное отлучение мелетиан было уничтожено, и чтобы отлученные возвращены были в Церковь, потому что они не худо мыслят. Таким образом, присылаемые к александрийскому епископу послания одно другому противоречили и соединялись в отдельные сборники. Арий собирал те, которые были за него, а Александр — противные им. Здесь-то нашли основание к защищению себя распространившиеся ныне ереси ариан, евномиан и все, получившие названия от Македония [31], потому что каждая ересь ссылается на свидетельство тех посланий.

ГЛАВА 7

О том, как царь Константин, огорченный возмущением Церквей, для приведения к единомыслию епископа и Ария, послал в Александрию испанского епископа Осию

Узнав о том, царь сильно восскорбел в душе своей и, почитая эту опасность собственною, старался немедленно погасить возгоревшееся зло и с мужем надежным, по имени Осия, отправил послание к Александру и Арию. Осия был епископом одного из испанских городов, называвшегося Кордовою. Царь очень любил и уважал его. Здесь не неприлично поместить часть этого послания, потому что целое помещено в книгах Евсевия о жизни Константина.

Победитель Константин, великий, Август Александру и Арию:

«Знаю, что настоящий спор начался таким образом: когда ты, Александр спрашивал у пресвитеров, что каждый из них думает о каком-либо месте закона, или, лучше сказать, поставлял на вид суетную сторону вопроса, тогда ты, Арий, неосмотрительно предлагал то, о чем сперва не следовало бы и думать, или, подумавши, надлежало молчать. Вот откуда родилось между вами разделение, расторгся собор, — и святейший народ, распавшись надвое, стал вне согласия общего тела Церкви. Итак, пусть каждый из вас с равною искренностию простит другому и примет то, что справедливо советует нам ваш сослужитель. А что именно? — о том в прежние времена неприлично было ни вопрошать, ни отвечать на вопросы, потому что подобные вопросы, не вынужденные каким-нибудь законом, а предлагаемые любопрением бесполезной праздности, хотя и являются иногда, как средства естественного упражнения, но мы должны держать их в уме, а не вносить легкомысленно в общественные собрания и не вверять необдуманно слуху черни. Ибо кто может обстоятельно узнать или по-надлежащему истолковать силу столь великих и столь трудных предметов? Если же иной и счел бы это легким, то многих ли убедит среди народа? Сверх того, при тщательном исследовании подобных вопросов, кто устоит против опасности впасть в заблуждение? Итак, в изысканиях сего рода надобно удерживаться от многословия, чтобы, или по слабости своего естества, не имея силы истолковать предложенный вопрос, или, по тупости слушателей, не умея сообщить им ясного понятия о высказанном учении, тем или другим образом не довести народа либо до богохульства, либо до раскола. Пусть же и неосторожный вопрос, и необдуманный ответ прикроются в каждом из вас взаимным прощением, ибо повод к вашему спору не касается какого-либо главного учения в законе и вы не вносите какой-либо новой ереси в свое богослужение; образ мыслей у вас один и тот же, как одно основание общения. Когда вы состязаетесь друг с другом касательно маловажных и весьма незначительных предметов, тогда столь великому народу Божию не следует управляться вашими раздвоившимися мыслями, — и не только не следует, даже противозаконно. А чтобы представить вашему благоразумию небольшой пример, скажу следующее: знайте, что и самые философы, следуя одному учению, живут в союзе; если же нередко по поводу какого-нибудь частного мнения и разногласят между собою, то, разделяясь силою знания, приводятся в сочувствие друг другу, по крайней мере, тождеством своего общества. А если так, то не гораздо ли справедливее нам, поставленным на служение великому Богу, совершать это служение со взаимным единодушием? Подвергнем сказанные нами слова большему рассмотрению и особенному вниманию. Хорошо ли будет, если, по поводу мелочного и суетного словопрения между вами, брат противостанет брату и собрание почтенных лиц чрез вас разделится нечестивым разномыслием? Хорошо ли будет, если это произойдет чрез нас, поскольку мы будем спорить друг с другом о многих и вовсе не нужных предметах? Подобные споры — дело черни, и более приличны детскому неразумию, нежели разуму людей священных и мудрых. Удалимся же добровольно от дьявольских искушений. Великий Бог, общий Спаситель наш, излил для каждого из нас один и тот же свет. Позвольте же мне, служителю Всеблагого, довести под его промыслом ревность мою до конца, чтобы вас, его народ, посредством воззваний, пособий и непрестанных внушений, привести в соборное общение. Если у вас, как я сказал, одна вера и одинаково разумение вашей веры; если также заповедь закона своими частями обязывает душу к совершенно одинаковому расположению, то мысль, возбудившая вас к мелочному спору и не касающаяся сущности всей веры, пусть ни под каким видом не производит между вами разделения и ссоры. Говорю это не с тем, чтобы хотел принудить вас совершенно согласиться касательно того нелепого вопроса, или как иначе назвать его; потому что достоинство вашего собора может сохраниться неприкосновенным, общение ваше во всем может быть соблюдено ненарушимым, хотя бы между вами и оставалось какое-нибудь частное разногласие в отношении к неважному предмету. Так как все мы хотим от всех не

одного и того же, то и вы управляетесь не одною и тою же природою или мыслию. Итак, в рассуждении божественного провидения, да будет у вас одна вера, одно разумение, один завет Всеблагого. А что касается до вопросов маловажных, рассмотрение которых приводит вас не к одинаковому мнению, то эти несогласные мнения должны оставаться в вашем уме и храниться в тайне. Да пребывает же между вами непоколебимо высота и превосходство общей дружбы, вера в истину, почтение к Богу и законному богослужению. Возвратитесь ко взаимному дружеству и любви. Прострите свои объятия ко всему народу, и как бы очистив свои души, снова узнайте друг друга; ибо, по прекращении вражды, дружба часто бывает тем приятнее. Так примиритесь опять, возвратите мне отрадные дни и безмятежные ночи, чтобы и для меня, наконец, сохранилось удовольствие чистого света и спокойное наслаждение жизнью. В противном случае, мне ничего не останется, кроме необходимости стенать, всему обливаться слезами и проводить свой век без всякого спокойствия, потому что доколе Божии люди, — говорю о моих сослужителях, — взаимно разделяются столь несправедливою и гибельною распрею, — могу ли я устоять в своих помыслах? А чтобы вы почувствовали чрезмерность моей скорби, послушайте: недавно я прибыл в город Никомидию, и мысль тотчас повела меня на восток. Но поспешая к вам и уже большею частью находясь с вами, я получил весть об этом событии и удержался от своего намерения, чтобы не поставить себя в необходимость смотреть глазами на то, что и для ушей невыносимо. Отворите же мне врата на восток вашим единомыслием, которые вы заперли своими распрями. Позвольте мне скорее увидеть вас и вместе насладиться радостию всех других народов, а потом за общее единомыслие и свободу в хвалебных речах вознести должное благодарение Всеблагому» [32].

ГЛАВА 8

О соборе, бывшем в вифинском городе Никее, и об изложенной на нем вере

Такие-то дивные и исполненные мудрости увещания предлагало им царское послание. Но несмотря ни на старание царя, ни на достоинство отправленного с посланием мужа, зло становилось еще сильнее, ибо это послание не смягчило ни Александра, ни Ария. Какая-то неопределенная распря и смута происходила даже в простом народе. К тому же существовала тогда и другая, прежняя местная болезнь; Церкви возмущены были также разногласием касательно празднования Пасхи. Это разногласие было только на востоке, где одни хотели праздновать ее по-иудейски, а другие подражали всем в мире христианам. Впрочем, разноглася таким образом в отношении к сему празднику, христиане отнюдь не расторгали общения, а только, по причине разногласия, провожали этот праздник печальнее. Видя, что Церковь возмущается тем и другим злом, царь своими указами приглашал всех епископов съехаться в Никее, городе Вифинии, и составил из них вселенский Собор [33]. В Никею явились епископы многих областей и городов. Об этих епископах Евсевий Памфил в третьей книге о жизни Константина говорит слово в слово так:

«Первенствующие служители Божии из всех церквей, наполнявших Европу, Ливию и Азию, собрались в одно место. Один молитвенный дом, как будто распространенный самим Богом, вмещал в себе сириян и киликийцев, финикиян и аравитян [34], жителей Палестины и египтян, фивян, ливийцев и прибывших из Месопотамии. Присутствовал на Соборе даже епископ персидский, не недоставало на нем и епископа скифского [35]. Понт и Галатия, Памфилия и Каппадокия, Азия и Фригия [36] представили также избранных. Встретились здесь даже фракийцы и македоняне, ахеяне, эпирцы [37] и жители стран еще

дальнейших. Вместе с прочими заседал на Соборе и сам знаменитейший епископ Испании [38]. Не был на нем, по причине своей старости, только предстоятель царственного города [39], а потому присутствовали и занимали его место подвластные ему пресвитеры. Такой-то, связанный узами мира венок, представляющий в наше время образ лика апостольского, принесен единственным от века царем Константином Христу Спасителю как богоприличный дар за победу над врагами и мятежниками. И во времена Апостолов, как свидетельствует слово Божие, собрались *мужии благоговейнии от всего языка, иже под небесем* (Деян. 2, 5). Между ними были *Парфяне и Мидяне, и Еламиты, и живущии в Мессопотамии, во Иудеи же и Каппадокии, в Понте и во Асии, во Фригии же и Памфилии, во Египте и странах Ливии, яже при Киринии, и приходящии Римляне, Иудеи же и пришельцы, Критяне и Аравляне* (Деян. 2, 9—11). Но если чего недоставало им, то именно того, что не все они были из служителей Божиих; между тем как в настоящем собрании находилось множество епископов, — числом более трехсот, а сопровождавших их пресвитерам, диаконам, чтецам и многим другим и числа не было. Из служителей Божиих одни знамениты были словом мудрости, другие украшались строгостью жизни и подвижничеством, а иные отличались мерностью нрава. Были между ними и такие, которых уважали за долголетие; были и другие, блиставшие юностью и бодростью душевной, были также лица, еще недавно вступившие на поприще служения. Всем им, по повелению царя, щедро выдавалось каждодневное содержание». Так говорит Евсевий о съехавшихся на Собор епископах.

Окончив победное торжество над Лицинием, царь и сам прибыл в Никею. Между епископами отличались Пафнутий из верхней Фиваиды и Спиридон с Кипра. А почему я упомянул о них, скажу после. Были на Соборе и многие искусные в диалектике миряне, готовые защищать свою сторону. Мнение Ария поддерживали, как я прежде сказал, Евсевий никомидийский, Феогнис и Марис: Феогнис был епископ никейский, а Марис — халкидонский, что в Вифинии. Против них мужественно подвизался Афанасий [40], который, хотя и был дьяконом александрийской Церкви, но пользовался особенным уважением епископа Александра, и тем возбудил против себя ненависть, как будет сказано впоследствии. Между тем, незадолго до собрания епископов в одном месте, диалектики показывали черни предварительные опыты своих речей. Но тогда как они увлекали ее приятностию слова, один мирянин из числа исповедников, человек со здравым смыслом, противостал им и начал говорить следующее: Христос и Апостолы преподали нам не диалектическое искусство и не суетную науку обольщать, но ясное учение, охраняемое добрыми делами и верою. Как только сказал он это, все присутствующие удивились и согласились с ним, а диалектики, выслушав простое слово истины, сделались благоразумнее и замолчали. Таким образом диалектический шум в то время утих. Затем все епископы сошлись в одно место, а после них явился и царь. Войдя, он стал среди них и не прежде захотел сесть, но только когда епископы пригласили его. Такое-то внимание и уважение к сим мужам обладало душою царя. Тут сперва настала приличная времени тишина; потом царь, со своего кресла обратившись к епископам с увещательною речью, начал располагать их к согласию и единомыслию, и советовал оставить личные, полученные от ближнего оскорбления. Между тем многие из них обвиняли друг друга, а некоторые еще заранее подали царю свои жалобы на бумаге. Но пригласив их приступить к предмету, для которого собрались, он приказал сжечь все их просьбы и только промолвил: «Христос повелел отпустить брату, если желаешь отпущения себе самому». Потом, развив свою речь о единомыслии и мире, предоставил их разумению войти тщательнее в исследование догматов. Но хорошо послушать, что говорит об этом сам Евсевий в той же третьей книге о жизни Константина.

«Между тем как с той и другой стороны делано было множество возражений, и на первый раз возник великий спор, царь выслушивал всех незлобиво и принимал предложения со

вниманием. Разбирая, в частности, сказанное тою и другою стороною, он мало помалу примирял упорно состязавшихся и кротко беседовал с каждым из них. Говоря на греческом языке, который равным образом знал, он был как-то усладителен и приятен. Одних убеждая, других усовещивая словом, иных, говоривших хорошо, хваля, и каждого склоняя к единомыслию, он, наконец, согласил понятия и мнения всех касательно спорных предметов [41]. Но для установления согласия в отношении к вере надлежало и празднование спасительной Пасхи совершать всем в одно и то же время. Поэтому сделано было общее постановление и утверждено подписью каждого из присутствовавших».

Такие письменные сказания оставил нам Евсевий и об этом событии; и мы не неуместно воспользовались ими, но, смотря на них, как на свидетельства, внесли их в свое сочинение для того, чтобы, в случае чьих-либо обвинений никейского Собора касательно веры, не обращать на них внимания и не верить Сабину Македонянину [42], который сошедшихся на тот Собор называет людьми простоватыми и поверхностными. Сабин, епископ македонян в Гераклее фракийской, собравший в одну книгу письменные определения различных епископских Соборов, над отцами никейскими смеялся, как над людьми поверхностными и простоватыми, не замечая, что обвиняет в невежестве и самого Евсевия, который, после долгого испытания, признал никейскую веру. В этой вере иное он произвольно выпустил, иное извратил, а все вообще направил больше к своей цели. Евсевия Памфила хвалит он как свидетеля достоверного; хвалит и царя как лицо, умеющее рассуждать о христианских догматах; а изложенную в Никее веру осуждает, говоря, что она изложена людьми простоватыми и ничего не знающими. Между тем, кого называет он свидетелем мудрым и нелживым, того свидетельство намеренно уничтожает; ибо Евсевий говорит, что из присутствовавших в Никее служителей Божиих одни отличались мудростью слова, а другие — строгостью жизни, и что царь, явившись на Собор и всех приведши к единомыслию, оставил присутствующих примиренными в понятиях и мнениях. Но о Сабине, если понадобится, мы еще упомянем. А согласие веры, громогласно произнесенное на великом Соборе в Никее, есть следующее:

«Веруем в единого Бога Отца Вседержителя, Творца всего видимого и невидимого, и в единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия, единородного, от Отца рожденного, то есть из сущности Отца, в Бога от Бога, в свет от света, в Бога истинного от Бога истинного, рожденного, несотворенного, единосущного Отцу, чрез Которого все произошло как на небе, так и на земле, Который, для нас, человек, и для нашего спасения, сошел, воплотился и вочеловечился, страдал и воскрес в третий день, взошел на небеса и придет судить живых и мертвых, — и в Духа Святого. А говорящих, что было время, когда (Сына) не было, что Его не было до рождения и что Он родился из не-сущего, либо утверждающих, что Сын Божий существует из иной ипостаси, или сотворен, или превратен, или изменяем, — святая, кафолическая и апостольская Церковь анафематствует».

Эту веру признали и приняли, единогласно и единомысленно изложили триста восемнадцать мужей. Пять только человек, ухватившись за слово «единосущный», не принимали ее: Евсевий, епископ никомидийский, Феогнис никейский, Марис халкидонский, Феона мармарикский, Секунд птолемаидский. Ибо когда единосущным называли то, что из чего-либо есть, либо чрез отделение, либо чрез истечение, либо чрез побег, — чрез побег, например, как растение из корня, чрез истечение, как дети из отцов, чрез отделение, как два или три золотых сосуда из слитка; то они говорили, что ни по чему этому Сын не есть Сын, и оттого не присоединялись к изложенной вере. Много смеявшись над словом «единосущный», они никак не хотели подписывать дело о низложении Ария. Поэтому Собор и Арию, и всем его единомышленникам произнес анафему, прибавив к тому, что он не должен и возвращаться в Александрию, а царь издал

повеление — как его, так и Евсевия и Феогниса отправить в ссылку. Но Евсевий и Феогнис, вскоре по отъезде в ссылку, прислали покаянную грамоту и, как мы скажем впоследствии, к своей вере прибавили «единосущный».

В то время Евсевий, по прозванию Памфил, бывший на Соборе и получивший жребий епископства в Кесарии палестинской, немного затруднялся и недоумевал, следует ли принять изложенную формулу веры, но потом, согласившись со многими другими, подписал ее, и список этой формулы послал к вверенному себе народу, истолковав слово «единосущный», чтобы за вставку его кто-либо не навел на него подозрения. Его послание слово в слово было таково:

«О делах созванного в Никею великого Собора касательно церковной веры, вы, возлюбленные, вероятно уже известились; потому что молва обыкновенно идет впереди подлинного сказания о событиях. Но чтобы истина путем одного слуха не дошла до вас переиначенною, мы сочли необходимым послать к вам — во-первых, предложенную нами формулу веры, во-вторых, ту, в которой к нашим выражениям сделаны и обнародованы прибавления. Формула, существовавшая у нас, прочтена в присутствии боголюбивейшего нашего царя, признана хорошей и одобрена. Она следующего содержания:

«Как приняли мы от предшествовавших нам епископов — и при оглашении, и при восприятии крещения, как научились из божественных Писаний, как веровали и учили в пресвитерстве и в самом епископстве, так веруем и теперь, и представляем вам нашу веру. Вот она: веруем в единого Бога Отца Вседержителя, Творца всего видимого и невидимого; и в единого Господа Иисуса Христа, Слово Божие, в Бога от Бога, в свет от света, в жизнь от жизни, в Сына Единородного, перворожденного всей твари, Который прежде всех веков родился от Бога Отца, чрез Которого все произошло, Который для нашего спасения воплотился и пожил между человеками, и страдал, и воскрес в третий день, и восшел к Отцу, и приидет опять во славе судить живых и мертвых. Веруем и в Единого Духа Святого. Веруем, что каждый из них есть и имеет бытие, что Отец — истинно Отец, Сын — истинно Сын, Дух Святой — истинно Дух Святой. Так и Господь наш, посылая своих учеников на проповедь, сказал: *шедше научите вся языки, крестяще их во имя Отца, и Сына и Святаго Духа* (Матф. 28, 19). В этом мы утвердились, это мыслим, этого и прежде держались, это будем держать и до смерти, и, стоя в этой вере, анафематствуем всякую безбожную ересь. Все это восчувствовали мы сердцем и душою, сколько знаем самих себя, все это чувствуем и теперь, и что говорим искренно, свидетельствуемся Богом Вседержителем и Господом нашим Иисусом Христом, будучи готовы доказать и убедить вас, что мы так веровали, так проповедывали и во времена прошедшие.

Выслушав это изложение нашей веры, никто не нашел в нем повода к противоречию; напротив, и боголюбивейший царь наш первый засвидетельствовал, что оно весьма верно и что он сам так же мыслит, а потому повелел присоединиться к нему всем, подписать эти догматы и быть в согласии с ними, прибавив только слово «единосущный». Это слово сам он истолковал, говоря, что единосущие разумеет не в отношении к свойствам тела, что Сын произошел от Отца не чрез разделение или отсечение, ибо нематериальная, духовная и бестелесная природа не может подлежать какому-либо свойству телесному. Но чтобы представить это, надобно выражаться языком божественным и таинственным. Так философствовал мудрейший и благочестивый царь наш, — и епископы, по поводу слова «единосущный», составили следующую формулу:

«Веруем в единого Бога Отца Вседержителя, Творца всего видимого и невидимого; и в единого Господа Иисуса Христа Сына Божия, единородного, от Отца рожденного, то есть из сущности Отца, в Бога от Бога, в свет от света, в Бога истинного от Бога истинного,

рожденного, несотворенного, единосущного Отцу, чрез Которого все произошло как на небе, так и на земле, Который для нас, людей, и для нашего спасения сошел, воплотился и вочеловечился, страдал и воскрес в третий день, восшел на небеса и приидет судить живых и мертвых; и в Духа Святого. А говорящих, что было время, когда (Сына) не было, или что Его не было до рождения, или что Он родился из не-сущего, либо утверждающих, что Сын Божий существует из иной ипостаси, или сотворен, или превратен, или изменяем, — святая, кафолическая и апостольская Церковь анафемаствует».

Так как эта формула обнародована ими, то выражений: «из сущности Отца» и «единосущного Отцу», как у них сказано, мы не оставляем без исследования. По поводу сих выражений возникали вопросы и ответы, и значение их рассмотрено было внимательно. Именно, слово «из сущности» они признают как указание на то, что хотя Сын — от Отца, однако же Он — не часть Отца. Это и по нашему мнению хорошо соглашается со смыслом благочестивого учения, проповедующего, что Сын — от Отца, но не есть как часть Его сущности. Посему этот смысл и мы подтвердили, и следовательно, не отвергли слова «единосущие», имея в виду цель — сохранить мир и не отпасть от правого образа мыслей. Потому же приняли мы и выражение: «рожденного, несотворенного», ибо слово «творить» есть общее название прочих, сотворенных Сыном тварей, с которыми Сын не имеет никакого сходства, и следовательно, Сам не есть творение, сходное с теми, которые произведены Им, но есть сущность превосходнее всякой твари. Эта сущность, по учению божественного слова, родилась от Отца неизреченным и непостижимым для всякой сотворенной природы образом рождения. С подобным же исследованием рассмотрено и то выражение, что Сын единосущен Отцу, то есть единосущен не по образу тел и не так, как свойственно смертным животным, ибо это невозможно ни чрез разделение, ни чрез отсечение или изменение сущности и силы Отчей, потому что нерожденная природа Отца чужда всего этого. Единосущие Отцу означает то, что Сын Божий не проявляет никакого сходства с рожденными тварями, но во всех отношениях уподобляется одному Отцу — Родителю, и существует не от иной ипостаси и сущности, но от Отца. Как скоро оно изъяснено было таким образом, — мы признали за благо принять его тем более, что, как мы знаем, в некоторых древних сочинениях имя «единосущный», употребляли знаменитые епископы и писатели, когда богословствовали об Отце и Сыне. Но довольно об изложенной вере, в которой все мы согласились не без исследования, но на представленных и по вышесказанным причинам одобренных основаниях. После веры достойным принятия сочли мы и обнародованное епископами анафематствование, потому что оно запрещает употреблять слова, которых нет в Писании и от которых почти произошло в Церквах все замешательство и волнение. Так как, например, ни в одной богодухновенной книге нет выражений: «из не-сущего», или «было время, когда (Сына) не было» и других за этими, то и неблагоприличным показалось говорить и преподавать их. С этим прекрасным мнением мы и потому согласились, что и прежде сего не имели обыкновения употреблять подобные выражения. К этому посланию, возлюбленные, вынудила нас необходимость: наше желание было показать вам осмотрительность нашего исследования и соглашения, и то, что с самого начала до настоящей минуты мы отстаивали свое мнение, пока в формулах представлялось нам что-нибудь не так. Когда же, по здравом исследовании смысла слов, оказалось, что эти слова сходны с теми, которые допущены в собственное наше изложение веры, — мы приняли их без спора, как не представляющие никаких затруднений» [43]. Таково послание Евсевия Памфила к Кесарии палестинской. А Церкви александрийской и братиям в Египте, Ливии и Пентаполисе [44] Собор, согласно с общим мнением, писал следующее.

ГЛАВА 9

Послание Собора о том, что на нем определено, и как низложен Арий и его единомышленники

«Святой, по благодати Божией, и великой александрийской Церкви, и возлюбленным братиям в Египте, Ливии и Пентаполисе собравшиеся в Никее и составившие великий и святой Собор епископы о Господе желаем здравия.

Так как, по благодати Божией и по воле боголюбивейшего царя Константина, собравшего нас из различных городов и областей, в Никее составился великий и святой Собор, то показалось весьма нужным — послать от святого Собора грамоты и к вам, чтобы вы знали, что на нем было предложено и исследовано и что признано утвердить. Прежде всего, в присутствии боголюбивейшего царя Константина, исследован был вопрос о нечестивости и беззаконности Ария и его сообщников. На это все подали голос — предать нечестивое его учение анафеме. Святой Собор анафематствовал также хульные его выражения и имена, которые он употреблял для хуления Сына Божия, говоря, что Сын Божий — из не-сущего, что было время, когда Его не было, что Он произвольно может воспринимать зло и добро, что Он есть создание и тварь. Столь нечестивого учения или безумия, таких хульных выражений святому Собору даже невыносимо было слышать. Что против него, как против цели, было направлено, — вы без сомнения или уже слышали, или услышите; говорить не хотим, чтобы не подумали, будто мы нападаем на человека, понесшего за свои грехи достойное наказание. Его нечестие было так сильно, что увлекло в погибель и Феону мармарикского и Секунда птолемаидского, ибо и они подверглись тому же самому. Однако ж благодать Божия освободила нас от этого злого учения, от его нечестия и хуления и от тех лиц, которые дерзали возмущать и разделять примиренный свыше народ. Оставалось еще упорство Мелетия и рукоположенных им, но мы известим вас, возлюбленные братия, о мнении Собора и касательно этой секты. Собор желал оказать Мелетию более человеколюбия, хотя последний, судя строго, не стоил никакого снисхождения. Он останется в своем городе, но отнюдь не имеет права ни рукополагать, ни избирать, и по этому поводу не должен являться ни в селении, ни в городе, а только сохраняет одно имя своего достоинства. Поставленные же им и утвержденные таинственным рукоположением принимаются в общение, хотя в достоинстве и служении должны занимать непременно второе место после всех лиц, которые поставлены в каждом приходе и Церкви и избраны почтеннейшим сослужителем нашим Александром. Первые не имеют права ни избирать того, кто им нравится, ни предлагать имена, ни делать что-либо без согласия епископа католической, подвластной Александру Церкви; напротив, по благодати Божией и вашим молитвам, не обличенные ни в каком расколе и живущие в недрах католической Церкви неукоризненно могут и избирать, и предлагать имена лиц, достойных клира, и делать все, согласное с законом и церковным уставом. Если же кому-либо из церковников придется окончить жизнь, то в служение, вместо умершего, допускать недавно принятых, только бы они являлись достойными и избраны были народом, с согласия на то и утверждения александрийского епископа. Это позволено и всем прочим. Но в отношении к лицу Мелетия, ради прежних его беспорядков, ради безрассудного и упорного его нрава, мнение не таково: ему, как человеку, могущему снова произвести те же самые беспорядки, не дано никакого права и никакой власти [45]. Это главным образом и собственно относится к Египту и святейшей александрийской Церкви. Что же касается до прочих узаконений и постановлений в присутствии владыки и почтеннейшего сослужителя и брата нашего Александра, то, возвратившись, он, как владыка и участник в событиях, сам подробнее донесет вам о них. Извещаем вас, что нашими молитвами решено дело и о согласном праздновании Пасхи, так что все восточные братья, прежде праздновавшие Пасху вместе с иудеями, отныне будут

праздновать ее согласно с римлянами, с нами и со всеми, которые издревле хранят ее по-нашему [46]. Итак, радуясь об успехе дел, о всеобщем мире и искоренении всякой ереси, примите тем с большей честью и тем с большей любовью нашего сослужителя, вашего епископа Александра, который радовал нас своим присутствием и, находясь в таком возрасте, поднял столько трудов для утверждения между вами мира. Молитесь о всех нас, чтобы признанное хорошим стояло прочно, волею Бога Вседержителя и Господа нашего Иисуса Христа, со Святым Духом, Которому слава во веки, Аминь».

Это послание Собора показывает, что анфематствованы не только Арий и его единомышленники, но и самое изложение его учения, и что епископы, согласившиеся касательно Пасхи, приняли ересеначальника Мелетия и оставили при нем сан епископа, только отняли у него право давать другому епископство. Потому-то, думаю, египетские мелетиане и доныне отделяются от Церкви, что Собор лишил Мелетия всякой силы. Надобно также знать, что свое учение Арий изложил в книге и озаглавил ее «Фалия». Характер этой книги — отрывочность и несвязность, похожая на измеренную речь, или сотадийские песни. Тогдашний Собор запретил ее. Но об утверждении мира старался писать не один Собор: и царь Константин послал в александрийскую Церковь собственную грамоту.

Послание царя

Константин Август — католической александрийской Церкви.

«Будьте здоровы, возлюбленные братия! Мы получили совершенную благодать божественного Промысла, что, избавившись от всякого обмана, признали одну и ту же веру. Наконец, дьявол в отношении к нам ничего не может сделать. Какое зло ни предпринимал он устроить нам, — все оно уничтожено в самом основании. Двоемыслие, расколы, те тревоги, тот смертельный, так сказать, яд несогласия, — все это светлая истина, по воле Божией, победила. Все мы, и по имени, Единому поклоняемся, и в бытие Единого уверовали. Чтобы достигнуть этого, я, по внушению Божию, созвал в город Никею весьма много епископов, с которыми, как один из вас, считающий за особенное удовольствие быть вашим сослужителем, и сам предпринимал исследовать все, что представляло повод к обоюдности и раздвоению мыслей. Пощади нас, Божие величие! Сколько и каких ужасных хулений не произносили некоторые на великого Спасителя, на нашу надежду и жизнь, говоря и исповедуя свою веру, вопреки богодухновенным Писаниям и святой вере. Между тем как более трехсот епископов, удивительных по своей скромности и проницательности, утверждали одну и ту же веру, которая, по истинным и точным выражениям закона Божия, действительно и есть вера, нашелся один Арий, обладаемый диавольскою силою, который свое зло с нечестивым умыслом посеял сперва у вас, а потом и у других. Против этого мы приняли мысль, какую внушил нам Вседержитель. Возвратимся же к возлюбленным нашим братиям, от которых удалил нас тот бесстыдный служитель дьявола, поспешим к общему телу и искренним нашим членам, ибо и вашей проницательности, и вашей вере, и вашей святости прилично, узнав об обличенном обмане того, который оказался врагом истины, возвратиться к божественной благодати. Ведь, что показалось тремстам епископам, то не иное что есть, как мысль Божия, особенно когда волю Божию светозарно проявил просветивший ум таких и столь многих мужей Дух Святой. Посему пусть никто не колеблется в недоумении, не взвешивает их мнения, но все с готовностью вступите на путь истины, чтобы, прибыв к вам, когда бы то ни было, я мог вместе с вами принести благодарение всевидящему Богу

— за то, что Он явил вам истинную веру и возвратил вожделенную любовь. Бог да сохранит вас, возлюбленные братие».

Царь написал это послание александрийскому народу с целью — показать, что определение веры производилось не просто и как-нибудь, но объявлено после долгого исследования и испытания, — и не так, что одно показано, а о другом умолчано, но взято во внимание все, долженствовавшее войти в состав догматики, и что вера не просто определена, но наперед тщательно рассмотрена, так что устранено всякое мнение, представлявшее повод к обоюдности, либо к раздвоению мыслей. А главное — суд всех собравшихся там он почитает судом Божиим и не сомневается, что согласие таких и стольких епископов установлено Духом Святым. Между тем, начальник македонской ереси Сабин с ведома не обращает на это внимания, и присутствовавших на Собор называет людьми простоватыми и невеждами, едва ли не обвиняя в невежестве и самого Евсевия кесарийского и не понимая, что, хотя бы члены Собора и действительно были просты, просвещенные однако Богом и благодатью Святого Духа, они все же не могли отступить от истины. Послушай теперь, какие узаконения излагает царь всем всюду епископам и народам во втором своем послании против Ария и его единомышленников».

Еще послание Константина

Победитель Константин, Великий, Август — епископам и народам.

«Подражая лукавым и нечестивым людям, Арий заслужил одинаковое с ними бесчестие. Поэтому, как враг богопочтения, Порфирий, написав беззаконные сочинения против служения Богу, нашел такую достойную мзду, что и сам, сделавшись ненавистным на все последующее время, сопровождается непрестанным поношением, и нечестивые книги его исчезли; так и Ария и его единомышленников нам хочется называть порфирианами, чтобы, кому они подражали, тех именем и назывались. Сверх того, если найдется какое-нибудь из сочинений Ария, то повелеваем предать его огню, чтобы, таким образом, дурное его учение не только исчезло, но и не вспоминалось, Объявляю также, что кто будет обличен в утаении написанного Арием сочинения, кто тотчас же не представит и не сожжет его, тому наказанием будет смерть; тому, немедленно по открытии вины, отсечена будет голова. Бог да сохранит вас».

Еще послание

Константин Август — Церквам.

«Зная по благополучному ходу государственных дел, сколь велика благость божественной силы, я счел нужным прежде всего иметь в виду ту цель, чтобы между всеми блаженнейшими общинами вселенской Церкви соблюдалась единая вера, искренняя любовь и единое благочестие к Вседержителю Богу. Но так как это не могло прийти в неизменный и твердый порядок, пока не сошлись бы в одно место все, или, по крайней мере, весьма многие епископы и не рассмотрели бы каждого предмета, относящегося к божественной вере, то я собрал сколь можно более епископов и, как один из всех вас (ибо признаюсь, что чувствую великое удовольствие быть вашим сослуживцем), присутствуя на Соборе сам, дотоле подвергал все надлежащему исследованию, пока угодная блюстителю всех, Богу, мысль не была озарена светом, как основание единения, так что

не оставалось более места разномыслию или недоумению в рассуждении веры. На том же Соборе было исследование и касательно святейшего дня Пасхи, и общим мнением признано за благо — всем и везде праздновать ее в один и тот же день; ибо, что может быть прекраснее и благоговейнее, когда праздник, дарующий нам надежды бессмертия, неизменно совершается всеми по одному чину и известным образом? Прежде всего показалось неприличным праздновать тот святейший праздник по обыкновению иудеев, которые, осквернив свои руки беззаконным поступком, как нечистые, справедливо наказаны душевною слепотою. Отвергнув их обыкновение, гораздо лучше будет тем же истинным порядком, который мы соблюдали с самого первого дня страстей до настоящего времени, образ этого празднования продолжить и в будущем. Итак, пусть не будет у нас ничего общего с народом иудейским, потому что нам указан Спасителем другой путь, и пред нами лежит поприще законное и соответствующее священной нашей вере. Вступая на него единомысленно, возлюбленные братья, отделимся от того постыдного общества, ибо поистине странно самохвальство иудеев, будто, независимо от их постановления, мы не можем соблюдать этого. Да и о чем правильно могут мыслить те, которые, совершив господоубийство и отцеубийство, сошли с ума и влекутся уже не здравым смыслом, а необузданным стремлением, куда бы не направляло их врожденное бешенство. Вот почему и в этом не видят они истины, но, находясь в заблуждении и стоя весьма далеко от надлежащего исправления, в одном и том же году празднуют Пасху в другой раз. Для чего следовать им, когда известно, что они страждут столь страшным недугом заблуждения? Мы, конечно, не потерпим, чтобы наша Пасха была празднуема в одном и том же году в другой раз. А если сказанного недостаточно, то ваше благоразумие само должно всячески заботиться и желать, чтобы чистые ваши души ни в чем не сообщались и не сходились с обычаями людей самых негодных. Сверх сего надобно сообразить, что в таком деле и касательно такого праздника веры поддерживать разногласие — весьма нечестиво, ибо Спаситель наш дал нам один день для празднования нашего освобождения, то есть день страстей, и благоволил, чтобы одна также была вселенская Его Церковь, члены которой, сколь ни рассеяны по многим и различным местам, согревались бы, однако ж, единым духом, то есть единой Божией волей. И так, да размыслит благоразумие вашего преподобия, как худо и неприлично то, что в известное время одни соблюдают пост, а другие совершают пиры, и что после дней Пасхи одни проводят время в празднованиях и покое, а другие держат положенные посты. Посему божественный Промысл благоволил, чтобы это было надлежащим образом исправлено и приведено к одному порядку, на что, думаю, все согласятся. Когда же все это надлежало исправить так, чтобы у нас не оставалось ничего общего с господоубийцами и отцеубийцами, и когда порядок, которому в этом отношении следуют все Церкви западных, южных, северных и некоторых восточных областей империи, действительно благоприличен, а потому в настоящее время всеми признан единым, то ручаюсь, что он понравится и вашему благоразумию: ваша рассудительность, конечно, с удовольствием примет то, что единомысленно и согласно соблюдается в Риме и Африке, во всей Италии, Египте, Испании, Галлии, Британии, Ливии, в целой Греции, в областях азийской, понтийской и киликийской; она разочтет, что в поименованных местах не только большее число Церквей, но и что все они желают этого порядка, как самого лучшего. Да, кажется, и здравый смысл требует, чтобы мы не имели никакого общения с клятвопреступными иудеями. Короче говоря: по общему суду всех, постановлено святейший праздник Пасхи совершать в один и тот же день. Не годится быть различию в отношении к столь священному предмету: гораздо лучше следовать положенному мнению, в котором нет никакой примеси чуждого заблуждения и греха. Если же это так, то с радостью примите поистине небесную и божественную заповедь, ибо все, что ни делается на святых Соборах епископов, должно быть относимо к воле Божией. Посему, объявив постановления Собора всем возлюбленным нашим братьям, вы должны принять и утвердить как то, о чем говорено было прежде, так и соблюдение святейшего дня, чтобы, когда исполнится давнее мое желание — лично

видеть вашу любовь, я мог вместе с вами, в один и тот же день, отпраздновать святой праздник и вместе с вами о всем радоваться, видя, что жестокость дьявола, при помощи божественной силы, укрощена нашими делами и что повсюду процветает наша вера, мир и единомыслие. Да сохранит вас Бог, возлюбленные братья».

Еще послание к Евсевию

Победитель Константин, Великий, Август — Евсевию.

«Так как злая воля и тиранство преследовали слуг Спасителя даже до настоящего времени, то я верю и совершенно убежден, возлюбленный брат, что все церковные здания либо от нерадения разрушились, либо от страха грозной несправедливости содержатся в неприличном виде. Ныне же, когда свобода возвращена и тот змей — гонитель Лициний провидением великого Бога и нашим служением удален от управления государства, я думаю, для всех сделалась явной божественная сила, и следовательно, павшие по страху и неверию, либо слабости, узнав истинного Бога, обратятся к истинному и правильному образу жизни. Поэтому и сам ты, как предстоятель Церкви, знай, и другим смиренным предстоятелем — епископам, пресвитерам и диаконам напомни, чтобы они усердно занимались созиданием церквей, либо исправляя, какие есть, либо распространяя их, либо, по требованию нужды, строя новые. В чем же встретится надобность, того и сам, и чрез тебя другие — испрашивайте от правителей и областного начальства, ибо им предписано с совершенным усердием исполнять все, что будет сказано твоим преподобием. Бог да сохранит тебя, возлюбленный брат».

Так писано было к епископам каждой епархии о построении церквей. А что писал царь Евсевию палестинскому о приготовлении священных книг, легко узнать из самого его послания.

Победитель Константин, Великий, Август — Евсевию кесарийскому

«В соименном нам городе, по промышлению Спасителя Бога, к святейшей Церкви присоединилось великое множество людей, так что, с быстрым приращением всего, оказывается весьма нужным и умножение здесь церквей. Итак, прими со всею готовностью наше решение. Нам показалось приличным объявить твоему благоразумию, чтобы ты приказал опытным и отлично знающим свое искусство писцам написать на выделанном пергаменте пятьдесят томов, удобных для чтения и легко переносимых для употребления. В этих томах должно содержаться божественное Писание, какое, по твоему разумению, особенно нужно иметь и употреблять в Церкви. Для сего от нашей кротости послано указание к правителю округа, чтобы он озаботился доставкой тебе всего нужного для их приготовления. Наискорейшая же переписка их будет зависеть от твоих хлопот. Для перевозки написанных томов, это письмо наше даст тебе право взять две общественные повозки, на которых особенно хорошо написанные свитки легко будет тебе доставить ко мне. Такое дело исполнит один из диаконов твоей Церкви и, по прибытии к нам, испытает наше человеколюбие. Бог да сохранит тебя, возлюбленный брат» [47].

Еще послание к Макарию

Победитель Константин, Великий, Август — Макарию Иерусалимскому.

«Благость Спасителя нашего столь велика, что, кажется, никакое слово недостаточно для достойного описания настоящего события. Знамение святейших страстей [48], скрывавшееся так долго под землею и остававшееся в неизвестности в продолжение целых веков, наконец, чрез низложение общего врага [49], воссияло для освободившихся от него рабов Господних и поистине служит предметом выше всякого удивления. Если бы теперь со всего света собрались в одно место все так называемые мудрецы и захотели сказать что-либо достойное события, то не могли бы и кратко очертить его. Это чудо во столько выше всякой природы, вмещающей в себе человеческий смысл, во сколько небесное превосходнее человеческого. Посему первая и единственная цель моя всегда была та, чтобы вера в истину ежедневно подтверждалась новыми чудесами и чтобы таким образом наши души со всяким смиренномудрием и единомыслием ревновали о сохранении святого закона. Я хочу убедить тебя особенно в деле очевидном для всякого, то есть что у меня более всего заботы, как бы святое место, по воле Божией очищенное от постыдных принадлежностей капища [50], будто от какой тяжести, то место, которое, по суду Божию, было с самого начала святым, а когда вера в спасительные страдания озарилась чрез него новым светом, сделалось еще священнее, и как бы это место украсить превосходными зданиями. Поэтому твоя прозорливость должна так распорядиться и о всем необходимом иметь такое попечение, чтобы не только самый храм был великолепнее всех храмов, но и другие при нем здания были бы гораздо превосходнее самых прекрасных по городам строений. Что касается до возведения и изящной отделки стен, то знай, что заботу об этом мы возложили на главного управляющего теми славными областями, друга нашего Дракилиана, и на правителя вашей провинции. По требованию моего благочестия, приказано, чтобы их попечением немедленно доставляемы были тебе и художники, и ремесленники, и все, по усмотрению твоей прозорливости, необходимое для постройки. Что же касается до колонн и мрамора, то какие признаешь ты драгоценнейшими и полезнейшими, рассмотри обстоятельно и, нимало не медля, пиши ко мне, чтобы из твоего письма я видел, сколько каких требуется материалов, и отовсюду доставил их, ибо самое дивное место в мире должно быть и украшено, как следует. Сверх того хочу знать, какой нравится тебе свод храма, мозаичный или отделанный иначе. Если мозаичный, то прочее в нем можно будет украсить золотом. Твое преподобие в самом скором времени имеет известить вышеупомянутых судей, сколько потребуется ремесленников, художников и каковы будут издержки. Постарайся также немедленно донести мне не только о мраморе и колоннах, но и о мозаике, какую признаешь лучшей. Да сохранит тебя Бог, возлюбленный брат!»

Писал царь и другие послания вроде речей против Ария и его единомышленников, смеясь над ним и поражая его некоторым родом иронии, и эти послания рассылал всюду по городам. Писал он даже и к никомидийцам против Евсевия и Феогниса и порицал злонравие Евсевия, не только как арианина, но и как такого человека, который некогда, благоприятствуя тирану, строил коварства ко вреду дел Константина [51]. Но так как эти послания длинны, то я признал лишним дать им место в своей истории. Кто хочет, может отыскать их и прочитать. Довольно об этом.

ГЛАВА 10

О том, что на Собор царь вызвал и новацианского епископа Акесия

Ревность царя побуждает меня упомянуть и о другом обстоятельстве, показывающем, как сердце его заботилось о мире. Имея попечение о церковном единомыслии, он призвал на Собор и епископа новацианской секты [52] Акесия, и как скоро символ веры был написан Собором и подписан, спросил его, согласен ли и он с этой верой и с определением касательно праздника Пасхи. На это Акесий отвечал: «Постановленное Собором, государь, нисколько не ново; так веровали и прежде, с самого начала: символ веры и время празднования Пасхи я принял от времен апостольских». А когда царь опять спросил, для чего же отделился он от общения, тот упомянул о событиях в годы гонения [53]Деция и произнес формулу старого своего правила, что согрешившие после крещения, каковой грех божественное Писание называет грехом смертным, не должны быть допускаемы к участию в божественных таинствах, но должны быть располагаемы к покаянию и надежду отпущения получать не от иереев, а от Бога, имеющего силу и власть отпускать грехи. Когда он сказал это, царь отвечал: «Поставь лестницу, Акесий, и взойди один на небо». Об этом не упомянул ни Евсевий Памфил, ни кто другой. Но я слышал это от человека, никак не обманывавшегося, — от глубокого старца, когда он рассказывал о событиях на Соборе. Догадываюсь, что умолчавшие о сем обстоятельстве находились в тех же условиях, в каком находятся многие писатели историй, то есть, они часто делают пропуски либо по неудовольствию к кому-нибудь, либо по благорасположению. Но довольно об Акесии.

ГЛАВА 11

О епископе Пафнутии

Выше мы обещались упомянуть о Пафнутии и Спиридоне, теперь пришло время сказать о них. Пафнутий был епископом одного города в верхней Фиваиде, и стяжал такую любовь от Бога, что творил дивные знамения. Во время гонения у него избоден был глаз. Царь весьма уважал сего мужа, очень часто приглашал его во дворец и лобызал избоденный глаз его. Такова была благочестивая любовь царя Константина! О Пафнутии довольно бы и одного этого. Но я расскажу еще, что, по его совету, сделано было в пользу Церкви и для благочестия непосвященных. Епископам думалось ввести в Церковь новый закон, чтобы посвященные — разумею епископов, пресвитеров и диаконов — не спали вместе с женами, на которых женились, быв еще мирянами. Когда начали об этом рассуждать, Пафнутий стал среди сословия епископов и громко воззвал: «Не возлагайте тяжкого ига на мужей посвященных, честен брак и ложе не скверно. Как бы, от избытка строгости, они не причинили вреда Церкви, ибо не все могут перенести подвиг бесстрастия. Может быть, чрез это не сохранится и целомудрие каждой жены (а целомудрием называл он соитие с законною женою). Довольно, если вступивший уже в клир, по древнему преданию Церкви, не вступит в брак. А кто однажды поял жену еще прежде, быв мирянином, тот отнюдь не должен оставлять ее». И это говорил человек, не знавший брачных уз, или просто сказать, не знавший жены, ибо с детства воспитывался в ските и целомудрием славился более, чем кто-нибудь. Все сословие посвященных согласилось с мнением Пафнутия, и вопрос об этом был предан молчанию; только предоставлено было расположению желающих удаляться от сожития с женами. Вот все о Пафнутии.

ГЛАВА 12

О кипрском епископе Спиридоне

Теперь о Спиридоне. Этот пастырь обладал такой святостью, что удостоился пасти и человеков. Получив епископство над одним из городов Кипра, по имени Тримифунт, он в епископском сане, по великому смирению, не переставал пасти и овец. О нем сохранилось много рассказов, но, чтобы не удалиться от предположенного предмета, я припомню один или два. Однажды в полночь воры вошли потихоньку в овчарню и старались похитить овец. Но Бог, хранящий пастыря, сохранил и овец его, — воры невидимою силою очутились привязанными к овчарне. Между тем настало утро, и пастырь пошел к стаду; когда же увидел он, что у хищников руки связаны назад, тотчас узнал, что случилось, и, помолившись, развязал их и долго усовещивал, внушая им доставить себе пропитание законными трудами, а не брать чужого беззаконно. Потом, подарив им овна и отпуская их, ласково сказал: «Пусть же не напрасно бодрствовали вы». Это — одно из чудес Спиридона, а другое было таково. Была у него дочь девица, наследовавшая набожность своего отца, по имени Ирина. Кто-то знакомый отдал ей для хранения драгоценное украшение, но она, признав безопаснейшим хранилищем землю, спрятала взятую вещь в земле и вскоре потом умерла. Чрез несколько времени пришел тот, кто отдал свою вещь и, не нашедши уже девицы, приступил к отцу — частью с обвинением, частью с просьбою. Старец, который утрату дателя почитал собственным несчастьем, пошел на могилу дочери и молил Бога, чтобы Он прежде времени показал обетованное воскресение. Надежда его не обманула: девица тотчас явилась отцу живою и, означив место, где спрятала украшение, опять скрылась. Такие-то мужи сияли в Церквах во времена царя Константина. Это я и сам слышал от многих жителей Кипра, и читал в латинском сочинении одного пресвитера Руфина [54]. Из сего сочинения я заимствовал как это, так и нечто другое, о чем вскоре буду рассказывать.

ГЛАВА 13

О монахе Евтихиане

Слышал я и о боголюбезном муже Евтихиане, который процветал в те же времена и, принадлежа к церкви новацианской, совершал подобные сказанным чудеса. Но кто мне повествовал о нем, скажу определенно, не буду скрывать, хотя и не понравлюсь кому-нибудь. Был некто глубокий старец, Авксанон, пресвитер новацианской церкви. Он-то, еще в раннем возрасте находившийся на Соборе вместе с Акесием, рассказал мне все, что касалось Акесия. Авксанон от тех времен дожил до царствования Феодосия Младшего [55] и, когда я был еще очень молод, повествовал мне об Евтихиане и много беседовал об обитавшей в нем Божией благодати. Одно достопамятное событие произошло, говорил он, в царствование Константина. Некто из числа телохранителей, которых Константин почитал своими домашними, подвергшись подозрению в тиранстве, убежал. Царь разгневался и приказал умертвить его, где бы он ни был отыскан. Быв найден в Вифинии близ Олимпа, беглец был закован в тяжелые оковы и заключен в темницу. В то время около горы Олимпа находился и Евтихиан, совершая подвиг уединенной жизни и врачуя тела и души многих приходивших к нему людей. При нем был и многолетний старец Авксанон, тогда еще юноша, учившийся монашескому житию. К этому Евтихиану многие приходили и просили его освободить узника чрез свое ходатайство пред царем, потому что до слуха царя дошли совершаемые им чудеса. Евтихиан охотно обещался идти к царю; но так как узник от своих уз терпел нестерпимую боль, то просившие за него говорили, что смерть, угрожаемая самыми узами, предварит и назначенную царем казнь, и ходатайство за него. Евтихиан послал просить стражей об освобождении человека, но когда те отвечали, что, освободив его, они подвергнутся беде, пустынник сам, в сопровождении Авксанона, явился у темницы. Однако стража не соглашалась отворить ее.

Тогда обитавшая в Евтихиане благодать обнаружилась яснее: двери темницы отверзлись сами собою несмотря на то, что ключи от нее находились у стражей. Евтихиан, вместе с Авксаноном, вошел, — и, к удивлению многих присутствовавших, узы с узника спали также сами собою. После сего он, в сопровождении Авксанона, отправился в древнюю Византию, названную потом Константинополем, и, принятый во дворце, избавил от смерти человека, ибо царь, из уважения к сему мужу, охотно согласился на его просьбу.

Это случилось уже впоследствии; а тогда бывшие на Соборе епископы, написав и другие постановления, которые обыкновенно называли они правилами, возвращались опять в свои города. Для читателей любознательных, думаю, приятно будет, если я перескажу здесь самые имена собравшихся в Никее епископов, какие можно было узнать, а также если упомяну, из которой епархии, либо города приехал каждый епископ, и означу время, когда они собрались. Осия, епископ кордовский из Испании; Витон и Викентий, римские пресвитеры; Александр египетский; Евстафий, епископ великой Антиохии; Макарий Иерусалимский, Гарпократион, епископ Кинополиса и прочие, имена которых вполне значатся в сборнике александрийского епископа Афанасия. Что же касается до времени Собора, то самая повестка его показывает, что он состоялся в консульство Павлина и Юлиана, в двадцатый день месяца мая; а это был 636-й год от Александра, царя македонского [56]. Так окончился никейский Собор. Надобно знать, что после Собора царь отправился в западные области империи [57].

ГЛАВА 14

О том, что Евсевий никомидийский и Феогнис никейский, отлученные за единомыслие с Арием, впоследствии прислали покаянные прошения и, согласившись с изложенной верой, снова получили свои престолы

Евсевий и Феогнис, прислав к главным епископам покаянную грамоту, по царскому указу, были вызваны из ссылки и, изгнав рукоположенных вместо себя — Евсевий Амфиона, а Феогнис Христа, снова вступили в управление своими Церквами [58]. Список их грамоты есть следующий:

«Осужденные вашим благоговением за известную вину, мы уже должны молчаливо выполнять приговор святого суда вашего. Но так как нелепо было бы молчанием подавать повод к клевете на себя, то доносим, что мы сошлись с вами в вере и, рассмотрев значение единосущия, ни в чем не следуем ереси и совершенно склонились к миру. Для безопасности Церквей, припоминая все, представлявшееся нашему уму, и удовлетворяя тем, которые чрез нас должны убедиться в вере, мы подписали символ, а анафематствования не подписали — не потому, что осуждали веру, но потому, что не верили, будто осужденный действительно таков, ибо частным образом из его к нам посланий и из личных бесед с ним ясно видели, что он не таков. А дабы святой ваш Собор убедился, что мы не противимся вашим приговорам, но соглашаемся с ним, мы восполняем свое согласие и этою грамотою, побуждаясь к этому не тягостью ссылки, а желанием освободиться от подозрения в ереси. Так что если вы удостоите нас ныне свидания с собою, то увидите, что мы во всем согласны с вашими определениями. Когда уже вашему благоснисхождению угодно было удостоить человеколюбия и вызвать из ссылки того, кто был первый осужден в этом, то после человека, казавшегося виноватым, а потом вызванного и оправдавшегося в том, в чем был обвиняем, после этого человека нелепо было бы нам молчать и давать повод к обличению самих себя. Итак, со свойственным вам Христолюбивым благоснисхождением благоволите напомнить об этом

самому боголюбезному царю и, представив ему наши прошения, произнесите поскорее благоприличное вам о нас суждение».

Такова покаянная песнь Евсевия и Феогниса! Из ее слов я догадываюсь, что обнародованную веру они подписали, а с определением о низложении Ария согласиться не хотели, и что Арий возвращен был из ссылки прежде их. Впрочем, если это и справедливо, все же однако возбранено было ему вступить в александрийскую Церковь, как видно из того, что впоследствии он прибег к притворному раскаянию и сим путем домогался входа и в Церковь, и в Александрию. Но об этом скажем в своем месте.

ГЛАВА 15

О том, что после Собора, когда Александр скончался, епископом поставлен был Афанасий

Вскоре после сего александрийский епископ Александр скончался, предстоятелем Церкви сделан был Афанасий [59]. Руфин рассказывает, что, будучи еще ребенком, Афанасий со своими сверстниками уже играл в священную игру: это было подражание священству и сословию посвященных. В сей игре Афанасий получал престол епископа, а из прочих детей каждый представлял либо пресвитера, либо диакона. Такую игру дети повторяли всякий раз в тот день, когда совершаема была память мученикам и епископа Петра. В это время александрийский епископ Александр, проходя мимо, увидел игру детей и, призвав к себе их, спрашивал у каждого, которое лицо кто из них представлял в игре, и по игре старался предузнать что-нибудь касательно их особенностей. Он приказал также водить этих детей в церковь и учить их, особенно же Афанасия. Последнего, когда он пришел в совершенный возраст, Александр рукоположил в диакона и взял с собою в Никею как помощника себе на тамошнем Соборе. Так говорит об Афанасии в своих сочинениях Руфин и это не невероятно, потому что о подобных вещах рассказывают нередко. Но довольно об этом.

ГЛАВА 16

О том, как царь расширил прежнюю Византию и назвал ее Константинополем

Между тем, царь после Собора проводил время в радости; совершив же праздник двадцатилетия [60], тотчас приступил к созданию церквей и делал это как по другим городам, так и в соименном себе городе. Окружив этот город большою стеною и украсив различными зданиями, он расширил его, сравнял с царственным Римом и, переименовав в Константинополь, предписал законом называть его вторым Римом [61]. Этот закон выбит был на каменном столбе и для всеобщего сведения выставлен на так называемом военном поле близ конной статуи царя. Создав в сем городе две церкви, одну наименовал он храмом мира, а другую храмом Апостолов, и не только возвышал, как сказано, дела христиан, но и разрушал памятники язычества. Так, например, идольские изваяния выставил он на народ для украшения Константинополя, а дельфийский треножник [62]поставил, наконец, в ипподром. Говорить об этом теперь кажется делом лишним, потому что прежде видишь это, чем слышишь; но тогда подобные явления способствовали великому успеху христианства. Во времена царя Константина как многое другое, так и это было орудием Божия Промысла. В память сих царских дел Евсевий

Памфил велеречиво написал похвальное слово. Не неуместно будет, думаю, и нам сказать о том же, как можем, несколько слов.

ГЛАВА 17

О том, как мать царя Елена, прибыв в Иерусалим, искала крест Христов и, нашедши его, создала церковь

Мать царя Елена [63], во имя которой царь прежнее селение Дрепану сделал городом и назвал Еленополисом, получив наставление во сне, отправилась в Иерусалим. Нашедши же его, по пророку, пустым, яко овощное хранилище (Пс. 78, 2), она начала ревностно искать гробницу, где Христос был погребен и воскрес и, хотя с трудом, однако, при помощи Божией, отыскала. А какая была причина затруднения, скажу кратко. Мудрствующие о Христовом чтили эту гробницу со времени страстей; а убегающие от Христа зарыли то место и, построив на нем капище Афродиты, поставили идола, чтобы истребить самую память о месте. В древности все это им удалось. Но матери царя дело стало известно. Сняв идола, откопав и очистив место, она нашла в гробнице три креста: один — преблаженный, на котором висел Христос, а прочие, на которых распяты были и умерли два разбойника. Вместе с ними найдена и дощечка Пилата, на которой распятого Христа провозглашал он в разных письменах царем иудейским. Но так как все еще неизвестен был крест искомый, то мать царя обуяла немалая скорбь. От этой скорби вскоре, однако, избавил ее иерусалимский епископ, по имени Макарий. Он разрешил недоумение верою, то есть просил у Бога знамения и получил его. Это знамение состояло в следующем: в той стране одна жена одержима была долговременной болезнью, и наконец, находилась уже при смерти. Епископ вознамерился поднести к умирающей каждый из тех крестов, веруя, что, коснувшись креста драгоценного, она выздоровеет. Надежда не обманула его. Когда подносили к жене два креста не господних, умирающей нисколько не было лучше, а как скоро поднесен был третий, подлинный — умирающая тотчас укрепилась и возратилась к совершенному здравию. Таким-то образом найдено древо креста. Между тем, мать царя предложила создать на месте гробницы многоценный молитвенный дом и, построив его против того древнего разрушенного Иерусалима, назвала Иерусалимом новым. Что же касается креста, то одну часть его, положив в серебряное хранилище, оставила она там, как памятник для последующих историков, а другую послала к царю. Приняв эту часть и совершенно веря, что город, в котором будут хранить ее, опасается за свою судьбу, царь скрыл ее в своей статуе. А его статуя, утвержденная на высокой порфировой колонне, находилась в Константинополе, среди так называемой Константиновой площади. Это написал я хотя и по слуху, однако о подлинности сего события говорят почти все жители Константинополя. Константин получил также и гвозди, которыми прибиты были ко кресту руки Христовы, ибо мать и их нашла в гробнице и послала сыну. Из них он сделал шишак и забрало, и употреблял это во время войны. Все материалы для постройки церквей царь доставлял сам, и писал епископу Макарию о поспешном созидании их. А мать царя, выстроив новый Иерусалим, предначертала создать не меньшую Церковь и в пещере вифлеемской, где произошло рождение Христа по плоти. И не только здесь, даже на горе вознесения. Она в этом отношении была до того набожна, что и молилась, стоя в ряду жен, и дев, вписанных в канон церквей, приглашала к своему столу и, служа им сама, приносила на стол яства. Много также делала она подарков церквам и бедным людям и, проведши жизнь благочестиво, скончалась в возрасте восьмидесяти лет. Тело ее было перенесено в царственный город, новый Рим, и положено в царских гробницах.

ГЛАВА 18

Как и царь Константин, разрушив капища язычников, в разных местах создал много церквей.

После сего царь, показывая еще более заботливости о делах христиан, совершенно отверг богослужение язычников. С этого времени запретил он единоборство и начал вносить в храмы (богов) собственные изображения. А когда язычники говорили, что Нил поднимает свои воды и орошает Египет, повинуясь Серапису [64], потому что нилометр [65] вносили они в храм Сераписа, то Константин приказал перенести его в церковь александрийскую. И хотя языческая хвастливость утверждала, что, по воле разгневанного Сераписа, Нил не поднимет вод своих, однако же наводнение и в следующем году, и после того было, как и теперь. Таким образом, самое дело показало, что разлив Нила зависит не от языческого обряда, а от воли Промысла. В то самое время сделали набег на Римскую землю варвары, то есть сарматы и готы, но предложения царя касательно церквей не нашли в этом никакого препятствия. Он показал приличную заботливость о том и другом деле. Веруя в трофей христианства, варваров разбил он столь сильно, что отнял у них право на получение и того золота, какое обыкновенно выдавали им прежние государи [66]. Мало того, претерпев неожиданное поражение, они тогда в первый раз приняли спасавшую Константина христианскую веру [67]. А между тем созидал он и другие церкви, и одну у так называемого мамврийского дуба, где, по свидетельству священного Писания, Авраам принял в гости ангелов [68]. Узнав, что у мамврийского дуба поставлены жертвенники и приносятся языческие жертвы, царь укорял в своем послании кесарийского епископа Евсевия и повелел жертвенник ниспровергнуть, а подле дуба создать дом молитвы. Другую церковь приказал он построить в Илиополисе финикийском по следующей причине: жители Илиополиса в древности имели у себя законодателя; какого был он нрава, не знаю, хотя его нрав виден уже из нравственности города. Отечественный закон повелевал быть у них общим женам. Поэтому дети в их стране носили значение неопределенное, ибо между родителями и детьми не было никакого различия. Дев отдавали они для любодеяния приходившим туда иностранцам. И этот обычай шел у них из древности. Все это царь старался уничтожить. Истребляя мерзость постыдных дел законом честности, он привел это племя к самосознанию, построил ему церкви, приказал рукоположить епископа и священный клир, и таким образом умерил злонравие илиополисцев. То же почти сделал он и в Афаке ливанской, то есть, разрушив капище Афродиты, истребил совершавшиеся там невыразимо бесстыдные пороки. А что уже говорить о том, как он изгнал из Киликии пифонского демона [69], приказав разрушить до основания дом, в котором этот демон имел пребывание? Любовь царя к христианству была столь велика, что перед наступлением персидской войны, устроив из пестрой ткани палатку, представлявшую подобие церкви, он приказал носить ее за войском, как некогда делал Моисей в пустыне, чтобы в местах самых пустынных иметь удобоприготовляемую храмину для молитвы. Впрочем, война тогда далеко не пошла; страх, внушаемый царем, скоро угасил ее. А что царь заботился и об основании городов и что городами сделал многие селения, как, например, Дрепану городом, соименным матери, а палестинскую Констанцию, по имени своей сестры Констанции, — о том писать здесь, думаю, неуместно, ибо мы не предполагали перечислять дела царя, не относящиеся к христианству, но намерены были упоминать только о тех, которые касались церквей. Итак, славные подвиги царя в ином роде, как предметы, требующие особенного занятия, я оставляю другим, которые могут описывать их; и мне пришлось бы молчать, если бы в Церкви не возникло разделений и беспокойств. Когда предмет не представляет событий, говорить не нужно. Но так как диалектика и суетное обольщение возмутили и рассеяли

апостольскую веру христианства, то, чтобы события в Церквах не пришли в забвение, — я счел долгом передать их в сочинении, ибо сведение о них, вознаграждаясь похвалою от многих других, и самого сведущего делает осмотрительнее; оно научает его не колебаться, когда в рассказ вкладывается какое-либо пустословие.

ГЛАВА 19

Каким образом во времена Константина приняли христианство многие внутри Индии

Теперь надо упомянуть и о том, как во времена царя распространялось христианство, ибо к этому времени относится начало христианской веры у внутренних индийцев и иберийцев. Наперед скажу кратко, почему я прибавил слово «внутренних». Когда Апостолы, по жребию, расходились к разным народам, Фома получил жребий апостольства в Парфии, Матфей в Эфиопии, а Варфоломей в смежной с нею Индии. Однако же до времени Константина учение христианства еще не просветило Индии внутренней, заключающей в себе многие племена варваров, говорящих разными языками. Теперь расскажу, какая была причина, что и они приняли христианскую веру. Один философ Мероний, родом тирянин [70], отправлялся обозревать страну индийцев и соревновал в этом философу Митродору, который прежде его обозревал Индию. Взяв с собою двух мальчиков, своих родственников, несколько знавших греческий язык, он переехал в эту страну на корабле и, обозревая все, что хотел, прибыл для закупки съестных припасов в одно место, имеющее безопасную пристань. Случилось, что около того времени мирные договоры между римлянами и индийцами расторглись. Поэтому индийцы, взяв философа и других сопутников его плавания, кроме двух родственных ему мальчиков, всех их умертвили, а двух мальчиков, оставленных живыми, из жалости к их возрасту, принесли в дар индийскому царю. Полюбовавшись видом отроков, царь одного из них, по имени Эдессия, сделал виночерпием при своем столе, а другому, называвшемуся Фрументием, приказал смотреть за царским архивом. Вскоре потом, умирая, он завещал своему сыну, бывшему еще ребенком, и своей жене отпустить их на волю. Но жена царя, у которой сын был так мал, стала просить их, чтобы они пеклись о нем, пока он не вступит в совершенный возраст. Повинуясь царице, юноши заботились о делах царя. Особенно же распоряжался всем Фрументий. Он старался расспрашивать прибывавших в ту страну римских торговцев, не найдет ли между ними кого из христиан. Нашедши же и открыв им, кто такой сам он, убеждал их избирать отдельные места собрания для совершения христианских молитв, а по прошествии некоторого времени построил и церковь. Тогда эти христиане огласили и сделали участниками в своих молитвах несколько человек из индийцев. Между тем, сын царя достиг совершеннолетия, и Фрументий, сдав ему дела доброго управления, возвратился в свое отечество. Царь, вместе с матерью, упрашивал его остаться, но не превозмог настойчивого желания обоих юношей. Эдессий спешил в Тир увидеть родителей и родственников, а Фрументий в Александрию. Здесь, пришедши к епископу Афанасию, который тогда только что получил престол епископский, он донес ему о событии, о своем отъезде и о том, что индийцы, как он надеется, приняли христианство, а потому просил послать к ним епископа и клир, и отнюдь не презирать людей, могущих получить спасение. Афанасий, взяв во внимание пользу, располагал самого Фрументия к принятию епископства и говорил, что у него нет человека способнее его. Так и сталось. Удостоенный епископства, Фрументий опять прибыл в страну индийцев, сделался проповедником христианства и соорудил там много молитвенных домов. При помощи Божией благодати, он творил немало знамений и,

вместе с душою, часто исцелял тела людей. Руфин говорит, что это слышал он в Тире от Эдессия, который впоследствии удостоился также священства.

ГЛАВА 20

Каким образом приняли христианство иберийцы

Теперь пора уже рассказать, как в то же время [71] обратились к христианству и иберийцы. Одна женщина, проводившая чистую и целомудренную жизнь, по воле Божия Промысла, сделалась пленницей иберийцев. Эти иберийцы (поселение иберийцев Испанских) живут по берегам Эвксинского Понта [72]. Среди сих варваров жена-пленница предалась любомудрию, то есть совершала великие подвиги воздержания, проводила время в хранении глубокого поста и в непрестанных молитвах. Видя это, варвары удивлялись странности ее поведения. Случилось, что сын царя, малолетний ребенок, впал в болезнь. По обычаю той страны, жена царя посылала свое дитя лечиться у других женщин — надеясь, что, может быть, они знают из опыта какое-нибудь средство против болезни. Но к кому ни водила его кормилица, ни от одной женщины не получил он исцеления. Наконец, привели его к пленнице. Она, в присутствии многих женщин, не дала ему никакого материального средства, да и не знала; но, взяв ребенка, положила его на постель, сплетенную из волос, и только сказала: «Христос, исцеливший, говорят, многих, исцелит и этого младенца». Когда, после сих слов, начала она молиться и призывать Бога, дитя вдруг выздоровело и с того времени чувствовало себя хорошо. Молва о том дошла до других варварских женщин и до самой царицы, и пленница сделалась более известной. Вскоре после сего случая и царица, впав в болезнь, приглашала к себе пленную женщину; а когда, по скромности своего нрава, она отказалась, сама была принесена к ней. Пленница сделала с нею то же, что прежде с ребенком — и больная тотчас выздоровела и благодарила женщину. Но это не мое дело, отвечала женщина, это дело Христа, Который есть Сын Бога, Сотворившего мир, и убеждала называть и признавать его истинным Богом. Удивившись скорому выздоровлению своей жены от болезни и узнав, кто врачевал ее, иберийский царь наградил пленницу дарами. Но она сказала, что не имеет нужды в богатстве, что ее богатство — благочестие, и что для нее будет великий дар, если царь признает того Бога, которого признает сама она. Сказав это, пленница отослала назад царские подарки. Царь скрыл ее слова в душе своей. Через день выехал он на охоту, и вот что случилось. Вершины гор и ущелья, где он охотился, покрылись тучею и непроницаемым мраком. Поэтому и охота была невозможна, и дорога неисходима. В столь трудных обстоятельствах, он долго взывал к богам, которых чтил, но не было успеха; наконец, привел себе на мысль Бога пленницы и просил Его помощи. Едва лишь начал он молиться, как мрак, произведенный тучею, рассеялся. Дивясь этому событию, царь весело возвратился домой и о случившемся рассказал своей жене; потом немедленно призвал пленницу и спрашивал, кто чтимый ею Бог. Представ пред лицом царя, она сделала и его проповедником Христа, ибо, через посредство благочестивой женщины уверовав во Христа, он созвал всех подвластных себе иберийцев и, возвестив им об обстоятельствах исцеления своей жены и сына, и даже о том, что случилось с ним во время охоты, убеждал их чествовать Бога пленницы. Таким образом оба они начали проповедывать Христа — царь мужьям, а женщина — женам. Узнав потом от пленницы о форме церквей у римлян, он приказал построить молитвенный дом и предписал немедленно приготовить все нужное для постройки. Здание воздвигалось. Когда художники старались уже поставить колонны, Промысл Божий опять устроил нечто для привлечения жителей к вере. Одна из колонн оставалась неподвижною, так что не находили никакого средства для приведения ее в движение: канаты рвались и самые

машины разрушались. Строители отказались и ушли. Тут открылась вера пленницы. Ночью, неведомо для всех, она пришла на место и провела там всю ночь в молитве. Тогда, по воле Божия Промысла, колонна начала подниматься и остановилась в воздухе выше основания, никак не касаясь подставки. Наступил день, и царь, знавший искусство домостроительства, прибыл на место постройки; увидев же, что колонна висит над своим основанием, и сам поражен был этим событием, и находившиеся с ним, особенно, когда вскоре, пред их очами, она спустилась на свое основание и стала. Тут поднялись восклицания, все веру царя стали называть истинною и прославлять Бога пленницы, все, наконец, уверовали и с великим усердием поставили прочие колонны. Итак, это дело вскоре было окончено и отправлено посольство к царю Константину. Послы просили на будущее время союза с римлянами и говорили, что они принимают епископа и священный клир, ибо искренно уверовали во Христа. Руфин пишет, что он узнал это от Вакурия, который прежде был иберийским князем, потом прибыл к римлянам, сделан начальником палестинских границ, и наконец вождем войск, и помогал царю Феодосию в войне против тирана Максима. Таким-то образом во времена Константина приняли христианство и иберийцы.

ГЛАВА 21

О монахе Антонии

Излишнее дело — говорить, каков был в те же времена монах египетской пустыни Антоний [73], который, обнажая хитрости и коварства демонов, видимо сражался с ними и совершал много чудес, потому что его жизнь уже описана в особой книге александрийским епископом Афанасием [74]. Такие-то носители благ славились в одно и то же время Константинова царствования.

ГЛАВА 22

О Манесе, начальнике ереси манихейской, и о том, откуда он происходил

Но между доброю пшеницею обыкновенно растут и плевелы, потому что добрых любит подстерегать ненависть. Немного ранее времени Константина, к христианству истинному начало прививаться христианство язычествующее, как к пророкам прививались лжепророки, к апостолам — лжеапостолы; ибо тогда к христианству манихей [75] приноравливал учение языческого философа Эмпедокла, о чем Евсевий Памфил хотя и упомянул в седьмой книге своей «Истории», но не рассказал подробно. Посему я считаю необходимым восполнить пропущенное, ибо тогда будет известно, кто был манихей и откуда, что отважился на такую дерзость. Один скифский сарацин [76] имел у себя женою пленницу из верхних Фив. Ради нее поселившись в Египте и получив египетское образование, он начал вводить в христианство мнения Эмпедокла и Пифагора, именно утверждал, что есть два начала: доброе и злое, подобно тому, как Эмпедокл злое называл враждою, а доброе — дружбою. Учеником этого скифянина был Будда, прежде называвшийся Теревинфом. Будда переехал в Вавилонию, населенную персами, и стал рассказывать о себе много удивительного, говоря, что родился от девы и воспитан в горах. Он написал четыре книги и одну из них назвал книгою о таинствах, другую — евангелием, третью — сокровищем, четвертую — главами. Некогда показывая вид, что совершает тайные посвящения, Будда низвержен был духом и таким образом погиб. Одна

женщина, у которой имел он пристанище, погребла его и, взяв его деньги, купила на них семилетнего ребенка, по имени Куврик. Впоследствии, отпустив это дитя на волю и научив грамоте, она умерла и оставила ему все деньги Теревинфа и книги, которые написал он, воспитываясь у скифянина. Вольноотпущенный Куврик взял все это и, переехав в Персию, переменил свое имя, стал называться Манесом, а книги Будды, или Теревинфа, людям, которые были обманываемы им, выдавал за свои. Содержание этих книг, судя по их словам, было христианское, а по догматам — языческое, ибо манихей, как безбожник, убеждал чтить многих богов, учил поклоняться солнцу, вводил судьбу, уничтожал в нас свободу и, следуя мнениям Эмпедокла, Пифагора и египтян, явно преподавал превращение тел одних в другие. Не допускал он также, что Христос был во плоти, но называл его призраком, отвергал закон и пророков, а себя называл утешителем, что все чуждо православной церкви, даже в своих посланиях дерзал именовать себя Апостолом. Но за такие обманы манихей подвергся достойному наказанию по следующей причине. Сын персидского царя впал в болезнь, и отец, как говорится, готов был ворочать камни, лишь бы спасти сына. Услышав о манихее и думая, что его чудеса истинны, он пригласил его к себе, как Апостола, и надеялся, что этот апостол спасет его сына. Манихей пришел к царю с видом притворства и царское дитя взял на руки. Но царь, заметив, что оно на его руках умерло, заключил Апостола в узы и готов был казнить его. Однако же манихей убежал в Месопотамию и спасся. Несмотря на это, персидский царь, узнав о месте его пребывания, приказал схватить его и, содрав с него кожу, набить ее соломою и выставить у городских ворот. Это мы говорим не вымыслы, но приводим то, что прочитали в сочинении Архелая, епископа Касхары, одного из городов Месопотамии. Архелай говорит, что он сам лично состязался с манихеем и вышеизложенное внес в описание его жизни. Итак, когда добрые процветают, ненависть, повторяю, любит подстерегать их. Но какова причина, по которой благой Бог попускает это? Та ли, чтобы показать чистоту догматов Церкви и смирить присоединяющуюся к вере гордость, или иная, — решить трудно и отвечать долго, исследовать этот вопрос теперь не время. Нам не следует ни раскрывать догматов, ни входить в трудные рассуждения о промысле и суде Божием: мы должны, по силам, излагать историю событий в недрах Церкви. Теперь сказано, каким образом незадолго до времен Константина родилось манихейское богослужение; возвратимся же к временам нашего повествования.

ГЛАВА 23

О том, что Евсевий никомидийский и Феогнис никейский снова дерзнули, чрез устроение козней Афанасию, извращать никейскую веру

Евсевий и Феогнис, возвратившись из ссылки, взяли обратно свои Церкви и, как я сказал, выгнали оттуда рукоположенных вместо них епископов. Они имели немало дерзновения пред лицом царя, который очень уважал их, как людей, от неправославия обратившихся к православию. Но, употребив во зло царскую милость, эти епископы наделали миру еще более беспокойства, чем прежде, потому что возбуждались двумя движителями: предзанятым ими учением Ария и злобой против Афанасия. Так как Афанасий на Соборе мужественно боролся с ними при исследовании догматов, то они сперва стали нападать на рукоположение его и утверждали, что он не заслуживал епископства и избран людьми не достоверными. Но с этой стороны Афанасий был явно выше клеветы, потому что с жаром подвизался за никейскую веру, быв к тому уполномочен александрийской Церковью. Посему Евсевий начал заботиться о том, как бы Афанасию устроить козни, а Арию дать место в Александрии, ибо только таким образом можно было изгнать веру в единосущие и ввести арианство. Итак, Евсевий писал Афанасию и просил его принять Ария с

единомышленниками. Но в послании его излагались просьбы, а во услышание всех — угрозы. Видя однако же, что Афанасий никак не слушается, Евсевий решился уговорить царя, чтобы он позволил Арию явиться пред ним и потом дал ему права ехать в Александрию. Какой успех имело это дело, скажу в своем месте, ибо прежде, чем оно окончилось, произошло в Церквах другое возмущение, и мир их был нарушен опять своими же. Евсевий Памфил говорит, что тотчас после Собора египтяне затеяли междоусобную вражду, а причины не приводит. Потому-то и называют его двуязычным, что, уклоняясь от высказывания причин, он положил не соглашаться с постановлениями никейского Собора. Что же касается до нас, то мы узнали из различных посланий, писанных епископами друг к другу после Собора, что некоторых между ними слово «единосущный» приводило в смущение. Сделав его предметом своих бесед и исследований, они возбудили междоусобную войну, и эта война нисколько не отличалась от ночного сражения, потому что обе стороны не понимали, за что бранят одна другую. Одни, уклоняясь от слова «единосущный», полагали, что принимающие его вводят ересь Савеллия и Монтана [77], а потому называли их хулителями, как бы отвергающими личное бытие Сына Божия. Другие, защищавшие единосущие, думали, что противники их вводят многобожие, и отвращались от них как от водителей язычества. Между тем и антиохийский епископ Евстафий укорял Евсевия Памфила в том, что он искажает никейскую веру. А Евсевий говорил, что не преступает ее, и нападал на Евстафия, как на водителя Савеллиевой ереси. По этому случаю каждый епископ писал к другому, как к противнику. Оба они утверждали, что Сын Божий есть лице и имеет личное бытие, оба исповедывали единого Бога в трех лицах, а между тем, не знаю, как-то не могли согласиться друг с другом, замолчать же отнюдь не решались [78].

ГЛАВА 24

О Соборе антиохийском, который низложил антиохийского епископа Евстафия, от чего произошло такое возмущение, что едва не был разрушен город

По сему случаю в Антиохии был созван Собор и низложил Евстафия, как такого епископа, который более умствовал по учению Савеллия, нежели учил по разуму никейского Собора. Впрочем иные говорят, что это сделано по другим, не добрым причинам, только они прямо не высказаны у них. Епископы имели обычай так поступать в отношении ко всем низлагаемым: они обвиняли их в нечестии, а причин нечестия не выставляли. О том, что Евстафий был низложен, как обвиняемый беррийским епископом Киром в савеллианстве, пишет в похвальном слове Евсевию эмесскому [79] один из ненавистников единосущия, епископ сирской Лаодикии Георгий. О Евсевии эмесском мы скажем в своем месте. Упомянув же, что Евстафий обвиняем был Киром в савеллианстве, Георгий тотчас прибавляет, что и Кир, уличенный в том же самом, низложен Собором. Но возможно ли, чтобы Кир, последуя учению Савеллия, стал обвинять в савеллианстве Евстафия? Итак, Евстафий обвинен был, вероятно, по другим причинам. В то время в Антиохии, по случаю его низложения, произошло сильное возмущение, да и после, когда избирали епископа, часто возгоралась такая вражда, что народ, разделившись на две стороны, едва не разрушил всего города. Одни домогались перевести в Антиохию Евсевия Памфила из Кесарии палестинской, а другие старались восстановить Евстафия. К той и другой стороне присоединилась и городская община, так что, наконец, в город, будто против неприятеля, вступил отряд войск, и, конечно, дошло бы до мечей, если б Бог и страх к царю не укротили народного волнения, ибо царь своими посланиями, а Евсевий своим отказом остановили мятеж. По этому случаю, царь удивляется Евсевию и в своем послании, воздавая похвалу его намерению, называет его блаженным, потому что он признан

епископом достойным не одного города, но почти целой вселенной. После сего события в Антиохии престол Церкви был празден, говорят, в продолжение восьми лет. Позднее уже, старанием людей, хотевших извратить никейскую веру, рукоположен был в Антиохию Эвфроний. Но довольно о бывшем по поводу Евстафия антиохийском Соборе. Тотчас после него, Евсевий, некогда оставивший Берит и в настоящее время управлявший никомидийской Церковью, начал, вместе со своими единомышленниками, употреблять все усилия, чтобы Ария ввести в Александрию. Итак, теперь надобно сказать, каким образом они успели в этом, и как царь позволил Арию, а с ним и Евзою, предстать пред свое лицо.

ГЛАВА 25

О пресвитере, старавшемся возвратить Ария

У царя Константина была сестра, по имени Констанция, то есть вдова Лициния, который прежде царствовал вместе с Константином, но, сделавшись тираном, погиб. Констанции же знаком был один пресвитер, державшийся Ариева учения и живший в ее доме [80]. Наущаемый Евсевием и его соумышленниками, этот пресвитер при случае закидывал женщине слово об Арии, говоря, что собор обидел его, что он мыслит не так, как сказывают. Слыша это, Констанция хотя и верила пресвитеру, однако же царю говорить не смела. Случилось ей впасть в тяжкую болезнь, и царь стал непрестанно навещать больную. Когда же болезнь ее все более усиливалась, и она ожидала уже смерти, то начала рекомендовать царю своего пресвитера, свидетельствуя о его ревности, набожности и преданности престолу. Женщина вскоре потом умерла [81], а пресвитер был принят в число самых близких к царю лиц. Через короткое время, получив больший доступ к Константину, он стал и ему высказывать те же слова об Арии, которые прежде говаривал его сестре, и прибавлял, что мысли Ария нисколько не отличаются от положений Собора, и что, если бы он предстал сам, то согласился бы с ними и не был бы поносим без вины. Слова пресвитера показались царю странными. Если Арий, сказал царь, соглашается с Собором и мыслит, как он, то я допущу его к себе и с честью отправлю в Александрию. Сказав это, царь тотчас же написал Арию следующее:

Победитель Константин, Великий, Август — Арию:

«Давно уже объявлено было твоей крепости, чтобы ты прибыл в мой стан и мог насладиться лицезрением нас; но мы очень удивляемся, почему ты не сделал этого немедленно. Итак, теперь возьми общественную повозку и постарайся приехать в наш стан, чтобы, получив от нас милость и удостоившись снисхождения, тебе потом можно было возвратиться в отечество. Бог да сохранит тебя, возлюбленный. Дано за пять дней до декабрьских календ [82]».

Таково послание царя к Арию. Не могу не удивляться заботливости и ревности его в отношении к благочестию. Из этого послания видно, что царь уже неоднократно убеждал Ария раскаяться в том, за что его порицают, и много раз писал ему, но Арий нескоро возвращался к истине. Получив (это последнее) послание царя, он скоро прибыл в Константинополь, а вместе с ним явился и Евзой, низложенный в диаконстве Александром, когда низлагаемы были единомышленники Ария [83]. Царь допустил их к своему лицу и спрашивал, согласны ли они с верою; выслушавши же свободное их согласие, приказал им представить исповедание веры письменно.

ГЛАВА 26

О том, как Арий, быв возвращен из ссылки, представил царю свиток покаяния и притворился, что принимает никейскую веру

Они написали и принесли царю свиток следующего содержания:

Набожнейшему и боголюбивейшему владыке нашему царю Константину — Арий и Евзой.

«Согласно с повелением боголюбивого твоего благочестия, владыка царь, мы изложили свою веру и письменно исповедуемся пред Богом, что и сами, и наше общество веруем по нижеописанному: Веруем во единого Бога Отца Вседержителя, и Господа Иисуса Христа Сына Его, прежде всех веков от Него рожденного Бога — Слово, через которого все сотворено на небесах и на земле, Который сошел и воплотился, страдал, воскрес и возшел на небеса и опять приидет судить живых и мертвых, и Духа Святого, и в воскресение плоти, и в жизнь будущего века, и в царство небесное, и в одну вселенскую Церковь Божию, сущую от конца до конца мира. Эту веру приняли мы из святых Евангелий, где Господь говорит своим ученикам: *шедше, научите все языки, крестяще их во имя Отца и Сына и Святаго Духа.* Если не так в сие веруем и не так истинно принимаем Отца, Сына и Святого Духа, как учит вся вселенская Церковь и Писание, коему во всем веруем, то судит нас Бог и ныне, и на суде будущем. Итак, умоляем твое благочестие, боголюбивейший царь, устранить исследование и многоглаголание, и силою миролюбивого и боголюбивого твоего благочестия нас, как церковников, держащихся и веры и смысла Церкви, и учения священных Писаний, соединить с нашей матерью, то есть с церковью, чтобы и мы, и Церковь — все вообще, наслаждаясь миром, совокупно возносили обычные молитвы за мирное твое царствование и за весь твой род» [84].

ГЛАВА 27

О том, что, когда Арий, по воле царя, прибыл в Александрию, а Афанасий не принял его, единомышленники Евсевия начали возносить царю различные клеветы на Афанасия

Убедив таким образом царя, Арий отправился в Александрию. Но маска не могла скрыть затаенной истины. Афанасий не принимал приехавшего в Александрию и отвращался от него, как от скверны. Арий опять начал восстанавливать и распространять в Александрии свою ересь. В то же время и соучастники Евсевия как сами писали, так и царя возбуждали писать, чтобы Арий со своими приверженцами был принят в александрийскую Церковь, но Афанасий совершенно отказался принять их и, пиша к царю, говорил, что однажды отвергших веру и анафематствованных невозможно принимать снова. Царь сильно досадовал на это и писал Афанасию с угрозой. Вот отрывок его послания: «Имея доказательство моей воли, ты должен позволять беспрепятственно вступать в Церковь всем, кто желает вступить в нее. Если я узнаю, что ты воспрепятствовал кому-нибудь присоединиться к Церкви, или возбранил вход в нее, тотчас пошлю низложить тебя, по моему приказанию, и вывести из тех мест». Царь писал это, желая пользы, а не расторжения Церкви; он старался привести всех к единомыслию. Напротив, Евсевий, ненавидя Афанасия, принял это обстоятельство, как благоприятный случай для того,

чтобы направить неудовольствие царя к своей цели, и для того начал смущать его, стараясь отнять у Афанасия епископство, ибо учение Ария, как он надеялся, должно будет придти в силу только по низложении Афанасия. Итак, против александрийского епископа составили союз и вооружились: Евсевий никомидийский, Феогнис никейский, Марис халкидонский, Урзакий, епископ Сингидона, что в верхней Мизии, и Валент, епископ Мурсии, что в Паннонии [85]. Они подкупили некоторых из ереси мелетианской и взносили на Афанасия различные обвинения. Во-первых, Исион, Эвдемон и Каллиник — мелетиане [86], составили клевету, будто бы Афанасий приказывал египтянам льняную одежду продавать александрийской церкви. Однако же эта клевета была уничтожена александрийскими пресвитерами Алимпием и Макарием, которые тогда, случайно находясь в Никомидии, доложили царю, что взносимое на Афанасия — ложь. Поэтому царь, посредством послания, укорял обвинителей, а Афанасия убеждал приехать к себе. Но прежде чем он прибыл, евсевиане спешили к первой клевете присоединить другую, еще худшую, будто Афанасий, с целью коварствовать против распоряжений царя, послал некоему Филумену [87] кошелек, полный золота. Об этом царь узнал в Псамафии, никомидийском предместии и, разведав дело, нашел Афанасия невинным, а потому отпустил его с честью и написал александрийской Церкви, что епископ ее Афанасий оклеветан ложно. О том, что и после сего евсевиане взносили на Афанасия, лучше следовало бы молчать, чтобы неверующие во Христа не осуждали Церкви Христовой, но так как дело, обнародованное письменно, было всем известно, то я счел необходимым, сколь можно короче, упомянуть о событии, требующем особого сочинения. Скажу кратко, откуда взято содержание клеветы, и откуда получили начало ее изобретатели. К Александрии относится область Мареотская [88]. В ней много селений, и они весьма многолюдны, а посему там немало Церквей, и притом знаменитых. Эти Церкви подчинены александрийскому епископу и приписаны к его городу. В сей-то Мареотиде некто, по имени Исхирас, затеял дело, достойное многих смертей. Никогда не получив священства, он стал называть себя пресвитером и дерзнул совершать дела пресвитера; быв же обличен в этом, убежал оттуда, прибыл в Никомидию и искал покровительства евсевиан. Питая ненависть к Афанасию, они приняли его, как пресвитера, и обещали удостоить даже епископства, если он представит обвинение на Афанасия. Сами же, между тем, в вымыслах Исхираса хотели найти случай для обвинения со своей стороны, ибо Исхирас жаловался только на Макария, что он потерпел от него величайшие бедствия, как бы от набега неприятеля, что Макарий, вскочив на жертвенник, опрокинул трапезу и сломал потир для совершения таинств [89], а священные книги сжег. Итак, в награду за обвинение, как я сказал, они обещали Исхирасу епископство — с той мыслью, что, обвинив Макария, вместе с обвиняемым низложат и Афанасия, который послал его. Но это обвинение евсевиане представили после; наперед надобно сказать о следующем, самом ненавистном обстоятельстве. Они взяли, не знаю откуда, человеческую руку, — сами ли умертвили человека и отсекли ее, или вырыли и отняли ее от мертвеца, — ведает Бог, да виновники поступка, — и начали утверждать, что это рука одного мелетианского епископа Арсения. Самого Арсения они скрывали, а выставляли напоказ только руку и говорили, что Афанасий имел ее у себя, как орудие магии. Главное и важнейшее в сей клевете было именно это. Но как в подобных обстоятельствах обыкновенно случается — Афанасия обвиняли кто в чем, особенно же трудились тут ненавистники его. Узнав об этом, царь писал к племяннику своему цензору Далмацию [90], который находился в сирийской Антиохии, чтобы он приказал привести к себе обвиняемых и, рассмотрев дело, наказал обличенных; послал он также к нему Евсевия и Феогниса для произведения суда над Афанасием в их присутствии. А Афанасий, узнав, что его требует цензор, послал в Египет отыскать Арсения и, хотя осведомился, что такой человек действительно скрывается, но взять его не мог, потому что он переходил с места на место. Между тем, суд у цензора был закрыт царем по следующей причине.

ГЛАВА 28

О том, как по поводу обвинения Афанасия, царь повелел быть Собору епископов в Тире

Царь гласно предписал быть Собору епископов для освящения воздвигнутого в Иерусалиме молитвенного дома [91], и повелел епископам, мимоездом собравшись сперва в Тире, рассмотреть дело об Афанасии, чтобы совершить вступление в церковь мирно и посвятить храм Богу, отвергнув наперед всякую вражду. Это был тридцатый год Константинова царствования. Итак, в Тир из разных мест явилось до шестидесяти епископов, а принимал их консул Дионисий. Туда же приведен был из Александрии и пресвитер Макарий, закованный в цепи и сопровождаемый военной стражей. Но Афанасий ехать не хотел — не потому, что боялся обвинений, т. к. он и не знал, в чем его обвиняют, а потому, что опасался, как бы на теперешнем Соборе не стали вводить что-либо нового вопреки никейскому. Однако же грозное послание царя испугало его, ибо царь писал, что если он не приедет по своей воле, то будет привезен насильно. Итак, уступая необходимости, Афанасий приехал.

ГЛАВА 29

Об Арсении и о мнимо-отсеченной руке его

Между тем, Промысл Божий пригнал в Тир и Арсения, ибо, презрев повеления, данные ему через послание клеветниками, он приехал туда скрытно, с намерением наблюдать за ходом событий. В это время слугам консула Архелая случилось как-то подслушать в гостинице людей, говоривших, что Арсений, которого считали убитым, живет скрытно в чьем-то доме. Услышав эту весть и заметив, кто сказал ее, они открыли слышанное своему господину, а он тут же, нимало не медля, стал разыскивать и нашел. Нашедши же Арсения, блюл его в безопасном месте, а Афанасию объявил, чтобы он не терял духа, ибо Арсений — здесь и жив. Быв схвачен, он отрекался от своего имени, но тирский епископ Павел, которому тот давно был известен, обличил его. Вскоре после того, как Промысл устроил это, Собор призвал Афанасия [92]. Когда же он явился, — клеветники принесли в собрание руку и сделали донос. При этом Афанасий вел дело мудро: он спросил присутствовавших и обвинявших его, кто из них знает Арсения, и когда многие сказали что знают, — приказал привести его со скрытыми под плащом руками; потом опять спросил: это ли тот, который лишился руки. Тут одни совершенно смешались от такой нечаянности, а другие хотели видеть, где отсечена у Арсения рука, ибо в самом деле думали, что у него недостает руки, и ожидали, что Афанасий будет оправдываться как-нибудь иначе. Но он отвернул плащ Арсения с одной стороны и указал его руку. После сего некоторые опять стали заключать, что, видно, Арсений лишился другой руки, — а, между тем, Афанасий немного медлил и оставлял их в недоумении. Наконец однако, не медля уже, отвернул другую сторону плаща и указал другую руку, и наконец, сказал присутствующим: Арсений, как видите, имеет две руки, а место, откуда отсечена третья, пусть укажут обвинители.

ГЛАВА 30

О том, что когда Афанасий оказался невинен, в чем обвиняли его, обвинители убежали

Когда дело об Арсении пришло к такому заключению, устроители козней поставлены были в затруднение. Обвинитель Ахаав [93], иначе называемый Иоанном, воспользовался смятением и ушел из судилища. Таким образом Афанасий уничтожил это обвинение, никого не исключая из числа судей, ибо был уверен, что и одна жизнь Арсения должна поразить клеветников.

ГЛАВА 31

О том, что, когда епископы не приняли оправданий Афанасия на вторичное обвинение его, он ушел к царю

Но по поводу клеветы на Макария он позволил себе некоторые законные исключения и, во-первых, исключил евсевиан, как врагов своих, говоря, что противники не должны быть судьями; потом требовал доказательств того, действительно ли имеет обвинитель Исхирас сан пресвитера, ибо так подписался он в обвинительном доносе. Но так как на это судьи не обратили никакого внимания, то и начался суд над Макарием. Несмотря на то, обвинители ослабевали, а потому слушание дела было отсрочено, пока некоторые не отправятся в Мареотиду и сомнительных обстоятельств не объяснят на месте. Афанасий же, видя, что в Мареотиду посылаются лица, им исключенные, то есть Феогнис, Марис, Феодор, Македоний, Валент и Урзакий, воскликнул: «Это коварство и козни! Макарий пресвитер против закона содержится в узах, а обвинитель едет вместе с враждебными судьями. Так-то доказательства будут собраны в пользу только одной стороны». Сказав это торжественно и засвидетельствовавшись всем Собором и консулом Дионисием, что на него никто не обращал внимания, Афанасий тихо удалился. А посланные в Мареотиду, собрав односторонние доказательства того, что все сказанное обвинителем действительно было, возвратились в Тир.

ГЛАВА 32

О том, что, когда Афанасий удалился, члены Собора присудили низложить его

Удалившись из Собора, Афанасий прибег к царю, а Собор сперва обвинил отсутствующего, а потом, когда подоспели дела из Мареотиды, присудил его к низложению и в акте низложения много бранил его, о посрамлении же себя по тому поводу, что клеветники обвиняли его в убийстве, умолчал, и вместе принял самого мнимо-умерщвленного Арсения, который прежде был епископом мелетианского богослужения, а тогда на акте низложения Афанасиева подписался епископом ипсилитским. Странное дело: мнимо-умерщвленный Афанасием живой низлагает его!

ГЛАВА 33

Как Собор из Тира переехал в Иерусалим и при освящении иерусалимского храма имел общение с арианами

Вдруг пришло послание царя, повелевавшее Собору спешить в новый Иерусалим, и Собор тотчас же по получении его спешно отправился. Совершая праздник освящения тех мест соборно, он принимал в общение Ария и его единомышленников и говорил, что повинуется посланию царя, в котором царь высказывает, что вера Ария и Евзоя рассмотрена и одобрена им. Собор писал и Церкви александрийской, что, по удалении всякой ненависти, дела ее умиротворены, и что Арий, раскаявшись и пришедши к истине, наконец, как член Церкви, должен быть принят ею. Об отлучении же Афанасия Собор только намекнул. Об этом самом известил он и царя. Но между тем, как епископы таким образом распоряжались, от царя получено было другое послание с известием, что Афанасий прибег к нему, и с повелением епископам ехать по этому случаю в Константинополь. Полученное послание царя было следующее.

ГЛАВА 34

О том, что царь, посредством послания, призывал Собор к себе, чтобы он со всей точностью рассмотрел дело Афанасия

Победитель Константин, Великий, Август — епископам, собравшимся в Тире.

«Не знаю, какие, среди шума и бури, Собор ваш сделал определения, но как-то думается, что шумный беспорядок извратил истину, то есть, что вы, по вражде к ближнему, которой захотели поработиться, не имели в виду того, что угодно Богу. Предоставим же Божию Промыслу рассеять явно обличенное зло этого враждебного прения, и тогда для нас будет ясно, заботились ли вы в своем собрании об истине, без поблажки ли и ненависти судили. Итак, все вы должны прибыть к моему благочестию и на деле показать точность своих разысканий. А почему признал я справедливым писать к вам это и, чрез послание, звать вас к себе, — узнаете из следующего. Когда я въезжал в соименный мне и благополучный отечественный мой город Константинополь, а въезжать тогда случилось мне на коне, вдруг из среды народной толпы вышел ко мне епископ Афанасий с некоторыми окружавшими его духовными лицами, и вышел так неожиданно, что был причиной моего изумления. Свидетельствуюсь надзирающим за всеми Богом, что с первого взгляда я даже не мог бы и узнать, кто это такой, если бы некоторые из наших, отвечая на мои вопросы, не рассказали мне, как следовало, и кто он, и какую потерпел обиду. В те минуты я и не разговаривал с ним, и не разделял беседы. А когда он просил выслушать себя, я отказался и едва не приказал выгнать его. Однако ж он настоятельно умолял и не хотел ничего более, кроме вашего сюда прибытия, чтобы в вашем присутствии мог оплакать все, что терпел по необходимости. Так как эта просьба кажется мне основательной и в настоящее время благоприличной, то я с удовольствием велел написать к вам это послание, чтобы все вы, составляющие Собор в Тире, без отлагательства приехав в стан нашего благочестия, показали самыми делами чистоту и справедливость своего суда при мне, который, — чего и сами вы не отвергнете, — есть искренний служитель Божий, да, чрез мое служение Богу, везде царствует мир, и имя Божие искренно благословляется самими Варварами, которые даже доныне не знали истины; а известно, что, кто не знает истины; тот не знает и Бога, так я выше сказал, что чрез меня, искреннего служителя Божия, Варвары познали Бога и научились благоветь перед Ним, испытав самым делом, что Он хранит меня и везде о мне промышляет, что особенно и привело их к познанию Его. Итак, они благоговеют перед Богом из страха к нам; а мы, внешне совершающие святые таинства Его Церкви, — не говорю уже, не храним их, мы даже ничего не делаем, кроме поступков, возбуждающих распрю и ненависть, или просто сказать, повергающих весь человеческий род в погибель. Приезжайте же говорю к нам как можно скорее и с

уверенностью, что мы употребим все силы для сохранения неприкосновенности закона Божия — особенно в отношении к тому, к чему не должно прививаться ни поношение, ни бесславие, мы рассеем, то есть затопчем, совершенно уничтожим врагов закона, которые, прикрываясь святым именем, вносят различные и разнообразные злохуления» [94].

ГЛАВА 35

О том, что когда Собор не ехал к царю, и когда единомышленники Евсевия наклеветали на Афанасия, будто он грозился задержать хлеб, доставлявшийся в Константинополь из Александрии, царь разгневался, предписал Афанасию ссылку и повелел ему жить в Галлии

Это послание всех на Соборе привело в смущение. Посему весьма многие удалились в свои города: а Евсевий, Феогнис, Марис, Патрофил, Урзакий и Валент [95], приехав в Константинополь, уже не хотели исследовать дело о сломанном потире, об опрокинутой трапезе, или убитом Арсении, но перешли к другой клевете и доносили царю, будто бы Афанасий грозился воспрепятствовать доставлению хлеба, который всякий год привозится в Константинополь из Александрии [96]. А что Афанасий говорил это, то слышали епископы Адаманций, Анувион, Арбатион и Петр. Сильна и клевета, когда клеветник достоин вероятия. Увлекшийся этим царь воспламенился гневом и подверг Афанасия ссылке, повелев ему жить в Галлии [97]. Некоторые говорят, что так определил он с целью соединить Церковь, ибо Афанасий никак не хотел иметь общение с арианами. Местом жительства сего епископа была галльская Тривера.

ГЛАВА 36

О Маркелле, епископе Анкирском и Астерии софисте

Собравшиеся в Константинополе епископы [98] низложили и Маркелла, епископа анкирского, что в малой Галатии. Некто Астерий в Каппадокии занимался софистикой и потом, оставив ее, объявил себя Христианином и начал писать сочинения, которые доныне существуют и в которых содержится учение Ария, то есть что Христос есть сила Божия подобно тому, как у Моисея силою Божией называется саранча, гусеница и другие, подобные сим творения. Астерий часто беседовал и с епископами, особенно же с теми из них, которые не отвергали мнений арианских, даже бывал на Соборах, стараясь получить епископство в каком-либо городе. Но священства он не достиг, потому что во время гонения принес жертву, а между тем, хотя по городам Сирии, читал везде написанные им сочинения. Узнав об этом, Маркелл хотел говорить вопреки ему и впал в совершенно противную крайность. Подобно Самосатскому, он дерзнул называть Христа простым человеком. Все это заметили собравшиеся тогда в Иерусалиме епископы, но на Астерия не обратили внимания — тем более, что его не находилось и в списке духовенства, а от Маркелла, как посвященного, потребовали объяснения на написанную им книгу и, нашедши, что он мыслит подобно Самосатскому, приказали ему переменить свое мнение. Пристыженный ими, он обещался сжечь свою книгу. В то время Собор епископов поспешно был закрыт, потому что царь звал их в Константинополь; но после епископы, находившиеся с Евсевием в Константинополе, дело о Маркелле снова подвергли исследованию, и так как он не решался, по обещанию, сжечь негодное свое сочинение, то низложили его и в Анкиру, на место Маркелла, послали Василия [99]. Это самое

сочинение опроверг Евсевий, написав против него три книги и обличив в них Маркеллово неправославие [100]. Впоследствии на Соборе сардикийском Маркелл опять получил епископство, ибо утверждал, что его книги не поняли и потому навязали ему учение Самосатского. Впрочем об этом скажем в своем месте.

ГЛАВА 37

О том, как Арий, по отъезде Афанасия в ссылку, был вызван царем из Александрии и возбудил беспокойство в Константинопольском епископе Александре

Когда все это совершалось, шел тридцатый год Константинова царствования. Арий со своими единомышленниками приехал опять в Александрию и возмутил всех, тем более, что народ александрийский тогда очень сильно бедствовал — и от прибытия Ария с его сообщниками, и от отъезда в ссылку епископа Афанасия. Вскоре царь, услышав, что Арий извратил свой образ мыслей, велел ему опять явиться в Константинополь и дать отчет в новом, происходившем от того волнении. В Константинополе предстоятелем Церкви случилось в то время быть Александру, давнему преемнику Митрофана. Богоугодность сего мужа открылась из теперешнего прения его с Арием, ибо, как скоро Арий прибыл, народ разделился опять на две стороны и в городе произошло смятение: одни говорили, что никейской веры колебать никак не должно, а другие спорили, что мнение Ария справедливо, и Александр находился в самых затруднительных, обстоятельствах — тем более, что Евсевий никомедийский много раз грозился тотчас низложить его, если он не примет Ария и его единомышленников в общение. Александра не столько беспокоила опасность быть низложенным, сколько ужасало стремление противников извратить догмат. Почитая себя стражем соборных определений, он употреблял все меры, чтобы никто не выступал из их смысла. Находясь в столь тесных обстоятельствах, Александр оставил в покое диалектику и прибег к Богу — начал провождать время в непрестанных постах и никаким образом не опускал молитвы. Намерение его состояло в том, чтобы задуманное совершить втайне. Запершись один в церкви, соименной миру, и вошедши в алтарь, он повергся лицем вниз под священную трапезу и слезно молился; проведши же в этом много дней и ночей сряду, чего просил от Бога, то и получил. А прошение его было следующее: если учение Ария истинно, то пусть сам епископ не увидит дня, назначенного для состязания, а когда истинная вера есть вера содержимая епископом, то пусть Арий, как виновник всех бед, получит наказание за свое нечестие.

ГЛАВА 38

О смерти Ария

Об этом-то молился Александр. А царь, желая испытать Ария, призвал его во дворец и спросил: согласен ли он с постановлениями никейского Собора. Арий, нисколько не думая тотчас, хотя, впрочем, софистически, подписал символ веры. Царь удивился и потребовал клятвы; Арий сделал и это, однако ж опять софистически. Хитрость его подписи, как я слышал, состояла в следующем. Написанное на бумаге свое мнение он, говорят, держал под мышкою и клялся, что истинно так мыслит, как было написано. О такой уловке я пишу по слуху; а то, что к написанному символу (никейской веры) он приложил и клятву, я знаю из посланий царя. Поверив Арию, царь приказал константинопольскому епископу Александру принять его в общение. Это был день субботний, а в следующий Арий

надеялся вступить в Церковь. Но наказание шло уже по пятам за дерзкими его поступками. Вышедши из царского дворца, Арий в сопровождении телохранителей своих, евсевиан, шествовал по самой середине тогдашнего города и обращал на себя взоры всех. Когда он находился уже близ так называемой площади Константина, на которой воздвигнута порфировая колонна, какой-то страх совести овладел им, а вместе с страхом явилось и крайнее расслабление желудка. Поэтому он спросил, есть ли где вблизи афедрон [101] и, узнав, что есть позади Константиновой площади, пошел туда и впал в такое изнеможение, что с извержениями тотчас отвалилась у него задняя часть тела, а затем излилось большое количество крови и вышли тончайшие внутренности, с кровью же выпали селезенка и печень, и он тут же умер [102]. Этот афедрон в Константинополе показывают и доныне; он находится, как я сказал, позади Константиновой площади и рынка в портике. Все проходящие, указывая на него пальцем, тем самым напоминают, какого рода смерть постигла Ария. Это событие поразило страхом и исполнило томлением окружавших Евсевия никомедийского. Молва о нем разнеслась по всему городу, можно сказать, по всей вселенной. А царь еще более прилепился к Христианству и справедливо говорил, что никейскую веру этим событием засвидетельствовал сам Бог. Такие происшествия радовали царя; радовало его и то, что уже трех сыновей объявил он кесарями [103], каждого чрез десять лет своего царствования: первого, соименного себе, Константина, поставил он правителем западных областей по исходе первого десятилетия своей власти; потом, соименного деду Констанция объявил кесарем восточных областей чрез двадцать лет своего царствования, а младшего Константа облек в достоинство кесаря в тридцатое лето своего царствования.

ГЛАВА 39

О том, как царь впал в болезнь и окончил жизнь

Через год после сего, вступив уже в шестьдесят пятое лето своей жизни, царь Константин впал в болезнь и из Константинополя поплыл в Еленополис пользоваться недалеко оттуда текущими естественными теплыми водами. Но почувствовав, что болезнь его усиливается, отменил ванны и из Еленополиса отбыл в Никомедию. Живя здесь в предместии, он принял Христианское крещение и обрадованный этим, сделал завещание, в котором наследниками царства назначил трех своих сыновей и разделил между ними империю так же, как она разделена была при его жизни. Сверх того и Риму, и соименному себе городу даровал он некоторые преимущества, и свое завещание вверил тому пресвитеру, чрез которого, как мы недавно упомянули, вызван был Арий. Причем пресвитер получил приказ отдать это завещание в руки управляющего востоком сына Константина, Констанция, а не кому другому. Сделав завещание, царь прожил еще несколько дней и скончался. При его кончине не было ни одного из сыновей. Поэтому к Констанцию, на восток, тотчас же отправлено было донесение о смерти его отца.

ГЛАВА 40

О погребении царя Константина

Приближенные положили тело царя в золотой гроб и перенесли его в Константинополь, тут оно положено было в царском дворце, на возвышении, и окружено всеми знаками почестей и множеством телохранителей, как и при жизни. Это делалось, в ожидании

приезда которого-либо из сыновей. Когда же с востока прибыл Констанций, тело Константина почтено царским погребением и положено в церкви, соименной Апостолам, которую Константин построил для того, чтобы цари и иереи были недалеко от останков апостольских. Царь Константин жил шестьдесят пять лет, царствовал тридцать один год и умер во время второго консульства Филикиана и Тациана, в двадцать второй день месяца Мая. То был второй год двести семьдесять восьмой Олимпиады [104]. Вся эта книга обнимает тридцать один год времени.

Комментарии

[1] Евсевий, сын Памфила /ок.260—339/ — один из отцов церкви, родоначальник жанра церковной историографии. Епископ Кесарии с 313 г. Выражение "сын Памфила" следует понимать фигурально: Памфил был не отцом, а учителем и покровителем Евсевия.

[2] Гонения при Цезаре Гае Аврелии Валерии Диоклетиане Августе /284— 305/, начавшиеся в 303 г. Они продолжались и при его преемниках до 311 г.

[3] "Похвале Константину" и "Жизни Константина".

[4] Последняя /Десятая/ книга "Церковной истории" Евсевия Кесарийского заканчивается описанием победы Константина Великого, правившего Западом, над императором Востока Лицинием в 323-324 гг.

[5] Диоклетиан и его соправитель Цезарь Марк Аврелий Валерий Максимиан Август по прозвищу Геркулий /"происходящий от Геркулеса"/, император Запада /286—293/ и тетрарх Италии, Испании и Африки /293—305/, отреклись от власти 1 мая 305 г. Империя была разделена между переведенными в ранг августов цезарями Гаем Галерием Валерием Максимианом, тетрархом балканских провинций без Фракии /293—305/, ставшим императором Иллирии, Азии и Востока /305—311/, и Марком Флавием Валерием Констанцией Хлором, тетрархом Галлии и Британии /293—305/, ставшим императором Галлии, Италии и Африки /305—306/. Галерий при отречении Диоклетиана и Максимиана добился назначения цезарями Флавия Валерия Севера, будущего императора Запада /306—307/, и своего племянника Максимина Дазы, будущего императора Египта и Сирии /309—313/.

[6] "Первый год двести семьдесят первой олимпиады — 304 г. Констанций же умер во время похода в Британию в Эбораке /совр. Йорк/ 25 июля 306 г.

[7] Гай Флавий Валерий Константин /272—337/ стал цезарем Британии и Галлии, получив власть из рук умирающего отца и поддержанный легионами западной армии, несмотря на недовольство Галерия, который передал титул августа Запада, вакантный после смерти Констанция Хлора, цезарю Флавию Северу. Титул августа Константин получил 31 марта 307 г. от вернувшегося к власти Масимиана Геркулия.

[8] Марк Аврелий Валерий Максенций, сын Максимиана Геркулия и зять Галерия, был провозглашен цезарем в Риме 28 октября 306 г. В 307 г. он стал августом Италии, Испании и Африки и оставался им до своей гибели 28 октября 312г.

[9] "Киликия — римская провинция на юго-востоке Малой Азии. Максимиан Геркулий покончил жизнь самоубийством не в Тарсе киликийском, а в Массилии /coup. Марсель/ в 310 г. после неудачного заговора против своего зятя Константина Великого.

[10] Офлавий Север был в то время уже августом. После неудачной осады Рима, захваченного Максенцием, он был осажден в Равенне Максимианом Геркулием, который хитростью заставил его капитулировать /он убедил Севера и том, что против него созрел заговор/. Флавия Севера привезли в Рим и принудили его к самоубийству в апреле 307 г.

[11] Галерий возвел Валерия Лициниана Лициния в сан августа в Карнунте 11 ноября 308 г., а умер спустя два с половиной года в мае 311г.

[12] Дакия — область на территории совр. Румынии.

[13] Константин Великий был призван оппозиционно настроенной по отношению к Максенцию римской аристократией.

[14] Констанций Хлор, хотя и относился к христианам снисходительно, тем не менее христианином не был.

[15] Битва у Мульвийского моста /или у Красных камней/ состоялась 28 октября 312 г. Конница Константина одержала верх над конницей Максенция, сосредоточенной на флангах, после чего пехота Максенция, кроме отчаянно защищавшихся преторианцев, бежала с поля боя. Максенцию удалось выбраться, однако, переходя через Тибр по Мульвийскому мосту, он был сброшен толпой бегущих и утонул.

[16] Констанция была сводной сестрой Константина Великого, дочерью Констанция Хлора и Феодоры, падчерицы Максимиана Геркулия.

[17] Речь идет о Медиоланском эдикте 313 г., который был издан Константином Великим совместно с "нечестивым" Лицинием, и о некоторых последующих указах.

[18] Салона — совр. Сплит. Далмация — область на территории совр. Югославии. Действительно, Диоклетиан умер и 313 г., в год издания Медиоланского эдикта. Есть версия, что он покончил с собой.

[19] Война Лициния и Константина Великого имела место в 323—324 гг.

[20] Битва у Адрианополя 3 июля 323 г., морская битва в проливе Геллеспонт /Дарданеллы/, осада Византия /совр. Стамбул/.

[21] Вифиния — римская провинция на северо-западном побережье Малой Азии. Битва у Хрисополя, последняя битва этой войны, произошла в сентябре 324 г. В ней была разгромлена шестидссятитысячная армия Лициния /потери — 25 тыс. убитыми/. Лициний, бежавший в Никомидию, сдался Константину 18 сентября 324 г.

[22] Фессалоника — совр. г.Салоники в Греции.

[23] Лициний был убит по приказу Константина в следующем, 325 г.

[24] По мнению некоторых церковных писателей, пресвитер Арий, занимавший весьма высокое положение в александрийской церкви и пользовавшийся большим авторитетом среди клира и паствы, рассчитывал занять место александрийского епископа после смерти Ахилла в 316 г. После избрания Александра Арий стал искать любой предлог, чтобы подорвать позиции нового александрийского епископа. Кроме того, выступление Ария в 318 г. было, возможно, связано с ростом недовольства пресвитеров посягательствами епископской власти на их права. Неудивительно, что учение Ария поддержала значительная часть александрийского клира.

[25] В ответ на обвинение в савеллианстве епископ Александр упрекнул Ария в том, что тот воспроизводит учение Павла Самосатского, знаменитого антитринитария сер. Ill в. /он был антиохийским епископом, смещенным императором Аврелианом/, который считал Христа простым человеком, приобретшим божественность путем самоусовершенствования, и который пытался интерпретировать важнейшие идеи христианства в духе аристотелизма. В этом упреке была доля истины, тем более, что, очень возможно, Арий получил геологическое образование в Антиохии в школе Лукиана, мученически погибшего во время Великого гонения 303—313 гг. Очевидно, именно от Лукиана Арий унаследовал хорошее знание категорий аристотелевской метафизики, идею абсолютной трансцендентности Бога, требование буквального толкования Библии и принципы строгой нравственной жизни.

[26] Речь идет о римских провинциях Египет /округ Александрии/, Верхняя Ливия /Киренаика/, Нижняя Ливия /область между Киренаикой и Египтом/ и Фиваида /южный Египет/. Верхняя Фиваида — область вокруг г. Фивы.

[27] Широкое распространение учения Ария в разных районах Империи следует считать закономерным в свете усиления аристотелевских тенденций в христианстве, начиная со второй половины II в. и особенно в III в. Также неудивительна и позиция Евсевия Никомидийского, бывшего некоторое время епископом Берита /совр. Бейрут/, учитывая тот факт, что именно Сирия являлась центром "аристотелевского" направления. В то же время египетский и, особенно, александрийский клир, хотя и проявил известные колебания на первом этапе арианского спора, тем не менее в своем большинстве отверг арианство, прежде всего на упомянутом здесь соборе ста епископов Египта, Ливии и Пентаполя, который состоялся в Александрии в 312 г. Для церковных лидеров этих областей было более близким неоплатоническое направление, менее акцентировавшее идею единичности Бога, ориентировавшееся на идеалистическую по характеру диалектику и предпочитавшее аллегорическое толкование библейских текстов.

[28] С точки зрения Ария и его сторонников, в Евангелиях /даже в Евангелии от Иоанна/ Сын изображен как подчиненный Отцу. Этому подчинению Арий придавал абсолютный смысл, тем самым отказываясь от идеи равенства членов Троицы. Если Сын, по мнению Ария, находится в подчиненном положении по отношению к Отцу, то, следовательно, он не может быть абсолютным богом. Поскольку Сын не равен Отцу, он не имеет одинаковой с ним природы. Если бы Сын обладал божественной сущностью, которая всегда совершенна, он должен был бы быть и сам совершенен, то есть существовало бы два бога, равных друг другу во всем, а это означает политеизм и разобщение единичности Бога. В то же время, так как божественная субстанция является абсолютной, простой, неделимой и неизменной, то Бог не может порождать в смысле "производить из собственной субстанции", а может только порождать в смысле "творить". Следовательно, кроме Отца, обладающего несотворенной субстанцией, могут существовать только его творения, которые рождены во времени и которые имеют начало и конец. Поэтому Сын не вечен и является творением, хотя и исключительным.

[29] Распространение спора связано также и с тем, что низложенный на Александрийском синоде 321 г. Арий разослал епископам всех соседних областей изложенный им символ веры, прося их просветить его, если он заблуждается, или поддержать его, если он прав. После этого Арий покинул Египет и отправился сначала в Кесарию, где он сблизился в Евсевием Кесарийским, а затем в Никомидию к своему другу Евсевию Никомидийскому. Проповеди, которыми он сопровождал свое путешествие, привлекли на его сторону многих, в том числе и епископов этих областей. С этого момента арианский спор перешел на уровень борьбы между епископами Империи.

[30] Мелетий /ум. 326/ был епископом Ликополя в Нижнем Египте. Подобно Донату, он выступал против возвращения в церковь лиц и, особенно, священников, отрекшихся от христианства во время гонений. Мелетий был отлучен епископом Петром Александрийским, с которым он делил одну т: ремную камеру при диоклетиановых преследованиях.

[31] Евномиане — еретическая секта радикальных ариан /от Евномия, уче пика ересиарха Аэция. Македонии — константинопольский епископ и оди] из лидеров умеренных ариан при Констанции II.

[32] Концепция религиозного единомыслия, сформулированная в этом послании, была следствием опасений Константина по поводу возможных драматических последствий споров среди церковных иерархов. Император, конечно же, хорошо помнил о той смуте, которую вызвали в Северной Африке разногласия Доната и Цецилиана и которую только обострило его прямое вмешательство в 313 г. Следует также учитывать ситуацию, в которой было написано это послание — это был 324 г., первый год правления Константина на Востоке, когда его главной задачей стало мирное упрочение там своей власти.

[33] Первый Вселенский /Никейский/ собор 325 г.

[34] Финикияне — представители римской провинции Финикия /на восточном побережье Средиземного моря/. Аравитяне — представители римской провинции Аравия /к востоку от р. Иордан и Мертвого моря/.

[35] Скифия — римская провинция у гирла Дуная /совр. Добруджа/.

[36] Речь идет о римских провинциях Пот /северо-восточное побережье Малой Азии/, Галатия /центр Малой Азии/, Памфилия /южное побережье Малой Азии/, Каппадокия /восток Малой Азии/, Азия /западное побережье Малой Азии/, Фригия /запад Малой Азии/.

[37] Фракийцы, македоняне, ахеяне и эпирцы — представители римских провинций Фракия /юго-

восток совр. Болгарии/, Македония /северо-восток совр. Греции/, Ахайя /Средняя Греция и Пелопонесс/ и Эпир /запад совр. Греции/.

[38] Осия, епископ Кордовы.

[39] Сильвестр, епископ Рима /314-335/.

[40] Речь идет об Афанасии Великом /ок. 298—2 мая 373 г./, будущем знаменитом александрийском патриархе /326—373 с перерывами/.

[41] Сократ ничего не говорит о стойкой защите Арием своей позиции. Ересиарх заявил, что Бог-Слово не вечен /в отличие от Бога-Отца/ и не имеет такой же природы и субстанции, то есть не является богом. О божественности Сына, по словам Ария, можно говорить лишь в том смысле, в каком Писание говорит о божественности всех людей. Он добавил, что сначала Отец был один и что он сотворил Сына из небытия актом своей воли. Арий закончил свое выступление тем, что Отец невидим и непостижим даже для Сына, ибо то, что имеет начало, не может знать того, что вечно.

[42] Сабин Македонянин — арианский писатель, один из постоянных объектов критики со стороны Сократа.

[43] Это послание Евсевия Кесарийского, как и запоздалое принятие Никейского символа Евсевием Никомидийским, отражает сомнения значительной части присутствовавших в Никее епископов по поводу доктрины "едино-сущия", сомнения, которые по сути дела являлись сомнениями представителей антиохийской теологической школы, опасавшихся "политеистических"тенденций. Определение, весьма похожее на изобретенную на Никейском соборе формулу "омусиос" /равенство Бога-Отца и Бога-Сына/, уже было отвергнуто /вместе с учением Павла Самосатского/ на соборе сирийских епископов в Антиохии в 268 г. на том основании, что оно допускает существование двух богов — равных, но различных.

[44] Пентаполис /Пятиградье/ — одно из названий Киренаики.

[45] Решение Собора по поводу Мслетия и ого сторонников было, конечно, компромиссным, учитывающим то значительное влияние, каким мелетиане пользовались в Египте. Это был максимум того, на что могли согласиться сторонники александрийской партии.

[46] Решение по поводу Пасхи явилось успехом александрийской партии. Обычай празднования Пасхи в первое воскресенье вслед за весенним полнолунием был обычаем александрийского происхождения, тогда как большинство христиан Востока придерживалось иудейской традиции. В 382 г. Феодосии I введет смертную казнь за празднование Пасхи не в должный день.

[47] Это послание свидетельствует, что Константин считал Евсевия Кесарийского официальным рупором христианской церкви.

[48] Речь идет *о* чудесном обнаружении в 326 г. в Иерусалиме креста, на котором был распят Иисус. См. далее 1.17.

[49] Лициния.

[50] Храма Афродиты, воздвигнутого язычниками над Гробом Господним. См. далее 1.17.

[51] См. текст послания у Феодорита /1.20/.

[52] Новацианство — еретическое течение, основанное в 251 г. карфагенским пресвитером Новатом, который выступил против принятия в лоно церкви тех, кто отрекся от нее во время гонений.

[53] 250-251 гг. при императоре Деции /248—251 /.

[54] Руфин Аквилейский /ок.345—410/ — переводчик на латинский язык "Церковной истории" Евсевия Кесарийского, которую он дополнил двумя книгами. Этими последними Сократ широко пользовался.

[55] То есть до времени самого Сократа. Феодосии II /Младший/ правил с 1 , мая 408 г. по 28 июля 450 г.

[56] Никейский собор происходил с конца мая по конец июля 325 г.

[57] К западным областям относились диоцезы /округа/ Британия, Галлия, Испания, Африка, Италия и Иллирия; к восточным — диоцезы Дакия, Македония, Фракия, Азия, Понт, Египет и Восток /совр. Палестина и Сирия/.

[58] Восстановление в 328 г. Евсевия и Феогниса на их постах после низложения на Никейском соборе объясняется нежеланием Константина конфликтовать с восточными епископами, многие из которых находились под сильным влиянием арианства, а также усилиями партии Евсевия Кесарийского, приобретшей доминирующее положение в имперской церкви после Никейского собора.

[59] Смерть Александра и избрание Афанасия относятся к 328 г. /по другим данным, к 326 г./. Существует предание, что Афанасий всячески противился своему избранию. Однако именно он рассматривался как наиболее естественный и даже как единственно возможный преемник епископа Александра, будучи его секретарем, долгое время живя с ним под одной крышей и являясь самым активным защитником позиций александрийской церкви на соборе в Никее.

[60] Двадцатилетие правления Константина — 25 июля 326 г.

[61] Константинополь был основан 8 ноября 324 г. Торжественная церемония открытия города состоялась 11 мая 330 г.

[62] Из знаменитого храма Аполлона в Дельфах /в Фокиде, Средняя Греция/.

[63] Елена /ум.327/, дочь трактирщика, была первой женой Констанция Хлора, с которой он развелся в 293 г.

[64] Серапис — эллинистический бог плодородия, мертвых, явлений природы, повелитель наводнений, бог города Александрия.

[65] Нилометр — прибор для измерения уровня воды в Ниле, имевший культовое значение.

[66] Сарматы — коченое племя, жившее в Северном Причерноморье, готы — германское племя, также обитавшее в Северном Причерноморье. Сарматы и готы были разгромлены на Дунае в 332 г. Константин поселил сарматов в придунайских провинциях и в Северной Италии, а германцев — в Паннонии.

[67] Интересно, что первыми распространителями христианской веры среди варваров оказались сосланные в балканские и придунайские провинции арианские епископы.

[68] Бытие, XVHI.

[69] Пифонский демон — чудовищный змей, рожденный богиней земли Геей и убитый Аполлоном, или же, что более вероятно, сам Аполлон.

[70] Тир — крупный портовый город в Финикии.

[71] Начало распространения христианства у индийцев относится к концу 20-х—началу 30-х гг. IV в.

[72] Эвксинский Понт — древнегреческое название Черного моря

[73] Св. Антоний Великий /251 —17 января 356 г./ — знаменитый монах, проживший почти всю свою жизнь в египетской пустыне. Считается первым анахоретом /"тот, кто удаляется"/, т.е. монахом-отшельником.

[74] в "Житии Св. Антония".

[75] Мани /ок. 215—277/ — основатель манихейства, зверски замученный по приказу персидского шаха Бахрама I. Происходил из знатной персидской семьи. Манихейство, синтезировавшее многие элементы христианства, зороастризма и буддизма, было дуалистической религиозной системой. Согласно Мани, мир является ареной борьбы светлого и темного начал, а цель истории — освобождение частиц света от тьмы и зла. Человек должен этому всячески способствовать, ведя

нравственный образ жизни, воздерживаясь от брака, мясной пищи, убийства себе подобных и т.д. /аскетическая этика/. Манихейство широко распространилось от Рима до Китая и просуществовало до XII в.

[76] Сарацин — араб, житель Аравийского полуострова.

[77] Монтан — ересиарх II в. /он был перешедшим в христианство жрецом Кибелы/, проповедовавший близость Второго Пришествия и конца света.

[78] Будучи осужденным на Никейском соборе, арианство сосредоточило свои атаки против исходного в Никейском символе термина "единосущный", спровоцировав тем самым раскол христиан на "единосущников" и "неединосущников". "Неединосущники" /умеренные ариане/ утверждали, что Бог-Слово имеет не равную, но подобную Богу-Отцу субстанцию. Различия между этими двумя партиями сводились к одной букве — йоте: homousios /единосущный/ и homoiousios /подобосущный/. "Единосущники" стремились подчеркнуть единство двух первых лиц Троицы и абсолютную божественность Слова. "Неединосущники" сохранили от первоначального арианства отрицание идеи равенства сущностей Отца и Сына, но приняли никейскую концепцию Христа несотворенного и совечного Богу-Отцу. Лидерами "единосущников" были Евстафий Антиохийский и Афанасий Александрийский, лидерами "неединосущников" — Евсевий Кесарийский и Евсевий Никомидийский.

[79] Эмеса — город в южной Сирии.

[80] Имя его было Евтокий.

[81] Флавия Юлия Констанция умерла в 330 г.

[82] Календы в римском календаре — первые числа месяцев, приходившиеся на время, близкое новолунию.

[83] В 321 г. на Александрийском синоде.

[84] Хорошо видно, что изложенный Арием символ веры не содержал упоминания о "единосущии", но, судя по реакции императора, этого от него и не требовали. Константин считал, что Арий сделал достаточно уступок, теперь же шаг навстречу должен сделать и Афанасий. Именно поэтому император отправил Ария в Александрию, надеясь на примирение его с вождем ортодоксов. Это доказывает и приведенный ниже /1.27/ отрывок из послания Константина Афанасию.

[85] Сократ умалчивает о роли в этих событиях весьма уважаемого им Евсевия Кесарийского, одного из главных врагов Афанасия. Верхняя Мизия — римская провинция на северо-западе Балканского полуострова, к югу от совр. г. Белград. Паннония — римская провинция к северо-западу от Верхней Мизии /совр. северная Сербия, восточная Хорватия и западная Венгрия/.

[86] Участие мелетиан в кампании против Афанасия вполне естественно, так как он являлся одним из главных их врагов в Египте.

[87] Речь идет, очевидно, об организаторе какого-то заговора против императора.

[88] Мареотида — область в Нижнем Египте к западу от Дельты.

[89] Потир — литургический сосуд для освящения вина и принятия причастия.

[90] Речь идет о цезаре Далмации Младшем, правителе Македонии, Греции и Фракии /убит в 337 г./. Цензор — должностное лицо, надзиравшее, за финансами, общественным строительством и нравами.

[91] Имеется в виду храм Св. Гроба Господня. Его освящение произошло 13 сентября 335 г.

[92] Сократ не говорит, что председателем Собора был Евсевий Кесарийский.

[93] Ахаав — восьмой царь Израиля, известный идолопоклонством и враждой к Богу и его пророкам.

[94] Послание к Тирскому собору показывает, что в тог момент Константин решил поддержать Афанасия.

[95] С ними также находился и Евсевий Кесарийский.

[96] Египет являлся житницей Империи — он обеспечивал хлебом огромное население столицы.

[97] Афанасий был сослан в 335 г.

[98] Речь идет о Константинопольском соборе 336 г., осудившем учение Маркелла Анкирского. Маркелл проповедовал, что Бог-Сын получил бытие от Марии и что его бытие прекратится с концом мира. Оправдан на Сердикском соборе.

[99] Умеренный арианин Василий Анкирский, врач по образованию, был рукоположен по инициативе доминировавшей в церкви группы Евсевия Кесарийского. Василий будет низложен Сердикским собором и заменен Маркел-лом по настоянию императора Запада Константа, но затем вернется на епископский стол в 350 г. Однако через десять лет он вновь будет смещен /на этот разакакианами/.

[100] Имеется в виду трактат "Против Маркелла".

[101] Афедрон — отхожее место.

[102] Арий умер в 336 г.

[103] Константин II /Младший/ был объявлен цезарем 1 марта 3) 7 г., Константин II — 8 ноября 324 г., Констант — 25 декабря 333 г. Константин получил Британию, Галлию и Испанию, Констанций — весь Восток, а Констант — Италию, Африку и Иллирию.

[104] Второй год двести семьдесят восьмой олимпиады — 333 г. Константин же умер 22 мая 337 г.

КНИГА 2

ГЛАВА 1

Предисловие, в котором говорится, почему первая и вторая книга этой истории переделаны

Руфин, написавший церковную историю на латинском языке, погрешил в хронологии. Он думал, что гонения на Афанасия были уже после смерти царя Константина, не упомянул о ссылке его в Галлию и о многом другом. Следуя сперва Руфину, первую и вторую книгу своей истории мы написали согласно с его мнением, с третьей же до седьмой книги писали, заимствуя одно у Руфина, другое собирая из разных источников, а нечто излагая со слов еще живых современников. Но после того, получив сочинения Афанасия[1], в которых он описывает свои бедствия и то, каким образом, по проискам евсевиан, он сослан был в ссылку, мы признали справедливым следовать лучше самому страдальцу и очевидцам событий, нежели тем, которые знали о них по догадкам и оттого погрешали. Притом, нам попались письма различных людей того времени и мы, сколько можно было, следили за истиной. Все это заставило нас первую и вторую книгу написать снова, удерживая, впрочем, и из Руфина то, в чем он не уклонялся от истины. Надобно еще заметить, что в первом изложении мы не поместили ни сказания о низвержении Ария, ни писем царя, говорили об одних только событиях, чтобы слишком обширным повествованием не наскучить читателям. Но так как ты, святой Божий человек Феодор, нашел нужным и это, желая знать, что в своих посланиях писали цари и что на разных Соборах мало-помалу сделали для веры епископы, то в последнем своем изложении мы переделали все, что признали необходимым. Поступив же так с первой книгой, постараемся подобным образом поступить и со второй, которая у нас под руками. Теперь время начать повествование.

ГЛАВА 2

О том, что приверженцы никомидийского епископа Евсевия, желая снова ввести учения Ария, произвели в церквах смуты

По смерти царя Константина, приверженцы никомидийского епископа Евсевия и Феогниса, находя то время для себя благоприятным, начали изгонять веру в единосущие и вводить арианство, однако же успеть в этом не могли бы, если бы возвращен был Афанасий. Посему они стали действовать посредством того же пресвитера, который незадолго до того устроил возвращение Ария. Скажем, как это случилось. Упомянутый пресвитер поднес сыну царя, Констанцию, завещание и распоряжения умершего государя. Констанций нашел в завещании то, чего желал, ибо по завещанию ему вверялось царствование на востоке. Поэтому он удостоил пресвитера почести, облек его великою доверенностью и позволил ему свободно приходить в царский дворец. Такая доверенность скоро сделала его известным супруге царя[2] и ее евнухам. Начальником царских опочивален в то время был один евнух, по имени Евсевий. Пресвитер убедил его принять учение Ария, а за ним тот же образ мыслей приняли и прочие евнухи. После сего, при помощи евнухов и пресвитера, на сторону Ариева учения склонилась даже царская

супруга, а немного спустя дело дошло и до самого царя. Тогда арианство вдруг распространилось сперва между придворными чинами, а потом и между всеми гражданами. О мнении Ария во дворце рассуждали служители со служанками, а в городе каждый дом был местом диалектических споров. Отсюда зло скоро перешло и в другие провинции и города, и вопрос, подобно искре, начавшись с малого, возбуждал слушателей к сильным прениям, ибо каждый, спрашивая о причине шума, тотчас же сам получал повод к изысканию и вслед за вопросом начинал состязаться. От такого состязания все приходило в беспорядок. Впрочем, это происходило только в городах восточных, а города иллирийские и страны западные оставались спокойными, потому что определений никейского Собора колебать не хотели. Между тем как возгоревшееся дело принимало худший и худший вид, приверженцы Евсевия никомидийского в таком смятении народа находили свою выгоду, ибо только при подобных обстоятельствах они надеялись поставить епископом Александрии кого-либо из своих единомышленников. Однако их намерение предупреждено было возвращением в Александрию Афанасия, который уполномочен был к тому грамотой одного Августа, соименного отцу Константина Младшего, писанной им из галльской Триверы к александрийскому народу. Эта грамота есть следующая.

ГЛАВА 3

О том, что Афанасий, уполномоченный грамотой Константина Младшего, возвратился в Александрию

Константин Кесарь — народу кафолической александрийской церкви.

«Вашему благоразумию, думаю, не безызвестно, что Афанасий, истолкователь достопокланяемого закона, был на время послан в Галлию для того, чтобы, по жесткости кровожадных и непримиримых врагов, угрожавших опасностью священной главе его, не потерпеть ему от козней злых неисцелимого зла. Для сохранения его от такой именно жестокости он был исторгнут из челюсти нападавших на него людей и послан жить под моим покровительством, так чтобы в назначенном для его жительства городе иметь ему в изобилии все нужное, хотя достославная его добродетель, полагаясь на помощь Божию, вменила бы ни во что и бремя тягчайшей участи. Желая удовлетворить, сколько можно, боголюбивейшему вашему благочестию, владыка наш, блаженной памяти Константин, Август, родитель мой, намеревался уже возвратить упомянутого епископа на прежнее его место; но так как, не исполнив еще сего желания, он предварен был человеческим жребием и опочил, то, сделавшись наследником намерения блаженной памяти царя, я счел долгом исполнить его. Увидевшись с Афанасием, вы сами узнаете от него, какое питал я к нему уважение. Да и не удивительно, если я что-нибудь сделал в его пользу; к этому располагали и побуждали мою душу сколько выражения нашей любви, столько же доблесть сего мужа. Божественное промышление до сохранит вас, возлюбленные братья!»[3]

Уполномоченный сей грамотой, Афанасий возвратился в Александрию[4], и александрийский народ принял его с великой радостью. Но находившиеся там приверженцы арианства составляли против него заговоры в самом отечестве, что было причиной частых возмущений и послужило для евсевиан поводом обвинять его перед царем, будто он позволил себе возвратиться в Церковь без общего определения Собора епископов. Наветы свои евсевиане простерли до того, что царь разгневался и изгнал Афанасия из Александрии. И как это происходило, скажу немного ниже.

ГЛАВА 4

О том, что после смерти Евсевия Памфила кесарийскую епископию принял Акакий

В то самое время, по смерти Евсевия, бывшего епископом в Кесарии палестинской и прозывавшегося Памфилом[5], принял кесарийское епископство ученик его Акакий, который, кроме многих других книг, написал книгу и о жизни своего учителя.

ГЛАВА 5

О смерти Константина Младшего

Спустя немного времени, брат царя Констанция, соименный отцу, Константин Младший, напав на области меньшего своего брата Константа и сражаясь с его войсками, был убит ими[6] — в консульства Акиндина и Прокла.

ГЛАВА 6

О том, что константинопольский епископ Александр, находясь при смерти, предложил к избранию (в преемники себе) Павла и Македония

Около того же времени в Константинополе к прежним смятениям присоединилось новое, причиной которого было следующее. Предстоятель константинопольских церквей Александр, подвизавшийся против Ария, в епископстве провел двадцать три года, всего же прожил девяносто восемь лет, и скончался, не рукоположив никого на свое место, а только заповедав, кому следует, избрать одного из двух, которых и назвал по имени[7]. Если хотите, говорил он, (иметь епископом) мужа учительного и известного по доброй жизни, то изберите Павла, которого я рукоположил в пресвитеры. Он молод по возрасту, но зрел по уму. А если вам нужен человек, отличающийся только важною наружностью, то возьмите Македония, который уже давно служил диаконом Церкви и возрастом старец. От этого, касательно избрания епископа, произошел сильный спор и возмутил Церковь, ибо народ разделился на две партии, на приверженцев арианского учения и на мысливших согласно с определением никейского Собора. Пока Александр был жив, перевес оставался на стороне защитников единосущия; ариане же разногласили между собой и ежедневно спорили об этом догмате. А как скоро Александр умер, распря народа сделалась обоюдной. Хранители веры в единосущие назначали епископом Павла, а арианствовавшие сильно желали Македония. Наконец, в церкви, соименной миру, смежной с так называемой Великой Софией, рукоположен был Павел, что произошло, кажется, особенно по мнению почившего епископа.

ГЛАВА 7

О том, что новопоставленного епископа Павла царь Констанций изгнал и, вызвав из Никомидии Евсевия, вверил ему епископство константинопольское

Спустя немного времени прибыл в Константинополь царь и, по случаю такого рукоположения, сильно разгневался. Потом, собрав епископов, державшихся арианского образа мыслей, изгнал Павла и, вызвав из Никомидии Евсевия, утвердил его епископом константинопольским. Сделав это, царь уехал в Антиохию.

ГЛАВА 8

О том, что Евсевий, созвав другой Собор в Антиохии сирийской, обнародовал новое изложение веры

Между тем, Евсевий никак не хотел успокоиться, но, по пословице, ворочал камни, лишь бы исполнить то, что вознамерился. Он составил Собор в Антиохии сирийской. Предлогом было освящение храма, который был начат еще отцом Августов и, по смерти его, окончен сыном Констанцием на десятом году по заложении. На самом же деле предполагалось извратить и отвергнуть веру в единосущие. На этот Собор съехалось около девяноста епископов из разных городов. Впрочем, на нем не было иерусалимского епископа Максима, преемника Макария, который помнил, что раз его уже обманули и увлекли к подписанию акта о низложении Афанасия; не было и велико-римского епископа Юлия[8] и никого другого от его имени, между тем как, по церковному правилу, никакого постановления в Церквах без согласия римского епископа вводить не следует. Этот Собор в Антиохии составился в присутствии царя Констанция, в консульство Маркелла и Пробина, в пятый год после смерти отца Августов Константина. Предстоятелем антиохийской Церкви тогда был преемник Евфрония Плакит[9]. Приверженцы Евсевия начали дело с клеветы на Афанасия, во-первых, будто он, без общего согласия Собора епископов, приняв снова чин священства и по возвращении из ссылки, позволил сам себе вступить в Церковь, нарушил церковное правило, которое они тогда только постановили; во-вторых, будто, при вступлении его, произошло возмущение и во время возмущения многие умерли, и будто Афанасий иных наказал телесно, а других отдал под суд. Даже и события в Тире были выставлены против Афанасия.

ГЛАВА 9

О Евсевии эмесском

Составив в то время такую клевету, они на первый раз нарекли александрийским епископом Евсевия, прозванного эмесским. А кто он был, о том рассказывает присутствовавший тогда на Соборе Георгий лаодикийский. Георгий в своем сочинении о Евсевии говорит, что он происходил от благородных родителей, живших в Эдессе месопотамской, и с малолетства читал Священное Писание, потом у одного прибывшего тогда в Эдессу учителя слушал греческие науки, и наконец, изучал толкования Священного Писания, изложенные Патрофилом и Евсевием, из коих один был предстоятелем церкви в Кесарии, другой — Скифополисе[10]. После того, в бытность его в Антиохии, случилось низложение Евстафия, обвиненного Киром берийским в савеллианстве. Затем Евсевий остался было у Евфрония, преемника Евстафия[11], убегая (предложенного ему) священного сана, удалился в Александрию и там занимался философией. Возвратившись потом в Антиохию, он вошел в знакомство с преемником Евфрония Плакитом. В это время Евсевий константинопольский наименовал его епископом Александрии, однако он не отправился туда, потому что народ

александрийский весьма любил Афанасия, но был послан в город Эмессу. Когда же эмессцы восстали против его рукоположения, ибо, под предлогом любви к математике[12], Евсевий говорил нелепости, то он принужден был бежать и удалился в Лаодикию, к тому самому Георгию, который так много говорит о нем, а Георгий, отправив его в Антиохию, посредством Плакита и Наркисса успел снова доставить ему место в Эмессе, где однако же он опять подвергся нареканию в единомыслии с Савеллием. Впрочем о судьбе его Георгий пишет гораздо обширнее и в заключение присовокупляет, что, отправляясь против варваров, царь взял его с собою, и что им совершены были некоторые чудеса. Вот все, что я заимствовал из сказания Георгия о Евсевии эмесском.

ГЛАВА 10

О том, что собравшиеся в Антиохии епископы вместо Евсевия эмесского, который отказался от Александрии, рукоположили Григория и изменили изложение никейской веры

Когда нареченный в Антиохии Евсевий побоялся отправиться в Александрию, тогда на александрийское епископство избран был Григорий[13]. Совершив это, епископы антиохийского Собора начали переиначивать веру. Постановлений никейских они, конечно, не порицали, но самим делом подали пример частого учреждения Соборов с целью устранить и извратить веру в единосущие и обезобразить символ в других отношениях, так что мало-помалу уклонились в арианство. Как это произошло, — скажем после. Обнародованное ими послание о вере есть следующее:

«Мы никогда не были последователями Ария, ибо как нам, епископам, следовать пресвитеру! и никакой иной веры, кроме преподанной от начала, не принимали. Напротив, быв исследователями и испытателями веры, принятой Арием, мы, скорее, сами обратили его к себе, нежели последовали за ним. Это узнаете вы из следующих слов. От древности научились мы веровать в единого Бога всяческих, Творца и Промыслителя всего мыслимого и чувственного, и во единого Сына Божия единородного, Который был прежде всех веков и сосуществует родившему Его Отцу, чрез Которого произошло все видимое, и невидимое, и Который в последние дни, по благоволению Отца, низшел, принял плоть от святой Девы и, исполняя всю отеческую о нем волю, пострадал, воскрес, вознесся на небеса и сидит одесную Отца, и придет судить живых и мертвых, и пребудет Царем и Богом во веки. Веруем и в Духа Святого. Если нужно прибавлять, веруем и в воскресение плоти, и в жизнь вечную».

Написав это в первом своем послании, епископы разослали его по городу, а потом, спустя немного, находясь еще в Антиохии, как бы сами заметили его недостаточность и обнародовали другое в следующих словах.

Другое изложение веры.

«Согласно с евангельским и апостольским преданием, веруем во единого Бога Отца, Вседержителя, Создателя и Творца всего; и в единого Господа Иисуса Христа, единородного Его Сына, Бога, чрез которого все произошло, Который прежде всех веков родился от Отца, Бог от Бога, всецелый от всецелого, единый от единого, совершенный от совершенного, царь от царя, Господь от Господа, Слово живое, премудрость, жизнь, свет истинный, путь истины, воскресение, пастырь, дверь, непреложный и неизменяемый,

совершенный образ божества, существа, силы, воли и славы отчей, перворордный всей твари, сущий в начале у Бога, Бог — Слово, как сказано в Евангелии: *и Бог бе Слово, имже вся быша* (Иоан. 1, 3), *и всяческая в нем состоятся* (Кол. 1, 12). Который в последние дни низшел свыше и родился от девы по писаниям, и сделался человеком, посредником между Богом и людьми. Апостолом нашей веры и начальником жизни, как сам говорит: *снидох с небес, не да творю волю Мою, но волю Пославшего мя* (Иоан. 6, 38), Который пострадал за нас и воскрес за нас в третий день, и возшел на небеса и воссел одесную Отца, и опять придет со славой и силой судить живых и мертвых. И в Духа Святого, данного верующим в утешение, освящение и усовершение, как и Господь наш Иисус Христос заповедал ученикам говоря: *шедши научите вся языцы, крестяще их во имя Отца, и Сына, и Святого Духа* (Матф. 18, 19), т. е. во имя Отца, как истинного Отца, Сына, как истинного Сына, и Духа Святого, как истинного Духа Святого, ибо эти имена поставлены не просто и не без нужды, но точно означают собственную каждого из именуемых ипостась, славу и степень, так что по ипостаси — их три, а по согласию они — одно. Содержа сию веру перед Богом и Христом, мы анафематствуем всякое еретическое злоучение, и кто против здравой и правой веры Писаний утверждает, что есть или было время либо век, когда Сына Божия не было, тот да будет анафема. Равным образом, кто утверждает, что Сын есть творение, как одно из творений или рождение, как одно из рождений, а не так, как о всем вышесказанном передали божественные Писания, или кто учит, либо проповедует отличное от принятого нами, тот да будет анафема; ибо мы веруем и следуем всему, что истинно и ясно передано в божественных Писаниях Пророками и Апостолами»[14].

Вот изложения веры, составленные собравшимися тогда в Антиохии (епископами). Под этими изложениями подписался и Григорий как епископ александрийский, хотя он еще не был в Александрии. Совершив это и сделав некоторые другие постановления, тогдашний Собор разошелся. В то же самое время произошли беспокойства и в жизни гражданской. Народ, именуемый франками, напал на римлян в Галлии[15], а на востоке были сильнейшие землетрясения, от которых в течение целого года особенно страдала Антиохия.

ГЛАВА 11

О том, что, при вступлении Григория в Александрию с отрядом войска, Афанасий ушел

После этих событий, военачальник Сириан и с ним пять тысяч вооруженного войска ввели Григория в Александрию. К сей страже присоединились и тамошние единомышленники Ария. Теперь надобно сказать, как изгоняемый из Церкви Афанасий не был схвачен и успел уйти. Наступил вечер, и народ в ожидании богослужения проводил в церкви ночь без сна. В это время приходит военачальник и фалангами окружает церковь во всех сторон. Узнав о том и опасаясь, чтобы ради него народ не потерпел какого-либо вреда, Афанасий приказал диакону провозгласить о молитве и тотчас велел читать псалом. Во время согласного пения псалма, все начали выходить в одну из церковных дверей. Между тем как это происходило, воины оставались в бездействии, посему, вмешавшись в толпу людей, певших псалом, безвредно спасся и Афанасий и, таким образом избежав опасности, удалился в Рим. Тогда Григорий овладел Церковью, но александрийский народ, в негодовании на случившееся, сжег эту, так называемую Дионисиеву Церковь[16]. Впрочем, довольно о сем предмете. Между тем Евсевий, сделав, чего хотелось, отправил

посольство к римскому епископу Юлию с прошением разобрать дело Афанасия и принять на себя решение его.

ГЛАВА 12

О том, что, по смерти Евсевия, константинопольский народ снова возвел на епископский престол Павла, а ариане избрали Македония

Но Евсевий не успел узнать, что определил Юлий касательно Афанасия, потому что, спустя немного после Собора, он умер. Вследствие сего, народ константинопольский ввел в Церковь Павла, а ариане, со своей стороны, в так называемой Церкви Павла рукоположили Македония. И это сделали прежние сообщники Евсевия, некогда помогавшие ему в смутах, а теперь наследовавшие его власть, как то: Феогнис никейский, Марис халкидонский, Феодор ираклийский во Фракии, Урзакий сингидонский в верхней Мисии, Валент мурсийский в верхней Паннонии. Урзакий и Валент впоследствии раскаялись и, представив епископу Юлию покаянную грамоту, приняли учение о единосущии и были допущены к общению с Церковью; но тогда, пламенно защищая учение арианское, возбудили в Церквах немалые возмущения, из которых одно было произведено и в Константинополе Македонием. От междоусобного раздора христиан в этом городе происходили частые волнения, и многие, потерпев от них, погибли.

ГЛАВА 13

Об убиении военоначальника Гермогена и о том, что по этому случая Павел опять был изгнан из Церкви

Это событие дошло до слуха царя Констанция, жившего тогда в Антиохии. Посему, отправляя военачальника Гермогена к пределам Фракии, он приказал ему по пути зайти в Константинополь и изгнать из Церкви Павла. Прибыв в Константинополь и стараясь изгнать епископа, Гермоген привел в смятение весь город, ибо народ тотчас взволновался и приготовился к защите. Когда же Гермоген, несмотря на то, продолжал свою настойчивость и хотел изгнать епископа воинской силою, то раздраженная чернь, как обыкновенно бывает в подобных случаях, с яростью устремилась против него, сожгла его дом, а его самого извлекла вон и убила. Это произошло в консульство двух Августов — в третье Констанция и во второе Константа, именно тогда, как Констант, победив франков, сделал их данниками римлян. Узнав об убиении Гермогена, царь Констанций из Антиохии быстро прискакал в Константинополь, изгнал Павла из города, а самый город наказал тем, что из количества хлеба, отпускавшегося жителям по назначению отца его, убавилось более сорока тысяч мер[17], ибо прежде выдавалось им около восьмидесяти тысяч мер привозимого из Александрии хлеба. Впрочем и назначение Македония в епископы Константинополя царь отложил, потому что гневался на него как за принятое им рукоположение без его согласия, так и за происшедшие из-за него и Павла волнения, бывшие причиной погибели военачальника Гермогена и многих других, а только позволил ему совершать богослужения в той церкви, в которой был он рукоположен, и опять удалился в Антиохию.

ГЛАВА 14

О том, что ариане, удалив из Александрии Григория, послали на его место Георгия

В то же время ариане удалили из Александрии Григория, как человека, всеми ненавидимого частью за сожжение церкви, а частью за то, что он не очень сильно защищал их учение, и на его место послали Георгия[18], который происходил из Каппадокии и пользовался славою особенного ревнителя их ереси.

ГЛАВА 15

О том, что Афанасий и Павел, прибыв в Рим и получив грамоты от епископа Юлия, опять вступили на свои престолы

Афанасий долго путешествовал, пока, наконец, достиг Италии. Западными областями в то время управлял один, младший из сыновей Константина, Констант, потому что брат его Константин, как мы сказали выше, был убит воинами. Около того же времени в царственном городе Риме находились Павел константинопольский, Асклепа газский[19], Маркелл анкирский из малой Галатии и Люций адрианопольский[20], обвиненные каждый в особых преступлениях и изгнанные из Церквей. Они известили о своих делах римского епископа Юлия, и Юлий, пользуясь преимуществами римской Церкви, дал им уполномоченные грамоты, которыми возвращалось каждому прежнее его место, и письма, в которых выражалось негодование на опрометчивых гонителей, и с этими грамотами и письмами отпустил их на восток[21]. Отправившись из Рима и указывая на полномочия епископа Юлия, они снова взяли свои Церкви, а Юлиевы письма послали к тем, к кому они были написаны. Но получившие их укоризну приняли за вражду и, назначив Собор в Антиохии, съехались и с общего согласия написали Юлию послание, в котором, сильно обвиняя Юлия, говорили, что он не должен снова принимать в Церковь изгнанных ими лиц, ибо и они не противоречили, когда изгнан был из Церкви Новат. Так писали епископы восточные римскому епископу Юлию[22]. А по вступлении Афанасия в Александрию, приверженцы арианина Георгия, говорят, были изгнаны, от чего произошли смуты и убийства, виновником которых и предметом порицания ариане выставляли Афанасия[23]. Скажу об этом несколько слов. Истинные причины знает Судья самой истины — Бог; а что по большей части так бывает, когда чернь приходит в волнение, это не безызвестно всем здравомыслящим. Посему порицатели Афанасия, и особенно глава македониевой ереси Сабин, напрасно считают его виновником тогдашних смятений и убийств. Если бы Сабин размыслил, сколько зол ариане причинили Афанасию и исповедникам единосущия, сколько жаловались на это бывшие по делу Афанасия Соборы, и сколько бедствий нанес всем Церквам сам ересеначальник Македоний, то молчал бы, или, говоря, произносил бы похвалу (Афанасию) вместо порицаний. Напротив, теперь умалчивая о последнем, он клеветливо высказывает первое и, желая скрыть дерзкие поступки своего ересеначальника, даже не упоминает о нем. Притом, что всего удивительнее, об арианах, которых убегал, он говорит не худо, а что касается Македония, которого был последователем, то скрыл и самое его рукоположение, потому что, если бы упомянул о его рукоположении, то конечно упомянул бы и о сделанных им при том случае несправедливостях. Но довольно об этом.

ГЛАВА 16

О том, что царь повелел префекту Филиппу изгнать Павла и отправить его в ссылку, а Македония возвести на престол

Живя в Антиохии, царь Констанций узнал, что Павел опять занял престол и этим происшествием был сильно разгневан. Он послал письменное повеление префекту Филиппу, имевшему власть выше всех прочих правителей и занимавшему после царя второе место, изгнать Павла из Церкви и на место его ввести Македония. Опасаясь народного возмущения, префект Филипп решился взять Павла хитростью. Он скрыл у себя царский указ и, под предлогом занятия общественными делами, пришел в одну общественную купальню, носившую имя Зевгзиппа. Отсюда послал он с почтением просить Павла, чтобы тот пришел к нему, будто по делу необходимому, — и Павел пришел. Но как скоро он, по приглашению, явился, префект тотчас показал ему царский указ, и епископ великодушно принял осуждение без суда. Однако префект, все еще боясь окружавших его и опасаясь народного восстания — ибо подозрительная молва привлекла многих к тому общественному месту, — приказал выломать одну дверь в купальне и чрез нее провести Павла в царский дворец, а потом посадить на приготовленный для него корабль и тотчас отправить в ссылку. При этом от префекта дано ему повеление ехать в главный город Македонии Фессалоники, откуда происходили его предки, жить там и свободно посещать другие города Иллирии, но отнюдь не переезжать в области восточные. Таким образом, сверх чаяния изгнанный из Церкви и города, Павел был увезен с поспешностью, а царский префект, Филипп прямо из общественной купальни отправился в церковь. Вместе же с ним, как будто каким дивом, очутился и Македоний. Сидя на одной с префектом колеснице, он показывался всем, а вокруг них ехал с обнаженными мечами отряд воинов. Это произвело в народе страх, и все, как исповедники единосущия, так и приверженцы арианского учения, начали стекаться в церковь, стараясь друг перед другом овладеть ею. А когда префект вместе с Македонием приблизился к церкви, тогда неизъяснимый ужас овладел не только народом, но и самими воинами. Так как народу здесь было великое множество, и префект, ведший Македония, никак не мог пройти, то воины начали сильно разгонять толпы, и когда разгоняемый народ, по причине тесноты, не мог расступиться, то стража, приняв это за упорство и намеренное преграждение входа, пошла против него с обнаженными мечами и наделала дела. Говорят, что в это время погибло около трех тысяч ста пятидесяти человек, из коих одни были убиты воинами, другие задавлены толпою. Таковы-то были подвиги, посредством которых Македоний, будто не сделавший ничего худого, но чистый и невиновный в том, что случилось, вступил на престол — не столько по силе церковного правила, сколько при помощи префекта. Вот сколько убийств, чрез которые он и ариане овладели Церковью! В то самое время царь создал великий храм, называемый ныне Софией. Он смежен с церковью, соименною миру. Эта церковь прежде была небольшая, но отец царя украсил и расширил ее. Теперь обе они, находясь в одной ограде, называются одним именем.

ГЛАВА 17

О том, что Афанасий, страшась угроз царя, приехал в Рим

В то же время ариане сплели на Афанасия и другую клевету под следующим предлогом. По распоряжению отца Августов, александрийской Церкви ежегодно выдаваемо было известное количество хлеба для пропитания бедных. Ариане говорили, будто этот хлеб Афанасий продает, а деньги обращает в свою пользу. Царь поверил и угрожал ему смертью. Афанасий же, предугадывая гнев царя, убежал и скрылся. Римский епископ Юлий узнал о действиях ариан против Афанасия и, получив послание покойного Евсевия,

призвал к себе Афанасия, убежище коего было ему известно. В то же самое время получено им и послание епископов, собиравшихся прежде того в Антиохии, и другое послание от епископов египетских, в котором они доказывали, что все, утверждаемое против Афанасия, ложь. Эти, противоречащие одно другому послания, расположили Юлия ответною грамотою порицать собиравшихся в Антиохии епископов, во-первых — за грубость их послания, во-вторых — за нарушение церковных правил, потому что они не пригласили его на Собор, между тем как, по силе церковного правила, никакого постановления не следует вводить в Церковь без согласия епископа римского; и в-третьих — за то, что они скрытно исказили веру. Да и прежние действия их в Тире совершаемы были злонамеренно, потому что и сведения в Мареотиде собраны в пользу только одной стороны. Даже самое дело Арсения оказалось явной клеветой. Это и подобное этому пространно написал Юлий собравшимся в Антиохии епископам. Мы поместили бы здесь и послание к Юлию, и послание самого Юлия, если бы не препятствовала многоречивая длиннота их. Последователь Македониевой ереси, Сабин, о котором уже было упоминаемо, в своем собрании соборных деяний не поместил посланий Юлия, а послания епископов, собиравшихся в Антиохии, поместить не забыл. Это у него дело обыкновенное; те соборные послания, в которых умалчивается или отвергается единосущие, он тщательно помещает, а противоположные им с намерением опускает. Но довольно об этом. Спустя немного времени и Павел, под предлогом путешествия в Коринф[24], из Фессалоники прибыл в Италию. И оба эти епископа доложили о своих делах тамошнему государю.

ГЛАВА 18

О том, что царь Запада требовал от своего брата людей для объяснения по делам Афанасия и Павла, и что присланные объявили новое изложение веры

Царь западных областей[25] узнал об их делах и, обнаружив сострадание, просил брата[26] письмом выслать к себе трех епископов для объяснения касательно низвержения Павла и Афанасия. Вследствие сего посланы были Наркисс киликийский, Феодор фракийский, Марис халкидонский и Марк сирийский. Прибыв в Рим, они никак не хотели говорить с Афанасием, но, скрыв изложенную в Антиохии веру, составили другую и представили ее царю Константину[27] в следующих выражениях:

Другое изложение веры.

«Веруем в единого Бога, Отца Вседержителя, Творца и Создателя всего, от Которого именуется всякое отечество на небесах и на земле; в единородного Сына Его, Господа нашего Иисуса Христа, рожденного от отца прежде всех веков, в Бога от Бога, свет от света, чрез которого произошло все на небесах и на земле, видимое и невидимое, в Слово, Премудрость, силу, жизнь и свет истинный, Который в последние дни ради нас воплотился и родился от Святой Девы, распят и умер, погребен и воскрес из мертвых в третий день, взошел на небеса и воссел одесную Отца, и в конце веков приидет судить живых и мертвых и воздать каждому по делам его, Которого царство непрерывно и будет продолжаться в бесконечные веки, потому что Он сидит одесную Отца не только в сем веке, но и в будущем; и в Духа Святого, т. е. в Утешителя, Которого Христос обещал послать Апостолам, по восшествии Своем на небеса, Которого действительно послал научить их и напомнить им все, и чрез Которого именно освятятся души искренно верующих в него. А кто утверждает, будто Сын — из не-сущего, или от Другой ипостаси,

а не от Бога, и будто было время, когда Его не было, тех кафолическая церковь чуждается»[28].

Представив это изложение веры царю, и сообщив его многим другим, они не сделали ничего более и уехали. Между тем, когда было еще свободное сообщение между западными и восточными римлянами, в иллирийском городе Сирмии явилась другая ересь. Предстоятель тамошних Церквей Фотин, родом из малой Галатии, ученик низверженного (епископа) Маркелла, следуя своему учителю, начал учить, что Сын Божий был простой человек. Но об этом скажем в своем месте.

ГЛАВА 19

О пространном изложении веры

Спустя три года, восточные епископы опять съехались на Собор и, составив новое исповедание веры, послали его в Италию с тогдашним епископом Германикии Евдоксием, Мартирием и Македонием, епископом мопсуэстским в Киликии. Это исповедание, написанное пространно и имеющее много прибавок в сравнении с прежними, изложено было в следующих выражениях:

«Веруем в единого Бога, Отца Вседержителя, Творца и Создателя всяческих, от Которого именуется всякое отечество на небесах и на земле; и в Единородного Сына Его Иисуса Христа, Господа нашего, рожденного от Отца прежде всех веков, в Бога от Бога, свет от света, чрез Которого произошло все на небесах и на земле видимое и невидимое, в Слово, Премудрость, Силу, Жизнь и свет истинный, Который в последние дни ради нас воплотился и родился от Святой Девы, распят и умер, погребен и воскрес из мертвых в третий день, вознесся на небо и воссел одесную Отца, и в конце веков придет судить живых и мертвых и воздать каждому по делам его, Которого царство непрерывно и пребывает в бесконечные веки, потому что Он сидит одесную Отца не только в сем веке, но и в будущем. Веруем и в Духа Святого, т. е. в Утешителя, Которого Христос обещал Апостолам по восшествии на небо, Которого послал научить и напомнить им все, и чрез Которого освящаются души искренно верующих в Него. А кто утверждает, будто Сын — из не-сущего, или от другой ипостаси, а не от Бога, и будто было некогда время, либо век, когда Его не было, тех святая кафолическая церковь чуждается. Равным образом кто говорит, будто — три Бога, или Христос не есть Бог прежде веков, или Христос и Сын Божий не один и тот же, или Отец и Сын и Святый Дух не одно и то же, или Сын не рожден, или Отец родил Сына не по воле и не по хотению, тех святая и кафолическая Церковь анафематствует. Говорить, что Сын (произошел) из не-сущего, не безопасно, потому что в богодухновенных Писаниях нигде о Нем так не говорится. Не утверждаем мы и того, будто Он истинно рожден от другой, кроме Отца, прежде бывшей ипостаси, а не от единого Бога, ибо, по учению божественного слова, Отец Христа есть единое, нерожденное и безначальное существо. Кто без свидетельства Писаний безрассудно утверждает, что было время, когда Его не было, тот не должен представлять себе какой-либо промежуток времени, но мыслить единого Бога, Который родил его вневременно, ибо и времена и веки чрез Него сотворены. Не должно также думать, что Сын собезначален и сонерожден Отцу, ибо собезначальному и сонерожденному собственно не может приличествовать наименования ни отца, ни Сына. Мы знаем единого безначального и непостижимого Отца, Который родил непостижимо и никому не ведомо; Сын же рожден прежде веков, и отнюдь не рожден, подобно Отцу, но имеет начало в родившем Отце, ибо Глава Христа есть Бог. Признавая три особенности и три лица, Отца,

Сына и Святого Духа, по Писаниям, мы чрез то не допускаем трех Богов; ибо знаем только одного самосовершенного и нерожденного, безначального и невидимого, Который есть Бог и Отец единородного, Который один имеет бытие от Себя самого и один независтно дарует бытие всем другим. Впрочем, говоря, что Отец Господа Иисуса есть единый Бог, единый нерожденный, мы тем не отвергаем истины, что Христос есть предвечный Бог, как делают последователи Павла Самосатского, которые говорят, будто обожествился Он после воплощения, вследствие усовершенствования, а по природе был простым человеком. Мы знаем, что и Он, несмотря на подчиненность Отцу и Богу, как рожденный от Бога, есть по природе Бог совершенный и истинный, и не из среды людей в последствии времени стал Богом, но из Бога ради нас вочеловечился, и никогда не переставал быть Богом. Мы отвергаем и анафематствуем равным образом тех, которые лживо называют Его только простым и несамосущим Словом Бога, имеющим Свое бытие в другом, уподобляя Его слову — то произносимому, то внутреннему, а Христом, Сыном Божиим, посредником и предвечным образом Бога признавать не хотят и утверждают, будто Христом и Сыном Божиим сделался Он тогда, когда принял нашу плоть от Девы, то есть, за четыреста пред сим лет, которые говорят, что в это время Христос начал царствовать и что царству Его по окончании мира и суда будет конец. Так учат последователи Маркелла и Фотина анкирских, в Галатии. Они, подобно иудеям, под предлогом единовластия Божия, отвергают и предвечное существование, и божество Христа, и нескончаемое Его царство. Напротив, мы признаем Его не просто произносимым или внутренним Словом Бога, но живым Богом-Словом, самосущим, Сыном Божиим и Христом, Который не по предвидению только сосуществует и сожительствует прежде веков своему Отцу и служит Ему при творении всего видимого и невидимого, но Который есть ипостасное Слово Отца и Бог от Бога. Ибо Ему-то сказал Отец: сотворим человека по образу нашему и подобию (Быт. 1, 26). Он-то собственной личностью являлся отцам, дал закон, глаголал чрез пророков, а напоследок вочеловечился и царствует в бесконечные веки. И мы веруем, что (в то время) Христос не получил никакого нового достоинства, но что Он был совершенен от вечности и подобен Отцу во всем. А тех, которые утверждают, будто Отец и Сын и Святый Дух суть один и тот же, и эти три имени нечестиво принимают за одну и ту же особенность и личность, мы по справедливости отлучаем от церкви, потому что невместимого и бесстрастного Отца в состоянии вочеловечения делают они вместимым и причастным страданию. Таковы у римлян патропассиане, а у нас савеллиане. Мы знаем, что пославший Отец всегда пребывает в собственном состоянии неизменяемого божества, а посланный Христос совершил домостроительство вочеловечения. Равным образом и тех, которые нечестиво утверждают, будто Христос родился не по воле и хотению (Отца), и, подчиняя Бога невольной и несвободной необходимости, говорят, что Он родил Сына против своего желания, мы признаем людьми нечестивейшими и отступившими от истины; потому что они дерзнули утверждать это вопреки как общим понятиям о Боге, так и смыслу богодуховенного Писания. Напротив, исповедуя Бога Вседержителем и Господом Самосущим, мы благочестиво принимаем, что Он родил Сына по воле и хотению своему, и веруем со страхом тому, что сказано о Нем: *Господь созда мя начало путей своих в дела своя* (Притч. 8, 22), хотя не думаем, будто Он рожден подобно прочим происшедшим чрез Него созданиям или творениям, ибо нечестиво и чуждо вере Церкви смешивать Создателя с Его созданиями и приписывать Ему одинаковый с другими образ происхождения. Да и божественные Писания научают нас, что (от Бога Отца) подлинно и истинно родился только один единородный Сын. Впрочем, мы не говорим, что Сын существует сам по себе, что Он живет и имеет бытие подобно Отцу; нет, мы не отделяем Его от Отца и не вводим между ними каких-либо чувственных мест и расстояний, но веруем, что Они соединены между собою без всякого посредства и расстояния, и существуют нераздельно друг от друга, так что Отец всецело объемлет Сына, и Сын всецело соединен и соприрожден Отцу и один только постоянно пребывает в недрах Отчих. Таким образом,

веруя в святейшую и всесовершенную Троицу и называя Богом Отца и Сына, мы признаем не двух Богов, а единого по (единому) совершенно-совокупному царствованию; так что Отец господствует над всем и над самим Сыном, а Сын подчинен Отцу и вместе с Ним царствует, кроме Себя, над всем происшедшим чрез Него, и благодать Святого Духа не завистно дарует святым по воле Отчей. Так о единовластительстве Христовом научают нас священные предания. После краткого изложения веры, мы принуждены были раскрыть ее обширнее — не из пустого честолюбия, а из желания, в отношении к верованию, отклонить от себя всякое подозрение людей, не знакомых с нашими убеждениями. Пусть все, живущие на западе, узнают — как бесстыдство иноверных клеветников, так и церковное учение восточных христиан, для людей, ищущих истины, ясно подтверждаемое богодуховенными Писаниями»[29].

ГЛАВА 20

О Соборе сардикийском

Епископы западных областей, не зная греческого языка и не поняв присланного изложения веры, не приняли его и сказали, что достаточно никейского и что более нет нужды рассуждать об этом. Когда же письмо царя о том, чтобы Павлу и Афанасию возвращены были места их, не имело никакого успеха, ибо народ беспрестанно производил возмущения, то Павел и Афанасий стали требовать другого вселенского Собора, на котором бы положен был конец делу и о них, и о вере, доказывая, что низложения (епископов) делаются с целью ниспровергнуть веру. Итак, с соизволения обоих царей, из которых один письменно просил, а другой, восточный, охотно соглашался, опять объявлен вселенский Собор в иллирийском городе Сардике. Это был одиннадцатый год по смерти отца двух Августов[30]. Во время съехавшегося в Сардику Собора консульствовали Руфин и Евсевий. Из западных областей, как говорит Афанасий, съехалось около трехсот епископов, а из восточных, по словам Сабина, только семьдесят шесть, в числе которых находился и епископ мареотский Исхирас, рукоположенный в епископа той страны гонителями Афанасия, потому что (из восточных) одни ссылались на слабость здоровья, другие на краткость назначенного срока, и обвиняли в том римского епископа Юлия, хотя со времени объявления Собора прошло полтора года пока Афанасий, проживая в Риме, дождался его. Собравшись в Сардике, восточные не хотели видеться с западными, говоря, что они только тогда войдут с ними в рассуждение, когда Афанасий и Павел будут изгнаны из собрания. А так как сардикийский епископ Протоген и кордовский Осия, (Кордова, как сказано прежде, — в Испании) не согласились на это, то они немедленно выехали и, достигши фракийского города Филиппополя, составили свой отдельный Собор, на котором учение о единосущии прямо анафематствовали, а слово «неподобный» внесли в свои послания и разослали их повсюду. Между тем собравшиеся в Сардике прежде всего осудили их за удаление, потом лишили сана обвинителей Афанасия, и наконец, удержав исповедание никейское, отвергли слово «неподобный», еще яснее подтвердили единосущие и, написавши об этом послания, разослали их повсюду. Поступив так, те и другие думали, что они поступили справедливо: восточные — потому, что западные приняли в общение низверженных ими, а западные — потому, что низвергшие удалились прежде исследования дела и что западные соблюли исповедание никейское, а восточные дерзнули исказить его. Вместе с тем возвращены были места Павлу и Афанасию, равно как и анкирскому, что в малой Галатии, епископу Маркеллу, который, как мы упомянули в предыдущей книге, давно уже низвержен был и теперь старался оправдаться, утверждая, что выражение в его сочинении не понято, а потому и приписаны ему мысли Павла Самосатского. Надобно заметить, что сочинение

Маркелла опроверг Евсевий Памфил, разговаривая с ним в целых трех книгах, озаглавленных: «Против Маркелла». В них сперва вводятся маркелловы выражения, а потом доказывается, что Маркелл, подобно Савелию ливийскому и Павлу Самосатскому, Господа почитает простым человеком.

ГЛАВА 21

Защита Евсевия Памфила

А так как некоторые решились порицать и его, т. е. Евсевия Памфила, будто в изданных им сочинениях есть мысли арианские, то я считаю уместным сказать несколько слов и о нем. Во-первых, на никейском Соборе, где утверждена была вера в единосущие, он и присутствовал, и согласился с ее постановлением, а в третьей книге о жизни Константина сам говорит слово в слово так: «склоняя каждого к единомыслию, царь, наконец, согласил понятия и мнения всех касательно спорных предметов, так что никейская вера установлена была единодушно». Если же, упоминая о тогдашнем Соборе, Евсевий говорит, что на нем прекращено разногласие и все пришли к единодушию и единомыслию, то почему некоторые подозревают его в арианстве? Ошибаются и сами ариане, когда считают его своим единомышленником. Может быть, кто скажет, что он представляется арианствующим, часто употребляя в своих сочинениях выражение: чрез Христа. На это отвечаем, что сим выражением, равно как и другими, объясняющими домостроительство воплотившегося Спасителя нашего, часто пользовались и отцы Церкви, а прежде всех их те же выражения употреблял Апостол, и однако никогда не почитался учителем неправославия. Арий дерзал называть Сына Божия одним из прочих творений; но послушай, как в первой книге против Маркелла слово в слово говорит об этом Евсевий:

«Единородным Сыном Божиим называется один только Он, а никто другой; следовательно, по справедливости можно осуждать тех, которые дерзнули называть Его творением, происшедшим из не-сущего, подобно прочим. Да и как Он будет Сыном, как будет единородным Божиим, если имеет природу одинаковую с прочими творениями и есть одно из существ, происшедших, поскольку, подобно им, причастен творению из не-сущего? Не так учат о Нем божественные Писания». Потом, немного спустя, прибавляет: «Стало быть, кто почитает Сына (Божия) происшедшим из не-сущего, творением, из небытия получившим бытие, тот не понимает, что приписывает Ему только имя, а действительное сыновство отрицает: ибо происшедший из не-сущего, равно как и все сотворенное, не может быть истинным Сыном Божиим. Поистине, тот Сын Бога, Который родился от Него, как от Отца, а потому справедливо называется единородным, возлюбленным Отца, потому и сам Он — Бог. Ибо, что может быть рождением Божиим, как не носящее образ родившего? Царь созидает город, но не рождает города. Говорится: Он родил Сына, но не сотворил. Художник, по отношению к своему произведению, называется художником, а не отцом; но отец, по отношению к рожденному им сыну, не может быть назван художником. Точно так и Бог всяческих — по отношению к Сыну Он есть Отец, а по отношению к миру по справедливости называется Создателем и Творцом. Если же в одном месте Писания сказано: *Господь созда мя начало путей своих в дела своя* (Прит. 8, 22), то надобно обратить внимание на смысл изречения, который я изложу несколько ниже, а не колебать, подобно Маркеллу, на основании одного слова, главнейший догмат Церкви». Это и многое другое говорит Евсевий Памфил в первой своей книге против Маркелла, а в третьей, объясняя, как должно понимать слово «создание», предлагает следующее: «Если это справедливо, (говорит он), то после всего

сказанного становятся ясны и те слова: Господь созда мя начало путей своих в дела своя. Что Он называет себя созданным, это надобно понимать не так, будто Он получил бытие из небытия, или, подобно прочим творениям, произошел из ничего, как некоторые неправильно понимают, но так, что будучи самосущим и живым, существующим прежде сложения всего мира. Он поставлен Господом, Отцом своим, владычествовать над всем. Слово «создал» сказано здесь вместо «повелел» или «поставил». Так и между людьми, — начальников и правителей Апостол прямо называет созданием: *повинитеся убо всякому человечу созданию Господа ради, аще царю, яко преобладающу, аще ли же князем, яко от него посланным* (1 Петр. 2. 13, 14). А пророк говорит: *уготовися призывати Бога твоего, Израилю: се утверждаяй гром и созидаяй ветр (дух), и возвещаяй в человецех Христа своего* (Амос. 4. 12, 13). Слово «*созидаяй*» принимает он здесь не в смысле происхождения из ничего, ибо Бог не тогда сотворил дух, когда возвещал всем людям Христа своего. Нет ничего нового под солнцем. Дух существовал и прежде, но послан был в то время, когда Апостолы собрались вместе, когда, подобно грому, *бысть шум с небесе, яко носиму дыханию бурну, и они исполнишася Духа Свята* (Деян. 2. 1–4), и возвестили Христа Божия всем людям, согласно со словами пророчества: *се утверждаяй гром и созидаяй ветр и возвещаяй в человецех Христа своего*, где выражение «*созидаяй*» употреблено вместо «*посылая*» или «*назначая*», а под именем грома разумеется евангельская проповедь. Равным образом, сказавший: *сердце чисто созижди во мне Боже* (Пс. 50. 12), разумел не то, будто у него нет сердца, но молился о даровании его ему чистого расположения духа. Так и в словах: *да оба созиждит собою во единаго новаго человека* (Еф. 2. 15), «*созидает*» сказано вместо — соединит. Смотри, не то же ли и в следующем выражении: *облещися в новаго человека, созданного по Богу* (Еф. 4. 24), *темже аще кто во Христе нова тварь* (2 Кор. 5. 17). Желающий таким образом испытывать богодуховенное Писание найдет много и других подобных мест. Посему не удивительно, если и в словах: *Господь созда мя начало путей своих* выражение «*созда*» переносно употреблено вместо *повелел и поставил*».

Так в своих книгах Евсевий говорит против Маркелла, а мы поместили это против тех, которые напрасно обвиняют и стараются оклеветать сего мужа. Они не в состоянии доказать, что Сыну Божию Евсевий приписывал начало бытия, хотя в своих сочинениях действительно употреблял выражения, относящиеся к божественному домостроительству, тем более, что он был подражатель и любитель Оригена, в сочинениях которого везде можно найти учение о Сыне, рожденном от Отца, лишь бы кто был в состоянии понимать глубину оригеновых сочинений. Это сказал я мимоходом — для тех, которые стараются порицать Евсевия.

ГЛАВА 22

О том, что, когда сардикийский Собор возвратил престолы Афанасию и Павлу, а царь востока не хотел принять их, царь западный угрожал ему войной

Собравшиеся в Сардике и составившие свой особенный собор в Филиппополе фракийском, сделав, что им хотелось, возвратились в свои города[31]. После сего Запад отделился от Востока, и пределом их общения стала гора, известная под именем Тисукис, находящаяся между Иллирией и Фракией. До этой горы общение сохранялось свободно, хотя вера и не у всех была одинакова, но к живущим за нею общение не простиралось. Таково-то было тогда замешательство в делах церковных. Вскоре после того царь западных областей известил брата Констанция о событиях в Сардике и убеждал его возвратить Павлу и Афанасию места их. Но так как Констанций медлил с исполнением

этой просьбы, то царь западных областей предложил ему на выбор одно из двух: или признать Павла и Афанасия в собственном их достоинстве и возвратить им Церкви, или, не сделав этого, быть ему врагом и ожидать войны. Самое письмо его к брату таково: «Здесь при мне находятся Афанасий и Павел, которых, как я доподлинно узнал, преследуют за благочестие. Если ты дашь слово возвратить им престолы и наказать тех, которые понапрасну к ним привязываются, то я пошлю к тебе этих мужей. Если же не согласишься на это, то знай, что я сам приду туда и без твоего согласия возвращу им престолы их».

ГЛАВА 23

О том, что, убоявшись угроз брата, Констанций письменно призвал к себе Афанасия и послал его в Александрию

Узнав об этом, восточный царь немало смутился. Он тотчас призвал к себе некоторых восточных епископов, объяснил им предложение брата и спрашивал, что надобно делать. Они отвечали, что лучше приверженцам Афанасия уступить Церкви, нежели допустить междоусобную войну. Поэтому, будучи вынужден необходимостью, царь пригласил к себе Афанасия. Что касается Павла, то западный император тотчас же отправил его в Константинополь в сопровождении двух епископов и с прочими почестями, снабдив его письмами от себя и от Собора. Но так как Афанасий медлил и недоумевал, отправляться ли ему к Констанцию, ибо опасался козней клеветников, то восточный царь, не раз только, а два или три раза приглашал его, что видно из писем, которые в переводе с латинского языка заключают в себе следующее:

Письмо Констанция к Афанасию

Победитель, Констанций Август — Афанасию епископу.

«Человеколюбивая наша кротость не терпит более, чтобы ты подвергался бедствиям и крушениям, как бы в бурных волнах моря. Тебя, удаленного от отечественного крова и лишенного собственности, и скитающегося в непроходимых пустынях, не оставляет без внимания неусыпное наше благочестие. Долго медлил я писать тебе о своем желании, ожидая, что ты сам прибудешь к нам просить защиты от преследований; но так как, вероятно, страх препятствовал осуществлению твоего намерения, то мы сами посылаем к твоей непоколебимости исполненное благожелания письмо наше, чтобы ты безбоязненно и скорее поспешил предстать пред наши очи, достиг желаемого тобою и, испытав наше человеколюбие, получил обратно принадлежащее тебе. Поэтому просил я и господина брата моего Константа, Победителя, Августа, чтобы он отпустил тебя, и чтобы, по согласию обоих нас, ты возвратился в свое отечество и имел в этом залог нашей к тебе благосклонности».

Другое письмо к Афанасию

Победитель, Констанций Август — Афанасию епископу. «Хотя и в прежнем письме мы ясно высказали, чтобы ты без опасения прибыл в нашу столицу, потому что сильно желаем послать тебя в свое место, однако и теперь пишем к твоей непоколебимости о том же самом и убеждаем тебя — без всякого подозрения и страха взять общественную повозку и спешить к нам, чтобы получить желаемое тобою».

Еще письмо к нему же

Победитель, Констанций Август — Афанасию епископу.

«Находясь в Эдессе, где случились и твои пресвитеры, мы решились послать к тебе одного из них с приглашением, чтобы ты поспешил прибыть в нашу столицу и, повидавшись с нами, тотчас отправился в Александрию. Но так как прошло уже много времени по получении тобою письма, а ты не являешься, то мы захотели снова напомнить тебе, чтобы ты хотя бы теперь поспешил своим прибытием к нам, и потом, отправившись в свое отечество, достиг желаемого тобою. Для большего же уверения посылаем к тебе диакона Ахиту, от которого можешь узнать и о нашем к тебе расположении, и о том, что ты получишь, чего желаешь».

Афанасий получил эти письма в Аквилее[32], где жил по удалении из Сардики, и тотчас оправился в Рим. Здесь, показав их епископу Юлию, он возбудил во всей римской Церкви величайшую радость, ибо казалось, что приглашая к себе Афанасия, восточный царь согласуется с нею в вере. Между тем александрийскому народу и клиру Юлий написал об Афанасии следующее:

Юлий — епископам, пресвитерам, диаконам и народу александрийскому, возлюбленным братиям, желает здравия о Господе.

«Сорадуюсь и я вам, возлюбленные братие, что наконец вы видите собственными очами плод своей веры, ибо так, поистине, можно взирать на случившееся с братом и соепископом моим Афанасием, которого, за чистоту жизни и по вашим молитвам, Бог возвращает вам. Из этого в самом деле можно заключить, сколь чистые и полные любви молитвы всегда возносили вы к Богу. Помня небесные обетования и стремясь к ним любовью, внушенною вам упомянутым моим братом, вы хорошо знали и, по живущей в вас правой вере, предвидели, что не до конца будет отторгнут от вас Афанасий, который всегда, как бы присущ был благочестивым душам вашим. Итак, мне не нужно много распространяться в письме своем, ибо, что я ни сказал бы, это наперед внушала вам ваша вера. Общие желания всех вас, по благодати Христовой, исполнились и я сорадуюсь вам, и опять скажу, что вы сохранили свои души непобедимыми в вере. Не менее сорадуюсь и самому брату моему Афанасию, что он, претерпевая много скорбей, никогда не забывал о вашей любви и расположенности. Хотя телом и был он временно отторгнут от вас, но духом постоянно находился с вами. И я думаю, возлюбленные, что все случившиеся с ним искушения были неславны. Чрез них и ваша, и его вера сделались известны и засвидетельствованы всеми. Если бы этого не случилось, кто поверил бы, что вы питаете столь великое уважение и столь великую любовь к такому епископу, и что он украшен такими добродетелями, за которые может ожидать награды на небесах. Он стяжал славное свидетельство исповедания и в настоящем, и в будущем веке, ибо, претерпев на суше и на море многие и различные искушения, попрал все козни арианской ереси, часто подвергая жизнь свою опасности по ненависти (врагов), презирал смерть и, хранимый Вседержителем Богом и Господом нашим Иисусом Христом, надеялся уклониться от наветов и возвратиться для вашего утешения с большими, как вы сами знаете, трофеями. Испытанный по жизни, оправдываемый своими намерениями и небесным учением, и сопровождаемый бессмертными доказательствами вашей любви, он сделался знаменит до пределов вселенной и теперь возвращается к вам с большею славою, нежели с какою от вас выехал. Если и драгоценные металлы, золото и серебро, быв испытываемы огнем, становятся чище, то как оценить достоинство столь великого мужа, который, победив пламень столь великих скорбей и опасностей, ныне возвращается к вам с доказательствами своей невинности, полученными не от нас только, но от всего Собора.

Примите же, возлюбленные братие, со всею честью и радостью епископа вашего Афанасия и тех, которые были общниками его страданий. Радуйтесь, что, по молитвам вашим, получаете своего пастыря, которого, когда он, так сказать, алкал и жаждал насладиться вашим благочестием, вы питали и напаяли спасительными своими посланиями, ибо во времена жития его в стране чуждой вы были для него утешением, и во время гонения и клевет вы облегчали его верностью своих душ и сердец. А я наперед уже радуюсь, помышляя и воображая, какова, при его возвращении, будет радость каждого из вас, каковы благолепные встречи народа, и какой славный праздник стекшихся, каков будет у вас тот день, в который возвратится к вам брат мой, и вожделенное возвращение его, по миновании всего прежнего, соединит всех вас в чувстве самой полной радости. Эта радость большей своей частью долетит и до нас, которым, по благословению Божию, позволено было узнать столь великого мужа. Заключим свое послание молитвой. Бог Вседержитель и Сын Его, Господь и Спаситель наш Иисус Христос да дарует вам всегда благодать свою, как воздаяние за дневную вашу веру, которую выразили вы славным своим свидетельством о епископе вашем, и да соблюдет для вас и потомков ваших, как в настоящем, так и в будущем веке, наилучшие блага, *ихже око не виде, и ухо не слыша и на сердце человеку не взыдоша, яже уготова Бог любящим Его* (1 Кор. 2, 9), Господом нашим Иисусом Христом, чрез Которого Вседержителю Богу слава во веки веков, аминь. Желаю вам здравствовать, возлюбленные братие!»

Снабженный таким посланием, Афанасий прибыл на Восток[33]. Царь Констанций принял его тогда благосклонно, но, по наущению ариан, хотел вовлечь в обман. Он сказал Афанасию: «По определению Собора и с нашего согласия, ты получил свой престол, но так как в Александрии есть люди, не желающие быть с тобой в общении, то позволь им иметь в городе одну церковь». На такое предложение Афанасий смело отвечал: «Государь! Ты имеешь власть повелевать и делать, что тебе угодно, но я со своей стороны прошу и умоляю оказать мне милость». И когда царь дал обещание, Афанасий продолжал, что он желал бы получить то же, чего требовал от него царь, именно, чтобы в каждом городе была уступлена одна церковь тем, которые не хотят иметь общения с арианами. Требование Афанасия ариане нашли для себя невыгодным и, отложив это до другого времени, предоставили царю делать, что ему заблагорассудится. После сего Афанасию, Павлу и Маркеллу он возвратил их престолы, возвратил их также Асклепе газскому и Люцию адрианопольскому, которые на Соборе сардикийском были приняты в общение, Асклепа — потому что представил документы, из которых видно было, что Евсевий Памфил вместе со многими другими рассматривал его дело и возвратил ему сан, а Люций — потому, что его обвинители обратились в бегство. В их города посланы были от царя указы, предписывавшие принять их беспрекословно. В Анкире, при изгнании оттуда Василия и принятии Маркелла, произошло немалое возмущение, которое подало противникам повод к злословию; а Асклепу жители Газы приняли охотно. В Константинополе Македоний не надолго уступил Павлу и в особой своей церкви продолжал делать собрания. Об Афанасии же царь писал епископам, клирикам и народу, чтобы они приняли его благосклонно, а другой грамотой повелел уничтожить все, что сделано было против него в судилищах. Послания его о том и другом предмете суть следующие:

Послание Констанция об Афанасии

Победитель Констанций, Великий, Август — епископам и пресвитерам кафолической Церкви.

«Не оставлен благодатью Божией почтеннейший епископ Афанасий, но, быв в течение краткого времени подвергнут суду человеческому, по всевидящему промышлению,

получил надлежащее решение и, волею Божиею, а нашим определением, возвращается в отечество и в Церковь, которой, по божественному благоволению, был предстоятелем. Вследствие сего кротость наша повелевает, чтобы все прежние определения касательно лиц, имевших с ним общение, ныне преданы были забвению и всякое подозрение в отношении к нему было оставлено, находящимся же при нем клирикам по надлежащему представлены были те самые преимущества, которыми они пользовались прежде. К сей милости мы почли справедливым присовокупить и объявить всем лицам священного сословия еще то, что люди, имевшие с ним общение — епископы и клирики будут пользоваться безопасностью, ибо единение с таким мужем можно считать достаточным признаком благих намерений каждого. Итак, кто, руководствуясь здравым рассуждением и пользуясь счастьем, имел с ним общение, тому и всем тем, по примеру Высшего Промысла, повелеваем наслаждаться даруемой нами ныне, по воле Божией, милостью».

Другое послание к александрийцам

Победитель Констанций, Великий, Август — народу александрийской кафолической Церкви.

«Имея в виду ваше во всем благочиние и зная, как долго вы лишены были епископского попечения, мы почли справедливым опять отправить к вам епископа Афанасия, мужа известного всем по своей правоте и благонравию. Приняв его, как велит обычай и долг, и соделав его помощником в ваших молитвах перед Богом, старайтесь всегда сохранять приличное вам и приятное мне единодушие и согласие по закону Церкви, ибо разногласие и возмущение между вами не сообразно было бы с благополучными обстоятельствами нашего времени. Желаем, чтобы это совершенно вышло из ваших мыслей, и настоятельно увещеваем вас, любезнейшие александрийцы, постоянно пребывать в молитвах, имея его, как сказано выше, своим предстателем и ходатаем перед Богом, чтобы и язычники, еще доныне приверженные к идольскому заблуждению, видя наше всеобщее молитвенное расположение, скорее пришли к познанию святой веры. Повторяю, соблюдайте вышесказанное, епископа же, возвращаемого вам, по определению Всеблагого и по суду нашему, примите с радостью и приветствуйте всем сердцем и душою, ибо это и вам прилично, и нашей кротости соответствует. А чтобы у людей злонамеренных отнять всякий повод к толкам и возмущению, мы находящимся у вас судьям письменно повелели — всех, кто окажется виновным в возмущении, подвергать суду по законам. Посему, имея в виду то и другое, — и наше, согласное с волею Всеблагого попечение о вас и вашем единодушии, и наказание (назначаемое) непокорным, соблюдайте должное и соответственное закону святой веры и, воздавая упомянутому (епископу) всякую честь и уважение, старайтесь вместе с ним возносить молитвы к Отцу всех Богу как о себе самих, так и о законной жизни всего мира».

Послание об уничтожении актов против Афанасия

Победитель Констанций Август — Несторию. (По сему образцу писано также к правителям Августомники, Фиваиды и Ливии).

«Если найдется какой-либо акт прежнего времени, относящийся ко вреду и бесчестию лиц, имеющих общение с епископом Афанасием, то мы хотим, чтобы ныне он был уничтожен, ибо клирики его, по нашему желанию, как и прежде было, должны оставаться свободными от гражданской службы. Это повеление наше исполнить так, чтобы, когда епископ Афанасий возвратится в Церковь, имеющие с ним общение пользовались той же свободой от службы, какой пользовались прежде и какою пользуются прочие клирики. Пусть таким образом и они радуются».

ГЛАВА 24

О том, что возвращаясь в Александрию через Иерусалим, Афанасий был принят в общение Максимом и составил Собор епископов для подтверждения определений Собора никейского

Под защитою этих писем, епископ Афанасий отправился через Сирию и прибыл в Палестину. Достигнув Иерусалима и сообщив епископу Максиму об определениях сардикийскаго Собора и о том, что царь Констанций разделял его мнения, он расположил иерусалимского предстоятеля составить Собор из тамошних епископов. Нимало не затрудняясь, Максим созвал нескольких сирийских и палестинских епископов и, сделав заседание, принял сам в общение Афанасия и возвратил ему прежнее достоинство. Этот Собор писал также александрийцам и епископам Египта и Ливии, что на нем принято и определено касательно Афанасия. Посему враги Афанасия немало смеялись над Максимом, что он прежде низложил этого епископа, а потом передумал и, как будто ничего не бывало, подал в его пользу мнение, возвращавшее ему общение и достоинство. Узнав об этом, Урзакий и Валент, некогда жар-кис защитники арианского учения, оставили прежнюю свою горячность и прибыли в Рим. Представив епископу Юлию покаянную грамоту, они признали единосущие и, отправив послание к Афанасию, обещали впредь иметь с ним общение. Так-то переменою Афанасиевых обстоятельств Урзакий и Валент расположены были, как я сказал, признать единосущие. Между тем Афанасий, возвращаясь в Александрию чрез Пелузиум, учил по лежавшим на его пути городам удаляться от ариан и иметь общение с исповедниками единосущия, а в некоторых церквах совершал и рукоположение. Это послужило поводом к новому обвинению его в том, что он рукополагал в чужих епархиях. В таком состоянии находились тогда дела Афанасия.

ГЛАВА 25

О тиранах Магненции и Ветранионе

В то же время произошло и гражданское немаловажное смятение. Скажем кратко о главном, чего нельзя пройти молчанием. Когда строитель Константинополя умер, царство его, как было сказано в предыдущей книге, наследовали три его сына. Надобно заметить, что вместе с ними управляли империей двоюродный брат их, соименный своему отцу Далмаций[34]. Этого Далмация в скором времени умертвили воины, чего Констанций, конечно, не повелевал, однако и не препятствовал. А о том, что воинами же во время сражения убит был и Константин Младший, когда он вступил в пределы брата, сказано было уже несколько раз прежде. После умерщвления его, началась война персов со римлянами[35], во время которой Констанций не имел ни в чем успеха, ибо в ночном сражении, которое происходило в пределах римской и персидской империи, персы, хотя и на короткое время, одержали верх[36]. В то же время не были спокойны и дела христиан: в Церквах воевали за Афанасия и за слово «единосущие». При таких обстоятельствах в западных областях явился тиран Магненций и коварно умертвил западного царя Константа, который тогда находился в Галлии[37]. Это событие произвело величайшую междоусобную войну. Тиран Магненций господствовал над всей Италией, покорил под свою власть Африку и Ливию, овладел и самой Галлией. А в иллирийском городе Сирмии воины поставили другого тирана, по имени Ветранион.[38] Даже в самом Риме

господствовало смятение: там, при помощи отряда гладиаторов, домогался царства племянник Констанция по имени Непоциан, но военачальники Магненция умертвили его, а сам Магненций неприятельски опустошал весь запад.

ГЛАВА 26

О том, что по смерти западного царя, Павел и Афанасий были опять низвержены из своих мест, и что Павел, отправленный в ссылку, был умерщвлен, а Афанасий скрылся

Все эти несчастия случились в одно непродолжительное время, в четвертый год после Собора сардикийского, в консульство Сергия и Нигриана. Когда это сделалось гласным, то казалось, что власть над империей переходит в руки одного Констанция. Быв провозглашен самодержцем в областях восточных, он все свои силы направил против тиранов. Между тем, враги Афанасия, почитая эти обстоятельства для себя благоприятными, начали опять возносить на него величайшие клеветы и даже не дождались прибытия его в Александрию. Они внушили царю Констанцию, будто он волнует весь Египет и Ливию, и их клевете особенно придавало силу то, что он совершал рукоположение в чужих епархиях. В это время Афанасий прибыл в Александрию и составил Собор из египетских епископов, которые определили то же, что собиравшиеся в Сардике и что было определено на Соборе, который созван был в Иерусалиме Максимом. Царь, давно уже преданный арианскому учению, изменил все, что незадолго перед тем определил сам же. Во-первых, он повелел епископа Павла из Константинополя отправить в ссылку, и отправлявшие удавили его[39] в каппадокийском городе Кукузе. Маркелл был изгнан, и Церковью анкирской опять завладел Василий. Люций адрианопольский посажен в темницу и умер в железных оковах. А клеветы на Афанасия имели столько силы, что царь пришел в чрезмерный гнев и приказал отыскать и умертвить его, где бы он ни был найден. То же повелено было касательно Феодула и Олимпия, предстоятелей Церквей фракийских. Но от Афанасия не скрылись распоряжения царя. Предвидя их, он опять обратился в бегство и таким образом спасся от царской угрозы[40]. За это бегство ариане порицали его, особенно же обвиняли Наркисс, епископ Неронианы киликийской, Георгий лаодикийский и Леонтий, бывший тогда предстоятелем Церкви антиохийской. Последний, еще в пресвитерстве лишен был сана за то, что проводил время с одной женщиной, по имени Евстолия, и потом, желая избежать подозрения в постыдной жизни, оскопил себя, с намерением после того свободнее посещать ту женщину, не подавая повода к клевете на нее. Этот-то Леонтий, по определению и желанию царя Констанция, после преемника Плакитова Стефана, сделан был епископом Церкви антиохийской. Но довольно об этом.

ГЛАВА 27

О том, что Македоний, заняв (константинопольский) престол, причинил много зла тем, кто не следовал его образу мыслей

По низвержении Павла, церквами константинопольскими, как сказано выше, владел Македоний. Пользуясь великой доверенностью к себе царя, он воздвиг между христианами войну не менее той, какую в то время вели тираны, ибо, склонив царя принять участие в нападении на Церкви, успел сделать то, что злые его намерения утверждались законом. По городам разослан был закон и, для подкрепления царских

постановлений, отправлялись отряды войск. Исповедавшие единосущие изгоняемы были не только из церквей, но и из городов. Сперва заботились только об изгнании их; когда же зло усилилось, стали принуждать к общению с арианами, нисколько не думая о церквах; и принуждение было не меньше прежнего, предписывавшего поклоняться идолам, потому что употребляли и побои всякого рода, и различные пытки, и отнятие имений. Многие сосланы были в ссылку, те умерли среди мучений, иные погибли на пути в ссылку. Так было во всех восточных городах, преимущественно же в Константинополе. Это домашнее гонение, бывшее прежде незначительным, Македоний увеличил, когда достиг епископства. Между тем, города Греции, Иллирии и западных областей оставались еще спокойными, потому что согласны были между собою и сохраняли во всей силе правило, изложенное на Соборе никейском.

ГЛАВА 28

О том, что, по сказанию Афанасия, совершил в Александрии арианин Георгий

Что делал в то же время Георгий в Александрии — послушай, как говорит о том Афанасий, который сам терпел и присутствовал при событиях. В защитительном слове о своем бегстве он рассказывает о происходившем слово в слово так: «Искавшие нас умертвить снова пришли в Александрию, и последнее было хуже первого. Воины вдруг окружили церковь, и вместо молитв произошло то, что бывает на войне. Потом, во время четыредесятницы прибыл Георгий, отправленный ими из Каппадокии, и увеличил зло, которому от них научился, ибо, по прошествии пасхальной недели, дев начали ввергать в темницу, епископов водили воины связанными, сирот и вдов лишали домашнего крова и насущного хлеба, вторгались в дома. Христиане были выносимы (на кладбище) ночью, дома запечатывались и братья клириков терпели за братий. Ужасно было все это, но следовавшие за этим дерзости были еще ужаснее. В неделю по святой пятидесятнице постившийся народ вышел для молитвы на кладбище, потому что все избегали общения с Георгием. Узнав об этом, злонравный (Георгий) стал подстрекать против них военачальника Севастиана, последователя манихейской ереси. Тот, в самый день воскресения, взяв множество воинов, вооруженных обнаженными мечами, луками и стрелами, бросился на народ и, захватив немногих молящихся, потому что большая часть, по времени дня, уже разошлась, сделал то, чего можно было ожидать от таких людей. Он зажег костер и, поставив против огня дев, принуждал их признавать себя арианками; когда же увидел, что они побеждают угрозы и не боятся огня, то обнажил их и так избил им лица, что чрез долгое время едва можно было узнать их. Сверх того, захватив сорок мужчин, подверг их новому роду побоев. Он приказал нарезать финиковых прутьев, покрытых еще иглами, и так изодрал им спины, что некоторые из них долго лечились от оставшихся в спине игл, а другие не перенесли и померли. Прочие же все и с ними одна девица отправлены на большой оазис. Тела умерших сначала не были отдаваемы родственникам, но, прикрытые кое-как, оставались непогребенными, чтобы столь великая жестокость не обнаружилась. Безумные — они делали это в ослеплении своего ума, ибо тем самым, что родственники умерших радовались за их исповедание и плакали над их телами, улика в нечестии и жестокости (виновников их смерти) еще более распространялась. После сего епископов Египта и всей Ливии, как-то: Аммония, Тмуиса, Гаия, Филона, Ерму, Плиния, Псеносириса, Ниламмона, Агафона, Анагамфона, Аммония, Марка, Драконтия, Адельфия, другого Аммония, другого Марка, Афинодора, также пресвитеров Иеракса и Диоскора, — отправили в ссылку, и столь жестоко гнали их, что некоторые из отправленных умерли на пути, а другие — в месте ссылки. Более тридцати

епископов заставили они обратиться в бегство. Велика была у них ревность, будто у Ахава, — как бы истребить истину».

Так рассказывает сам Афанасий о деяниях Георгия в Александрии. Между тем, царь вел войско в Иллирию, куда призывала его государственная нужда, особенно же провозглашение Ветраниона (императором) со стороны войска. Находясь в Сирмии, он вступил с Ветранионом в переговоры и успел сделать то, что войска отложились от него и провозгласили Августом, царем и самодержавием одного Констанция, а о Ветранионе даже и не упомянули. Последний, видя, что ему изменили, тотчас пал к ногам царя. Констанций приказал снять с него царский венец и багряницу и, обошедшись с ним человеколюбиво, советовал ему спокойно вести жизнь частного человека, потому что в пожилых летах приличнее ему жить без дела, чем носить имя, исполненное беспокойств. Так кончились дела Ветраниона[41]. Царь приказал давать ему достаточное содержание из государственных доходов, и в последствии, когда Ветранион жил в Прузе — в Вифинии, часто писал ему, говоря в письмах, что он сделался для него причиною величайших благ, поскольку освободил его от забот, сопряженных с царствованием, и что он нехорошо поступает, не наслаждаясь сам доставленными ему благами. Но довольно об этом. Между тем, царь сделал кесарем родственника своего Галла[42] и, наименовав его собственным своим именем, послал в Антиохию сирийскую управлять восточными областями. При вступлении Галла в Антиохию, на востоке явилось знамение Спасителя: явился на небе крестообразный столб и был для зрителей величайшим чудом. В то же время других своих военачальников с многочисленным войском Констанций послал против Магненция, а сам оставался в Сирмии и ожидал последствий.

ГЛАВА 29

О ересеначальнике Фотине

В это время предстоятель сирмийской Церкви Фотин начал открыто проповедывать изобретенное им учение. Когда же от того произошло возмущение, царь повелел быть в Сирмии Собору епископов. Итак, в Сирмий прибыли — из восточных: Марк аретузский, Георгий александрийский, которого ариане, как я сказал прежде, поставили на место Григория, предстоятель анкирской Церкви Василий, заступивший место изгнанного Маркела, Панкратий пелусийский, Ипатиан гераклийский, а из западных: Валент мурсийский и знаменитый между современниками Осия, епископ Кордовы в Испании, прибывший на Собор против своей воли. Собрались они после консульства Сергия и Нигриана, в тот год, когда, по причине военных беспокойств, вопреки обычаю, не было консулов. Собравшись в Сирмии, они усмотрели, что Фотин держится учения Савеллия ливийского и Павла самосатского, и тотчас низложили его. Это дело, как хорошее и справедливое, все одобряли и тогда, и после; но епископы, оставшиеся (в Сирмии после Собора), сделали еще нечто такое, что не все находили хорошим.

ГЛАВА 30

Об изложенных в Сирмии, в присутствии царя, символах веры

Как бы осуждая все, что прежде сами определили касательно веры, теперь составили они новые символы: один написан Марком аретузским на греческом языке, а прочие на

латинском, и последние ни в словах, ни в составе своем несогласны как между собою, так и с символом греческим, который составлен епископом аретузским. Здесь я помещу один из латинских, соединив его с произведением Марка, а другой (латинский), прочитанный в Сирмии после, помещу в другом месте, когда буду описывать события в Аримине. Надобно заметить, что оба эти изложения переведены были на язык греческий. Изложение веры, составленное Марком, таково:

«Веруем во единого Бога Отца Вседержителя, Творца и Создателя всяческих, от Которого именуется всякое отечество на небесах и на земле, и в единородного сына Его, Господа нашего Иисуса Христа, прежде всех веков рожденного от Отца, в Бога от Бога, свет от света, чрез Которого произошло все, сущее на небесах и на земле, видимое и невидимое, в слово, премудрость, свет истинный и жизнь. Который в последние дни ради нас вочеловечился и родился от Святой Девы, распят и умер, погребен и воскрес из мертвых в третий день, вознесся на небо и сидит одесную Отца, и в конце века придет судить живых и мертвых и воздать каждому по делам его, Которого царство непрерывно пребывает в бесконечные веки, ибо Он будет сидеть одесную Отца не только в сем веке, но и в будущем, и в Духа Святого, т. е. в Утешителя, Которого (Господь) обещал послать Апостолам по восшествии своем на небеса, и послал научить и напомнить им все, чрез Которого освящаются души искренно верующих в Него. А кто утверждает, что Сын — из не-сущего, или из другой ипостаси, а не от Бога, и что было время или век, когда его не было, тех Святая и католическая Церковь признает чуждыми. Говорим также: кто утверждает, что Отец и Сын суть два Бога, тот да будет анафема. Кто, признавая Христа Богом и предвечным Сыном Божиим, не исповедует, что Он содействовал Отцу в творении всяческих, тот да будет анафема. Кто дерзает говорить, что нерожденный или часть Его родился от Марии, тот да будет анафема. Кто говорит, что родившийся от Марии есть сын (Божий) по предведению, а не существует у Бога, как прежде веков рожденный от Отца, и что не чрез Него произошло все, тот да будет анафема. Кто утверждает, что существо Божие расширяется и сокращается, тот да будет анафема. Кто говорит, что существо Божие, расширяясь, производит Сына, или Сыном называет расширение существа Его, тот да будет анафема. Кто Сына Божия называет внутренним или произносимым словом, тот да будет анафема. Кто Сына Марии называет только человеком, тот да будет анафема. Кто родившегося от Марии называет Богом и человеком, но разумеет под ним Бога нерожденного, тот да будет анафема. Кто слова: *Аз Бог первый и Аз по сих, кроме Мене несть Бога* (Ис. 44, 6), сказанные для отрицания идолов и ложных богов, иудейски принимает в смысле отрицания единородного, предвечного Бога, тот да будет анафема. Кто слыша благовестие: *Слово плоть бысть* (Иоан. 1. 14), думает, что Слово превратилось в плоть, или приняло плоть, потерпев какое-либо изменение, тот да будет анафема. Кто, слыша, что Сын Божий был распят, утверждает, будто Он (по Божеству) перенес либо тление, либо страдание, либо изменение, либо уменьшение, либо смерть, тот да будет анафема. Кто говорит, что слова: *Сотворим человека* (Быт. 1. 26), Отец сказал не к Сыну, а к самому Себе, тот да будет анафема. Кто говорит, что Аврааму являлся не Сын, а нерожденный Бог или часть Его, тот да будет анафема. Кто говорит, что с Иаковом боролся не Сын в виде человека, а нерожденный Бог, или часть Его, тот да будет анафема. Кто слова: *одожди Господь от Господа*, разумеет не об Отце и Сыне, но утверждает, что Бог одождил сам от Себя, тот да будет анафема, ибо Господь Сын одождил от Господа Отца. Кто, слыша о Господе Отце и Господе Сыне, как Отца, так и Сына называет Господом и, утверждая, что Господь — от Господа, принимает двух Богов, тот да будет анафема, потому что Сына мы почитаем неравночинным Отцу, а подчиненным ему, поскольку Сын приходил в Содом не без воли Отца, одождил не от Себя Самого, но от благоизволившего Господа, т. е. от Отца, и сидит одесную (Бога) не Сам по Себе, но слыша слово Отца: *седи одесную Мене* (Пс. 109. 1). (Не допускающий сего) да будет анафема. Кто признает Отца и Сына и Святого Духа одним

лицом, тот да будет анафема. Кто, называя Святого Духа Утешителем, разумеет под ним нерожденного Бога, тот да будет анафема. Кто не принимает иного утешителя, кроме Сына, вопреки словам Его: *иного утешителя даст вам Отец, Аз умолю Его* (Иоан. 14, 16), тот да будет анафема. Кто называет Духа частью Отца и Сына, тот да будет анафема. Кто говорит, что Отец, Сын и Святой Дух суть три Бога, тот да будет анафема. Кто утверждает, что Сын Божий произошел по воле Отца, как одно из творений, тот да будет анафема. Кто говорит, что Сын родился не по воле Отца, тот да будет анафема, ибо Отец родил Сына не по требованию естественной необходимости, как бы нехотя, но — как скоро восхотел, вневременно и бесстрастно из себя родил Его. (Непризнающий сего) да будет анафема. Кто называет Сына нерожденным и безначальным, как бы признавая двух безначальных и двух нерожденных, и делая двух богов, тот да будет анафема, ибо глава и начало всего есть Сын, а глава Христа — Бог, и таким образом к единому безначальному началу всего мы чрез Сына благочестно возводим все. Наконец, строго держась христианских понятий, мы говорим: кто не признает, что Христос Иисус Божий, быв прежде веков, содействовал Отцу в творении всего, но (утверждает), будто Он стал называться Сыном и Христом и начал быть Богом тогда, когда родился от Марии, тот, как последователь Павла самосатского, да будет анафема!»

Другое изложение веры, изданное в Сирмии, на латинском языке и переведенное (на греческий).

«Так как касательно веры признано было нужным сделать некоторые исследования, то в Сирмии, в присутствии Валента, Урзакия, Герминия и других, все подвергнуто исследованию и рассмотрению. Вследствие сего постановлено, что один есть Бог Отец Вседержитель, как возвещается во всей вселенной, и один единородный Сын Его, Иисус Христос, Господь, Бог и Спаситель наш, родившийся от Него прежде веков. Не должно однако принимать двух Богов, когда уже и Сам Господь сказал: *восхожу к Отцу Моему и Отцу Вашему, и Богу Моему* (Иоан. 20, 17). Посему-то Он есть Бог всех, как и Апостол говорит: *или Иудеев Бог токмо, а не языков? Ей, и языков; понеже един Бог, име оправдит обрезание от веры и необрезание верою* (Рим. 3, 29,30). Так согласно (с Писанием) и все прочее: ничто не подвержено сомнению. Если же многих сильно занимает слово, по-латыни называемое substantia, а по-гречески — usia, с целью точнее понять слова omousion или omoiusion, то об этом даже и упоминать не следует, этого в Церкви и рассматривать не должно — по той основательной причине, что об этом не написано в божественных Писаниях, и что это выше человеческого знания и ума, ибо никто не может возвестить о рождении Сына, как написано: *род же Его кто исповесть* (Иса. 53, 7)? Об Отце открыто только то, что Он родил Сына, а о Сыне, что Он родился от Отца. Никто не сомневается, что честью, достоинством, и самым именем Отца — Отец больше Сына свидетельствует: *пославый Мя Отец болий Мене есть* (Иоан. 14, 24, 28). И то, как всякому известно, есть (учение) католическое, что Отец и Сын суть два лица и притом Отец — больше, а Сын подчинен (Ему) со всем тем, что Отец подчинил Сыну. Отец не имеет начала, Он невидим, бессмертен, а Сын рожден от Отца, Бог от Бога, свет от света, и рождения Его, как сказано прежде, никто не знает, кроме одного Отца. Сын, Господь и Бог наш Сам принял плоть или тело, т. е. человека, как и Ангел возвестил, как и все Писания, особенно же Апостол — учитель языков, учат, что Христос от Марии Девы принял человека, посредством которого и пострадал. Сущность же и основание всей веры состоит в том, чтобы всегда исповедывать Троицу, как читаем в Евангелии: *шедше научите вся языки, крестяще их во имя Отца, и Сына и Святого Духа* (Матф. 28, 19). Число троичное есть целое и совершенное. Утешитель Дух Святый, посланный чрез Сына, по обетованию, пришел освятить и научить Апостолов и всех верующих»[43].

Подписаться под этими формулами убеждали они и Фотина, когда он был уже низложен, и обещали возвратить ему епископство, если, раскаявшись, отвергнет изобретенное им учение и согласится с их мнением. Но он не принял предложения, а вызвал их на состязание. Итак, по воле царя, назначен был день, собрались находившиеся там епископы и немалое число сенаторов, которым присутствовать приказал царь. При них Фотину противостоял тогдашний предстоятель анкирской Церкви Василий, и скорописцы записывали слова их. Велика была словесная борьба между ними, но наконец Фотин остался побежденным и подвергнут осуждению. Проводя потом жизнь в изгнании, он написал сочинение на двух языках (т. е. на греческом и латинском), ибо был сведущ и в латинском, и в нем восставал против всех ересей, не упоминая только о своем собственном учении. Но довольно о Фотине. Надобно заметить, что собравшиеся в Сирмии епископы переменили свое мнение о латинском изложении веры, ибо после обнародования его нашли в нем много противоречий, а потому старались взять его назад от лиц, у которых оно было списано. Но так как это изложение многие скрыли, то царь повелел указом отыскивать его, и тому угрожал наказанием, у кого оно будет найдено. Однако и угрозы не заставили истребить то, что однажды было издано и успело попасть во многие руки. Но довольно об этом.

ГЛАВА 31

О кордовском епископе Осии

Так как мы заметили, что испанский епископ Осия присутствовал (на Соборе сирмийском) против своей воли, то надобно кратко сказать о нем. Незадолго перед тем, по проискам ариан, он сослан был в ссылку; но потом царь, желая, чтобы Осия волей или неволей согласился с бывшими в Сирмии епископами, ибо это представлялось важнейшим свидетельством их веры, принял убеждения присутствовавших и вызвал его на Собор. Посему-то я и сказал, что этот епископ был на нем против воли, по принуждению. Сначала он не хотел согласиться, но когда подвергли старца побоям и пыткам, по необходимости согласился и подписал изданные тогда исповедания. Так кончились дела в Сирмии. Между тем в Сирмии же имел свое пребывание и царь Констанций, ожидая результатов войны с Магненцием.

ГЛАВА 32

О погибели тирана Магненция

Овладев царственным Римом, Магненций умертвил многих из сенаторов и погубил великое число простого народа. Когда же военачальники Констанция собрали римское войско и пошли против него, то он выступил из Рима и обратился в Галлию. Там непрестанно происходили сражения, и победа оставалась то на той, то на другой стороне. Но, наконец, при галльской крепости Муре Магненций был разбит и осажден[44]. В этой крепости, говорят, случилось следующее чудо: стараясь ободрить своих воинов, упадших духом от поражения, Магненций взошел на возвышенный престол. Воины хотели было приветствовать его обыкновенными восклицаниями, какими приветствуют царей, но сверх чаяния отнесли это приветствие к Констанцию, и все вообще провозгласили Августом не Магненция, а Констанция. Приняв это за худое для себя предзнаменование, Магненций тотчас вышел из крепости и начал отступать за пределы Галлии.

Военачальники Констанция преследовали его и в другой раз вступили с ним в сражение на месте, называемом Монтоселевк[45], где, разбитый наголову, он ушел один в галльский город Лугдун, отстоящий от крепости Мурсы на три дня пути. Прибыв в этот город, Магненций умертвил свою мать, потом брата, которого сделал своим кесарем, а наконец, и самого себя. Это происходило в то время, когда консулами были Констанций — в шестой раз, а Констанций Галл — во второй, и именно в пятнадцатый день августа. Спустя немного времени, лишил себя жизни веревкой и другой брат Магненция, по имени Декентий. Так кончились дела Магненция. Но и после сего государство не совсем успокоилось, ибо вскоре явился другой тиран, по имени Силуан. Впрочем военачальники Констанция скоро уничтожили и этого возмутителя Галлии[46].

ГЛАВА 33

Об иудеях, обитавших в Диокесарии палестинской

К этому присоединилась внутренняя война и на востоке. Иудеи, жившие в Диокесарии палестинской, подняли оружие против римлян и начали делать набеги на соседние области. Но Констанций Галл, которого царь сделал кесарем и послал на восток, отправил войска и усмирил их, а город Диокесарию повелел разрушить до основания.

ГЛАВА 34

О кесаре Галле

Совершив это, кесарь не вынес своего счастья, но вскоре затеял новости против того, кому обязан возвышением, и хотел сделаться тираном. Однако его намерение Констанцию недолго оставалось неизвестным. Галл самовластно умертвил тогдашнего восточного префекта Домициана и квестора Магна за то, что они донесли царю о его намерении. Разгневавшись на это, Констанций приказал ему явиться к себе, и он, испугавшись, нехотя отправился. Когда же достиг западных областей и находился уже близ острова Флана, то, по повелению Констанция, был лишен жизни. Вскоре после того царь сделал кесарем брата Галла, Юлиана, и послал его в Галлию против варваров. Галл, он же и Констанций, лишен жизни в седьмое консульство царя Констанция и в третье свое[47], а Юлиан сделан кесарем на другой год, в консульство Арбитиона и Лоллиана, шестого ноября[48]. Впрочем, о Юлиане мы упомянем в следующей книге. Освободившись от угрожавших себе бедствий, Констанций снова обратил внимание на церковные раздоры. Приехав из Сирмия в царственный город Рим, он опять назначил быть Собору епископов и повелел спешить в Италию некоторым епископам восточным, распорядившись вместе с тем, чтобы туда же явились епископы и областей западных. Между тем как они собирались в Италию, произошло следующее: римский епископ Юлий, быв предстоятелем той церкви пятнадцать лет, умер, и его епископство принял Либерий[49].

ГЛАВА 35

О сирийце Аэции, учителе Евномия

В то время в Антиохии сирийской явился другой ересеначальник Аэций, прозванный безбожником. Он был одинаковых мыслей с Арием и проповедывал одно и то же учение, но от ариан отделился за то, что они приняли в общение Ария. Арий, чтобы обмануть тогдашнего царя, подписывая никейский символ, при этом одно, как я сказал прежде, держал в уме, а другое утверждал на словах. По этой-то причине Аэций и отделился от ариан, хотя еще прежде был еретиком и спешил с жаром защищать учение Ария. Поучившись немного в Александрии, он возвратился в отечество и, прибыв в место своего рождения — сирийскую Антиохию, тогдашним антиохийским епископом Леонтием посвящен был в диакона и тотчас начал удивлять всякого встречного новизной речей своих. Это делал он, пользуясь категориями Аристотеля, — так надписывается одно Аристотелево сочинение. Приводя их в своих речах, он не замечал, что строит софизмы против самого себя, потому что намерений Аристотеля не изучил у людей знающих. Аристотель написал свое сочинение против софистов, которые тогда смеялись над философией. Эта книга назначается для упражнения юношей и софистам, вооруженным софизмами, противопоставляет диалектику. В ней академики, излагая философию Платона и Плотина, опровергают изворотливые суждения Аристотеля. Но Аэций не имел своим учителем философа-академика и, пристрастившись только к софизмам на основании категорий, не в состоянии был понять, каким образом нерожденное может быть рождением, и как происшедшее совечно родившему. Притом Аэций был так малосведущ и недалек в знании священного Писания, поскольку заботился только об искусстве состязания, которое доступно и человеку необразованному, что даже не читал древних толкователей христианских книг, а о Клименте, Африкане и Оригене[50], мужах, отличавшихся всякой мудростью, и совсем не знал. Кропая послания к царю Констанцию и к некоторым другим, он наполнял их хитросплетениями и софизмами, и за то прозван был безбожником. А так как, несмотря на тождество его учения с арианским, ариане не могли понимать запутанных его силлогизмов, то он и от этих самых единомышленников признан был еретиком. Поэтому, изгнанный из их церкви, Аэций показывал вид, будто по собственной воле не хочет иметь с ними общение. Последователи его есть и ныне: прежде назывались они аэцианами, а теперь носят имя евномиан, ибо с течением времени главою этой секты сделался письмоводитель Аэция Евномий, заимствовавший от него еретическое учение[51]. Впрочем, о Евномии мы скажем в своем месте.

ГЛАВА 36

О Соборе медиоланском

В то же время в Италию съехались епископы, из восточных очень немногие, потому что прибытию большей части их препятствовали старческий возраст и дальний путь, а из западных более трехсот. Царь повелел быть Собору в городе Медиолане. Как скоро здесь все собрались, восточные прежде всего потребовали общего мнения против Афанасия, то есть чтобы Александрия после сего была для него совершенно недоступна. Но епископ галльской Триверы Павлин, также Дионисий и Евсевий, из коих первый был епископом италийской метрополии Альбы, а последний — епископом лигурийского города Врекеллы[52], в Италии, видя, что восточные спешат с утверждением приговора против Афанасия с целью ниспровергнуть веру, встали и громко возгласили, что таким образом само христианство подвергается обману и прельщению, ибо обвинение Афанасия, говорили они, несправедливо, а восточные замыслили это для искажения веры. После их криков Собор епископов разошелся[53].

ГЛАВА 37

О Соборе ариминском и об изложенном на нем символе Веры

Узнав об этом, царь отправил их в ссылку и изъявил желание созвать Собор вселенский, то есть вызвать на запад всех епископов восточных и всех их, если можно, сделать единомышленными. Но когда начал он размышлять о своем намерении и представил трудности пути, то повелел быть Собору в двух отделениях: присутствовавшим тогда (в Медиолане) епископам приказал собраться в италийском городе Аримине[54], а восточным предписал грамотою съехаться в вифинской Никомидии. Это повеление царь дал с намерением привести их к единомыслию, но его намерение не получило надлежащего исполнения, потому что ни один из этих Соборов не был согласен сам с собою, но тот и другой разделился на партии. Собравшиеся в Аримине не могли согласиться в своих мнениях, а съехавшиеся в Селевкии исаврийской восточные произвели новый раскол. Как произошло то и другое расскажем после, а теперь упомянем кратко об Евдоксии.

Около этого времени, по случаю смерти Леонтия, который еретика Аэция возвел в сан диакона, епископ Германикии, города также сирийского, Евдоксий, находясь тогда в Риме, вдруг заторопился и лукаво докладывает царю, что город Германикия имеет нужду в утешении и охранении, а потому просит позволения немедленно возвратиться. Ничего не подозревая, царь отпустил его, а он, оставив свой город, при содействии царских постельничих, лукаво овладел антиохийской епископией и, стараясь тем поддержать Аэция, употребил все усердие, чтобы созвать собор епископов и возвратить ему сан диаконский. Однако это никак не удалось, потому что ненависть к Аэцию была сильнее заботливости Евдоксия[55]. Но довольно об этом.

Между тем, на Соборе ариминском восточные объявили, что они приехали с намерением молчать о делах Афанасия. Согласно с ними говорили Урзакий и Валент, которые прежде поддерживали учение Ария, а потом приняли единосущие и вместе с тем, как я сказал, представили римскому епископу свиток раскаяния. Они всегда склонялись на сторону сильнейших. К ним присоединились также Германий и Авксентий, Демофил и Гаий. Но так как в заседании один из присутствовавших предлагал одно, другой другое, то сообщники Урзакия и Валента стали требовать, чтобы все прежние определения касательно веры остались недействительными и принято было новое изложение, которое незадолго перед тем составлено ими в Сирмии. Говоря это, они держали в руках хартию и заставили прочитать иное, составленное в Сирмии изложение веры, которое тогда, как выше сказано, скрыли, а в Аримине объявили во всеуслышание. В переводе с латинского языка оно заключается в следующих словах:

«Католическая Вера, изложенная в Сирмии в присутствии владыки нашего Констанция, в год знаменитейших консулов Флавия, Евсевия и Ипатия, в одиннадцатый день июньских календ. Веруем в единого и истинного Бога, Отца Вседержителя, Творца и Создателя всяческих. И в одного единородного Сына Божия, Который бесстрастно рожден от Отца прежде всех веков, прежде всякого начала, прежде всякого воображаемого времени и прежде всякого умопредставления, чрез Которого сотворены веки и произошло все, Который рожден единородным, одним от одного — Отца, Богом от Бога, подобным родившему Его Отцу по Писаниям, Которого рождение недоведомо никому, кроме одного родившего Его Отца. Сей единородный Сын Его, знаем мы, по мановению Отчему, пришел с небес для уничтожения греха (Евр. 9, 26), родился от Марии Девы, обращался с учениками и совершил все домостроительство (спасения людей) по воле Отчей, распят и умер, сошел в преисподнюю и совершил там, что надлежало; где увидев его, приставники

ада вострепетали; воскрес в третий день и обращался с учениками; по прошествии сорока дней вознесся на небеса и сидит одесную Отца; в последний день придет во славе Отчей и воздаст каждому по делам его. И в Святого Духа, Которого Сам Единородный Сын Божий Иисус Христос обещал послать роду человеческому, как Утешителя, по Писанию: *восхожду ко Отцу Моему, и Умолю Отца моего, и инаго Утешителя даст вам. Духа истины; той от Моего примет и возвестит и воспомянет вам вся* (Иоан. 14, 26; 15, 26). Но слово «сущность», употребленное Отцами по простоте и непонятное для народа, как служащее соблазном, потому что не встречается в Писаниях, заблагорассуждено отвергнуть и впредь, говоря о Боге, вовсе не употреблять его — по той причине, что Божественные Писания нигде не упоминают о сущности Отца и Сына. Мы почитаем Сына подобным Отцу по всему, как и священные Писания утверждают и научают».

Когда это было прочитано, некоторые, внутренне не одобрявшие прочитанного изложения, встали и сказали: «Мы собрались здесь не для того, что будто бы нуждались в вере; вера у нас сохраняется здравая, и она принята нами искони. Мы собрались, чтобы отвергнуть, как скоро есть какое в отношении к ней нововведение. Посему, если прочитанное не заключает в себе ничего нового, то, очевидно, вы анафематствуете ересь арианскую, подобно прочим ересям, которые как нечестивые, отвергнуты древним каноном Церкви, ибо всей вселенной известно, что нечестивое учение Ария возбудило в Церкви смятения и производит беспокойства даже доныне». Такое предложение не было одобрено стороною Урзакия и Валента, Германия и Авксентия, Демофила и Гаия и совершенно расторгло Церковь, потому что одни приняли изложение, прочитанное теперь в Аримине, а другие снова подтвердили символ никейский[56]. Смеялись и над заглавием прочитанного изложения, особенно Афанасий, который в послании к своим друзьям слово в слово говорит следующее:

«Какого учения недоставало католической Церкви для благочестия, что ныне они исследуют веру и в заглавии своих слов о вере означают консульство настоящего времени? Урзакий, Валент и Германий сделали то, чего никогда не бывало и не слыхано между христианами. Написав, как сами хотели веровать, они в заглавии поставили консульство, месяц и день настоящего года, чтобы показать всем здравомыслящим, что вера их получила свое начало не прежде, а только ныне, в царствование Констанция, и все написали соответственно своей ереси. Притом, пиша якобы о Господе, они называют своим Владыкой Констанция, потому что он дал силу их нечестию, и, называя вечным самого царя, отвергают вечность Сына (Божия). До такого нечестия простирают они вражду против Христа! Впрочем, поводом к обозначению консульства, может быть, служила им хронография святых пророков. Но если они дерзнут сказать это, то ясно обнаружат свое невежество, ибо хотя пророчества святых обозначаются временами, так, например Исаия и Осия жили во дни Озии, Иоафама, Ахава и Езекии, Иеремия — во дни Иосии, Иезекиил и Даниил — при Кире и Дарии, другие пророчествовали в другие времена, но они не полагали начала богопочтению, богопочтение было и прежде их, оно предуготовлено нам Богом во Христе еще прежде сложения мира. Пророки обозначали время не веры своей, ибо и до того времени были верующими, а только указывали на время данного чрез них обетования. Это обетование относилось преимущественно к пришествию Спасителя нашего и к тем следствиям, которые должны были произойти для Израиля и язычников. Итак, времена (у пророков) означали, как я сказал, не начало веры; ими указывалось, когда жили и пророчествовали сами пророки. Напротив, эти нынешние мудрецы не излагали истории и не предсказывали будущего, но, написав: «вера католическая изложенная», тотчас присовокупили и консульство, и месяц, и день. Как святые означали годы событий и своего служения, так они означают год своей веры. И пусть бы писали о своей вере, поскольку она в самом деле началась ныне, и не называли бы ее католическою, но у них не говорится: «мы так веруем», а написано: «вера

католическая изложенная». Такая дерзость намерения обличает их безбожие, а придуманная новость в их писании равняется арианской ереси. Этим заглавием рукописи они показали, когда сами начали веровать, и изъявили желание, чтобы вера их считалась с настоящего времени. Как словами Евангелиста Луки: *изыде повеление* (Лук. 2. 1, 2), выражается то, что этого повеления прежде не было, а начало быть оно и дано предписателем с того времени, так и они, написав: «вера ныне изложенная», показали, что изобретенная ими ересь есть нечто новое, и что прежде ее не было. Прибавив же «католическая», не заметили, что впали в заблуждение фригийцев, поскольку, подобно им, говорят: нам прежде всех открыта и от нас начинается вера христианская; и как те Максимиллу и Монтана, так эти, вместо Христа, признают своим владыкой Констанция. Если, по их мнению, вера начинается с нынешнего консульства, то что будет с отцами и блаженными мучениками? Что будут делать и сами они с теми, которые ими же оглашены и умерли до этого консульства? Как воскресят их, чтобы прежде преподанное им изгладить и посеять в них нынешнее, будто бы здравое уже учение? Так они невежественны, умея только придумывать извинения, и притом нелепые и невероятные, лживость которых тотчас обнаруживается!»

Это-то писал Афанасий друзьям своим. Желающие могут отыскать послание и сами узнать все, сказанное в нем с силою, а мы, избегая длинноты, предложили здесь только его отрывок. Надобно заметить, что Валента и Урзакия, Авксентия и Германия, Гаиия и Демофила Собор низложил, потому что эти епископы не согласились анафематствовать учение арианское. Раздраженные сим низложением, они поспешно отправились к царю и повезли с собою читанное на Соборе исповедание веры. А Собор между тем о своих определениях известил царя посредством послания, которое в переводе с латинского заключает в себе следующий смысл.

Послание ариминского Собора к императору Констанцию

«Мы веруем, что воля Божия и указ твоего благочестия устроили собрание епископов различных западных городов в Аримине с той целью, чтобы и вера кафолической церкви для всех объяснилась, и мыслящие противное обнаружились. Итак, после продолжительных рассуждений, мы признали за лучшее: веру, дошедшую из древности, проповеданную Пророками, Евангелиями, апостолами и самим Господом нашим Иисусом Христом, веру, хранительницу твоего царства и покровительницу твоего могущества, эту веру содержать постоянно, и, содержа, блюсти ее до конца, ибо нам показалось делом безрассудным и незаконным изменять что-либо, определенное правильно и точно, рассмотренное на никейском Соборе в присутствии славного твоего отца и царя Константина, проповеданное вслух всем и сделавшееся всеобщим учением и образом мыслей. Эта вера — одна поставлена в поборание и истребление ереси Ария, и ею опровергнуто не только арианство, но и всякая другая ересь. В ней и прибавить что-либо поистине не безопасно, и отнять гибельно, ибо допусти то или другое — врагам тотчас откроется возможность делать, что угодно. Поэтому-то Урзакий и Валент, давние сообщники и единомышленники арианского учения и были отлучены от общения с нами, пока, для возвращения его, не сознались в своих заблуждениях, не раскаялись и не получили прощения, как свидетельствуют представленные ими письменные доказательства. По уважению к сим знакам раскаяния, они прощены и освобождены от виновности. Это сделано в то время, когда продолжались заседания Собора медиоланского, в присутствии между прочими и пресвитеров римской Церкви. Притом, мы знаем и после смерти достойного памяти Константина, который со всяким тщанием и вниманием изложил дошедшую до нас письменно веру, был в ней крещен, как надлежало человеку, и достиг вожделенного мира, а потому сочли делом безрассудным после него ввести что-либо новое и презреть столь многих святых исповедников и мучеников,

которые письменно изложили и рассмотрели это самое учение, которое все обсудили согласно с древними уставами кафолической Церкви, и которых веру Бог сохранил до времен твоего царствования через Господа нашего Иисуса Христа, даровавшего тебе царство до пределов вселенной. Несмотря на то, несчастные и жалкие умом люди опять стали с преступным дерзновением проповедывать нечестивое учение и разрушать все здание истины. Когда, по твоему указу, начали производиться заседания Собора и они обнаружили также намерение своего заблуждения, стали коварно и возмутительно вводить нечто новое и, при помощи сообщников своей ереси — Германия, Авксентия и Гаия, начали возбуждать вражду и разномыслие. Одно их учение превосходит все прочие богохульства. Увидев же, что помыслы у них не одинаковы и что нет согласия в худых их мнениях, они обратились к нам за советом с намерением изложить учение веры иначе. Но так как время для рассмотрения их мнений было кратко, то, дабы дела церковные не подвергались постоянно одним и тем же опасностям, дабы смятения и непрерывные беспокойства не привели всего в беспорядок, признано за благо сохранить твердыми и неизменными постановления древние, а вышеупомянутых людей отлучить от общения с нами. По этой причине мы отправили к твоей милости избранных нами послов и в своем письме к тебе скрепили мнение Собора. Этим послам прежде всего повелено утверждать истину на основании древних и верных определений: они объяснят твоему благочестию, что, вопреки словам Урзакия и Валента, мира не может быть, если извратится что-либо правое, ибо как могут сохранить мир люди, нарушающие мир? Это и в прочих городах, и в римской Церкви скорее произведет распри и беспокойства. Итак, умоляем твою милость принять представления нашего посольства слухом благосклонным и лицем светлым, и не попускать, к оскорблению умерших, чтобы вводили какие-либо новости, но позволить нам оставаться при том, что определено и узаконено предками, которые, можем сказать, все совершили прозорливо, мудро и по внушению Святого Духа; между тем как нынешние нововведения тех людей внушают верующим неверие, а неверующим — упорство. Умоляем также повелеть, чтобы епископам, проживающим на чужой стороне и угнетаемым как преклонностью лет, так и нуждами бедности, даны были средства для возвращения домой, дабы церкви не оставались без епископов. Но ко всему этому, снова умоляем не попускать, чтобы из прежних определений что-либо убавляли или прибавляли к ним, но оставить ненарушимым все, соблюдаемое от времен благочестивого твоего отца до настоящего времени. Пусть, наконец, мы не страдаем и не остаемся вне своих епархий, пусть епископы вместе со своим народом мирно возносят молитвы и совершают богослужение, молясь о твоем спасении, царстве и мире, что дарует тебе Бог навеки. Наши послы имеют при себе подписи и имена епископов, они же убедят твое благочестие и на основании священного Писания».

Так писал Собор и свое послание отправил с епископами. Но сообщники Урзакия и Валента, предупредив их прибытие, успели оклеветать Собор и представили привезенное изложение веры. Царь, прежде благоприятствовавший арианской ереси, разгневался на Собор, а сообщникам Валента и Урзакия оказал великую почесть. Посему-то послы Собора долго не получали никакого ответа, и уже довольно поздно царь отвечал через них Собору следующее:

Констанций победитель, триумфатор, Август — всем собравшимся в Аримине епископам.

«И вашему добротолюбию не безызвестно, что мы всегда особенно заботимся о божественном и досточтимом законе. Несмотря на то, посланных вашим благоразумием и принявших на себя посольство от вас двадцати епископов мы доселе не могли видеть. Нам необходимо идти в поход против варваров, а делами касательно божественного закона, как вы знаете, надобно заниматься с душою, свободною от всякой заботы. Посему мы повелели епископам дожидаться нашего возвращения в Адрианополе. И когда все дела

общественные будут хорошо устроены, тогда уже мы выслушаем и рассмотрим то, о чем они будут докладывать. А чтобы вашей твердости не показалось тяжким ожидать их возвращения, то, по прибытии к вам посланных с сим ответом нашим, вы можете приводить в исполнение дела, служащие ко благу кафолической Церкви».

Получив это письмо, епископы опять написали царю следующее:

«Мы получили грамоту твоего человеколюбия, господин боголюбезнейший царь. В этой грамоте говорится, что, по причине нужного общественного дела, ты доныне не мог видеть наших послов, и повелеваешь нам ожидать их возвращения, пока твое благочестие не узнает от них, что определено нами согласно с постановлениями наших предков. Но и теперь, сим новым к тебе письмом мы единодушно выражаем и утверждаем, что отнюдь не уклоняемся от своего предложения. Это заповедали мы и послам своим. Итак, просим, чтобы и настоящее письмо нашего смирения ты повелел со светлым лицом прочитать себе, и прежнее, отправленное через послов, принял благосклонно. Ведь и твоя кротость видит вместе с нами, какая скорбь и печаль происходит ныне от того, что в твои блаженнейшие времена столь многие Церкви остаются без епископов. Посему снова умоляем твое человеколюбие, господин боголюбезнейший царь, повелеть нам, если будет угодно твоему благочестию, прежде наступления непогод зимнего времени, возвратиться в наши церкви, чтобы мы могли вместе с народом возносить Вседержителю Богу и Господу Спасителю нашему Иисусу Христу, единородному Его Сыну усердные молитвы о твоем царстве, как всегда возносили и как ныне совершаем их». Написав это послание и подождав немного, но не получив от царя ответа, они разъехались по своим городам. Царь, еще прежде намеревавшийся распространить в Церквах учение арианское и старавшийся сделать его господствующим, удаление их почел для себя оскорблением и говорил, что, разъехавшись без его воли, они оказали ему презрение. Поэтому приверженцам Урзакия позволил он, ко вреду церквей, свободно делать все, что угодно, а читанное в Аримине исповедание веры приказал послать в Церкви италийские и, изгоняя из Церквей тех, которые не захотят подписаться под ним, на места их поставлять других. Первый, не согласившийся присоединиться к этой вере, сослан был в ссылку римский епископ Либерий, на место которого сообщники Урзакия возвели Феликса, бывшего диакона римской Церкви, по принятии арианского учения получившего сан епископа. Впрочем, иные говорят, что он не принимал арианства и рукоположен насильно, по принуждению. Таким образом, на западе тогда от нововведений все пришло в смятение: одни были изгоняемы и отправляемы в ссылку, а другие восходили на их место, и это делалось с насильем и на основании царских указов, которые были посылаемы и в области восточные. Впрочем, спустя немного, Либерий вызван был из ссылки и опять занял свой престол, потому что римский народ, возмутившись, выгнал из церкви Феликса, и царь, хотя против воли, должен был согласиться на это[57]. Между тем, приверженцы Урзакия, удалившись из Италии, прибыли в области восточные и заняли город фракийский, по имени Нику. Пробыв в этом городе немного времени, они составили в нем другой собор и, переведши на греческий язык читанное, как сказано, в Аримине исповедание веры, утвердили его и обнародовали от имени вселенского Собора с заглавием: «исповедание веры, изложенное в Нике». У них было желание увлечь простых людей сходством имени города, ибо могли думать, что это исповедание изложено в Никее вифинской, но такая выдумка не помогла; обман вскоре обнаружился и окончился смехом. Впрочем, довольно о событиях на западе. Теперь надобно перейти к тому, что тогда же происходило на востоке и начать со следующего.

ГЛАВА 38

О жестокости Македония и о произведенных им смутах

Основываясь на царских указах, епископы арианской стороны действовали с большей смелостью. Как готовились они составить собор, я скажу несколько ниже, а теперь бегло обозрю, что сделано ими до Собора. Акакий и Патрофил изгнали из Иерусалима Максима и поставили на его место Кирилла, а Македоний приводил в смятение епархии и города соседственные Константинополю, поставляя по церквам действователей, верных собственной его цели. В Кизику[58] нарек он епископом Элевсия, а в Никомидию Марафония, который, быв прежде диаконом и возведенный на эту степень Македонием же, ревностно занимался устроением мужских и женских монастырей. Но надобно уже сказать, каким образом Македоний приводил в смятение епархии и города вокруг Константинополя. Захватив епископство, он, как было сказано прежде, не делал множество зла людям, не разделявшим его мнений, и преследовал не только христиан противоборствовавшей ему Церкви, но и новациан, поскольку знал, что и они исповедуют единосущие, и эти также подвергались гонению вместе с теми и претерпевали невыносимые бедствия, а епископ их, по имени Агелий, спасся бегством. Многие славившиеся благочестием, были схвачены и сечены за то, что не хотели иметь с ним общения. Мужчин, высекши, принуждали силою принимать Тайны: им разводили уста палкою и влагали причастие; подвергавшиеся такому насилию считали это наказанием, тягчайшим всех мучений. Таким же образом производилось сообщение таинств женщинам и детям: их схватывали и принуждали, а если кто отказывался или иначе прекословил, то тотчас следовали побои, потом узы, темницы и другие мучения. Если я приведу один или два примера таких мучений, то слушатели получат ясное понятие о жестокости и бесчеловечии Македония и тогдашних сильных людей. У женщин, не хотевших принимать Тайн, сдавливали и оттирали груди ящиком, у других те же члены отнимали железом, либо отжигали раскаленными до высочайшей степени ядрами. Такое-то и у язычников неслыханное мучение употребляли люди, называвшие себя христианами! Все это слышал я от многолетнейшего старца Авксанона, о котором упоминал еще в первой книге. Он был пресвитером новацианской Церкви, и сам, говорит, претерпел от ариан немало зла, пока не имел пресвитерского сана. Вместе с ним подвизался и Александр пафлагонец, и оба они, быв посажены в темницу, претерпели множество побоев. Авксанон перенес мучения, а Александр, по его словам, умер в темнице от побоев и погребен на правой стороне при входе в нынешний византийский залив, называемый Кераз, близ рек, где находится и посвященная имени Александра новацианская церковь. По приказанию Македония, ариане в разных городах разрушили много и других церквей, да и новацианскую, находившуюся в Константинополе близ Пеларгоса. А почему я упомянул в особенности об этой, скажу, что слышал от старца Авксанона. По закону царя и принуждению Македония, надлежало разрушать церкви христиан, исповедующих единосущие. Таковое повеление простиралось и на упомянутую церковь, и люди, которым это было приказано, уже приступили к своему делу. Здесь я удивляюсь как великой ревности и усердию новацианского народа к своему храму, так и благорасположенности, какую оказали им лица, изгнанные тогда арианами из церкви, а теперь в мире владеющие своими церквами. Когда те, коим было приказано, приступили к разрушению церкви, собралось великое множество новациан и несколько единомышленников их. Они тотчас разобрали свою церковь и перенесли ее на другое место, а место это находится на противоположной стороне города, называется Сики и составляет тринадцатую часть Константинополя. Перенесение церкви совершено с необыкновенной скоростью, потому что народу было много, и усердие переносивших весьма велико. Тот носил черепицы, другой камни, иной дерево, всякий брал что-нибудь и относил в Сики; в перенесении участвовали даже женщины и малолетние дети и почитали за святое дело, за великую для себя пользу, что удостоились быть верными стражами вещей, посвященных Богу. Так-то перенесена была тогда в Сики новацианская церковь.

Но впоследствии, по смерти Констанция, император Юлиан приказал возвратить новацианам прежнее их место и позволил снова построить там церковь; тогда народ, опять таким же образом перенесши материал, воздвиг церковь на прежнем ее месте и, улучшив ее, дал ей, соответственно тому, название Анастасии. Эта церковь, как я сказал, восстановлена после при Юлиане; а тогда и те и другие, то есть и христиане всеобщей Церкви и новациане, одинаково были гонимы. Посему первые, удаляясь от тех молитвенных домов, в которых бывали собрания ариан, приходили молиться вместе с новацианами в прочих новацианских церквах, которых внутри города было три; и тогда им легко можно бы соединиться, если бы новациане, держась древнего своего правила, не воспротивились этому. Впрочем, благорасположение всякого иного рода они оказывали друг другу с великим усердием и готовы были умереть один за другого. Христиане обеих этих Церквей гонимы были не только в самом Константинополе, но и в прочих епархиях и городах; например, в Кизике, тамошний епископ Элевсий поступал с христианами подобно Македонию — отовсюду изгонял их и везде преследовал, а находившуюся в Кизике новацианскую церковь разрушил до основания. Наконец, Македоний увенчал свои злодеяния следующим поступком: узнав, что в Пафлагонии[59] многие, особенно жители Мантинеи, держатся секты новацианской и, предвидя, что такого множества народа нельзя разогнать людьми духовными, он убедил царя послать в Пафлагонию четыре отряда войска и страхом заставить (тамошних христиан) принять арианское учение. Но жители Мантинеи, по ревности к своей вере, вооружились против воинов ненавистью: собравшись в великом множестве и взяв косы, топоры и другое, какое попало, оружие, они встретили войско. Произошло сражение, и из пафлагонян многие были убиты, а из воинов, исключая немногих, почти все. Это узнал я от одного деревенского пафлагонянина, который, по словам его, сам участвовал в сражении. То же утверждают и многие другие пафлагоняне. Вот каковы были подвиги Македония в пользу христианства. Это убийства, брани, порабощения, междоусобные войны! Такие поступки возбудили против него справедливую ненависть не только обиженных, но и близких к нему людей. Да и самому царю сделался он ненавистен как по этой причине, так и по другой, следующей: храм, в котором стояла гробница с телом царя Константина, угрожал падением, все, кто входил туда или оставался там для молитвы, делали это с большим страхом. Опасаясь, чтобы рака не повредилась от падения, Македоний решился перенести кости царя. Народ узнал об этом и стал противиться, утверждая, что костей царя переносить не следует, ибо это все равно, что вырыть их из земли, и тотчас разделился на две партии: одни говорили, что перенесение не причиняет мертвому никакого оскорбления, а другие называли это делом нечестивым. Сошлись также и исповедники единосущия и стали противиться сему намерению. Но Македоний мало думал о противившихся и тело царя перенес в ту церковь, в которой почивает тело мученика Акакия. Как скоро это было сделано, к помянутой церкви собралось множество народа той и другой партии. Обе стороны стали друг против друга и немедленно вступили в рукопашный бой. Многие были убиты, так что весь притвор храма залит был кровью, и ею наполнилось находившееся в нем водохранилище, из которого она текла потом на портик и на самую площадь. Узнав об этом несчастном событии, царь разгневался на Македония — как за смерть погибших, так и за то, что он осмелился без его ведома, тронуть тело отца его. По этому случаю, предоставив управление западными областями кесарю Юлиану, сам он отправился на восток[60]. Впрочем, о том, как немного спустя Македоний был низложен и за столь великие злодеяния получил малое наказание, я скажу после.

ГЛАВА 39

О Соборе, бывшем в Селевкии исаврийской

Теперь я расскажу о другом Соборе, который, по силе царского указа, долженствовал быть на востоке в соответственность Собору ариминскому. Сначала дано было предписание собраться епископам в Никомидии вифинской, но съезду их туда воспрепятствовало сильное землетрясение, разрушившее город Никомидию, что случилось в консульство Тациана и Кереалия, в двадцать восьмой день месяца августа. После сего положено было перевести Собор в соседний город Никею, но и это вскоре отменено. Затем думали уже собраться в Тарсе килийском, но так как и это не понравилось, то, наконец, собрались в Селевкии исаврийской[61], называемой утесистой. Съезд епископов в Селевкию происходил в том же году (в котором был Собор ариминский), то есть в консульство Евсевия и Ипатия. Собравшихся было числом сто шестьдесят. С ними присутствовал и один из придворных чиновников, по имени Леона, при котором, по указу царя, надлежало совершаться исследованию о вере. Там же повелено находиться и предводителю исаврийского войска Лаврикию, чтобы он, в случае нужды, оказывал епископам услуги. Итак, епископы собрались в двадцать седьмой день месяца сентября и стали рассуждать при раскрытых записных книгах, ибо при них находились и скорописцы, чтобы записывать слова каждого. Пространнейшее изложение этих рассуждений любознательные могут найти в сборнике Сабина, а мы бегло обозрим только главное. В первый день собрания Леона предложил каждому объявить свое мнение, но присутствовавшие отвечали, что они не прежде начнут исследование чего-либо, как по приезде еще не прибывших епископов, ибо недоставало Македония константинопольского, Василия анкирского и некоторых других, имевших причины опасаться обвинения. Македоний не явился под предлогом болезни, Патрофил жаловался на глазную боль и поэтому, говорил, необходимо ему оставаться в предместии Селевкии, да и из прочих каждый представлял какой-нибудь предлог неприбытия. Когда же Леона сказал, что, несмотря на их отсутствие, надобно начать рассуждения, присутствовавшие опять отвечали, что они не прежде станут рассуждать о чем-либо, как подвергнув наперед исследованию жизнь обвиняемых. А обвиняемыми еще прежде были Кирилл иерусалимский, Евстафий севастийский, что в Армении[62], и некоторые другие; от этого между присутствовавшими произошла распря. Одни требовали предварительного исследования жизни обвиняемых, другие не хотели ничего исследовать прежде рассуждений о вере. Несогласие еще более увеличилось от неопределенно высказанной воли царя, ибо в представленном Собору письме его повелевалось наперед исследовать то то, то другое. Об этом начали также спорить, и между присутствовавшими произошло разделение. Таков был первый предлог, по которому и селевкийский Собор распался на две партии. Предводителями одной из них были Акакий палестинско-кесарийский, Георгий александрийский, Ураний тирский, Евдоксий антиохийский, к которым пристали еще только тридцать два епископа, а предводителями другой — Георгий сиро-лаодикийский, Софроний помпеопольский в Пафлагонии и Элевсий кизикский, к которым присоединилась большая часть епископов[63]. Так как через это получило перевес мнение, что наперед надобно рассуждать о вере, то сторона Акакия стала открыто отвергать исповедание никейское и требовала издания иного исповедания веры, а другая, имевшая большинство, принимала все определения никейского Собора и не одобряла только одного выражения «единосущный». После такого спора, продолжавшегося до позднего вечера, наконец, предстоятель тарсийской Церкви, Сильван, громко закричал, что не нужно составлять новое изложение веры, но должно оставить во всей силе то, которое еще прежде объявлено в Антиохии, при освящении храма. Когда это было сказано, акакиане вышли вон, а принадлежавшие к другой стороне принесли антиохийское исповедание и, прочитав его, этим окончили заседание настоящего дня. На другой же день собрались они в селевкийский храм и, затворив двери, прочитанное исповедание утвердили своими подписями, а за некоторых отсутствовавших епископов подписались наличные чтецы и диаконы, коих они представили вместо себя для утверждения исповедания.

ГЛАВА 40

О том, как на селевкийском Соборе кесарийский епископ Акакий объявил другое изложение веры

Акакий и принадлежавшие к его стороне порицали противников за то, что они подписывались в запертой церкви, ибо совершаемое скрытно, говорил Акакий, не одобряется и возбуждает подозрение, а говорил это с тем намерением, чтобы ввести иное изложение веры, которое имел уже в готовности, читал начальникам, Лаврикию и Леоне, и требовал, чтобы на будущее время оно одно имело силу. Больше этого во второй день ничего не сделано. А в третий Леона постарался снова соединить обе стороны, и теперь присутствовали уже Македоний константинопольский и Василий анкирский. Но когда те и другие сошлись вместе, то акакиане опять не хотели присутствовать, требуя, чтобы наперед были выведены из собрания как низложенные прежде, так и обвиняемые теперь. Поскольку вследствие споров это требование получило перевес, то обвиняемые вышли вон, а акакиане вошли в собрание. Тогда Леона сказал, что он получил от акакиан свиток, скрыв однако ж, что в нем содержится — частью явно, частью скрытно противоречащее прежним исповедание веры. Присутствовавшие молчали, думая, что свиток заключает в себе что-нибудь иное, а не изложение веры, — и сочинение Акакия о вере с предисловием было прочитано. Содержание его таково:

«Мы, по воле царя собравшиеся в Селевкии исаврийской вчера, то есть в пятый день перед октябрьскими календами, употребляли все усилия, чтобы совершенною благопристойностью сохранить мир в церкви и, как повелел боголюбезнейший царь наш Констанций, основательно рассуждать о вере по сказаниям пророков и евангелистов, не внося в веру Церкви ничего незаключающегося в божественных Писаниях. Но так как некоторые на Соборе одних из нас оскорбили, другим заградили уста и не позволили говорить, а иных исключили из совещания против воли, тогда как между ними самими находились и низложенные в разных епархиях, и рукоположенные в противность церковным правилам, так что на Соборе произошло всеобщее смятение, что собственными глазами видели и знаменитейший правитель епархии Лаврикий и знаменитейший господин Леона, то возвещаем следующее. Мы не отвергаем подлинного изложения веры, составленного в Антиохии при освящении храма, и предпочитаем его, хотя отцы наши собирались тогда преимущественно для исследования другого дела. Но так как слова «единосущный» и «подобосущный» во все времена, даже до сего дня смущали многих, а недавно некоторые изобрели еще новое выражение — «несходство» Сына с Отцом, то мы отвергаем и единосущие и подобосущие, как не принадлежащие Писанию, слово же «несходный» анафематствуем и всех, которые так думают, признаем чуждыми Церкви, напротив открыто исповедуем Сына подобным Отцу, согласно со словами Апостола: *иже есть образ Бога невидимаго* (2 Кор. 4.4). Мы исповедуем и веруем в единого Бога, Отца вседержителя, Творца небес и земли, всего видимого и невидимого. Веруем и в Господа нашего Иисуса Христа, Сына его, рожденного от Него бесстрастно прежде всех веков, в Бога-Слово от Бога единородного, в свет, жизнь, истину, премудрость, чрез Которого произошло все на небесах, и на земле, видимое и невидимое. Веруем, что Он, по скончании веков, для отьятия греха, принял плоть от Святой Девы Марии, вочеловечился, пострадал за грехи наши, воскрес, вознесся на небеса, сидит одесную Отца и опять приидет во славе судить живых и мертвых. Веруем и в Святого Духа, которого Спаситель Господь наш назвал Утешителем, обещав по отшествии своем послать Его ученикам, и послал, чрез Которого освящает в Церкви верующих и

крещающихся во имя Отца и Сына и Святого Духа. А проповедующих что-либо отличное от сей веры мы признаем чуждыми кафолической Церкви».

Таково составленное Акакием изложение веры. Под ним были подписи самого Акакия и его единомышленников, а число их такое же, о каком мы упомянули немного выше. Как скоро это изложение было прочитано, епископ Помпеополиса пафлагонского Софроний громко сказал слово в слово так: «Если ежедневное изложение собственных помыслов будем принимать за изложение веры, то истины точной у нас не останется». Это сказал Софроний, а я говорю, что если бы бывшие и прежде и после отцов этого Собора о вере никейской рассуждали таким образом, то всякое любопретельное исследование прекратилось бы и безумное смятение не усилилось бы в Церкви. Впрочем, так ли это, пусть судят люди, способные понимать дело. На Соборе тогда многие многое говорили друг другу и слушали частью касательно сего предмета, частью касательно обвиняемых, а потом и разошлись. На четвертый же день опять собрались все в одно место и опять начали состязаться и спорить, причем Акакий высказал следующую мысль: «если никейское исповедание однажды изменено и потом несколько раз изменяемо было, то ничто не мешает и теперь объявить иное». На это Элевсий кизикский отвечал: «в настоящее время составился Собор не для того, чтобы узнать, чего он не знал, или получить веру, которой не имел, но чтобы, следуя вере отцов, не отступать от нее ни в жизни, ни при смерти». Так возражал Элевсий против мнения Акакия, называя верой отцов исповедание, изложенное в Антиохии. Но и ему иной мог бы возразить: как ты, Элевсий, собравшихся в Антиохии называешь отцами, и отцов их отвергаешь? Ведь собиравшиеся в Никею и единогласно исповедавшие веру во единосущие с большим правом могут быть названы именем отцов — и потому, что они древнее, и потому, что присутствовавшие в Антиохии ими уже возведены в сан священства. Как скоро отцы антиохийские отвергли своих отцов, то позднейшие, следуя им, сами не замечают, что следуют отцеубийцам. Да и почему они веры их не одобрили, а рукоположение одобрили и приняли? Если те не имели Святого Духа, который нисходит чрез рукоположение, то эти не получили священства, ибо последние как могли получить от первых то, чего они не имели? Это-то могли бы сказать против слов Элевсия. Но тогда Собор перешел к другому вопросу. Так как в прочитанном исповедании веры акакиане назвали Сына подобным Отцу, то возник вопрос, в каком отношении Сын подобен Отцу. Акакиане утверждали, что Сын подобен Отцу в отношении только к воле, а не к существу, прочие же все говорили, что в отношении к существу. Споры об этом предмете продолжались целый день. Акакия обвиняли, что в изданных им письменно сочинениях Сын называется подобным Отцу во всем, как же теперь, говорили, отвергаешь ты сходство Сына с Отцом в отношении к существу? На это Акакий отвечал, что и из новейших и из древних ни о ком не судили по сочинениям. После продолжительных и тонких рассуждений об этом предмете, не принесших никакой пользы, Леона встал и прекратил заседание. Таков был конец Собора селевкийского. Хотя, конечно, и на другой день приглашали Леону, но он не захотел прийти в собрание, сказав, что царь послал его присутствовать на Соборе единодушном, а из вас, говорил, некоторые ссорятся, посему я не могу присутствовать; ступайте и пустословьте в церкви. Считая это благоприятным для себя случаем, не хотели также идти и акакиане. Но принадлежавшие к другой стороне собрались в церковь и послали пригласить акакиан для суждения о делах иерусалимского епископа Кирилла. Надобно заметить, что Кирилл был еще прежде обвиняем, за что, сказать не могу, но низложен он за то, что в продолжение двух лет призываемый несколько раз на суд, из опасения быть обвиненным, не являлся. Впрочем, быв уже низложенным, он послал апелляцию к низложившим его и требовал высшего суда, на что согласился царь Констанций. Прибегнув к апелляции, как бывает в судилищах светских, Кирилл сделал это первый и один из всех, вопреки обычаю и церковному правилу. Итак, теперь он находился в Селевкии и ожидал суда. Посему-то епископы, как сказано немного выше, и

приглашали акакиан, чтобы, обсудив дело обвиняемых, произнести касательно их общий приговор. Были, впрочем, призываемы и другие обвиняемые — присоединившиеся к акакианам, но так как, несмотря на многократный зов, они не явились, то находившиеся на Соборе епископы низложили, во-первых, самого Акакия, потом Георгия александрийского, Урзакия тирского, Феодула керетанского из Фригии, Феодосия филадельфийского из Лидии[64], Евагрия с острова Митилены[65], Леонтия триполисского из Лидии, и Евдоксия, бывшего прежде епископом Германикии[66], а потом получившего епископство в Антиохии сирийской. Низложили и Патрофила — за то, что, обвиняемый пресвитером Дорофеем и призываемый на Собор, он не явился. Так этих они низложили, а Астерия, Евсевия, Авгаря, Василика, Фива, Фидилия, Евтихия, Магна и Евстафия лишили церковного общения и определили, чтобы они оставались в таком состоянии до тех пор, пока не оправдаются и не сделаются свободными от обвинения. Окончив это, они известили посланиями епархии тех епископов, которые были низложены, и на место Евдоксия поставили нового антиохийского епископа, по имени Аниан. Но акакиане, схватив Аниана, передали его Леоне и Лаврикию, а эти отправили его в ссылку. После сего епископы, избравшие Аниана, чрез послание Леоне и Лаврикию свидетельствовали, что акакиане нарушили соборный суд, и наконец, когда уже ничего не оставалось более делать, отправились в Константинополь известить царя о своих определениях.

ГЛАВА 41

О том, что по возвращении царя из западных областей, акакиане, собравшись в Константинополе, утвердили ариминскую веру с некоторыми к ней прибавлениями

Царь в то время возвратился уже из западных областей и был в Константинополе, поставил там префекта, по имени Гонорат, а звание проконсулов уничтожил. Акакиане, предупредив бывших на Соборе епископов, наклеветали на них царю и говорили, что они не принимают составленного ими исповедания веры. Царь разгневался на это и вздумал разъединить их, повелев законом, чтобы имевшие между ними общественные должности обращены были к частному служению, ибо некоторые из них исправляли обязанности то в советах, то в областном правлении. Между тем как они таким образом были разделяемы, акакиане оставались в Константинополе и, пригласив к себе епископов вифинских, устроили другое заседание. Собравшись здесь в числе пятидесяти епископов, между которыми был и Марис халкидонский, они утвердили читаное в Аримине исповедание веры с обозначением консульства[67]. Приводить его теперь было бы излишне, если бы к нему не было ничего прибавлено, но акакиане прибавили несколько слов, а потому необходимо переписать его. Оно заключается в следующих выражениях:

«Веруем во единого только Бога, Отца Вседержителя, от Которого все, и в единородного Сына Божия, Который рожден от Бога прежде всех веков и прежде всякого начала, чрез Которого произошло все видимое и невидимое, Который рожден единородным, одним от одного Отца, Богом от Бога, подобным родившему Его Отцу по писаниям. Которого рождение недоведомо никому, кроме одного родившего Его Отца. Сей единородный Сын Божий, знаем мы, по воле Отчей пришел с небес, как написано, для уничтожения греха и смерти, родился по плоти, как написано, от Духа Святого и Девы Марии и обращался с учениками; потом, по воле отчей, совершив все домостроительство (спасения людей), распят и умер, погребен и низшел в преисподнюю, привел в ужас самый ад, воскрес из мертвых в третий день и обращался с учениками, а по исполнении сорока дней вознесся на небеса и сидит одесную Отца, в последний же день воскресения придет в славе Отчей,

чтоб воздать каждому по делам его. И в Духа Святого, которого Сам Единородный (Сын) Божий Христос, Господь и Бог наш, обещал послать роду человеческому, Утешителя, как написано, Духа истины, Которого и послал им, когда вознесся на небеса. Наименование же «сущего», употребленное Отцами по простоте, а народу неизвестное и приводящее в соблазн, поскольку его нет в Писаниях, признано за лучшее оставить и впредь вовсе не упоминать о нем, потому что и Божественные Писания нигде не упоминают о существе Отца и Сына. Да и слова «ипостась» не должно употреблять об Отце, Сыне и Святом Духе. Мы называем Сына подобным Отцу, как называют и научают Божественные Писания. Все же ереси, и прежде осужденные, и могущие явиться в новейшее время, как противные сему изложенному писанию, да будут анафема». Это было читано в Константинополе.

Проходив довольно долго по сему лабиринту изложений веры, теперь перечислим их. После веры никейской, в Антиохии, при освящении храма, изданы были два изложения оной. Третье представлено сообщниками Нарцисса в Галлии царю Константу. Четвертое послано с Евдоксием епископом италийским. Потом три изданы в Сирмии, и из них одно читано в Аримине с обозначением консульства. Восьмое, селевкийское, читанное акакианами. Последнее же издано в Константинополе с прибавлениями. В нем прибавлено, что к Богу не должно прилагать ни существа, ни ипостаси. Это исповедание в первый раз тогда принято и епископом готов Ульфилой[68], а до того времени он принимал исповедание никейское, следуя Феофилу, который, быв епископом готским, присутствовал на Соборе никейском и подписался. Но довольно об этом.

ГЛАВА 42

О том, что, по низложении Македония, епископство константинопольское получил Евдоксий

Находясь в Константинополе, сообщники Акакия и Евдоксия старались, со своей стороны, низложить некоторых епископов другой партии. Надобно заметить, что те и другие совершали низложения не ради веры, а по иным побуждениям. Рассуждая о вере, они вовсе не обращали внимания на веру лиц, когда низлагали друг друга. Воспользовавшись гневом царя, который давно уже питал неудовольствие на многих, а особенно на Македония, и искал случая выразить свое неудовольствие делом, акакиане низложили, во-первых, Македония, как за то, что он был виновником многих убийств, так и за то, что одного диакона, обличенного в прелюбодеянии, принял в общение; потом Элевсия кизикского за то, что, окрестив Ираклия, одного жреца Геркулесова в Тире, занимавшегося волхованием, он посвятил его в диакона; затем Василия или Василу, как называли его, который рукоположен был в епископа анкирского вместо Маркелла, за то, что он несправедливо кого-то мучил и заключил в темничные железные оковы, что на некоторые лица сплетал клеветы и чрез послания возмущал африканские Церкви 69], наконец, Драконтия, за то, что из Галатии он перешел в Пергам[70]. Низложили также по различным причинам Неону, епископа Селевкии, где собирался Собор, Софрония, епископа Помпеополиса из Пафлагонии, Элпидия саталийского из Македонии, Кирилла иерусалимского и некоторых других.

ГЛАВА 43

О севастийском епископе Евстафии

А Евстафию, епископу севастийскому в Армении, даже не позволяли они и оправдываться, потому что за ношение неприличной священному сану одежды он еще прежде низложен был родным своим отцом, епископом Кесарии каппадокийской Евлалием. Надобно заметить, что вместо Евстафия поставлен был епископ Мелетий, о котором мы скажем ниже. Но Евстафий и после того, на бывшем из-за него Соборе в Ганграх пафлагонских, осужден был за то, что, низложенный уже Собором кесарийским, он делал многое вопреки церковным правилам: например, не допускал вступать в брак и учил воздерживаться от разных родов пищи, а потому многим брачным запрещал жить вместе и внушал, избегая собраний церковных, иметь общение в домах; под предлогом богопочтения отвлекал рабов от господ; сам нося философский плащ, приказывал и последователям своим надевать какую-то странную одежду; женам предписывал стричься; учил также, избегая положенных постов, поститься в воскресенье; запрещал совершать молитвы в домах людей брачных; приказывал уклоняться, как от греха, от благословения и общения с пресвитером женатым, хотя бы он вступил в брак по закону, быв еще мирянином. Многое подобное этому делал и учил Евстафий, и за то на Соборе в Ганграх пафлагонских, как сказано, низложен был, и его учение анафематствовано. Впрочем, это происходило впоследствии, а тогда, по низложении Македония, на престол константинопольский возведен акакианами Евдоксий, которому епископство антиохийское казалось второстепенным. Акакиане забыли, что этот поступок их противоречил принятому ими же мнению, ибо, низложив Драконтия за переход его из Галатии в Пергам, они не рассудили, что, поставляя (на кафедру константинопольскую) Евдоксия, который тогда переменял места уже в другой раз, нарушают тем собственное свое правило. После сего, читанное в Константинополе исповедание веры с дополнениями, в виде поправок, послали они в Аримин, повелев, согласно с указом царя, отправить в ссылку тех, кто под ним не подпишется; известили также о своих деяниях как других, единомышленных себе епископов востока, так и скифопольского епископа Патрофила, который из Селевкии отправился прямо в свой город. Тогда же, по возведении Евдоксия на епископский престол столицы, освящена была великая церковь, известная под именем Софии, что случилось в десятое консульство Констанция и третье кесаря Юлиана, в пятнадцатый день месяца февраля. По восшествии на константинопольский престол, Евдоксий прежде всего высказал пресловутую свою мысль, что Отец не чтителен, а Сын чтителен. Когда же по этому случаю произошло смятение, он сказал: «Не смущайтесь моим выражением, ибо Отец не чтителен, поскольку никого не чтит, а сын чтителен, поскольку чтит Отца». Как скоро Евдоксий сказал это, смятение конечно прекратилось, зато, вместо смятения, по всей церкви распространился смех. Об этом изречении Евдоксия и доселе вспоминают со смехом. Вот какими софизмами занимались и разделяли Церковь ересеначальники! И таков был конец Собора константинопольского!

ГЛАВА 44

Об антиохийском епископе Мелетии

Теперь надобно сказать и о Мелетии. Он, как упомянуто немного выше, был сделан епископом севастийским в Армении по низложении Евстафия, но из Севастии вскоре перемещен в Берию сирийскую и, в бытность свою на соборе селевкийском, подписав акакианское исповедание веры, оттуда отправился прямо в Берию. Когда же, после Собора константинопольского, антиохийцы узнали, что Евдоксий презрел их церковь, польстившись на богатство церкви константинопольской, то вызвали из Берии Мелетия и

возвели его на престол Антиохии. Сначала Мелетий воздерживался от рассуждений о догматах веры и предлагал слушателям только нравственное учение, но впоследствии стал предлагать исповедание никейское и проповедывать единосущие. Узнав об этом, царь приказал отправить его в ссылку[71], а в епископа Антиохии рукоположить Евзоя, который был низложен еще прежде, вместе с Арием. Тогда многие благорасположенные к Мелетию антиохийцы оставили арианские собрания и начали собираться отдельно. При всем том однако же прежние исповедники единосущия не хотели иметь с ними общение, потому что Мелетий получил рукоположение по определению ариан, и последователи его крещены были ими же. Таким образом, антиохийская Церковь разделилась на две части, державшиеся одного и того же учения. Между тем, царь узнал о новом движении персов против римлян и поспешил в Антиохию.

ГЛАВА 45

О ереси Македония

Изгнанный из Константинополя, Македоний негодовал на осуждение и никак не хотел оставаться спокойным. Он пристал к той стороне, которая в Селевкии низложила акакиан, и отправил послов к Софронию и Элевсию[72], увещевал их держаться исповедания веры, предварительно изложенного в Антиохии, а потом утвержденного в Селевкии и называть это исповедание нелепым именем «подобосущия». К Македонию присоединилось много друзей его, которые по нем называются ныне македонианами, да и осужденные на Соборе селевкийском акакианами стали теперь открыто проповедовать подобосущие, которого прежде не утверждали. Впрочем, между весьма многими распространилась молва, что это было изобретение не Македония, а Марафония, который незадолго перед тем был сделан епископом Никомидии; посему-то единомышленников Македония называют и марафонианами. К ним пристал также, по недавно упомянутой причине, изгнанный из Севастии Евстафий. В то время, как Македоний не хотел принимать Святого Духа в богословие Троицы, Евстафий говорил: «Я не могу признавать Святого Духа Богом, но не смею называть Его и тварию». По этой причине исповедники единосущия дают им имя духоборцов[73]. Но почему македониан особенно много в Геллеспонте[74], — скажу в своем месте. Между тем, акакиане раскаивались уже, что назвали Сына совершенно подобным Отцу, и старались опять собраться в Антиохию. В следующем году, в консульство Тавра и Флоренция, некоторые из них действительно были в этом городе, когда там находился царь и тамошней Церковью управлял Евзой, и опять занимались прежними своими мнениями, утверждая, что слово *подобный* надобно исключить из исповедания веры, изданного в Аримине и Константинополе. Уже не скрыто, а явно высказывали они, что Сын ничем не подобен Отцу, не только по существу, но и по воле, и, подобно Арию, утверждали, что Он произошел из не-сущего. Этой же мысли держались бывшие тогда в Антиохии единомышленники Аэция. Посему антиохийские исповедники единосущия, разделившиеся тогда, как сказано выше, по поводу Мелетия, вместе с именем ариан, давали им также имя аномиев (не подобников) и эксуконтов (из не-сущников). Когда же первые спрашивали последних, почему они в своем изложении веры, назвав Сына Богом от Бога, теперь дерзают называть Его неподобным (Отцу) и сотворенным из не-сущего, эти старались отделаться от такого возражения следующим софизмом. Выражение *от Бога,* говорили они, употреблено в том смысле, какой оно имеет у Апостола: *вся от Бога суть*. Но поскольку, как одно из всего, и Сын также — от Бога, то в изложениях веры и прибавлено: *по писаниям.* Сочинителем этого софизма был епископ лаодикийский Георгий, который, не упражнявшись в исследовании подобных выражений, не знал, как в прежние времена и с какой подробностью объяснил и

истолковал сии особенности Апостольского слова Ориген. Впрочем, как ни усиливались они составлять софизмы, но не имея возможности переносить упреки и порицания, повторили, наконец, то же самое исповедание, которое было издано в Константинополе, и разъехались по своим городам. Георгий возвратился в Александрию и, овладев тамошними Церквами, так как Афанасий еще скрывался, преследовал александрийцев, не разделявших с ним образа его мыслей. Для жителей этого города был он тяжел и многим ненавистен. В Иерусалиме на место Кирилла рукоположен Арриний. За ним, надобно заметить, был епископ Ираклий, а потом Иларий[75]. Но впоследствии Кирилл возвратился в Иерусалим и опять сделался предстоятелем тамошней Церкви. В это время появилась новая ересь и по следующей причине.

ГЛАВА 46

Об аполлинаристах и их ереси

В Лаодикии сирийской были два человека, имевшие одно и то же имя, отец и сын, и обоих звали Аполлинарий. Отец был удостоен пресвитерства в тамошней церкви, а сын занимал степень чтеца. Оба они преподавали греческие науки: отец — грамматику, а сын — риторику. Отец, родом из Александрии, прежде учил в Берите, потом переселился в Лаодикию и, женившись здесь, прижил сына Аполлинария. Вместе с ними в том же городе процветал софист Епифаний, с которым они были очень дружны и питали к нему уважение. Лаодикийский епископ Феодот, опасаясь, чтобы от частого сношения с этим человеком они не уклонились в язычество, запретил им посещать его. Но Аполлинарий не обращал внимания на епископа и продолжал дружбу с Епифанием. Потом и преемник Феодота Георгий старался разлучить их, но, не сумев подействовать на них никакими убеждениями, отлучил обоих от церковного общения. Аполлинарий-сын обиделся этим и, надеясь на свое софистическое красноречие, сам изобрел ересь, которая под именем изобретателя сохранила свою силу и доныне. Впрочем, некоторые говорят, что они рассорились с Георгием не столько по вышесказанной причине, сколько потому, что он проповедывал странности и иногда признавал Сына Божия подобным Отцу, как принято на Соборе селевкийском, а иногда уклонялся в арианство. Этим-то благовидным предлогом прикрывали оба Аполлинария отступление от Церкви. Но так как никто не внимал им, то они ввели новое учение о Боге и сперва стали утверждать, что Бог-Слово в домостроительстве воплощения принял человека без души, а потом, как бы одумавшись, прибавили, что Он принял и душу, только без ума, так что вместо ума в воспринятом человеке был Бог-Слово. Этим одним отличаемся мы, говорят еретики, называющиеся по их имени, а Троицу признают они единосущной[76]. Впрочем, об Аполлинариях мы опять упомянем в своем месте.

ГЛАВА 47

О смерти царя Констанция

Между тем как царь Констанций проживал в Антиохии[77], кесарь Юлиан сражался в Галлии с многочисленными варварами, одерживал победы и, завоевав этим себе любовь всех войск, провозглашен был ими царем. Узнав о том, царь Констанций смутился духом и, приняв крещение от Евзоя, пошел против Юлиана войной[78]. Но, находясь между Каппадокией и Киликией, в Мопсукринах, от печали получил он апоплексический удар и

умер в консульство Тавра и Флоренция, в третий день месяца ноября. Это был первый год двести восемьдесят пятой олимпиады[79]. Констанций жил всего сорок пять лет, а царствовал тридцать восемь лет, то есть, вместе с отцом — тринадцать, а по смерти его — двадцать пять лет. Столько же времени объемлет и эта книга.

Комментарии

[1] «Апология о бегстве», «О соборах Ариминском и Селевкийском» и некоторые другие.

[2] Императрице Евсевии.

[3] Вмешательство Константина II было естественным, ибо Афанасий был сослан в его владения. В истории с Афанасием он выступил как выразитель интересов тех ортодоксальных областей, которыми он правил /Британии, Галлии и Испании/.

[4] Осенью 338 г.

[5] Евсевий Кесарийский умер в 339 г. на пороге своего восьмидесятилетия.

[6] В апреле 340 г. недалеко от Аквилеи Константин II попал в засаду и был убит. Его владения перешли под управление его младшего брата Константа.

[7] Александр Константинопольский умер в 340 г. Он занимал епископский престол с 325 г.

[8] Юлий был римским епископом в 337—352 гг. Феодорит называет его преемником Сильвестра /V.40/. Однако между ними правил в течение девяти месяцев /начиная с 18 января 336 г./ Марк. Созомен /IV. 11 / также не упоминает о Марке.

[9] По свидетельству Феодорита /V.40/, Плакид был третьим из череды арианских епископов Антиохии после Евлалия и Евфрония. По мнению же Сократа и Созомена /II. 19/ — вторым после Евфрония.

[10] Скифополис — город в Самарии /центральная Палестина/.

[11] См. прим. 9.

[12] Математикой в то время назывались астрономия и астрология.

[13] Григорий был умеренным арианином.

[14] Антиохийское изложение веры знаменовало начало ревизии Никейского символа в направлении умеренного арианства. Соборные отцы анафематствуют тех, кто называет Сына творением, и признают, что он существовал с Отцом прежде других. В то же время избегают говорить о его «совечности и единосущности Отцу». Соборные отцы стремились устранить все, что вызывало споры, предлагая использовать лишь новозаветные определения.

[15] Франки — группа германских племен, живших на Нижнем и Среднем Рейне. Их вторжение в Галлию относится к 341—342 гг.

[16] «Житие Св. Афанасия» относит это событие к событиям, излагаемым Сократом в II.15.

[17] Мера — 8,754 л.

[18] По версии Феодорита /II. 12; V.40/ Георгий стал александрийским епископом лишь после третьего изгнания Афанасия в 356 г. и после убийства Григория александрийцами. Это также подтверждает «Житие Св. Афанасия».

[19] Газа — приморский город в южной Палестине.

[20] Адрианополь — крупнейший город Фракии.

[21] Юлий Римский как глава первой из епархии Империи решил сыграть роль арбитра между ортодоксальным Западом и охваченным арианством Востоком. Однако его усилия привели лишь к новому витку напряженности в отношениях между враждующим церковными партиями.

[22] В послании Юлию участники нового Антиохийского собора также оспаривали особые права римского епископа в имперской церкви.

[23] Об этой смуте не упоминают ни Созомен, ни Феодорит.

[24] Коринф — город на Коринфском перешейке, который соединяет Пелопонесс и Среднюю Грецию.

[25] Констант, ставший после гибели Константина в 340 г. императором всего Запада.

[26] Констанция II.

[27] Ошибка — речь идет о Константе.

[28] Это изложение веры практически повторяет, хотя и в более сжатой форме, Антиохийский символ. Главное отличие — здесь Христос уже не называется «непреложным и неизменяемым, совершенным образом божественности, силы, воли и славы Отца».

[29] «Пространное изложение веры» более подробно, чем предыдущее, освещает позицию умеренных ариан. Оно ничего не говорит о единосущии Христа и Бога-Отца, но в то же время отвергает идею, что Сын произошел не от Бога, а из не-сущего или из какой-либо другой ипостаси.

[30] То есть в 347 г. По другим данным Сердикский собор состоялся в 343 или 344 г. Согласно Феодориту, в нем участвовало 250 епископов /II.7/. Сократ же называет другую цифру /около 376 членов/. На Сердикском соборе, где преобладали западные ортодоксальные епископы и где был подтвержден Никейский символ веры, потерпела неудачу политика примирения противоборствующих религиозных партий, и восточные епископы впервые открыто отделились от западных.

[31] Филиппопольский собор заявил, что не присоединится к Сердикскому, пока там будет присутствовать Афанасий вместе с другими низложенными епископами /Созомен. III.11/.

[32] Аквилея — город в северо-восточной Италии /в Истрии/ на побережье Адриатического моря.

[33] В 348 г. По другим данным — в 346 г.

[34] См. прим. 90 к Первой книге. Отцом Далмация Младшего был Далмаций Старший, сводный брат Константина Великого, убитый в 337 г. вместе с сыном.

[35] Война Констанция с Шапуром II продолжалась до 350 г. Она вновь возобновилась в 359 г. и шла до 361 г.

[36] Легковооруженные воины Шапура II, окопавшегося на высотах у Сингары, атаковали римлян, однако были отбиты. Но римляне, увлекшиеся преследованием персов, были вынуждены стать лагерем в низине и были разгромлены атакой лучших сил шаха. Римляне понесли огромные потери.

[37] Воин варварского происхождения Магненций захватил власть на Западе в январе 350 г. Переворот Магненция застал императора Константа врасплох в галльском городе Августодуне. Констант пытался бежать в Испанию, но был настигнут и убит в Еленополисе.

[38] Ветранион был командующим войсками в Иллирии. За его спиной стояла дочь Константина Великого Константина, вдова Аннибалиаиа Младшего, убитого в 337 г. сына Далмация Старшего.

[39] Есть версии, что Павел Константинопольский был удавлен арианами 6 ноября 351 г. собственным омофором /наплечником/.

[40] Речь идет о событиях 350—351 гг. Афанасий бежал в Фиваидскую пустыню и прятался там среди анахоретов, иногда тайно посещая Александрию. По другим данным, Афанасий был низложен только в 356 г. Известно, однако, что на Сирмийском соборе Александрию представлял уже арианин Георгий /Сократ.II.29; Созомен.IV.6/.

[41] В 350 г.

[42] Галл был старшим сыном Юлия Констанция, сводного брата Константина Великого.

[43] Сирмийский собор 351 г. стал первым собором, на котором епископы, близкие к императору Констанцию II, пытались восстановить религиозное единство в имперской церкви на арианской платформе. На этом соборе были приняты два разных символа веры /греческий и латинский/. В греческом варианте Сын не назывался ни единосущным, ни подобосущным, и осуждались как те, кто считал Сына нерожденным, безначальным и равным Отцу, так и те, кто считал Сына происшедшим из не-сущего или из какой-либо другой ипостаси /кроме Бога/. В латинском варианте вообще запрещалось использовать термин «сущность» и утверждалось, что Сын подчинен Отцу, что он ниже Отца «по чести, достоинству и имени» и что он, в отличие от Отца, рожден. За всем этим стояло стремление умеренных ариан отказаться от доктрины единосущия и навязать доктрину «подобия Сына Отцу по сущности и естеству».

[44] Битва при Мурсе /совр. Сисак в Хорватии/ между стотысячной армией Магненция и восьмидесятитысячной армией Констанция произошла 28 сентября 351 г. Несмотря на победу, потери правительственных войск /30 тыс. убитыми/ оказались больше потерь узурпатора /24 тыс./.

[45] Сражение у горы Селевк произошло 10 августа 353 г.

[46] Клавдий Сильван восстал в 355 г. Однако он правил всего 28 дней. 47 Осенью 354 г.

[48] 355 г. Флавий Клавдий Юлиан также получил в жены сестру императора Елену.

[49] Юлий Римский умер в 352 г. Сменивший его Либерий занимал престол в 352—355 и в 356—366 гг.

[50] Климент Александрийский /сер. II в.—ок. 215/ — один из первых отцов церкви, автор концепции христианского гносиса /знания/. Секст Юлий Африкан — первый христианский хронист эпохи Северов /конец II—начало III в./. Ориген /ок.185—254/ — крупнейший христианский философ и теолог, осужденный впоследствии Пятым Вселенским собором 553 г. за субординационизм /учение, что Бог-Сын ниже Бога-Отца/.

[51] Аэций Антиохийский /ум. 366/ возглавил сторонников радикального /чистого/ арианства, ориентировавшихся на унитаризм Павла Самосатского. Их называли не только «евномианами» /от Евномия Каппадокийского/, но также и «аномеями», то есть противниками Никейского символа. Отрицая, как и умеренные ариане, идею единосущности Отца и Сына, они вместе с тем отвергали и умеренно-арианскую концепцию подобия двух первых лиц Троицы по природе.

[52] Лигурия — область на северо-западе Италии /округ совр. Генуи/.

[53] Медиоланский собор состоялся в 355 г. Несмотря на то, что большинство на нем составляли западные ортодоксальные епископы, собор под нажимом Констанция был вынужден осудить Афанасия. Отказавшихся это сделать низложили.

[54] Аримин — совр. Римини в Романье /северо-восток Италии/.

[55] Евдоксий — один из лидеров радикального арианства, будущий епископ Константинополя. Он считал, как и Аэций, что Сын не подобен Отцу. Констанций II, не разделявший взглядов аномеев, отрицательно отнесся к захвату Евдоксием антиохийской епархии. Тем не менее, тот оставался на епископском престоле Антиохии до 360 г.

[56] Попытка нескольких арианских епископов навязать собору западных ортодоксальных епископов в Римини в июле 359 г. Сирмийский символ /Сын подобен Отцу, отказ от термина «единосущие»/ была отвергнута. Однако после самороспуска собора большинство его участников под давлением императора вынуждено было признать Сирмийскую формулу.

[57] По версии Созомена /IV.11 и 15/ и Феодорита /II.15, 17/, ссылка Либерия, его возвращение и изгнание Феликса имели место не после Ариминского собора 359 г., а после Медиоланского собора, то есть в 355 г. /ссылка/ и в 356 г. /возвращение/. Однако Созомен упоминает также и о вторичной ссылке Либерия после Ариминского собора /IV.19/.

[58] Кизик — город на азиатском побережье Мраморного моря.

[59] Пафлагония — римская провинция на севере Малой Азии.

[60] На войну с персами /359 г./.

[61] Исаврия — римская провинция на южном побережье Малой Азии к востоку от Памфилии.

[62] Речь идет о римской провинции Первая Армения в диоцезе Понт.

[63] Раскол, происшедший на сентябрьском соборе 359 г. в Селевкии, был расколом внутри арианской партии. Большинство на нем составляли умеренные ариане, которые столкнулись с новообразовавшейся партией акакиан /от Акакия Кесарийского/. Акакиане допускали только то сходство между Сыном и Отцом, которое существует между земными детьми и родителями. Цитируемый ниже Сократом акакианский символ веры /II.40/ характерен отрицанием и единосущия и подобосущия Отца и Сына. В борьбе с акакианами умеренные ариане объединились с ортодоксами на общей платформе — Никейский символ без термина «единосущный». Лидеры акакиан были низложены.

[64] Лидия — римская провинция на западе Малой Азии.

[65] Митилены — остров в восточной части Эгейского моря.

[66] Германикия — город в провинции Евфратская Сирия.

[67] На Константинопольском соборе 360 г. произошло резкое усиление позиций партии акакиан, которые добились низложения некоторых лидеров умеренного арианства. В то же время на соборе был осужден и лидер аномеев Аэций /Феодорит II. 27—28/. После Константинопольского собора акакиане в союзе с радикальными арианами /Евдоксий/ повели широкое наступление на своих противников.

[68] Ульфила /ок.311—ок.383/ — распространитель христианства среди готских племен. Выходец из Каппадокии, он был назначен Евсевием Никомидийским епископом Никополя /в Нижней Мезии/. Ульфила дал готам алфавит и перевел на староготский язык Библию.

[69] речь идет о епархиях, расположенных на территории диоцеза Африка /провинции Мавритания, Нумидия и Проконсульская/.

[70] Пергам — город на западе Малой Азии.

[71] Феодорит рассказывает, что Мелетий Антиохийский был низложен на Антиохийском синоде после проповеди в присутствии Констанция II /II.31/.

[72] То есть к лидерам умеренных ариан.

[73] В ереси духоборов можно увидеть прообраз будущих ожесточенных споров о статусе третьего лица Троицы — Св. Духа. Однако до Второго Вселенского собора 381 г. этот вопрос не будет вызывать большого внимания, в частности, со стороны никейских отцов. С V же века он станет одним из основных в теологических дискуссиях, особенно между католиками и православными.

[74] Имеется в виду римская провинция Геллеспонт на побережье пролива Геллеспонт /Дарданеллы/.

[75] Эти епископы не упоминаются в приводимом Феодоритом списке иерусалимских предстоятелей /V.40/.

[76] Выступившие против арианства отец и сын Аполлинарии, прежде всего Аполлинарий Младший, будущий епископ Лаодикеи, одни из первых попытались ответить на неизбежно встававший перед

теми, кто признавал единосущие Отца и Сына, вопрос о способе слияния их субстанций и о соотношении божественной и человеческой природы в Христе. Их теология основывалась на двух посылках. Во-первых, совершенный бог и совершенный человек не могут слиться в одном существе. Во-вторых, отцы Никейского собора были абсолютно правы, признав единосущность Отца и Сына. Отсюда следовал вывод, что Христос не мог быть полностью человеком и что божественная природа должна преобладать у второго члена Троицы. Аполлинарии считали, что Христос имел человеческое тело /саркс/, но у него место человеческого сознания занимал божественный Логос. Таким образом, Христос обладает только божественной природой, а человеческое в нем ограничено функцией поддержания внешнего /телесного/ облика. Это учение было дальнейшим развитием идей александрийской теологической школы. В 377 г. против него выступил Василий Великий, и вскоре оно было осуждено несколькими римскими синодами, созванными епископом Дамасом, и Вторым Вселенским собором. Аполлинаризм подготовил возникновение монофизитства и стал отправной точкой для борьбы вокруг вопроса о природе Христа.

[77] Констанций вернулся в Антиохию после неудачной осады Безабды осенью 360 г. В Антиохии он провел зиму 360—361 г. Именно тогда он узнал о принятии Юлианом титула августа.

[78] Констанций выступил против Юлиана лишь осенью 361 г., поскольку война с персами требовала его присутствия на Востоке.

[79] Первый год двести восемьдесят пятой олимпиады — 360 г. Констанций же умер 3 ноября 361 г.

КНИГА 3

ГЛАВА 1

О Юлиане, его происхождении и воспитании, и о том, как он, достигнув царской власти, уклонился к язычеству

Царь Констанций окончил жизнь в пределах Киликии третьего числа ноября, в консульство Тавра и Флоренция. При тех же консулах, в одиннадцатый день следующего месяца декабря, прибыл из западных областей в Константинополь и здесь провозглашен самодержцем Юлиан[1]. Намереваясь несколько поговорить о царе Юлиане, муже красноречивом, просим всех близких к нему не требовать от нас нарядных выражений, как будто рассказ непременно должен равняться с достоинствами того, о ком идет речь. История наша — христианская, посему речь в ней, для ясности, идет смиренно и просто, что обещали мы и в начале. Скажем же о Юлиане, его происхождении, образовании и о том, как достиг он царской власти. Но для этого надобно начать несколько выше. Константин, назвавший Византий своим именем, имел двух братьев, происходивших от одного отца, но не от одной матери: имя одному было Далмаций, другому Констанций. У Далмация был сын, называвшийся тем же именем, а у Констанция — два сына, Галл и Юлиан[2]. Когда создатель Константинополя умер, и воины лишили жизни юного Далмация, тогда участи его едва не подверглись осиротевшие также, по смерти своего отца, Галл и Юлиан. Первого спасла только болезнь, казавшаяся смертельной, а последнего — детский возраст, так как ему было в то время восемь лет от роду[3]. Впоследствии царский гнев против них миновал, Галл начал посещать школы учителей в Ефесе[4] юнийском, где у них находились доставшиеся в наследство от предков богатые поместья, а Юлиан, подросши, слушал науки в Константинополе в базилике, где тогда были училища и ходил в простой одежде, руководимый евнухом Мардонием. Учителем грамматики был у него лакемедонянин Никоклес, а риторике учился он у софиста Эkиволия, который считался в то время христианином, ибо царь Констанций опасался, как бы, слушая учителя язычника, не уклонился он к (языческому) суеверию. Юлиан вначале был действительно христианином. Так как он показывал отличные успехи в науках, то в народе распространилась молва, что он мог бы хорошо управлять делами римской империи. Сделавшись слишком гласной, эта молва, наконец, стала беспокоить царя. Посему царь отправил его из столицы в Никомидию[5], запретив однако посещать школу сирийского софиста Ливания[6], который, быв изгнан из Константинополя учителями[7], открыл тогда школу в Никомидии и излил свой гнев против учителей в особом сочинении. Юлиану запрещено было посещать Ливания потому, что по религии был он язычник. Несмотря однако на то, Юлиан любил произведения Ливания, приобрел их и читал тайно. В то время, как он сделал успехи в риторике, в Никомидию прибыл философ Максим — не византиец, отец Эвклида, а ефесянин, которого впоследствии царь Валентиниан повелел умертвить за чародейство. Впрочем, это случилось позднее, а тогда привело его в Никомидию не иное что, как слава Юлиана. Учась у Максима философии, Юлиан стал подражать учителю и в религии; учитель также возбудил в нем и желание царствовать. Когда все это дошло до слуха государя, Юлиан, находясь между надеждою и страхом, хотел избегнуть подозрения и, быв прежде христианином искренним, теперь сделался притворным: остригся наголо, показывал вид, будто ведет жизнь монашескую, и, тайно занимаясь философией, явно читал священное Писание христиан, был даже поставлен чтецом никомидийской Церкви и, посредством такого притворства, спасся от гнева

царского. Это делал он из страха, а сам, не теряя надежды, говорил многим приближенным, что для него было бы блаженное время, когда бы он получил власть над всей империей.

При таком положении дел, брат его Галл провозглашен был кесарем и, на пути в области восточные, для свидания с ним, заезжал в Никомидию. Последний вскоре потом был умерщвлен, — и Юлиан стал царю подозрителен. Царь приказал наблюдать за ним, а он, стараясь убегать от своих наблюдателей, переходил из места в место, пока, наконец, супруга царя, Евсевия, узнав, что он скрывается, убедила государя не делать ему никакого зла и позволить отправиться в Афины для изучения философии[8]. Отсюда-то, короче говоря, царь и вызвал его, сделал кесарем и, выдав за него в супружество сестру свою Елену, послал его в Галлию против варваров[9], ибо варвары, которых царь Констанций незадолго перед тем нанимал себе в помощь против Магненция, не получив никакой добычи в войне с тираном, опустошали города римской империи. Так как Юлиан по летам был еще молод, то царь приказал, чтобы он ничего не делал без совета военачальников, а военачальники, получив такую власть, стали нерадиво заниматься своим делом, отчего варвары одерживали верх[10]. Посему Юлиан, оставив полководцев проводить время в роскоши и пьянстве, начал сам одушевлять воинов и назначил известную награду всякому, кто умертвит варвара. Вот вся причина, по которой и силы варваров стали уменьшаться, и сам он начал приобретать любовь воинов. Носится молва, будто раз, при вступлении его в один городок, висевший на веревках между колоннами венок, которыми обыкновенно украшаются города, спустился на его голову и во всех зрителях возбудил восклицание, что этим знамением предвещается ему царствование. Некоторые говорят, будто Констанций для того послал его против варваров, чтобы в схватке с ними он погиб. Не знаю, справедливо ли это сказание. Кто отдал ему в супружество собственную сестру, тот, строя против него козни, строил бы их против самого себя. Впрочем пусть всякий судит об этом как угодно. Когда Юлиан донес царю о нерадении военачальников, то прислан был другой полководец, соответствовавший ревности Юлиана. При его содействии, Юлиан начал смело вступать в сражения с варварами, а они, прислав к нему послов, уверяли, что нападают на области римские по повелению царя, и показывали письмо его. Однако же посла Юлиан заключил в оковы, а с ними вступил в сражение, одержал над ними решительную победу, взял в плен самого царя варваров и отослал его к Констанцию[11]. После столь счастливых успехов воины провозгласили его царем, а за неимением царской короны, один из копьеносцев, взяв цепь, которую имел на своей шее, возложил ее на голову Юлиана. Таким-то образом Юлиан достиг царской власти.

Но что делал он после того, и свойственно ли делать это философу, пусть судят сами читатели. Не отправив к Констанцию посольства и не выразив ему своего уважения, как благодетелю, он все делал по собственному произволу: сменял начальников провинции, по городам порицал Констанция, читая всенародно письмо его к варварам, отчего жители принимали его сторону, а от Констанция отделялись. Тогда перестал он и притворяться христианином, ибо проходя по городам, отворял капища, приносил жертвы идолам и называл себя первосвященником, а язычники между тем стали праздновать языческие свои праздники. Поступая таким образом, он домогался случая начать междоусобную войну против Констанция. Юлиан, сколько от него зависело, совершил бы все зло, обыкновенно неразлучное с войною, ибо намерения этого философа не исполнились бы без великого кровопролития, но Бог, распорядитель судеб своих, потребил одного из противников без вреда для других людей, ибо когда Юлиан находился во Фракии, пришла весть, что Констанций умер. Таким образом, римская империя избавилась тогда от междоусобной войны. Юлиан прибыл в Константинополь и немедленно начал помышлять о том, как бы расположить к себе народ и привлечь его любовь. Для сего употребил он следующую хитрость. Ему хорошо было известно, что все исповедники единосущия

ненавидели Констанция за то, что он изгонял их из Церквей, а епископов лишал имущества и отправлял в ссылку. Ясно знал он также и о неудовольствии язычников, что им запрещали приносить жертвы и что они с нетерпением ждали времени, когда капища их откроются и им позволено будет приносить жертвы идолам. Итак, ропот тех и других на покойного царя, и каждый стороны по особенным причинам, был ему известен. Но он открыл еще, что все вообще жаловались на насилие евнухов и преимущественно на лихоимство начальника их, Евсевия. Поэтому со всеми вел он себя искусно; с одними притворствовал, другим благодетельствовал из видов тщеславия, а всем вообще обнаруживал, как он расположен к языческому суеверию. И, во-первых, желая укорить и обличить пред народом жестокость Констанция к подданным, он повелел вызвать из ссылки изгнанных епископов и отдал им взятое в казну имущество их; потом приказал своим приверженцам в наискорейшем времени отворить капища язычников, а обиженным евнухами определил возвратить все, что было несправедливо у них отнято, начальника же царской постельной Евсевия предал смертной казни — не только за то, что он многим нанес обиды, но и за то, что брат царя Галл был лишен жизни, как стало известно, по его наветам. Тело Констанция Юлиан почтил погребением царским, а евнухов, цирюльников и поваров изгнал из дворца: евнухов потому, что отвергнув свою супругу, не намеревался вступить в брак с другой; поваров потому, что употреблял самую простую пищу; а цирюльников потому, что и одного, говорил, будет достаточно для многих. По этим-то причинам он изгнал из дворца всех их. Из писцов весьма многих обратил он в прежнее состояние, а прочим приказал выдавать следующее писцу жалованье. Уничтожил почту на мулах, быках и ослах, и для общественных надобностей оставил почту только конную. За все это хвалят его немногие, а весьма многие порицают, потому что, уничтожив царское великолепие, поражавшее взоры простого народа, он унизил понятие и о царской власти. Кроме того, Юлиан проводил ночи без сна, занимаясь сочинением речей, которые потом читал в сенате. Из всех царей, начиная с Юлия Цезаря, он первый и один только произносил речи в сенате. Уважал он также ученых, а особенно философов. Влекомые молвою об этом, носители философских плащей, нередко отличавшиеся более одеждою, чем ученостию, стекались во дворец со всех сторон и все вообще были тяжки для христиан, как люди обманчивые и приспособлявшиеся к вере государя. Возрастая более и более тщеславием, Юлиан в своем сочинении, под заглавием «Кесари» осмеял всех бывших до него царей и, движимый той же страстью, писал сочинения против христиан. Изгнать поваров и цирюльников свойственно было, по крайней мере, философу, если не царю; но порицать и осмеивать других не прилично ни философу, ни царю, потому что тот и другой — выше всякой брани и клеветы. В делах здравомыслия и умеренности царь может быть философом, но если философ будет во всем подражать царям, то уклонится от своей цели. Впрочем о царе Юлиане, его происхождении, воспитании, нравах, и о том, как он достиг царской власти, довольно и этих кратких сведений.

ГЛАВА 2

О бывшем в Александрии возмущении и о том, как умерщвлен был Георгий

Упомянем теперь, что тогда же происходило в церквах. В великой Александрии случилось возмущение по следующей причине. В этом городе было одно место, с давних времен запустевшее, брошенное и наполненное множеством нечистот. Там в древности язычники, при совершении таинств богини Митры[12], закалывали в жертву людей. Это место, как никому не принадлежавшее, Констанций еще задолго пред сим подарил александрийской церкви. Георгий[13] вознамерился построить на нем молитвенный дом и для того приказал очистить его. Когда же стали очищать, то на великой глубине открыли

священную пещеру, в которой совершаемы были языческие таинства. Здесь нашлось множество черепов людей молодых и старых, которые, как гласило предание, были умерщвлены давно, когда еще язычники гадали по внутренностям и приносили волшебные жертвы, чародействуя над человеческими душами. Нашедшие это в пещере Митры христиане нарочито старались выставить языческие таинства всем на посмешище и, с торжеством ходя по городу, показывали народу голые черепа. Видя это и не могши перенести позора, александрийские язычники воспламенились гневом, схватили, какое случилось, оружие и, напав на христиан, умертвили многих различным образом; одних убили мечами, других кольями или камнями, иных удавили веревками, некоторых распяли, употребив этот род смерти для посмеяния над крестом, а многим нанесли смертельные раны. Причем, как обыкновенно бывает в подобных случаях, не щадили и ближайших родственников: друг поражал друга, брат брата, родители детей, все стремились к убийству. Вследствие сего христиане отказались от своего намерения — очистить пещеру Митры, а язычники, вытащив Георгия из церкви, привязали его к верблюду, терзали и потом сожгли вместе с верблюдом.

ГЛАВА 3

О том, как царь, разгневанный убиением Георгия, упрекал александрийцев посланием

Разгневанный убиением Георгия, царь своим посланием укорял народ александрийский. Распространилась молва, будто с Георгием поступили так люди, ненавидевшие его по привязанности своей к Афанасию, но я думаю, что во время возмущений ненавистники обыкновенно присоединяются к возмутителям. Да и самое послание царя винит более народ, чем христиан. Кажется, Георгий и прежде и после был тягостен и неприятен для всех, посему-то народ и воспламенился против него враждою. А что царь действительно винит более народ, прочитай самое послание.

Самодержец кесарь Юлиан, Великий, Август — александрийскому народу.

«Если вы не почтили создателя вашего (города) Александра[14], а еще более — великого бога, святейшего Сераписа, то как не удержала вас мысль о человечестве и его праве? Прибавлю, как не удержала вас мысль о нас, которого все боги, а особенно великий Серапис поставили управлять вселенной, как не удержала эта мысль вас, которым следовало соблюсти разборчивость касательно людей, причинивших вам обиды? Впрочем, может быть, вас увлекли ярость и гнев, так как им свойственно возмущать мысли и побуждать к делам дурным, но, прекратив возмущение, вы к хорошим своим помыслам опять присоединили беззаконие, вы, простой народ, не устыдились дерзнуть на то же самое, за что справедливо возненавидели других. Скажите мне ради Сераписа, за какие обиды возненавидели вы Георгия? За то, что он вооружил против вас блаженной памяти Констанция, отвечаете вы, потом ввел войско в священный город, вследствие чего царь Египта занял святейшее капище Божие и похитил оттуда изображения, священные приношения и украшения, а против вас, когда вы, справедливо негодуя, хотели отомстить за Бога, или лучше, за стяжания Божии, осмелился несправедливо, беззаконно и нечестиво послать вооруженных воинов. Но может быть, он берег самого себя и опасался более Георгия, нежели Констанция, между тем как прежде поступал с вами не тирански, а весьма умеренно и благородно. По этим причинам разгневавшись на врага богов Георгия, вы снова осквернили священный город, тогда как виновного следовало бы подвергнуть приговору судей, и в таком случае не было бы ни убийства, не беззакония, но (соблюдена

была бы) совершенная справедливость, которая сохранила бы вас вполне невинными, наказала бы совершившего непростительно нечестивое дело и образумила бы всех прочих, выражавших богам презрение, вменяющих ни во что столь великие города и столь славные народы, и такую жестокость в отношении к ним считающих шуткою своей власти. Сравните это мое послание с тем, которое я отправил к вам незадолго прежде, и посмотрите, какое между ними различие. Какие тогда высказывал я вам похвалы! А теперь, клянусь богами, желал бы хвалить вас, но не могу по причине вашего беззакония. Народ дерзает, как собака, терзать человека, и потом не стыдится простирать к богам свои, как бы нисколько не окровавленные руки. Но Георгий заслужил это страдание? Скажу, пожалуй, что может быть еще большее и жесточайшее, однако же если прибавите: за вас, — соглашусь и сам, а когда скажете: чрез вас, — я не буду согласен; потому что у вас есть законы, которые должны быть особенно уважаемы и соблюдаемы от всех и каждого. Пусть и случается, что честные люди иногда нарушают их, но вы, как общество, обязаны строго управляться ими, повиноваться им и не нарушать ничего, что хорошо постановлено издавна. Счастье ваше, граждане александрийские, что вы совершили это преступление при мне, который по страху Божию и ради моего, соимянного мне деда[15], управлявшего Египтом и вашим городом, сохраняю братскую к вам расположенность. Требующая уважения власть, строгое и не укоризненное начальство никогда не оставляют без внимания дерзости народа, но, как опасную болезнь, уничтожает ее жестокими средствами; тогда как я, по упомянутым сейчас причинам, употребляю легчайшие — увещание и слово. Этого, знаю, скорее послушаетесь, так как вы, сколько дошло до моего слуха, по происхождению греки, и доныне в мыслях и делах сохраняете достопочтенный и благородный характер своего происхождения. Да будет объявлено это гражданам моим александрийцам». Так писал царь.

ГЛАВА 4

О том, что, по смерти Георгия, Афанасий возвратился в Церковь и начал управлять Александрией

Спустя немного времени, Афанасий возвратился из места своего убежища и народ александрийский принял его с радостью, изгнал из церквей приверженцев арианского учения и молитвенные дома передал Афанасию. Ариане же стали собираться в местах незначительных и на место Георгия рукоположили Люция. В таком положении были дела Александрии.

ГЛАВА 5

О Люцифере и Евсевии

В то же время, по повелению царя, вызваны из ссылки Люцифер и Евсевий, Люцифер был епископ сардинского города Каралы, а Евсевий, как было сказано прежде, епископствовал в лигурийско-итальянском городе Веркеллах. Возвращаясь из верхней Фиваиды, где находились в ссылке, оба они совещались между собою, каким бы образом воспрепятствовать нарушению правил Церкви.

ГЛАВА 6

О том, что, находясь в Антиохии, Люцифер рукоположил Павлина

Решено было: Люциферу отправиться в Антиохию сирийскую, а Евсевию в Александрию для того, чтобы, составив Собор вместе с Афанасием, подтвердить догматы Церкви. Вместо себя в Александрию Люцифер послал диакона, через которого обещал изъявить свое согласие на все, что будет постановлено Собором, а сам отправился в Антиохию и нашел тамошнюю Церковь в смятении. Народ (антиохийский) разделился на партии, ибо не только введенная Евзоем арианская ересь разъединяла эту Церковь, но и последователи Мелетия, как я сказал прежде, из привязанности к своему учителю, отторглись от единомышленных себе христиан. Люцифер рукоположил им епископа Павлина и вскоре выбыл оттуда.

ГЛАВА 7

О том, что Евсевий соединился с Афанасием, и что оба они, составив Собор епископов в Александрии, ясно исповедывали единосущие Троицы

Евсевий прибыл в Александрию и вместе с Афанасием немедленно созвал Собор[16]. Епископы съехались из различных городов и вошли в рассуждение о многих и нужнейших предметах. Богословствуя о Святом Духе, они признали единосущие Его с прочими лицами святой Троицы. Касательно Вочеловечившегося определили, что Он принял не только плоть, но и душу, как полагали и древние церковные учителя, ибо тут не выдумывали какого-нибудь нового учения, чтобы ввести его в церковь, но постановляли то, что от начала хранилось в церковном предании и несомненно исповедуемо было мудрейшими христианами. Так раскрывали этот предмет все мужи древнейшие, и свое мнение оставили нам в писаниях. Ириней и Климент, Аполлинарий иерапольский и Серапион, предстоятель Церкви антиохийской[17], в своих сочинениях утверждают, как нечто, единодушно исповедуемое ими, что Вочеловечившийся принял и душу. Да и Собор, бывший по поводу епископа аравийской Филадельфии Берила, в послании к нему передает то же учение. Ориген в писаниях, носящих его имя, везде говорит, что Воплотившийся принял и душу; частнее же рассуждает он об этом таинстве в девятом томе своих толкований на книгу Бытия, где обширно доказывает, что Адам есть образ Христа, а Ева — Церкви. Достоверные свидетели сего учения суть святой Памфил и прозванный его именем Евсевий. Оба они, излагая жизнь Оригена и опровергая предубеждение врагов касательно сего мужа, в знаменитых своих книгах[18], написанных в защиту его, говорят, что Ориген не первый вошел в рассуждение об этом предмете, а только изъяснял таинственное предание Церкви. Присутствовавшие на александрийском Соборе епископы не оставили также без исследования вопроса о существе и ипостаси. Осия, епископ Кордовы, что в Испании, о котором упоминали мы и прежде, и который царем Константином послан был для усмирения смут, произведенных тогда Арием, желая опровергнуть учение Савеллия ливийского, предложил вопрос о существе и ипостаси и сделал его предметом нового состязания. Собор, бывший в Никее, об этом вопросе не сказал ни слова, но так как впоследствии некоторые стали спорить касательно сего предмета, то на Соборе александрийском о существе и ипостаси определено следующее. К Богу, говорили епископы, не должно прилагать этих выражений, потому что слово «существо» не упоминается в священных Писаниях, а слово «ипостась» Апостол употребил по нужде в терминах догматических. Эти выражения положено употреблять в том случае, когда бы нужно было опровергать мнение Савеллия, чтобы, по недостатку

выражений, не принять Бога за один предмет, называемый только тремя именами, но исповедывать каждое из именуемых в святой Троице лиц, как лице особое. Так определил Собор. А что мы знаем о словах «существо» и «ипостась», о том кратко сказать считаем неизлишним. Греческие излагатели греческой мудрости слово «существо» определяли различным образом, а об ипостаси вовсе нигде не упомянули. Впрочем надобно заметить, что хоть древние философы и не употребляли слова «ипостась», новейшие однако часто употребляют его вместо «существа», а слово «существо», как мы сказали, определяют различным образом. Если же существо может быть определяемо, то как мы будем прилагать это выражение собственно к Богу, Который определяем быть не может? Евагрий в своем сочинении под заглавием Monachicon советует не рассуждать о Боге опрометчиво и неосмотрительно, а определять Божество, как существо простое, совершенно запрещает, потому что предел, говорит он, свойствен вещам сложным. Он же слово в слово подает и следующее: «всякий предмет или род имеет сказуемое, или вид, или отличие, или особенность, или случайное свойство, или что-нибудь составленное из всего этого, но во святой Троице ничего такого найти нельзя. Посему неизреченное да почтится молчанием». Так говорит Евагрий, о котором упомянем еще после; а теперь хотя и сделали мы отступление, но привели это, как полезное для предмета нашей истории.

ГЛАВА 8

Из апологии Афанасия о его бегстве

В то же время Афанасий читал присутствовавшим слово, еще прежде написанное им в защиту своего бегства. Здесь я приведу из него некоторые употребительнейшие и полезнейшие отрывки, а все слово, которое весьма обширно, приобрести и прочитать предоставляю людям трудолюбивым. «Таковы, — говорит он, — дерзкие поступки нечестивых. Совершая это и не устыдившись зол, причиненных нам прежде, они и теперь еще обвиняют тех, которые могли убежать от губительных рук их, или, лучше, горько жалуются, что не истребили нас совершенно. По ненависти они обвиняют нас в трусости, не понимая, что таким криком скорее обращают упрек на себя самих; ибо если худо бежать, то еще хуже преследовать: скрываются для того, чтобы избавиться от смерти, а преследуют для того, чтобы убить; бежать позволено и в Писании, а старающийся убить преступает закон и сам же подает (другим) повод к бегству. Итак, чем поносить им нас за бегство, пусть лучше устыдятся они сами себя за преследование; пусть лучше оставят свои козни, — тогда тотчас не будет и убегающих. Но они не оставляют своей злобы и употребляют все усилия, чтобы схватить (нас) зная, что бегство преследуемых есть сильное обличение преследующих; ибо никто не бежит от кроткого и человеколюбивого, но всякий убегает от жестокого и злонравного. Все, обремененные скорбью или долгами, убегали от Саула и приходили к Давиду[19]. Посему-то и они стараются умерщвлять скрывающихся, чтобы не оставалось, думают, обличения злобы их. Но заблудшие, кажется, слепотствуют и в этом; ибо чем открытое бегство, тем виднее задуманное ими убийство и изгнание. Умертвят ли они, — заставят громко вопиять против себя смерти; изгонят ли, — повсюду сами разошлют памятники своего нечестия. Если бы они сохранили здравый смысл, то увидели бы, как сами себя затрудняют и запутываются собственными умствованиями; но так как у них нет более здравого ума; то, преследуя других, себя только обнаруживают, и ища убийств, не видят собственного нечестия. Если они порицают людей, скрывающихся от тех, которые ищут их смерти, и убегающих от тех, которые преследуют их, то что сказали бы, видя Иакова, бегущего от брата Исава, или Моисея, из страха к Фараону, удаляющегося в землю мадиамскую[20]? Что сказали бы эти пустословы о Давиде, когда он бежал от Саула, который послал умертвить его, когда он

скрывался в пещере и изменил лицо свое, пока не встретился с Авимелехом[21] и не избавился от умысла? Что сказали бы эти легкомысленные порицатели, видя, как великий Илия, который призывал Бога и воскресил мертвого, — как этот Илия скрывался от Ахаава и убегал от угроз Иезавели[22]? В то же время, быв преследуемы, убегали и скрывались в авдиевых пещерах и сыны пророческие[23]. Впрочем, может быть, это, как давно минувшее, неизвестно им: почему же не помнят они, что написано в Евангелии? Ведь и ученики (Иисуса Христа), страшась иудеев, разбежались также и скрылись; и Павел в Дамаске, когда искал его градоначальник, быв спущен по стене в корзине, укрылся от рук ищущего[24]. Если же св. Писание повествует это о святых, то какое найдут они оправдание своего безрассудства? Станут ли упрекать нас в трусости, — чрез это, как безумные, будут говорить против самих себя; скажут ли нам в укоризну, что мы поступаем против воли Божией, — из этого откроется, что они вовсе не знают Писаний, ибо в законе повелено было даже учредить так называемые грады убежища, где могли бы спасаться те, кому угрожали смертью (Исх. гл.21, 14). По совершении веков пришедшее на землю, само глаголавшее Моисею Слово Отчее, опять дает следующую заповедь: *егда гонят вы во граде сем, бегайте в другий* (Матф. 10, 23); и несколько после: *егда убо узрите мерзость запустения, реченную Даниилом пророком, стоящу на месте свят: иже чтет да разумеет: тогда сущий во Иудеи да бежат на горы: и иже на крове, да не сходит взяти, яже в дому его: и иже на селе, да не возвратится вспять взяти риз своих* (Матф. 24, 15 — 18). Зная это, святые так и поступали в своей жизни, ибо что Господь повелел теперь, то самое говорил он чрез святых еще прежде явления своего во плоти. В этом и состоит правило, ведущее к совершенству: делать то, что повелел Бог. Посему-то и само Слово, соделавшееся ради нас человеком, когда искали его, подобно нам, благоволило скрываться, и когда преследовали, удалялось и уклонялось от умысла, ибо Сыну Божию как алчбою, жаждою и страданиями, так и этим надлежало показать, что он действительно вочеловечился, и что с самого начала сделался человеком, когда, будучи еще ребенком, повелел чрез Ангела Иосифу: *востав, пойми отроча и матерь Его, и бежи во Египет: хощет бо Ирод искати отрочате, да погубить е* (Матф. 2, 13). А по смерти Ирода, ради сына его Архелая, переселился Он в Назарет и, исцелив сухую руку, явил себя Богом. Фарисеи после сего вышли и держали совет, как бы погубить Его: *Иисус же, разумев, отыде оттуду* (Матф. 12, 14). Равным образом, *от того дне*, как Он воскресил Лазаря из мертвых, *совещаша да убиют Его*, говорит Писание, *Иисус же ктому не яве хождаше во Иудеях! но иде оттуду во страну близ пустыни* (Иоан. 11. 53–54). Потом, когда Спаситель сказал: *прежде даже Авраам не бысть, Аз есм, иудеи взяша камение да вергнут на него Иисус же скрылся, и изыде из Церкве, прошед последе их, и мимохождаше тако* (Иоан. 8, 58–59). Видя, или лучше, слыша все это (ибо они не видят), не следует ли им, по Писанию, сгореть во огне за то, что они говорят и умышляют противное делам и учению Господа? Притом, когда Иоанн умер смертью мученика и ученики погребли его тело, Иисус услышал об этом и *отиде оттуду в корабли в пусто место един* (Матф. 14, 13). Так поступал и так учил Господь. И хотя бы Его-то уже устыдились они. Пусть бы устремляли это безрассудство на людей, только бы не простирали своего безумия далее и не обвиняли в робости самого Спасителя, Которого своим богохульством однажды уже преследовали. Впрочем, кто может терпеть их и независимо от сего безумия! Легко доказать, что они не разумеют и Евангелия, ибо есть основательная и истинная причина такого удаления и бегства, и Евангелисты упоминают, что она находилась в Спасителе, а из этого мы заключаем, что она находилась также и во всех святых, ибо что написано о Спасителе по-человечески, то должно быть относимо вообще ко всему роду человеческому, так как Он принял нашу природу и показал в себе свойства нашей слабости. Об этом Иоанн пишет так: *искаху убо да имут Его, и никтоже возложи над него руки, яко не у бе пришел час Его* (Иоан. 7, 30). Да и сам Он, пока еще не пришел этот час, сказал сперва матери: *не у прииде час мой* (Иоан. 2, 4), потом так называемым своим братьям: *время мое не у прииде* (Иоан. 7, 6). А когда настало это время,

Он сказал ученикам: *спите прочее и почивайте: се приближися час, и Сын человеческий предается в руки грешников* (Матф. 24, 45). Прежде чем пришло оно, Спаситель не допустил взять Себя, а когда наступило — не скрылся, но добровольно предал Себя врагам своим. Так во время гонений поступали и блаженные мученики: быв преследуемы, они убегали и жили скрытно; а открываемые, мужественно шли на смерть». Так говорит Афанасий в защитительном слове о своем бегстве.

ГЛАВА 9

О том, что после Собора александрийского, который подтвердил единосущие, Евсевий возвратился в Антиохию и православных, по случаю рукоположения Павлина, нашедши в разделении, не смог примирить их и удалился

Врекельский епископ Евсевий тотчас после Собора отправился из Александрии в Антиохию. Узнав там: что Люцифер рукоположил Павлина и что народ разделился на партии, ибо приверженцы Мелетия собирались отдельно, огорчился этим рукоположением, сделанным с согласия не всего народа, и внутренно осудил такой поступок, но из уважения к Люциферу смолчал и, удаляясь, дал обещание поправить это дело на Соборе епископов, хотя, употребив впоследствии много старания к примирению разномыслящих, не мог ничего сделать. Между тем Мелетий возвратился из ссылки и, увидев, что последователи его собираются отдельно, принял предстоятельство над ними. Церквами в то время владел начальник арианской ереси Евзой. Павлин внутри города имел только одну малую церковь, из которой Евзой не выгнал его благодаря личному к нему уважению, а Мелетий делал собрания за городскими воротами. Таково было состояние Антиохии, когда Евсевий удалился оттуда. Узнав, что Евсевий не одобрил его рукоположения, Люцифер принял это за личную обиду, сильно разгневался и решился не иметь с ним общения, а с досады хотел отвергнуть даже все постановления Собора (александрийского). Гнев его был высказан во время смутное и многих отделил от Церкви, так что явилась опять новая ересь люциферианская. Впрочем (намерений) своего гнева Люцифер выполнить не мог, потому что связан был собственным обещанием, которое дал, когда посылал диакона с согласием на все, что будет определено Собором. Посему он удалился в сардинскую свою епархию и сам хранил согласие с Церковью, а люди, разделявшие его огорчение, еще и теперь находятся в расколе с нею. Между тем Евсевий, путешествуя по Востоку, как добрый врач, укреплял слабых в вере, преподавал и внушал им учение Церкви. С востока же отправился он в Иллирию и, достигнув Италии, делал и там то же самое.

ГЛАВА 10

О пиктавийском епископе Иларии

Но учение православной веры между епископами Италии и Галлии еще прежде утверждал Иларий, епископ Пиктавии, города второй Аквитании[25], ибо он ранее возвратился из ссылки и посетил те места. Итак, оба они мужественно подвизались за веру. Иларий, как муж красноречивый, догмат о единосущии раскрыл сверх того и в сочинении, которое написал на латинском языке, и в котором столь же достаточно поддержал это учение, сколь сильно опроверг арианские толки. Это происходило несколько после вызова (епископов) из ссылки, а в то время Македоний, Элевсий, Евстафий, Софроний и все,

называвшиеся одним именем македониан, беспрестанно составляли в разных местах Соборы. Созывая своих единомышленников селевкийских, они анафематствовали сообщников другой партии, т. е. акакиан, и, отвергнув исповедание ариминское, утвердили читанное в Селевкии, или то, которое еще прежде изложено было в Антиохии, как сказано в книге предыдущей. Когда же некоторые спрашивали их, почему вы, называющиеся македонианами, отделяетесь в своих мнениях от акакиан, если до сих пор с ними, как с вашими единомышленниками, имели общение, то на этот вопрос через Софрония, епископа помпеопольского, что в Пафлагонии, они отвечали следующее: западные страдают единосущием, а на востоке исказил (веру) Аэций, введши неподобие по существу; то и другое незаконно, потому что первые особые ипостаси Отца и Сына нелепо спутывают в одно, связывая их, как бы каким худым вервием, именем единосущия, а последний слишком уже отличил природу Сына от Отца именем неподобия по существу. Так как они впали в две противоположные крайности, то, по нашему мнению, к святой истине надобно идти средним между ними путем, т. е. признавать Сына подобным Отцу по ипостаси. По сказанию Сабина, в собрании соборных деяний, так отвечали на вопрос македониане через Софрония. Порицая не акакиан, а Аэция за изобретение выражения «неподобный», они очевидно прикрывают истину, чтобы уклониться и от ариан, и от исповедников единосущия. Между тем их же слова показывают, что они сами изобрели новости и отделились от тех и других. Впрочем довольно об этом.

ГЛАВА 11

О том, как царь Юлиан отнимал у христиан имущество

Царь Юлиан, сначала показывавший благосклонность ко всем, впоследствии вел себя не со всеми одинаково. Если представлялся случай сделать что-нибудь в укоризну Констанцию, то он охотно удовлетворял просьбам христиан, а когда этого не могло быть, то явно обнаруживал перед всеми ненависть, какую питал он вообще к христианам. Так, повелел он восстановить новацианскую церковь в городе Кизике, разрушенную до основания Евзоем, угрожая тяжким наказанием тамошнему епископу Элевсию, если он в течение двух месяцев не окончит постройки на собственный счет. Тем не менее, однако же поддерживал он и язычество, отворял, как сказано, и языческие капища, даже в базилике торжественно приносил жертвы гению Константинополя, где поставлена была и статуя этого божества.

ГЛАВА 12

О халкидонском епископе Марисе

В это время к нему приведен был Марис, епископ Халкидона, что в Вифинии, приведен потому, что от старости потерял зрение. Пришедши к царю, он высказал ему много оскорбительного, называл его нечестивым, отступником и безбожником, а тот, воздавая обидой за обиду, именовал его слепым и прибавил: «Сам Бог твой Галилеянин не исцелит тебя». Галилеянином Юлиан обыкновенно называл Христа, а христиан галилеянами. На это Марий смело отвечал царю: «Благодарю Бога, что Он лишил меня зрения, и не дал видеть лица того, кто впал в такое нечестие». Царь ничего не сказал, но после жестоко обходился с христианами. Видя, что христиане чтут святых, пострадавших при Диоклетиане, и зная, что многие из них охотно идут на мучения, он старался даже в этом

найти средство мстить им, и принял противный образ действий, то есть отменил чрезмерную жестокость Диоклетиана, не отменив однако же гонения совершенно. Гонением я называю то, когда каким бы то ни было образом возмущают спокойствие мирных жителей, а он возмущал его следующим образом: предписал законом христианам не получать образования, чтобы, изощривши свой язык, говорил он, они не могли противостоять диалектикам языческим[26].

ГЛАВА 13

О возмущении язычников против христиан

Тем, кто не хотел отречься от христианства и приносить жертвы идолам, Юлиан запретил служить в придворном войске. Христианам не позволялось также быть начальниками провинций — потому, говорил он, что закон повелевает им не употреблять меча для наказания людей, заслуживших своими преступлениями смерть. Многих располагал он к приношению жертв ласками и подарками, и тут-то, как в горниле, открылось перед всеми, кто был истинный христианин, и кто мнимый. Христиане в смысле собственном охотно снимали с себя пояс, соглашаясь лучше претерпеть все, чем отречься от Христа. К числу таких людей принадлежали Иовиан, Валентиниан и Валент, впоследствии бывшие царями. А другие, державшиеся христианства не искренно и истинному счастию предпочитавшие богатство и здешние почести, не затруднились склониться к идолопоклонству. Из числа таких был константинопольский софист Экиволий, который, приспособляясь к нравам царей, при Констанции притворялся пламенным христианином, при Юлиане казался ревностным язычником, а после Юлиана хотел опять быть христианином, ибо простершись на земле пред вратами одного молитвенного дома, кричал: «Попирайте меня ногами, как соль обуявшую». Столь легкомыслен и непостоянен был Экиволий прежде и после. В это время царь, желая отомстить персам за то, что при Констанции нападали они на римские владения, поспешно через Азию прибыл в восточные области. Зная, сколько зла причиняет война, и как много нужно денег для того, чтобы вести ее, он придумал хитрое средство собирать деньги с христиан: на тех, которые не хотели приносить жертвы, возложил он денежную пеню, и взыскание с истинных христиан совершаемо было с особенной настойчивостью; потому что каждый вносил (деньги) применительно к своему состоянию. Через этот несправедливый сбор несправедливо отнимаемого имущества царь скоро стал богат, потому что изданный закон приводил в исполнение и там, где самого не было, и там, куда сам приезжал. Тогда язычники вообще стали нападать на христиан, а так называемые философы начали стекаться в собрания, установили некоторые таинственные обряды, при которых, под предлогом гадания по внутренностям, умерщвляли невинных детей мужского и женского пола, и употребляли в пищу плоть их. Это делали они как по другим городам, так и в Афинах и в Александрии. Здесь, придумав клевету на епископа Афанасия, они донесли царю, что Афанасий развращает город и весь Египет, и что надобно изгнать его из города. По царскому повелению, восстал против него и правитель Александрии.

ГЛАВА 14

О бегстве Афанасия

Посему Афанасий опять обратился в бегство[27], сказав своим приближенным: «Удалимся, друзья, на короткое время; это только облачко, оно скоро пройдет». Сказав так, он тут же взошел на корабль и поплыл по Нилу в Египет. Те, кому хотелось схватить его, гнались за ним. Но когда преследовавшие были уже недалеко, и спутники советовали Афанасию бежать опять в пустыню, он избавился от преследователей искусной выдумкой, а именно: присоветовал обратиться назад и плыть им навстречу, что и было тотчас исполнено. Когда не задолго пред тем убегавшие приблизились к преследовавшим, последние, ни о чем другом не спрашивая первых, спросили только, где, полагают они, находится Афанасий. Те отвечали, что Афанасий недалеко, и что, если они поспешат, могут тотчас же взять его. Быв обмануты этим, они с поспешностью, но напрасно, гнались за ним, а он, избавившись от опасности, тайно прибыл в Александрию и жил там в неизвестности до тех пор, пока не прекратилось гонение. Такое-то бедствие, после многих гонений от христиан, постигло александрийского епископа и от язычников. Между тем начальники областей, считая наклонность царя к язычеству благоприятным случаем для собственных выгод, делали христианам больше зла, нежели сколько позволяли царские указы: требовали с них больше денег, чем следовало, а иногда употребляли и телесные наказания. Узнав об этом, царь не обратил на то внимания, и когда христиане жаловались ему, он сказал: «Ваше дело — терпеть наносимое зло, так заповедал вам Бог ваш».

ГЛАВА 15

О мучениках, пострадавших при Юлиане во фригийском городе Мире

В городе фригийской области Мире правителем был в то время Амахий. Он приказал отворить тамошнее капище, вынести из него накопившиеся от времени нечистоты и тщательно возобновить находившиеся в нем статуи. Это сильно огорчило тамошних христиан. Некто Македоний, Феодул и Тациан, по ревности к христианской вере, не перенесли сей скорби. Воодушевляемые пламенной любовью к добродетели, они ночью пробрались в капище и сокрушили все статуи. Сильно разгневанный этим происшествием, правитель хотел предать смерти многих невинных жителей города, поэтому виновники поступка выдали себя и решились лучше самим умереть за истину, нежели допустить, чтобы за них умерли другие. Правитель взял их и повелел им сделанное преступление очистить жертвоприношением; если же не исполнят, угрожал наказанием. Но они, как мужественные душой, презрев угрозы, изъявили готовность претерпеть все, и решились лучше умереть, нежели осквернить себя принесением жертвы. Тогда, подвергнув их всякого рода мучениям, правитель приказал наконец положить их на железные решетки, подложить под них огонь и таким образом замучить. Они же и при этом показали величайшее мужество, говоря правителю: «Если ты, Амахий, хочешь попробовать жареного мяса, то повороти нас на другой бок, чтобы для твоего вкуса мы не показались полуизжаренными». Так окончили они свою жизнь.

ГЛАВА 16

О том, что Аполлинарии писали книги, когда царь запретил христианам учиться греческим наукам

Царский закон, запрещавший христианам учиться греческим наукам, сделал еще знаменитее тех Аполлинариев, о которых мы упомянули выше. Так как оба они были

люди с познаниями — отец знал грамматику, а сын софистику, то в настоящее время оказали христианам много пользы. Первый, как прямой грамматик, изложил в духе христианском грамматическое искусство, переложил на стихи так называемым героическим метром книги Моисея, а книги Ветхого завета, написанные в роде историческом, частью подчинил метру дактилическому, частью облек в форму драмы и выразил трагически — вообще употреблял он все роды стихосложения, чтобы никакие формы греческого языка не оставались неизвестными христианам. Младший же Аполлинарий, отличавшийся красноречием, изложил Евангелия и Апостольские послания, подобно греческому Платону, в виде разговоров. Доставляя таким образом пользу христианству, они своими трудами победили злонамеренное узаконение царя. Впрочем, промысл Божий превзошел и их усердие, и царскую злонамеренность, ибо этот закон, спустя немного, погиб вместе с царем, как мы скажем впоследствии, а труды их остались так, будто бы их вовсе и не было. Но может быть, кто-нибудь с самоуверенностью возразит нам: как ты говоришь, что это произведено силою Божественного промысла? Скорая смерть царя, конечно, была полезна христианству, но то, что христианские сочинения Аполлинариев оставлены, и христиане стали опять учиться греческим наукам, отнюдь не приносит пользы христианству, потому что греческие науки, в которых преподается многобожие, служат ко вреду. На это мы скажем, по возможности, что приходит на мысль. Ни Христос, ни ученики Его не принимали греческих наук за богодухновенные, да и не отвергали их, как вредные. И это, думаю, делалось не без намерения. Многие из греческих философов не далеки были от познания бога. При помощи научных познаний, они мужественно восставали против людей, отвергавших промысл, как-то: эпикурейцев и других — эристиков, и обличали их в невежестве. Таким образом для людей, расположенных к благочестию, они сделались полезными, хотя главного в христианском учении и не достигли, т.е. не знали тайны Христовой, сокровенной от век и от родов (Колос. 1, 26).

А что это действительно так, доказывает в послании к Римлянам сам Апостол, говоря: *открывается бо гнев Божий с небесе на всякое нечестие и неправду человеков содержащих истину в неправде; зане разумное Божие яве есть в них; Бог бо явил есть им. Невидимая бо Его от создания мира творенми помышляема видима суть, и присносущная сила Его и Божество, во еже быти им безответным. Занеже разумевше Бога, не яко Бога прославивща* (Рим. 1. 18–21). Отсюда видно, что они имели понятие об истине, которую открыл им Бог, но остаются виновными потому, что, познав Бога, не прославили Его, как Бога. Таким образом, Апостолы, не запрещая заниматься греческими науками, оставили это на произвол желающих. Такова первая причина, относящаяся к нашему предмету. А вторая причина следующая: богодухновенные писания преподают удивительные и поистине божественные догматы, также внушают слушающим правила благоговейной и святой жизни и сообщают усердным богоугодную веру; но они не научают искусству красноречия, посредством которого можно было бы опровергать врагов истины, а враги побеждаются преимущественно тогда, когда против них употребляют их же оружие. Этого христиане не могли достигнуть при помощи тех книг, которые написаны Аполлинариями, что имел в виду и царь Юлиан, когда законом запрещал христианам учиться греческим наукам, ибо он хорошо знал, что басни, которыми наполнено принятое им учение, легко сделают его достойным осмеяния. За непризнание их был осужден, как оскорбитель божества, и главнейший между философами Сократ. Напротив, Христос и Его Апостол заповедуют нам быть искусными торжниками, *вся искушающе, доброе держать* (1 Сол. 5, 20), *и блюстись да никтоже вас будет прельщая философию и тщетною лестию* (Колос. 2, 8).

А этого мы не достигнем, если не приобретем себе оружия противников, не принимая, впрочем, их образа мыслей, но отвергая худое и усваивая хорошее и истинное, все же

принимая с разборчивостию, ибо где есть что-нибудь хорошее, там есть нечто свойственное истине. Кто думает, будто мы утверждаем это принужденно, тот пусть вспомнит, что апостол не только не запрещал учиться греческим наукам, но и сам не пренебрегал ими, сколько видно из того, что знал многие изречения греческих писателей. Ибо откуда он заимствовал изречение: *Критяне присно лживы, злии зверие, утробы праздныя* (Тит. 1, 12), если не читал изречений Эпименида, критского посвящателя в таинства? Или откуда он узнал сказание *сего бо и род есмы* (Деян. 17, 28), если не из сочинения астронома Арата под заглавием «Phainomena»? А мнение *тлят обычаи благи беседы злы* (1 Кор. 15, 32), показывает, что ему не неизвестны были трагедии Эврипида.

Но к чему слишком распространяться об этом? Учителя Церкви издревле, как бы по какому общепринятому обычаю, до глубокой старости занимались греческими науками — частью для изучения красноречия и упражнения ума, частью же для опровержения того, в чем язычники заблуждались. Это-то могли мы сказать об Аполлинариях.

ГЛАВА 17

О том, что, намереваясь идти против персов и находясь в Антиохии, царь был осмеян жителями этого города и написал против них сочинение под заглавием «Мисопогон»

Между тем, собрав с христиан множество денег и совершая поход против персов, царь прибыл в Антиохию сирийскую[28]. Находясь здесь и желая показать антиохийцам обычное свое тщеславие, он понизил цену товаров гораздо больше, чем следовало, не сообразился то есть с обстоятельствами времени и не рассудил, что содержание многочисленного войска обыкновенно бывает тягостно для провинций и уничтожает богатство городов. Посему торговцы и владельцы товаров, не желая вследствие царского повеления понести убыток, прекратили торговлю, отчего на рынках не стало и товаров. Быв приведены этим обстоятельством в затруднение, антиохийцы, всегда склонные к насмешкам, немедленно начали выходить к царю, кричать на него и насмехаться над его бородою, которая была у него длинна, говоря, что ее надобно отрезать и плести из нее веревки. А о быке на монете его говорили они, что им съеден будет мир, ибо крайне суеверный царь, беспрепятственно на жертвенниках идольских принося в жертву быков, приказал и на монете своей чеканить жертвенник и быка. Разгневанный сими насмешками, Юлиан угрожал Антиохии всяким возможным злом и, удалившись в Тарс киликийский, приказал там готовить все, необходимое для гибели того города. По этому случаю, софист Ливаний написал две речи: одну к царю в защиту антиохийцев, другую к антиохийцам о гневе царя. Впрочем, эти речи софист, говорят, только написал, а в народ не выпускал их. Между тем царь раздумал мстить насмешникам делом и выразил свой гнев также насмешками. Он написал сочинение под заглавием: «Антиохиец или Мисопогон» и, пустив его в свет, отметил навсегда позорным пятном город антиохийцев. Впрочем, довольно об этом. Надобно сказать еще, что сделал тогда царь антиохийским христианам.

ГЛАВА 18

О том, что царю, когда он хотел слышать предсказание, оракул не отвечал, боясь мученика Вавилы

Приказав открыть языческие капища в Антиохии, Юлиан поспешил получить предсказание от дафнийского Апполона[29]. Но живший в том капище дух не дал ответа, потому что страшился соседа, мученика Вавилы, тело которого лежало в недалекой от того места гробнице. Осведомившись о причине, царь тотчас приказал перенести гробницу — и антиохийские христиане, как только узнали об этом, вместе с женами и детьми, радуясь и воспевая псалмы, перенесли ее из Дафны в город. А песни их касались языческих богов и тех, которые веруют им и идолам их.

ГЛАВА 19

О гневе царя и об исповеднике Феодоре

Тогда обнаружился скрываемый дотоле нрав царя. Обещав прежде быть философом, теперь он не мог обуздать себя, но, разгневавшись на оскорбительные песнопения, готов был поступить с христианами так же, как поступали с ними некогда при Диоклетиане. Однако же поход против персов не позволял ему выполнить свое намерение, и он ограничился только тем, что повелел префекту Саллюстию схватить и наказать некоторых песнопевцев, оказавших в этом больше усердия. Префект, будучи по вере язычником, принял это приказание не с удовольствием, но, не смея противоречить, задержал многих христиан и некоторых заключил в темницу, а одного юношу, по имени Феодора, приведенного к нему язычниками, подвергнув пытке и различным мучениям, приказал жечь и освободил от мучений только тогда, когда уже думал, что он не оживет более[30]. Однако Бог сохранил этого человека, так что после исповедания он жил еще долго. Руфин, написавший церковную историю на латинском языке, рассказывает, что, спустя много времени после того, он встретил этого Феодора и спросил, не чувствовал ли он величайшей боли, когда его били и мучили, а Феодор отвечал, что от мучений чувствовал он боль весьма легкую и что ему предстоял какой-то юноша, который отирал с него пот, выступавший от подвига, укреплял душу его и время мучений соделывал для него временем более удовольствия, чем страдания. Но довольно о дивном Феодоре. В то же время к Юлиану явились персидские послы, прося его прекратить войну мирными переговорами, но он отослал их назад со следующим ответом: «Скоро вы увидите меня самого, и тогда не будет нужды ни в каком посольстве».

ГЛАВА 20

О том, что царь побуждал и иудеев приносить жертвы;также об окончательном разрушении Иерусалима

Обнаруживая свое суеверие, царь старался вредить христианам и другим способом. Быв любителем жертвоприношений, он не только сам радовался при виде проливаемой крови, но считал обидой для себя, если и другие не делали того же. Впрочем, так как подобных людей встречалось ему немного, то он призвал к себе иудеев и спросил у них, почему они, вопреки Моисееву закону, не приносят жертв? Когда же те отвечали, что им нельзя делать этого ни в каком другом месте, кроме Иерусалима, то приказал немедленно восстановить храм Соломона[31], а сам между тем отправился против персов. Иудеи, издавна желавшие найти удобный случай для восстановления своего храма, в котором могли бы приносить жертвы, усердно принялись за дело, а христиан стращали и превозносились пред ними, угрожая сделать им то же, что они потерпели некогда от римлян. Так как царь приказал

выдать деньги на издержки из общественной казны, то скоро все было готово: брусья, камни, кирпич, глина, известь и прочее, что обыкновенно требуется для постройки.

Тогдашний епископ иерусалимский Кирилл, представляя предсказание пророка Даниила, которое подтвердил и Христос в святом Евангелии, многим предвозвещал, что теперь-то наступает время, когда в храме не останется камня на камне и исполнится предсказание Спасителя. Так говорил епископ. И действительно, в одну ночь сильное землетрясение извергло камни древних оснований храма и разбросало их все, вместе с близ стоявшими зданиями. От сего события иудеи пришли в ужас, и молва о нем собрала к тому месту многих пришедших издали людей. Когда же народу собралось великое множество, случилось и другое чудо. Ниспадший с небес огонь истребил все орудия строителей. Нужно было видеть, как пламень пожирал молотки, долота, пилы, топоры, скобели и вообще все, что было у работников для постройки; огонь пожирал все это в течение целого дня. Иудеи, прийдя в величайший ужас, невольно исповедали Христа Богом, но не стали поступать по воле Его, а пребыли упорными в предрассудках иудейства. Даже и третье, случившееся после того чудо, не привело их к истинной вере. Именно, в следующую ночь, на их одеждах отпечатлелись световидные изображения креста. Увидев сии изображения при наступлении дня, они хотели вытереть и вымыть их, но не могли изгладить никаким способом. По словам Апостола, иудеи окаменели и отвергли благо, которое было в руках у них. Таким образом, храм, вместо того, чтобы возобновиться, был разрушен тогда окончательно.

ГЛАВА 21

О походе царя в Персию и смерти его

Царь вторгся в Персию немного прежде наступления весны[32], зная, что персы бывают весьма слабы и ленивы в течение зимы. Не могши переносить холода, они в то время избегают сражений; мидянин[33] тогда, как говорит пословица, даже рук не выставит из-под плаща. Напротив, римляне могут сражаться и зимой. Зная это, он повел войско в страну (персидскую). Опустошив множество полей, селений и крепостей, он брал уже города и, осадив большой город Ктесифон[34], привел царя[35] в такое затруднительное положение, что тот беспрестанно отправлял послов и соглашался уступить какую-либо часть своего отечества, если только (Юлиан) прекратит войну и удалится. Но Юлиан не тронулся и не внял просьбам, не подумал о пословице «побеждать — хорошо, а превозноситься — постыдно», но, поверив каким-то предсказаниям прибывшего к нему философа Максима и мечтая достигнуть славы Александра Македонского или даже превзойти его, отверг мольбы персов. Согласно с мнением Пифагора и Платона о переселении душ, он вообразил, что в нем живет душа Александра или, лучше, что он сам — Александр в другом теле. Эта мысль прельстила его и расположила тогда не принять просьбы персов. Персидский царь, видя, что посольства его остались без успеха, принужден был сражаться, и в следующий по возвращении послов день вывел против римского войска все, какие у него были, военные силы. Римляне роптали на своего царя, что он не отступил с пользой; несмотря однако ж на то, пошли они против врагов и опять обратили их в бегство[36]. Царь в это время сидел на коне и ободрял войско. Надеясь на одно счастье, он был без оружия. Вдруг, неизвестно откуда, принеслась стрела и, ранив плечо, пронзила бок его. От этой раны Юлиан лишился жизни, а кто убил его, узнать не могли. Одни говорят, что стрела пущена была каким-то переметчиком персом, другие (и большей частью) — что его собственным воином. А Каллист, служивший в числе приближенных царя и описавший дела его героическими стихами, говоря об этой войне,

утверждает, что он умер, быв поражен демоном[37]. Каллист, может быть, выдумал это, как поэт, а может быть, и действительно так было, ибо фурии[38]умерщвляли многих. Как бы это ни случилось, но достоверно известно, что Юлиан, по своей горячности, был неосторожен, по образованию — тщеславен, а по притворному смирению — достоин презрения. Он окончил жизнь, как я сказал, в Персии, во время четвертого своего консульства, которое разделял с Саллюстием, в двадцать шестой день месяца июня. Это был третий год его царствования, седьмой — как Констанций провозгласил его кесарем, и тридцать первый — его жизни.

ГЛАВА 22

О провозглашении Иовиана

Находясь в величайшем затруднении, воины немедленно[39], в следующий же день провозгласили царем Иовиана, мужа благородного и храброго[40]. Он был трибуном, когда Юлиан служившим в войске его предложил на выбор одно из двух: или принести жертву, или выйти в отставку, — и избрал лучше сложить с себя пояс, нежели исполнить повеление нечестивого царя. Однако, по случаю предстоявшей войны, Юлиан снова принял его в число военачальников. Теперь, когда хотели сделать его царем, он отказывался и, насильно влекомый воинами, кричал, что, будучи христианином, не хочет царствовать над язычниками. Но так как при этом все единогласно исповедали, что и они христиане, то он и принял царство. Увидев себя внезапно в стеснительном положении в стране персидской, а воинов — умирающими с голоду, он окончил войну на определенных условиях. Условия эти были невыгодны для славы римлян, но по обстоятельствам необходимы. Потерпев урон в сирийских пределах империи и сдав персам мессопотамский город Низибу[41], он отступил. Когда это сделалось общеизвестным, христиане ободрились, а язычники стали оплакивать смерть Юлиана. Между тем, все войско обвиняло неосмотрительную его пылкость и слагало на него вину потери областей, потому что обманутый персидским переметчиком, он приказал жечь по рекам нагруженные хлебом суда, от чего войско и стало терпеть голод. Тогда и софист Ливаний сочинил плачевную речь о Юлиане, под заглавием «Юлиан, или надгробное слово». В этом слове он превозносит похвалами почти все его деяния и, упоминая о книгах, написанных Юлианом против христиан, говорит, что в них доказано, будто книги христиан смешны и наполнены нелепостями. Если бы софист хвалил только прочие деяния царя, то я спокойно перешел бы к последующим событиям истории но так как этот великий ритор, упомянув о книгах Юлиана, коснулся христианства, то мы считаем нужным сказать нечто в отношении к сему предмету, приведши наперед собственные слова Ливания.

ГЛАВА 23

Опровержение сказаний софиста Ливания о Юлиане

«Зимою, — говорит он, — когда ночи бывают длиннее, царь занимался книгами, в которых бывший в Палестине человек представляется Богом и Сыном Божиим. Обширными опровержениями и сильными возражениями доказывал он, что эти уважаемые книги смешны и наполнены нелепостями, и в сем отношении оказался мудрее тирского старца. Да простит мне Тирянин и да примет снисходительно слова мои, что он

побежден сыном». Так говорит софист Ливаний. Я согласен, что он отличный софист, и если бы не был одной веры с царем, то, конечно, сказал бы против него все, что говорят христиане, даже, как софист, вероятно, еще распространил бы это сказание. Ведь и Констанцию, при жизни его, он писал похвалы, а по смерти взносил на него оскорбительные обвинения. Если бы Порфирий был царем, то его сочинения он предпочел бы сочинениям Юлиана, а если бы Юлиан был софистом, то получил бы от него название дурного софиста, подобно тому, как в надгробном слове Юлиану назвал он Экиволия. Так как Ливаний в качестве софиста, единомышленника и друга царского говорил о царе, — что ему казалось, то мы, по возможности, опровергнем изложенные письменно его мысли. Во-первых, говорит он, будто Юлиан зимою, когда ночи бывают длиннее, занимался книгами. Выражение: занимался, значит здесь то, что он прилагал старание к сочинению порицаний, как обыкновенно делают софисты в предварительных уроках юношам. Юлиан давно уже знал эти книги, а тогда занимался ими, то есть, составляя обширные опровержения, не сильными возражениями, как говорит Ливаний, но, по недостатку истинных доказательств, как шут, насмешками действовал против того, что в них сказано совершенно основательно. Всякий, опровергающий другого, то искажает, то скрывает истину и клевещет на того, кого опровергает. Равным образом, питающий ненависть к другому старается все не только делать, но и говорить, как враг, и худое в себе самом обыкновенно приписывает тому, против кого враждует. А что Юлиан и Порфирий, которого Ливаний называет тирским старцем, оба были склонны к насмешкам, это видно из их сочинений. Порфирий в написанной им истории осмеял жизнь главнейшего из философов — Сократа, и написал о нем то, чего не осмелились сказать даже обвинители его, Мелит и Апит[42]. Я говорю о Сократе, которому греки удивляются за его воздержание, правдивость и другие добродетели, которого знаменитый философ их Платон, Ксенофонт и весь сонм философов почитают не только человеком богоугодным, но и мыслителем о предметах, находящихся вне предела человеческого разумения. А Юлиан, из подражания отцу (Порфирию), обнаружил свою страсть в книге о кесарях, где опорочил всех бывших прежде него царей, не щадя и философа Марка[43]. Так-то собственные их сочинения показывают, что оба они склонны были к насмешкам. Посему мне не нужно приводить многих или сильных доказательств для изображения их нрава — довольно и этого. Я пишу об их нраве, основываясь на сочинениях того и другого. Притом выслушай, что говорит о Юлиане сам Григорий Назианзен[44]. Во втором слове его против язычников читается слово в слово так: «Другие дознали это опытом, когда власть доставила (Юлиану) полную свободу, а мне как-то представлялся он таким еще тогда, когда мы жили вместе в Афинах. Он прибыл туда вскоре после перемены в судьбе брата его[45] и испросил на то позволения у царя. Две были причины его прибытия: одна благовиднейшая — обозреть Элладу и ее училища, другая тайная и не многим известная — посоветоваться с тамошними жрецами и обманщиками касательно своих намерений, потому что нечестие его еще не позволяло себе открытой дерзости. Так вот, тогда я, помню, разгадал этого человека, хотя и не принадлежу к числу людей искусных в таком деле. Прорицателем сделали меня непостоянство его характера и излишество его восторженности, если только наилучшим прорицателем можно назвать того, кто хорошо угадывает. По мне, ничего доброго не предвещали ни слабая шея, движущиеся и подергиваемые плечи, беглые и неспокойные глаза, свирепый взгляд, ни твердые подгибающиеся ноги, раздувающиеся враждою и презрением ноздри, насмешливые черты лица, ни то же выражавший неумеренный и громкий смех, беспричинное наклонение и поднятие головы, прерываемая и задерживаемая вздохами речь, беспорядочные и несвязные вопросы, ничем не лучшие их смешиваемые один с другим, ни основательные и не подчиненные правильному порядку ответы. Но для чего описывать все порознь? Точно таким видел я его и прежде дел, каким узнал после на деле. Если бы здесь находился кто-нибудь из бывших со мною в то время и слышавших меня, то без труда засвидетельствовал бы слова мои, ибо видя это, я тогда же говорил: какое зло воспитывает

Римская империя. Тогда же предсказывал и желал быть ложным прорицателем, ибо лучше бы мне оказаться лжепророком, чем вселенной испытать столько зол и явиться на свет такому чудовищу, какого не бывало прежде, хотя повествуют о многих наводнениях, о многих воспламенениях, извержениях, и провалах земли, о людях бесчеловечных, о зверях чудовищных и многосложных не в обыкновенном порядке производимых природой. Потому-то имел он конец, достойный своего безумия»! Так говорит Григорий о Юлиане. А что в составленных ими обширных сочинениях против христиан они старались исказить истину, либо извращая слова священного Писания, либо прибавляя к ним что-нибудь и вообще все направляя к своей цели, — это доказали многие, писавшие против них возражения, опровергшие и обличившие их лжеумствования. Прежде же всех софистические словопрения людей злонамеренных опроверг Ориген, который был гораздо древнее Юлиана и который, возражая самому себе, объяснял все, что могло, по-видимому, приводить в недоумение читающих священные книги. Если бы Юлиан и Порфирий прочитали эти объяснения внимательно и приняли слова Оригена благодушно, то свое красноречие, конечно, обратили бы на что-нибудь другое, а не на изложение хульных лжеумствований. Но что царь насмешливыми своими сочинениями старался увлечь людей простых и необразованных, а не таких, которые сами знают истину из священного Писания, это очевидно из следующего: взимая выражения, которые в смысле домостроительства употреблены о Боге человекообразно и снося их между собою, он в заключение говорит слово в слово так: «значит, каждое из этих выражений, если только он не имеет какого таинственного смысла, заключает в себе, думаю, великую хулу на Бога». Это буквально находится в третьей его книге против христиан. А в своем сочинении, под заглавием «О цинизме», научая, как должно составлять священные мифы, он утверждает, что в подобных изречениях надобно скрывать истину, и говорит слово в слово так: «природа любит скрываться, и сокровенное существо богов не терпит, чтобы сообщали его нечистому слуху неприкровенными словами». Из этого видно, что о Божественных Писаниях царь думал так, как будто они были мистическими сказаниями, заключающими в себе какой-то таинственный смысл, даже досадовал, что не все думали о них подобным образом, и нападал на многих христиан, принимавших слова Писания просто. Между тем, ему не следовало столь сильно вооружаться против простоты народа, из-за него злобствовать на священное Писание, ненавидеть и отвергать понимаемое правильно ради того, что не все понимали это так, как он хотел. Теперь с ним случилось, кажется, то же самое, что с Порфирием. Порфирий, от некоторых христиан в Кесарии палестинской получив несколько ударов и немогши перенести обиды, по внушению досады отрекся от христианства, а по ненависти к тем, которые били его, стал писать хулы против христиан. В этом обличил Порфирия разбиравший его сочинения Евсевий Памфил. Царь же, основавшись только на мнении людей простых, начал питать презрение вообще к христианам и этой страстью увлекся к хулам Порфирия. Итак, оба они, добровольно впав в нечестие, получают наказание в сознании греха своего. Но когда софист Ливаний, насмехаясь (над христианами) рассказывал, что христиане делают Богом и Сыном Божиим происшедшего из Палестины человека, то он, кажется, и не заметил, как сам в конце того же сочинения обоготворил Юлиана, ибо первого вестника о его кончине, говорит, едва не умертвили за то, что он произнес ложь на Бога. А потом, спустя немного, прибавляет: «О, питомец духов, ученик духов, сообщник духов!» Может быть, сам он разумел это и иначе, но если двусмысленное выражение принять в худшую сторону, то его слова, по-видимому, не отличаются от тех, которыми Юлиана укоряют христиане. Если Ливаний хотел действительно хвалить, то ему следовало бы избегать двусмысленности, подобно тому, как он оставил другое выражение, за которое порицали его и которое, посему, выброшено им из упомянутого сочинения. Впрочем, каким образом человек во Христе исповедуется Богом, как он с видимой стороны был человек, а с невидимой Бог, и как в нем истинно соединились обе природы, — это знают из божественных книг христиане, а язычники не поймут того, пока не уверуют, ибо так

говорит (св. Писание): *аще не веруете, ниже имате разумети* (Исаи. 7, 10). Посему язычники не стыдятся боготворить многих людей. И если бы, по крайней мере, обоготворяли они добронравных, праведных или мудрых, а то именем бога украшают бесстыдных, нечестивых и преданных пьянству, как-то: Гераклов, Дионисов, Эскулапов, которыми Ливаний без стыда то и дело клянется в своих сочинениях, и сладострастие которых с мужчинами и женщинами если бы стал я подробно описывать, то у нас вышло бы длинное отступление (от предмета речи). Для желающих знать это — достаточно сочинений — «Пеплоса» Аристотеля, «Стефаноса» Дионисия, «Полимнимона» Регина и множества поэтов, которые в своих писаниях показывают, как смешно и поистине нелепо языческое учение о богах. А что язычники действительно имеют обыкновение, нимало не затрудняясь, боготворить людей, для этого довольно вспомнить немногое. Жителям Родоса, когда они подверглись несчастью, произнесено было изречение, что они должны воздать почесть одному жрецу фригийских мистерий фригийцу Аттису[46]. Изречение это следующее:

Почтите Аттиса, великого бога, чистого Адониса,

благочестивого, подателя счастия, лепокудрого

Вакха.

Аттиса, который в борьбе с сладострастным неистовством оскопил сам себя, оракул называет Адонисом и Вакхом. Равным образом, когда Александр, царь македонский, прибыл в Азию, то амфиктионяне[47] приветствовали его, и Пифия[48]произнесла следующее изречение:

Почтите Зевса, верховного бога и Минерву

Тритогенийскую[49] , почтите скрытого в человеческом

теле владыку, рожденного от Юпитера дивным

рождением, блюстителя правды между смертными,

царя Александра.

Так изрек дух дельфийского храма, из лести нередко обоготворявший властителей. Может быть, и это его изречение проистекло из лести. Но что сказать, когда они обоготворили и кулачного бойца Клеомида, получив о нем следующее изречение:

Последним из героев быв Клеомид Астиалиец.

Почтите его жертвами, так как он уже не смертный.

Аполлонова прорицателя за такое изречение осуждали Диоген Циник и Эномай философ. Притом жители Кизика провозгласили тринадцатым богом Адриана, а сам Адриан обоготворил любимца своего Антиноя[50]. И всего этого Ливаний не называет смешным и нелепым, хотя как эти изречения, так и однокнижное сочинение Арриана о жизни Александра[51] ему были известны. Впрочем, он не стыдится обоготворять даже Порфирия, когда говорит: «Да простит мне Тириец за то, что его книгам я предпочитаю книги царя». Но на поношения софиста довольно и этих беглых замечаний, а что требует особого сочинения, то я почел за лучшее оставить. Продолжим теперь свою историю.

ГЛАВА 24

О том, что к Иовиану отовсюду стекались епископы и каждый из них надеялся склонить его к своему исповеданию веры

По возвращении царя Иовиана из Персии, обстоятельства Церквей снова пришли в замешательство. Предстоятели старались предупредить друг друга, надеясь склонить царя каждый к своему исповеданию веры. Но царь издавна был предан вере в единосущие, и открыто предпочитал ее всем прочим. Он указом утвердил александрийского епископа Афанасия, который сразу же после смерти Юлиана принял в управление александрийскую Церковь и, благодаря силе царского эдикта получив тогда более свободы, избавился от всякого страха. Царь вызвал также епископов, изгнанных Констанцием и не успевших возвратиться при Юлиане, а языческие капища в то же время все были закрыты, и сами язычники скрывались, где кому случилось[52]. Плащеносцы[53] сняли свои плащи и облеклись в обыкновенную одежду. Прекратилось у них и всенародное осквернение посредством крови, что в изобилии совершалось при Юлиане.

ГЛАВА 25

О том, что македониане и акакиане, собравшись в Антиохии, подтвердили исповедание никейское

Впрочем, дела христиан не успокоились, ибо предстоятели разных исповеданий непрестанно докучали царю в надежде получить от него позволение — действовать против тех, которых считали они своими противниками[54]. Во-первых, так называемые македониане поднесли ему свиток, прося изгнать из церквей исповедников неподобия и места изгнанных отдать им. Этот просительный свиток представили: Василий анкирский, Сильван тарсийский, Софроний помпеопольский, Пасиник зильский, Леонтий химанский, Калликрат клавдиопольский и Феофил катавальский[55]. Царь принял свиток, но отпустил их без ответа, сказав только следующее: «Я ненавижу вражду, а сохраняющих единомыслие люблю и уважаю». Услышав об этом, прочие оставили свою страсть к состязанию, что и было целью царя. Тогда же открылся беспокойный нрав акакиан и ясно обнаружилось, что акакиане всегда держались стороны сильнейшей, ибо, съехавшись в Антиохию сирийскую, они вошли в сношение с Мелетием, который незадолго пред тем отделился от них и признал единосущие. Это сделали они потому, что видели, какое уважение оказывал ему царь, находившийся тогда в Антиохии. Составив с общего согласия свиток, акакиане исповедали в нем единосущие и, подтвердив им никейскую веру, представили его царю. В этом свитке заключается следующее:

«Благочестивейшему и боголюбезнейшему владыке нашему Иовиану, Победителю, Августу — Собор епископов, из разных епархий собравшихся в Антиохии.

Что твое благочестие стало первое заботиться об утверждении церковного мира и единомыслия, это и мы хорошо знаем, боголюбезнейший царь. Не неизвестно нам и то, что показателем сего единства ты справедливо признал отличительную черту истинной и православной веры. Посему, чтобы не относили нас к числу искажателей истинного учения, докладываем твоему благочестию, что мы принимаем и содержим веру первого, давно бывшего в Никее, святого Собора, ибо на нем и слово единосущный, некоторым кажущееся странным, получило от отцов определенное истолкование, по которому оно означает, что Сын родился из сущности Отца, и что Он подобен Отцу по существу, а не то, что неизреченное рождение произошло от какой-либо страсти. Да и слово сущность принято Отцами не для того, что оно встречается у языческих писателей, а для

опровержения слова «из не-сущего», которое нечестиво употреблено о Христе Арием и которое, ко вреду церковного единомыслия, еще смелее, дерзновеннее и бесстыднее употребляют явившиеся ныне аномеи. Для того-то при сем представлении нашем и приложили мы список с исповедания никейского, изложенного собравшимися (в Никею) епископами. Это принимаемое нами исповедание есть следующее: Веруем во единого Бога Отца вседержителя, и прочее в символе веры. Мелетий, епископ антиохийский, согласуюсь с вышеписанным, Евсевий самосатский, Евагрий сикелийский, Ураний анамийский, Зоил ларисский, Акакий кесарийский, Антипатр росский, Авраамий уримский, Аристеник селевковильский, Варламен пергамский, Ураний мелитинский, Магнос халкидонский, Евтихий элевтеропольский, Исаконис из Великой Армении, Тит бострийский, Петр сиппский, Пелагий лаодикийский, Аравиан антрский, Писон аданский через пресвитера Ламидриона, Сабиниан зевгматский, Афанасий анкирский через пресвитеров Орфиста и Аэция, Фринион газский, Писон августийский, Патрикий палтийский через пресвитера Ламириона, Анатолий верийский, Феотим аравский, Лукиан аркийский».

Этот свиток нашли мы в сабиновом собрании соборных деяний. Желая прекратить вражду разномыслящих кротостью и убеждением, царь сказал, что он никому не намерен делать зла, как бы кто ни веровал, однако ж будет любить и предпочитать тех, кто постарается больше содействовать к единению Церкви. А что он действительно так поступал, об этом говорит и философ Фемистий. В своей речи о консульстве Иовиана он превозносит похвалами этого царя за то, что он предоставил каждому держаться богопочтения, какого кто хочет, и стал выше хитрости льстецов над которыми остроумно насмехался, говоря, что они явно чтут не Бога, а пурпур, и ничем не отличаются от Эврина, воды которого текут то в ту, то в другую, противную сторону.

ГЛАВА 26

О смерти царя Иовиана

Так-то остановил царь стремление людей к вражде. Выехав вскоре из Антиохии[56], он прибыл в Тарс киликийский и там предал земле тело Юлиана. По совершении всего, относящегося к погребению, он провозглашен консулом[57] и, поспешая в Константинополь, прибыл в одно местечко, называемое Дадастана, находящееся на пределах Галатии и Вифинии. Там встретил его философ Фемистий с прочими сенаторами и прочитал пред ним речь о его консульстве, которую потом прочитал он и в Константинополе перед народом. Под управлением столь доброго царя дела римские, как гражданские, так и церковные, без сомнения имели бы счастливый успех, если бы внезапная смерть не похитила у империи такого мужа, ибо в вышеупомянутом местечке, зимою, он умер от завалов, в консульство свое и сына своего Барониана в семнадцатый день месяца февраля, после семи месяцев царствования и тридцати трех лет от роду. Эта книга обнимает два года и пять месяцев.

Комментарии

[1] Юлиан, по прозвищу «Отступник», правил Римской империей с 3 ноября 361 г. по 26 июня 363 г.

[2] У Юлия Констанция было не два, а три сына и одна дочь.

[3] Флавий Клавдий Юлиан родился в мае/июне 332 г. в Константинополе. В момент убийства отца ему было пять, а не восемь лет.

[4]Эфес — город в Малой Азии на побережье Эгейского моря.

[5] Юлиан был послан в Никомидию, чтобы получить образование у близкого к Констанцию II епископа Евсевия. Сократ смешивает два разных периода пребывания Юлиана в Никомидии — до 343 г. и в начале 50-х гг. В 343—349 гг. он вместе с братом Галлом находился в ссылке в Макеллуме в Каппадокии. Встреча Юлиана с Максимом и Ливанием состоялась во время второго периода его пребывания в Никомидии. {336}

[6] Ливаний /314—393/ — знаменитый языческий ритор и педагог.

[7] То есть своими менее удачливыми и завистливыми коллегами. Это произошло в 343 г.

[8] Юлиан прибыл в Афины в начале лета 355 г. Но уже осенью он был вызван в Медиолан ко двору Констанция II.

[9] Салических франков и аламанов.

[10] Осенью 335 г. франки захватили Кельн.

[11] Речь идет о победе Юлиана с 13 тыс. легионеров над 30 тыс. франков при Аргенторате /у Страсбурга/ в августе 357 г. Римляне атаковали франков вечером сразу после долгого перехода и, хотя правый фланг римского войска был смят, командирам удалось восстановить порядок и разгромить врага. Франки потеряли 6 тыс. убитыми, римляне — только 247. Вождь франков Хлодомар попал в плен. Говоря о «пленении царя варваров», Сократ, возможно, имеет в виду также события весны 361 г., когда Юлиану хитростью удалось захватить вождя аламанов Вадомария.

[12] Митра — в иранской мифологии бог солнца. В эллинистическом культе отождествлялся с Зевсом и Гелиосом.

[13] Речь идет об арианском епископе Александрии Георгии Каппадокийском. Мятеж александрийцев произошел в декабре 361 г.

[14] Александра Македонского

[15] Очевидно, по линии матери Юлиана Василины.

[16] Александрийский собор состоялся в первой половине 362 г. На этом соборе ортодоксальных епископов была предпринята попытка компромисса с умеренным арианством. Было предложено отказаться от использования терминов «сущность» и «ипостась», кроме как в полемических целях /против савеллианства/, чтобы подчеркнуть триединство членов Троицы.

[17] Ириней Лионский /ок. 130—202/ — один из первых отцов церкви, автор «Пяти книг против ересей». О Клименте Александрийском см. прим. 50 ко Второй книге. Аполлинарий Иерапольский /II в./ — знаменитый апологет, епископ Иераполя во Фригии. Серапион /сер. II в.—ок. 213/ — епископ Антиохии, христианский писатель эпохи Северов, обличитель ересей.

[18] Речь идет о совместном труде Евсевия Кесарийского и его учителя Памфила «Апология Оригена», написанном в 308 г. Этот труд не дошел до нас.

[19] Саул — первый царь Израиля, враг Давида, победителя филистимлян и будущего царя /1 Цар. XXII/.

[20] Иаков, сын Исаака, хитростью получив отцовское благословение, предназначавшееся первенцу, бежал от гнева своего старшего брата Исава /Быт. XXVII—XXVIII/. Моисей, убивший египтянина, скрылся от фараона в земле мадиамской, области к востоку от Красного моря /Исх.II.12—15/.

[21] Священник Авимелех дал убегающему от Саула Давиду священные хлеба и меч Голиафа /1 Цар.XXI/.

[22] Илия, убивший 850 жрецов Ваала, бежал от гнева израильских царей Ахаава и Иезавели в пустыню Иудейскую /III Цар. XIX/.

[23] Управляющий царским дворцом Авдий скрыл в пещерах 100 пророков, преследуемых Иезавелью /III Цар.XVIII.3—4/.

[24] См. Деян. IX.23—25.

[25] Речь идет об одном их крупнейших отцов церкви IV в. Иларии из Пуатье. Вторая Аквитания — римская провинция в Галлии на берегу Бискайского залива между Луарой и Гаронной.

[26] Один из самых антихристианских актов Юлиана, закон 17 июня 362 г., требовал, чтобы лица, желающие заниматься педагогической деятельностью, получали лицензию на преподавание от местных городских советов или от самого императора. В обосновании этого закона говорилось, что ни один христианин, который преподает античных авторов, не может соответствовать предъявленным к педагогам моральным стандартам, ибо он учит тому, во что сам не верит. Следовательно, такой человек должен отказаться или от своей веры, или от преподавательского ремесла.

[27] На этот раз Афанасий занимал епископский престол всего несколько месяцев 362 г. В 362—363 гг. до самой смерти Юлиана он скрывался в Александрии.

[28] Летом 362 г.

[29] Одна из главных функций Аполлона — быть богом-прорицателем судьбы /Мойрагетом/ и наделять пророческим даром некоторых из людей.

[30] По свидетельству Созомена /V.20/, арестованные были вскоре освобождены. 26 же октября 362 г. храм Аполлона в Дафне сгорел дотла. Подозревая в этом преступлении христиан, Юлиан приказал закрыть Великую церковь Антиохии и конфисковать ее имущество.

[31] Иерусалимский храм, построенный Соломоном, сыном Давида, был разрушен при взятии города Титом в 70 г. н. э.

[32] Юлиан выступил в поход во главе девяностотысячной армии 5 марта 363 г.

[33] То есть перс.

[34] Начало похода Юлиана было успешным. Его армия захватили Перисабор, Маогамальху и многие другие крепости, переправилась через Тигр и одержала победу над персами у Ктесифона, столицы державы Сассанидов, 29 мая 363 г.

[35] Речь идет о персидском шахе Шапуре II /309—380/.

[36] Сократ рассказывает о сражении 26 июня 363 г., состоявшемся во время отступления римской армии на северо-запад по левому берегу Тигра /отступление началось 16 июня из-за страшной жары, трудностей со снабжением, невозможности взять Ктесифон и приближения главных сил персов/. Римляне отбили натиск персов, несмотря на то, что против них были брошены боевые слоны.

[37] Согласно одной, приводимой Феодоритом легенде /III.25/, будучи раненым, Юлиан воскликнул: «Ты победил, Галилеянин», имея в виду Христа.

[38] Фурии — в римской мифологии богини мести.

[39] Сначала выбор пал на язычника Саллюстия Секунда, преторианского префекта Востока, который однако отказался, ссылаясь на преклонный возраст и старческую немощь.

[40] Флавию Иовиану было тогда 32 года.

[41] Римляне утратили пять пограничных провинций и восемнадцать важнейших крепостей. Они также обязались не помогать армянскому царю Аршаку в его борьбе с персами. Мир был заключен на 30 лет.

[42] Сократ был приговорен к смерти в 339 г. до н. э., обвиненный в безбожии и развращении юношества поэтом Мелитом, торговцем кожами и демагогом Анитом, а также ритором Ликоном.

[43] Речь идет о римском императоре Марке Аврелии /161—180/, которого в других своих сочинениях Юлиан оценивает сугубо положительно.

[44] Григорий Назианзен /328—390/ — один из крупнейших отцов церкви IV в., теолог, полемист, ближайший соратник Василия Великого. {338}

[45] Имеется в виду назначение Галла цезарем в 354 г.

[46] В греческой мифологии Аттис — бог фригийского происхождения, учредивший священные празднества /оргии/.

[47] Амфиктионяне — представители двенадцати греческих городов, входивших в религиозно-политический союз дельфийскую Амфиктионию. Это название происходит от Амфиктиона, греческого героя, которому приписывалось основание этого союза.

[48] Пифия — пророчица в Дельфийском святилище.

[49] Минерва — римская богиня ремесел и искусств. Тритогенийская /«рожденная морем»/ — прозвище Афины, с которой Минерву часто отождествляли.

[50] Адриан, римский император в 117—138 гг., был влюблен в своего раба-грека Антиноя, которого после его трагической гибели он приказал официально провозгласить богом.

[51] Речь идет о «Походе Александра» римского писателя Арриана /ок. 90—ок.175/.

[52] Прибыв в Антиохию, Иовиан издал декрет о религиозной терпимости и о возвращении христианской церкви всех отнятых у нее Юлианом привилегий.

[53] Имеются в виду языческие философы. Ср. III.1.

[54] То есть против аномеев.

[55] Помпеополь — город в Пафлагонии, Зела — город в провинции Еленопонт /северное побережье Малой Азии/, Комана /Химана/ — город к востоку от Зелы, Клавдиополь — город в Вифинии, Костовал — город в Киликии.

[56] Иовиан выехал из Антиохии в середине октября 363 г.

[57] В Анкире 1 января 364 г.

КНИГА 4

ГЛАВА 1

О том, что, по смерти Иовиана, царем провозглашен Валентиниан, который соучастником в правлении избрал брата своего Валента, и что Валентиниан был православный, а Валент — арианин

Когда царь Иовиан, как мы сказали, умер в Дадастане, в консульство свое и сына своего Барониана, в семнадцатый день месяца февраля, тогда войска, в семь дней из Галатии перешедшие в Никею вифинскую, общим голосом избрали в цари Валентиниана[1]. Это произошло в двадцать пятый день того же месяца февраля, в консульство Валентиниана. Валентиниан был родом паннонец из города Кивалы. Имея начальство над войском, он показал великое знание воинского дела: это был человек души сильной, и всегда являлся выше настоящего своего жребия. Возведенный на престол, он тотчас отправился в Константинополь и в участники правления принял брата своего Валента[2], что случилось через тридцать дней после его избрания. Хотя оба они были христиане, но касательно исповедания веры не соглашались друг с другом, ибо Валентиниан чтил веру никейского Собора, а Валент, по предубеждению, более расположен был к учению арианскому. Это предубеждение получил он от того, что крещен предстоятелем арианской церкви в Константинополе, Евдоксием. Хотя оба они также обнаруживали одинаковую ревность к тому, что каждый чтил, однако, сделавшись царями, далеко разошлись нравом. Прежде, при Юлиане, когда Валентиниан был тысяченачальником, а Валент служил между царскими придворными, каждый из них выказал равное постоянство в вере, ибо, принуждаемые принести жертву, они скорее решались снять пояс воинского звания, чем оставить христианство, и только находя этих людей полезными для государства, царь Юлиан тогда не удалил их от военной службы, равно как и царствовавший после него Иовиан. Да и воцарившись, они заботливостью о делах государства снова поставляемы были в близкое между собой отношение, но касательно христианства, как я сказал, разногласили и с христианами поступали не одинаковым образом. Валентиниан покровительствовал своим, однако же Валент, предположив возвысить общество ариан, был жесток к разномыслящим, как это покажет дальнейшее повествование. В то время предстоятелем римской Церкви был Либерий; в Александрии же исповедниками единосущия управлял Афанасий, а обществом арианским — Люций, которого ариане поставили после Георгия. В Антиохии арианами управлял Евзой, а исповедники единосущия разделились: у одних предстоятельствовал Павлин, у других Мелетий. Церквами иерусалимскими правил Кирилл. В Константинополе церквами управлял Евдоксий, преподававший учение Ария, а исповедники единосущия делали собрания в небольшом доме внутри города. И последователи Македония, отделившиеся в Селевкии от акакиан, имели по городам свои молитвенные дома. В таком-то положении находились тогда дела Церквей.

ГЛАВА 2

О том, что когда Валентиниан отправился в западные области, Валент в Константинополе позволил обратившимся к нему с просьбой македонианам держать Собор и преследовал исповедников единосущия

Один из царей, Валентиниан, вскоре отправился в западные области, куда влекло его попечение о тамошних делах[3]. А к Валенту, который на короткое время остался в Константинополе, приступили весьма многие епископы македонианского исповедания и просили его назначить другой Собор для исправления веры. Считая их в согласии с Акакием и Евдоксием, царь дозволил это, и они поспешили собраться в Лампсаке. После сего Валент с возможною скоростию поехал в Антиохию сирийскую, боясь, чтобы персы, нарушившие тридцатилетний договор, заключенный с Иовианом, не вступили в римские пределы. Но у персов все было спокойно. Злоупотребляя этим спокойствием, он воздвиг непримиримую войну против исповедников единосущия, но епископу Павлину, по причине чрезвычайной богобоязненности этого мужа, правда, не причинил никакого зла, зато Мелетия наказал ссылкою, а всех прочих, кто не хотел иметь общения с Евзоем, изгнал из церквей антиохийских и подверг различным мучениям и казням. Говорят, что многих утопил он в близлежащей реке Оронте[4]

ГЛАВА 3

О том, что когда Валент злодействовал на Востоке против исповедников единосущия, в Константинополе восстал тиран Прокопий и что случившимся в то время землетрясением и разливом моря разрушены были многие города

Между тем, как Валент делал это в Сирии, в Константинополе восстал тиран по имени Прокопий[5]. В короткое время собрав сильное войско, он готов был уже выступить против царя. Узнав об этом, царь весьма обеспокоился и прекратил на время гонение православных. К этим военным тревогам вскоре присоединилось еще землетрясение, которое разрушило много городов[6]. Да и море изменило свои пределы, ибо в некоторых местах так разлилось, что где прежде ходили, там стали плавать, а от других так отступило, что они сделались сушей. Это случилось в первое консульство двух царей.

ГЛАВА 4

О том, что во время этих гражданских и церковных беспокойств македониане, державшие Собор в Лампсаке, снова утвердили исповедание антиохийское, а ариминское анафематствовали и опять восстановили низложение Акакия и Евдоксия

При таких обстоятельствах не было спокойствия ни в гражданских делах, ни в церковных. Испросившие у царя позволение созвать Собор съехались в Лампсак — это было в то же консульство, в седьмом году после Собора селевкийского — и там, снова утвердив веру антиохийскую, которую подписали сперва в Селевкии, анафематствовали изложенную прежними своими единомышленниками в Аримине, и опять подали голос против последователей Акакия и Евдоксия, как против лиц, справедливо низложенных. Епископ константинопольский Евдоксий не в силах был противоречить им, потому что наступившая гражданская война не позволяла Евдоксию обуздать их. Посему приверженцы епископа Кизики Элевсия, приняв так называемое учение Македония,

прежде незначительное, а на Соборе лампакском сделавшееся известнейшим, на некоторое время явились тогда сильнейшими[7]. Этот Собор, по моему мнению, был причиной того, что в Геллеспонте увеличилось число так называемых македониан, ибо Лампсак стоит при узком заливе Геллеспонта. Таков был этот Собор, и таковы его последствия.

ГЛАВА 5

О том, что в сражении между царем и тираном Прокопием, которое произошло при одном фригийском городе, Валент, благодаря измене военачальников, взял в плен тирана и, подвергнув необыкновенным казням, умертвил их

В следующее, то есть Грацианово и Дагалайфово консульства, война усилилась. Тиран Прокопий вышел из Константинополя и готов был вступить с царем в сражение. Узнав об этом, Валент выехал из Антиохии и сразился с Прокопием при фригийском городе, по имени Николии. В первом сражении был он побежден, но, спустя немного, взял Прокопия живым, потому что его предали полководцы Ангелон и Гамарий[8]. Этих военачальников он подверг неслыханным казням и, несмотря на данные предателям клятвы, распилил их пилой и умертвил; а что касается тирана, то, нагнув два дерева, росшие одно близ другого, Валент к каждому из них привязал по одной его ноге, и потом, дав деревьям распрямиться, разорвал ими Прокопия[9]. Раздвоенный таким образом, тиран погиб.

ГЛАВА 6

О том, что, по умерщвлении тирана, царь снова стал бывших на Соборе и всех христиан принуждать к арианству

Окончив это дело удачно, царь снова воздвиг бурю против христиан и хотел всех склонить к арианству. Особенно разгневал его бывший в Лампсаке Собор — не только тем, что низверг арианских епископов, но и тем, что анафематствовал составленное в Аримине исповедание веры. Находясь в Никомидии вифинской, Валент призвал к себе кизикского епископа Элевсия, который, как я и прежде сказал, держался особенно мнения македониан. Потом, созвав Собор епископов арианской ереси, принуждал этого епископа присоединиться к их вере. Элевсий сначала отказывался, но когда стали угрожать ему ссылкою и лишением имущества, устрашился и присоединился к арианскому учению. Впрочем, присоединившись, он тотчас же раскаялся и, возвратившись в Кизик, стал жаловаться пред всем народом на принуждение. Согласие мое, говорил он, дано не свободно, но вынуждено насилием, посему народ должен искать себе другого епископа; а я, хотя и поневоле, отрекся от своего учения. Однако кизикцы, из приверженности к нему, не хотели подчиниться другому епископу и не соглашались никому уступить церковь. Они остались под его же начальством и не отказались от своей ереси.

ГЛАВА 7

О том, что, по изгнании Элевсия македонского, епископом Кизики сделался Евномий, и о том, откуда он происходил, и как, быв писцом безбожника Аэция, подражал ему

Услышав об этом, константинопольский епископ[10] на епископство кизикское возвел Евномия, как мужа способного привлекать к себе народ силой слова. И когда Евномий прибыл, царь указом повелел удалить Элевсия и на престол возвести Евномия. От этого приверженцы Элевсия устроили себе молитвенный дом и начали делать свои собрания вне города. Но довольно об Элевсии. А о Евномии скажем следующее. Он был писцом Аэция, прозванного безбожником, о котором упомянули мы выше. Обращаясь с ним, Евномий стал подражать софистическому образу его (мыслей), заниматься пустыми словами и сплетать софизмы. Гордясь этим, он впал в богохульство, подражал учению Ария, а на догматы истины большей частью восставал враждой. В священных писаниях был он маловедущ и в разумении их не силен, хотя читал много. Повторяя всегда одно и то же, он никак не мог достигнуть предположенной цели. Это показывают семь его томов, в которых он по пустому трудился над изъяснением Послания к римлянам, потому что, расточив о нем множество слов, не в состоянии был схватить цель Апостола. Таковы и другие, приписываемые ему сочинения. Кто захочет рассмотреть их, тот в многословии заметит бедность мыслей. Этого-то Евномия Евдоксий поставил епископом в Кизике. Прибыв сюда и употребив в дело обычную свою диалектику, он возмутил и Кизик. Не могши переносить надменной его говорливости, кизикцы выгнали его из города. Изгнанный Евномий отправился в Константинополь, жил с Евдоксием и оставался безместным епископом. Но чтобы не показалось, будто мы говорим это из злословия, выслушай самые слова его, как софистически дерзает он выражаться о Боге. Вот подлинные его выражения: «О сущности своей Бог знает нисколько не больше нашего. Нельзя сказать, что Ему ведома она более, а нам менее, но что знаем о ней мы, то же вообще знает и Он; и наоборот, что знает Он, то самое, без всякой разницы, найдешь и в нас». Такие-то и другие многие софизмы, сам не замечая, составлял Евномий. А о том, как несколько позднее отступил он от ариан, я скажу в своем месте.

ГЛАВА 8

О предсказании, высеченном на камне и найденном в то время, когда разгневанный царь Валент приказал разрушить стену Халкидона

Царь приказал разрушить стены Халкидона, стоявшего против Византии; он поклялся, что, победив тирана, сделает это, ибо преданные тирану халкидоняне срамно поносили Валента и, когда он шел к городским воротам, заперли их. Итак, стена, по повелению царя, была разрушена, и камни перевезены в общественные константинопольские бани, называемые Константиновыми. На одном из этих камней нашлась пророчественная надпись, давно уже там скрывавшаяся, но в то время сделавшаяся известной. Она гласила, что, когда город будет иметь в обилии воду, тогда стена послужит для бани, и бесчисленные племена варваров, напав на римскую землю и причинив ей много зла, наконец, сами погибнут. Впрочем, ничто не мешает для любознательных поместить здесь это предсказание слово в слово:

«Когда росоносный хор веселых нимф остановится на богато украшенных улицах города, и стена сделается жалкой оградой бани, тогда бесчисленные племена кочующих народов, дикие, блестящие, наделенные буйной силой, перейдут с мечем прекрасные воды Истра[11] и опустошат страну Скифскую и поля Мисийские, но, достигнув Фракии, с

надеждой показать над ней свое неистовство, найдут там конец своей жизни и судьба их свершится».

Таково предсказание. Спустя несколько времени Валент устроил водопровод, который в обилии доставил Константинополю воду, и в то же время двинулись варвары[12], как скажем после. Впрочем, это предсказание имело и иное приложение. Когда водопровод введен был в город, Клеарх, бывший в то время префектом города, устроил на теперешней Феодосиевой площади обширнейший водоем и назвал его dapsilet uxor. По сему случаю город совершил веселый праздник, и об этом-то сказано в пророчестве:

«Хор веселых нимф остановится на богато украшенных улицах».

Впрочем, исполнение пророчества совершилось несколько позднее, а в то время константинопольцы просили царя остановить разрушение стены, о том же просили его прибывшие из Вифинии в Константинополь никомидийцы и жители Никеи. Но сильно разгневанный царь едва согласился принять прошение граждан и, быв связан клятвой, повелел-таки разрушить стену, только места проломанные приказал заложить мелкими камнями. В некоторых частях стены, на больших, огромной величины камнях и теперь можно видеть скудные надстройки. Но о стенах Халкидона довольно.

ГЛАВА 9

О том, что царь Валент преследовал и новациан за то, что они, подобно православным, признавали единосущие

Между тем царь не переставал преследовать исповедников единосущия и изгнал их из Константинополя, а вместе с тем изгнал и единомышленных им новациан, церкви же их приказал запереть и епископа их приказал отправить в ссылку. Новацианским епископом был тогда Агелий, управлявший Церквами от времен Константина и проводивший жизнь апостольскую. Он ходил совершенно босой и, соблюдая слово Евангелия, имел только одну одежду. Ярость царя против новациан укротил благочестивый и вместе красноречивый муж, по имени Маркиан. Сначала он служил в дворцовой гвардии, а в то время был пресвитером новацианской Церкви и учил грамматике дочерей царя, Анастасию и Каросу, по имени которых названы общественные, построенные Валентом в Константинополе, бани. По вниманию к этому-то человеку, запертые несколько времени новацианские церкви были снова отперты. Впрочем, новациане не совсем избавились от производимых арианами смут, ибо были ненавидимы за то, что имели любовь и расположение к своим единомышленникам. В таком-то состоянии находились дела того времени. Надобно заметить, что война с тираном Прокопием производилась в консульство Грациана и Дагалайфа, в конце месяца мая.

ГЛАВА 10

О том, что у царя Валентиниана родился соименный ему сын, и что Грациан рожден был прежде его воцарения

Вскоре после этой войны, в то же консульство, у Валентиниана, царствовавшего над западными областями, родился одноименный с ним сын, а Грациан рожден им еще прежде вступления на царство[13].

ГЛАВА 11

О необычайном граде, упавшем в неба, и о землетрясении в Вифинии и Геллеспонте

В следующее консульство, то есть Лупициана и Иовиана, второго июля, выпал в Константинополе град величиною в кулак и походил на камни. Этот град, говорили многие, выпал как вестник гнева Божия, указавший на то, что царь отправил в ссылку много священных лиц, не хотевших иметь общение с Евдоксием. Спустя некоторое время, в то же консульство, двадцать четвертого числа месяца августа, царь Валентиниан поставил царем сына своего Грациана[14], а в следующее консульство, то было второе Валентиниана и второе Валента, в одиннадцатый день месяца октября произошло в Вифинии землетрясение, разрушившее город Никею. Это был двенадцатый год от разрушения Никомидии. Спустя некоторое время после сего землетрясения, другим землетрясением была ниспровергнута большая часть Гермы в Геллеспонте[15]. Такие события не возбудили нисколько благочестивого страха ни в арианском епископе Евдоксии, ни в царе Валенте. Они не переставали преследовать неодинаково мысливших с ними христиан. Между тем сии землетрясения казались знамениями беспокойств в Церквах. Многие из священных лиц были, как я сказал, сосланы. По некоторому промыслу Божию, не подверглись изгнанию за свое чрезвычайное благочестие только Василий и Григорий, из которых один был епископ Кесарии каппадокийской, а другой — небольшого, соседнего с Кесарией города Назианза. Но о Василии и Григории скажем ниже.

ГЛАВА 12

О том, что последователи Македония, вынуждаемые насильственными мерами царя, отправили послов к Либерию римскому и подписали исповедание единосущия

Преследуя исповедников единосущия, гонители в то же время нападали и на македониан, которые, быв теснимы более страхом, нежели насилием, отправляли к своим единомышленникам из города в город посольства с объявлением, что непременно нужно бежать к брату царя и к римскому епископу Либерию и что лучше принять их исповедание, нежели иметь общение с приверженцами Евдоксия. Итак, они посылают Евстафия Севастийского, который часто был низлагаем, Сильвана тарсийского из Киликии и Феофила из Костовал, города также киликийского, с повелением касательно веры не отделяться от Либерия, но вступить в общение с римской Церковью и признать веру в единосущие. Взяв с собой грамоты разномыслящих в Селевкии, посланные прибыли в древний Рим, но царя не видели, потому что он был занят в Галлии войной с сарматами[16], и вручили послание Либерию. Либерий отнюдь не хотел было принимать их, говоря, что они принадлежат к арианской стороне и, как отвергшие никейскую веру, не могут быть приняты Церковью. Но те отвечали, что они раскаялись и признали истину, что они давно уже отрекались от исповедников неподобия, что Сына исповедуют во всем подобным Отцу и что признаваемое ими подобие ничем не отличается от единосущия. После сего Либерий потребовал от них исповедания письменного, и они представили ему

свиток, в котором между прочим изложили и никейское исповедание веры. Посланий, написанных соборно отцами смирнскими, что в Азии, писидийскими[17], исаврийскими, памфилийскими и ликийскими[18], по причине их длинноты, я здесь не помещаю, а свиток, представленный Либерию сопровождавшими Евстафия послами, есть следующий:

«Господину брату и сослужителю Либерию — Евстафий, Феофил и Сильван о Господе желают здравия.

Избегая безумного мнения еретиков, не перестающих привносить соблазны в католические Церкви, мы отнимаем у них всякий к тому повод и признаем Собор православных епископов, бывший в Лампсаке, Смирне и в разных других местах. От сего Собора посланы мы к твоей милости и ко всем италийским и западным епископам — представить тебе грамоту в удостоверение, что держим и храним католическую веру, утвержденную на святом никейском Соборе, при блаженном Константине, тремястами восемнадцатью отцами, и пребывающую непрерывно доныне чистой и непоколебимой — ту веру, в которой, вопреки превратному учению Ария, свято и благочестно принимается единосущие. Вместе с вышеупомянутым Собором и мы собственной подписью удостоверяем, что ту же веру держали, держим и храним до конца, а Ария и нечестивое его учение, равно как его учеников и единомышленников, и всякую ересь — Савеллия, патропассиан, маркионитов, фотиниан, маркеллиан[19], Павла самосатского, с их мнениями, и всех единомышленных с ними, и все ереси, противные вышереченной св. вере, которая благочестиво и католически изложена в Никее святыми отцами, осуждаем. Особенно же анафематствуем исповедание, читанное на ариминском Соборе, как составленное вопреки той вышеупомянутой вере святого Собора в Никее, принесенное из Ники фракийской и подписанное в Константинополе епископами, которых увлекли обманом и клятвами. Вера наша и тех, о которых выше сказано, и которыми мы посланы, есть следующая:

Веруем во единого Бога Отца, Вседержителя, Творца всего видимого и невидимого; и во единого единородного Бога Господа Иисуса Христа, Сына Божия, рожденного от Отца, Бога от Бога, Света от Света, Бога истинного от Бога истинного, рожденного, несотворенного, единосущного Отцу, чрез Которого все произошло и на небе, и на земле, ради нас человеков и ради нашего спасения сшедшего и воплотившегося, вочеловечившегося, и страдавшего, и воскресшего в третий день, и восшедшего на небеса, и грядущего судить живых и мертвых; и в Духа Святого. А кто говорит, что было время, когда Его не было, что прежде рождения Его не было, что он произошел из не-сущего, либо из другой ипостаси или сущности, что Сын Божий подвержен изменению или превращению, тех католическая и апостольская Церковь анафематствует. Я, Евстафий, епископ города Севасты[20], и Феофил, и Сильван, послы Собора лампсакского, смирнского и иных, исповедание это написали собственноручно и по собственному согласию. А кто после изложенной нами веры захочет взнести на нас или на пославших нас какое-либо обвинение, тот пусть придет с посланием от твоей святости к епископам, каких одобрит твоя святость, и при них рассудит с нами, и — если откроется какая вина — виновный да будет осужден». Обнадеженный этим свитком, Либерий принял послов в общение и отпустил их со следующим посланием:

Послание римского епископа Либерия к епископам македонийским.

«Возлюбленным братиям и сослужителям Эвифию, Кириллу, Иперехию, Уранию, Ирону, Элпидию, Максиму, Евсевию, Евкарпию, Эортасию, Неону, Эвмадию, Фавстину, Проклину, Пасинику, Арсению, Севиру, Дидимиону, Вреттанию, Калликрату, Далмацию, Эдесию, Евстохию, Амвросию, Гелонию, Пардамию, Македонию, Павлу, Маркеллу,

Ираклию, Александру, Адолию, Маркиану, Сфенелу, Иоанну, Макеру, Харисию, Сильвану, Фотину, Антонию, Анифу, Кельсу, Эверранору, Мильсию, Патрикию, Севериану, Евсевию, Евмолпию, Афанасию, Диофанту, Минодору, Диоклу, Хрисампелу, Неону, Евгению, Евстафию, Калликрату, Арсению, Евгению, Мартирию, Иеракию, Леонтию, Филагрию, Люцию и всем на востоке православным епископам — епископ Италии Либерий и епископы западные желают всегдашнего здравия.

Ваше послание, светильники веры, возлюбленные братья, полученное нами от честнейших братий, епископов Евстафия, Сильвана и Феофила, принесло нам вожделенную радость мира и единомыслия — тем более, что в нем утверждено и доказано согласие и сходство нашего мнения и ваших мыслей с нашей милостью и со всеми италийскими и западными епископами. Католической и апостольской верой признаем мы ту, которая от времен бывшего в Никее Собора доныне соблюдается чистой и непоколебимой. Эту же веру с полной радостью исповедали и послы. А чтобы не оставалось никакого следа к неуместному подозрению, они изложили ее не только устно, но и письменно. Считаем нужным приложить к этому посланию копию их исповедания, чтобы еретики не имели никакого предлога к новым козням, посредством которых возбуждая пламя своей злобы, они могли бы постоянно производить пожар раздоров. После сего честнейшие братия наши Евстафий, Сильван и Феофил исповедали и то, что и сами они, и ваша любовь постоянно хранят ту же веру и до конца сохранят ее, то есть, веру, одобренную в Никее тремястами восемнадцатью православными епископами, содержащую в себе совершенную истину, укрощающую и низлагающую все скопища еретические, ибо против безумия Ария не случайно, но по Божию изволению собралось именно такое число епископов, с каким блаженный Авраам верою обратил в бегство целые тысячи. Эта вера, заключающаяся в ипостаси и имени Единосущного, как твердый и неодолимый оплот, разрушает и отражает все нападения и злоухищрения славолюбия Ария. Посему, когда епископы запада съехались в Аримине, куда созвало их арианское злонравие, чтобы каким-нибудь убеждением, или, говоря правду, мирской властью уничтожить, либо косвенно отвергнуть то, что было изложено к вере самым надежным образом, хитрость ариан не принесла им никакой пользы, потому что все почти бывшие в Аримине епископы, в то время обольщенные и обманутые, ныне образумились и анафематствовав исповедание ариминское, подписали кафолическую и апостольскую, обнародованную в Никее веру и, вступив в общение с нами, ревностно восстают против учения Ария и учеников его. Сами послы вашей любви, понимая сущность этого дела, присоединили вас к своей подписи, прокляли Ария и все, сделанное в Аримине против никейской веры и скрепленное под влиянием обмана и клятв собственно вашей подписью. После сего, нам казалось приличным писать к любви вашей и помочь требующим справедливого, особенно же, когда из исповедания послов ваших узнали мы, что образумившиеся восточные согласно мыслят с православными западными. Объявляем и извещаем вас, что хулы, составленные в Аримине рассуждавшими там лицами и принятые вследствие обмана, ныне анафематствованы, и обманутые все присоединились к никейской вере. Объявляйте и вы во всеуслышание, что кто, увлекшись обольщением, потерпел какой-нибудь вред, тот может теперь из еретического мрака возвратиться к божественному свету католической свободы. А несоглашающиеся и после этого Собора извергнуть яд злоучения, отбросить всякие хулы Ария и анафематствовать их пусть знают, что вместе с Арием, учениками его и прочими змиями, как-то: савеллианами, патропассианами и всякой иной ересью, они отчуждятся и лишатся общения с церковными собраниями, так как (Церковь) не принимает сынов блуда. Бог да сохранит вас здравыми, возлюбленные братие».

Приняв эту грамоту, бывшие с Евстафием тотчас отправились в Сицилию, постарались и там созвать Собор епископов, исповедали пред ним единосущие, признали веру

никейскую и, получив от него грамоту такого же содержания, возвратились к пославшим. А те, которым послание Либерия было передано, отправили послов по городам к предстоятелям Церквей, исповедывавшим веру в единосущие, и просили всех сойтись в Тарсе киликийском для утверждения никейской веры и решения всякой, происшедшей после того распри. Так, вероятно, и случилось бы, если бы не воспрепятствовал сему весьма сильный тогда у царя епископ, говорю о предстоятеле арианской веры Евдоксии, который, очень оскорбившись упомянутым Собором, старался членам его нанести наиболее зла[21]. Что македониане вступили в общение с Либерием и чрез отправленных ими послов признали никейскую веру, об этом в сборнике соборных деяний свидетельствует и Сабин.

ГЛАВА 13

О том, как Евномий отделился от Евдоксия, чтобы присоединиться к Аэцию, как Евдоксий произвел в Александрии мятеж, по случаю которого Афанасий снова бежал, как народ возмутился от этого, а устрашенный царь, успокаивая его, повелел Афанасию указом снова безбоязненно управлять александрийской Церковью

Около того же времени Евномий отделился от Евдоксия и стал делать особые собрания; причина была та, что Евдоксий не внимал многократным просьбам Евномия о принятии в Церковь руководителя его Аэция. А не внимал он не по своей воле, ибо не отвергал учения Аэция, поскольку оно было и его собственное, но потому, что единомышленники Аэция разумели его, как иноверца. Вот причина, заставившая Евномия отделиться от Евдоксия. Так шли дела в Константинополе, а в Александрии между тем возмутил Церковь указ префектов[22], данный вследствие стараний Евдоксия. Опасаясь безрассудного движения черни и боясь, чтобы в случае каких преступлений самому не сделаться виновным, Афанасий целые четыре месяца скрывался в отцовской гробнице[23]. Но когда его отсутствие встревожило народ, которому он был любезен, тогда царь, узнав о действительной причине беспокойства в Александрии, повелел указом Афанасию безбоязненно управлять церквами. Вот почему александрийская Церковь не была возмущена до самой кончины Афанасия. А о том, как после его кончины александрийскими церквами снова завладели ариане, скажем немного ниже.

ГЛАВА 14

О том, что, по смерти Евдоксия в Константинополе, ариане рукоположили Демофила, а православные, чрез Евстафия антиохийского, поставили епископом Евагрия

Тем временем царь Валент опять оставил Константинополь и отправился в Антиохию. Прибыв уже в Никомидию вифинскую, он остановился по следующей причине. Епископ арианской церкви Евдоксий, тотчас по отъезде царя, окончил жизнь, что случилось в третье консульство Валентиниана и третье Валента[24]. Престол константинопольской Церкви занимал он девятнадцать лет. На место его ариане поставили Демофила, а державшиеся единосущия, думая воспользоваться случаем, избрали из своих единоверцев некоего Евагрия. Рукоположил его Евстафий, который когда-то был епископом антиохийским и, вызванный из ссылки Иовианом, в это самое время находился в Константинополе с целью укреплять исповедников единосущия и проживал здесь тайно.

ГЛАВА 15

О том, что когда Евагрия и Евстафия царь изгнал в ссылку, исповедникам единосущия ариане причинили много зла

Вследствие сего ариане снова воздвигали на них гонение, и это событие скоро дошло до сведения царя. Опасаясь, чтобы от столкновения партий не произошло возмущения и чтобы возмущение не разрушило города, царь послал из Никомидии в Константинополь воинский отряд с повелением взять в нем рукополагавшего и рукоположенного и назначил обоим ссылку в разных местах. Евстафий сослан был во фракийский город Визию, а Евагрий отведен в другое место. После сего арианствующие сделались дерзновеннее и сынам Церкви стали наносить еще более вреда: они били их, оскорбляли, заключали в темницы, брали с них денежные пени, вообще делали все самое невыносимое. Не будучи в состоянии терпеть столько зол, православные вздумали было просить царя, чтобы хоть сколько-нибудь избавиться от насилия, но, предприняв это, они очень ошиблись в своей надежде, потому что ожидали правды от того, кто сам был причиной несправедливостей.

ГЛАВА 16

О сожженных на корабле святых пресвитерах, от чего, вследствие гнева Божия, во Фригии произошел голод

Ибо когда вышеупомянутые благочестивые мужи церковного чина, числом до семидесяти, под начальством Урбана, Феодора и Менедема, пришли в Никомидию и подали царю прошение, выставляя пред ним все претерпеваемое ими насилие, царь сильно разгневался, но, скрыв гнев свой, тайно приказал префекту Модесту взять этих людей и предать смерти, а род смерти был несколько особенный, почему и сообщается потомству. Опасаясь, чтобы явным умерщвлением осужденных не возбудить чернь к безрассудному восстанию, префект притворился, будто хочет отправить их в ссылку, и когда они выслушали это со всей твердостью, приказал посадить их на корабль, как бы для перевезения в место ссылки, а сам между тем велел матросам, как скоро корабль выйдет на середину моря, поджечь его, чтобы осужденные таким образом умерли, не получив погребения. Так и случилось. Отправившись и вышедши на середину астакийского залива[25], матросы сделали, что было им приказано: подожгли корабль и, перешедши на другое, следовавшее за ним легкое судно, удалились. В то время дул сильный восточный ветер и порывисто гнал горевший корабль, так что он быстро несся и достиг до пристани, по имени Дакидиза, где и погиб со всеми людьми. Многие говорили, что это не осталось без наказания, ибо во Фригии тотчас наступил великий голод, так что немалому числу жителей из этой страны по необходимости пришлось на время выезжать и бежать в Константинополь и в другие области. Константинополь, хотя и питает бесчисленное множество народа, однако всегда изобилует жизненными припасами, потому что отовсюду получает морем необходимое продовольствие, и прилегающий к нему Эвксинский Понт щедро доставляет ему пшеницу, сколько бы ни потребовалось.

ГЛАВА 17

О том, что, находясь в Антиохии, царь снова стал преследовать исповедников единосущия

Но царь Валент, мало беспокоясь о том, что происходило от голода, прибыл в Антиохию сирийскую[26] и, живя там, продолжал преследовать неарианствующих. Не довольствуясь тем, что исповедников единосущия изгнал из церквей почти во всех восточных городах, он подвергал их различным казням и погубил больше, чем прежде, когда предавал их разного рода смерти, особенно же потоплению.

ГЛАВА 18

О событиях в Эдессе: об оскорблении префекта, о вере и твердости граждан, и о боголюбивой жене

Надобно сказать и о том, что случилось в Эдессе месопотамской. В этом городе есть знаменитый и славный храм, построенный в память Апостола Фомы[27], и в том храме, ради святости места, совершаются постоянные собрания. Царь Валент пожелал видеть его и, узнав, что все множество стекающегося туда народа отвращается от его ереси, говорят, своей рукою ударил префекта за то, что он предварительно не позаботился выгнать их оттуда. Оскорбленный префект, против воли уступая гневу царя, — ибо не хотел допустить до умерщвления такого множества людей, — тайно дал знать христианам, чтобы они не оставались в храме. Но никто из них не посмотрел ни на совет, ни на угрозу, и в следующий день все они собрались в доме молитвы. Когда же префект, исполняя гневное желание царя, с множеством войска спешил к храму, какая-то очень бедная женщина, ведя за руку свое дитя, бежала в храм и пробиралась сквозь ряды окружавших префекта воинов. Разгневанный префект приказал привести женщину к себе и сказал ей: «Несчастная! куда ты бежишь так бесстыдно?» Она отвечала: «Туда, куда идут и другие». «Но разве ты не слышала, — сказал он, — что префект намерен истребить всех, кого найдет там?» «Я слышала, — отвечала женщина, — потому-то и спешу быть там». «А зачем ведешь туда и это малое дитя?» спросил префект. «Затем, — отвечала, — чтобы и оно сподобилось мученичества». Выслушав это, он предугадывал твердость сходившихся в церковь христиан и тотчас отправился к царю с донесением, что все они готовы умереть за свою веру. Говоря, что безрассудно губить столько народу в малое время, префект укротил гнев царя. Таким образом эдессяне избежали гибели, которою угрожал им собственный их царь.

ГЛАВА 19

О том, что царь Валент погубил многих, которых имя начиналось буквой Ф, и сделал это вследствие некоторого заклинания мертвых

Около того же времени какой-то злой демон вздумал воспользоваться жестокостью царя. Он подстрекнул некоторых затейливых людей к заклинанию мертвых и гаданию, кто будет царствовать после Валента. Эти люди прибегли к каким-то волшебным средствам, и демон объявил — неясно, но, по обыкновению, косвенно, — показав четыре буквы Ф, Е, О и Д, и сказав, что ими начинается имя того, кто будет царствовать после Валента, и что это имя — сложное. Молва о том дошла до царя, и царь не представил Богу знать о будущем и премудрому распорядителю всяческих делать то, что Ему угодно, но, презрев

заповеди христианства, которых почитал себя ревнителем, погубил многих, подозреваемых им в тирании. Он лишил жизни Феодоров, Феодотов, Феодосиев, Феодулов и всех, носивших имена, подобные этим[28]. В числе их погиб и некто Феодосиол, муж благородный, происходивший из знатной семьи в Испании. Страшась угрожавшей опасности, многие тогда переменили свои имена и отказывались, как от беды, от тех названий, которые дали им их родители. Но довольно об этом.

ГЛАВА 20

О кончине Афанасия и о возведении (на его место) Петра

Надобно заметить, что пока Афанасий оставался епископом Александрии, царь, по некоему промышлению Божию, удерживался от волнования Александрии и Египта. Он знал, что жители там большей частью расположены к Афанасию, и потому опасался, как бы в случае возмущения в Александрии чернь, по природе своей горячая, не причинила вреда государству. Но во второе консульство Грациана и Проба, Афанасий, после многих подвигов за Церковь, наконец, оставил жизнь[29]. Он совершал поприще епископского служения среди бесчисленных опасностей в течение сорока шести лет и поставил на свое место благочестивого и красноречивейшего мужа Петра.

ГЛАВА 21

О том, что по кончине Афанасия ариане, указом царя Валента, александрийские церкви передали рукоположенному ими прежде Люцию, а Петра отдали под стражу

Арианствующие, хвалясь верой царя, тотчас ободрились и, нисколько не медля, сообщали о том царю, который находился тогда в Антиохии. Предстоятель арианской веры в Антиохии, Евзой, пользуясь благоприятным случаем, вызвался сам ехать в Александрию, чтобы домашние церкви передать арианину Люцию. Царь одобрил это, и Евзой скоро прибыл в Александрию с царским полномочием, ибо с ним приехал туда и хранитель царских сокровищ Магнис. Притом префекту Александрии Палладию дан был указ и предписано содействовать вооруженной рукой. Таким образом, Петр был взят и заключен в оковы, прочие клирики рассеяны кто куда, и на престол возведен Люций.

ГЛАВА 22

О том, что из множества зол, происшедших от возведения Люция на престол, Сабин македонианин не упомянул ни об одном, а Петр в своем писании упомянул (о них); и о том, что он убежал к Дамасию римскому, ариане же и Люций причинили много зла святым монахам в пустыне

Сколько зла произошло от возведения Люция, что делали с изгнанными в судилищах и вне судилищ, как одни из них подвергнуты были разным пыткам, а другие и после пыток отправлены в ссылку[30], Сабин ни о чем этом не упомянул: сам наполовину арианин, он скрыл преступления друзей своих. Но Петр в своих посланиях, которые писал ко всем Церквам, убежав из темницы, открыл их. Успев уйти из темницы, он пришел к римскому

епископу Дамасию[31] , а ариане, хотя числом было их и немного, снова завладели александрийскими церквами. Немного спустя, указом царя повелено было изгонять из Александрии и из всего Египта исповедников единосущия; приказано было и военачальнику, со множеством войска, гнать отовсюду всех, кого укажет Люций. Тогда же терзаемы, разгоняемы и рассеваемы были монастыри в пустыне; ибо вооруженные, нападая на людей безоружных не думавших и руки простирать для удара, так немилосердно опустошили жилища их, нанеся им бедствия выше всякого слова.

ГЛАВА 23

Список святых монахов в пустыне

Так как мы упомянули о египетских монастырях, то ничто не мешает нам сказать нечто и о них. Египетские скиты получили свое начало, вероятно, во времена отдаленные, но умножены и распространены одним боголюбивым мужем, по имени Аммон. В молодых летах он не питал расположения к супружеской жизни; когда же некоторые из родных стали убеждать его жениться, не оскорблять брака, то согласился и вступил в брак. Но тотчас же, взяв девицу из гостинной, с обычной пышностью ввел ее в брачную комнату и, по удалении свойственников, раскрыв апостольскую книгу, начал читать послание Павла к Коринфянам и объяснять своей жене заповеди Апостола о брачующихся. Присоединив к этому много и своего, он показал, как тяжело состояние брака, сколько рождает неприятностей сожительство мужа с женой, какие скорби рождения ожидают понесшую во чреве; говорил также и о беспокойствах касательно воспитания детей. А потом он перечислил и выгоды безбрачия, — как чистая жизнь свободна, непорочна и чужда всякой скверны, и как девство приближает нас к Богу. Высказав это и многое другое супруге девственнице, Аммон уговорил ее прежде соития с ним отречься от мирской жизни. Сделав такое между собой условие, они удалились на так называемую Нитрийскую гору[32] и, живя там несколько времени в хижине, основали общий скит, в котором не различался мужской пол от женского, но, по Апостолу, все были едино во Христе. По прошествии немногого времени новобрачная девственница сказала Аммону: «Неприлично тебе, подвизающемуся в целомудрии, видеть в одном доме с собой женщину. Поэтому не угодно ли Богу, если мы будем подвизаться каждый особо?» И это условие понравилось обоим. Они отделились друг от друга и провели так всю остальную жизнь, воздерживаясь от вина и масла, питаясь одним сухим хлебом, и то иногда чрез день, а иногда чрез два, либо даже чрез несколько дней. Душу этого Аммона, восхищенную после его смерти ангелами, видел живший тогда же Антоний, как в жизнеописании его говорит о том епископ Александрийский Афанасий. Жизни Аммона начали подражать очень многие, — и гора Нитрийская и скитская мало-помалу населилась множеством монахов. Жизнеописание всех их может составить особую книгу, но так как между ними были мужи боголюбивые, просиявшие славой подвижничества и проводившие жизнь апостольскую, мужи, сделавшие и сказавшие что-либо полезное и достопамятное, то я считаю уместным из многого извлечь немногое и для пользы читателей внести это в историю.

Рассказывают, например, что этот Аммон ни разу не видал самого себя нагим, говоря, что монаху неприлично смотреть даже на собственное обнаженное тело. Поэтому, однажды желая перейти чрез реку, он не решился раздеться, но молился Богу, чтобы переход не воспрепятствовал его намерению, — и ангел перенес его на противоположный берег. Другой монах, Дидим, прожив девяносто лет, до самой смерти не имел сообщества ни с одним человеком. Еще монах, Арсений, падших не отлучал, если они были молоды, а

когда стары — отлучал, говоря, что быв отлучен, молодой человек презирает отлучение, а в старце оно скоро возбуждает скорбь. Пиор вкушал пищу на ходу; когда же некто спросил, для чего он ест таким образом, то он отвечал: «Хочу пользоваться пищей не как делом настоящим, а как посторонним». Другому на тот же вопрос дал он следующий ответ: «Я ем на ходу для того, чтобы душа и при вкушении пищи не чувствовала плотского удовольствия». Исидор говорил, что вот уже сороковой год, как он почувствовал в сердце грех и однако доселе не поддавался ни пожеланию, ни гневу. Памвос был неграмотен и пришел к кому-то, чтобы выучить псалом; но выслушав первый стих псалма 38-го, читающийся так: *рек, сохраню пути моя, еже не согрешати ми языком моим,* не захотел слушать далее и сказал, что довольно и одного этого стиха, если изучать его самым делом. Впоследствии, человек, передавший ему стих, укорял его за то, что он не приходил к нему целые шесть месяцев, но тот отвечал, что еще и одного стиха псаломского не выучил самым делом. Наконец, спустя много времени, на вопрос одного знакомого, выучен ли стих, Памвос отвечал: прошло 19-ть лет, и я едва выучился исполнять его. Он же, когда некто дал ему золота для накормления бедных и приказывал сосчитать, сколько дано, сказал: «Дело не в числе, а в добром расположении». По вызову епископа Афанасия, прибыв из пустыни в Александрию и увидев там театральную женщину[33], Памвос прослезился. Когда же присутствующие спросили его о причине слез, он отвечал: «Две вещи тронули меня: одна — ее погибель, а другая — та, что я не имею столько ревности угождать Богу, сколько она угождает распутным людям». Некто другой говаривал, что монах, ничего не делающий, судится наравне с любостяжателем. Питирос имел некоторые естественные познания и всегда разговаривал о том или другом, с кем случалось, но при всяком своем рассуждении молился Богу. Между монахами того времени известны и еще два боголюбивые мужа одного имени: тот и другой назывался Макарием. Один был из верхнего Египта, другой из города Александрии. Оба они прославились многими делами — подвигами, образом жизни, и совершавшимися чрез них чудесами. Так, Макарий египетский совершил столько исцелений и из стольких бесноватых изгнал демонов, что для описания дел его при помощи благодати Божией нужно особое сочинение. Несмотря на благочестие, Макарий египетский был суров к приходящим, а александрийский, сходный с ним во всем, разнился только тем, что с приходящими был приятен, и ласковостью располагал молодых людей к подвижнической жизни. Учеником их был Евагрий и, считавшись прежде философом на словах, стяжал философию на самом деле. Рукоположенный в Константинополе Григорием Назианзеным в сан диакона, он потом вместе с ним пришел в Египет и, встретившись с упомянутыми мужами, стал подражать их жизни и совершал не менее чудес, чем и его руководители. Он написал также очень хорошие книги. Одна из них имеет название «Монах, или о деятельности», другая — «Гностик, или к человеку удостоившемуся знания», разделенная на пятьдесят глав; третья — «Опровергатель, или выбор из божественных Писаний против демонов-искусителей», разделенный на восемь частей, по числу восьми помыслов. Кроме того, он составил 600 вопросов о будущем и еще две книги, написанные стихами: одну к монахам, живущим в киновиях, или общежительных монастырях, другую к деве. Сколь удивительны эти книги, узнает тот, кто будет читать их. Впрочем, некоторые его замечания о монахах не считаю неуместным внесть и сюда.

Евагрий говорит слово в слово так: «Надобно верно разыскивать пути монахов, подвизавшихся прежде нас, и по ним усовершенствовать себя, ибо они сказали и сделали много хорошего. Из них один говаривал, что сухая и одинаковая пища, приправленная любовью, всего скорее приводит монаха в пристань бесстрастия. Тот же самый избавил кого-то из братии от призраков, которые пугали его по ночам, и приказал ему поститься и прислуживать больным, ибо подобные страсти ничем так не погашаются, отвечал он на вопрос об этом, как милосердием. К праведному Антонию пришел некто из тогдашних мудрецов и спросил его: «Как ты живешь, отец, лишенный утешения от книг?» «Моя

книга, философ, есть природа вещей, — отвечал Антоний, — и она всегда готова, как скоро мне захочется читать слово Божие». Однажды избранный сосуд, египетский старец Макарий, спросил меня: «Почему, помня оскорбления людей, мы ослабляем памятовательную силу души, а памятуя оскорбления демонов, не получаем вреда?» Когда же я недоумевал, что отвечать, и просил его научить меня, он отвечал: «Потому, что первое противно природе чувства, а последнее согласно с нею». Однажды пришел я к св. отцу Макарию в жаркий полдень и, томимый жаждой, попросил воды напиться. «Довольно с тебя и тени, — сказал он, — многие, путешествующие теперь и плавающие, лишены и ее». Затем, когда я с ним рассуждал о воздержании, он сказал: «Будь мужественным, сын мой; целые двадцать лет я не вкушал до сытости ни хлеба, ни воды, ни сна: хлеб я ел весом, воду пил мерою, а минуту сна ловил, наклонившись к стене». Одному монаху возвестили о смерти отца его: «Перестань произносить хулу, — отвечал он вестнику, — отец мой бессмертен». У другого не было ничего, кроме Евангелия; он продал и Евангелие и отдал деньги на прокормление бедных, произнесши достопамятное слово: «Я продал, — сказал он, — и самую книгу, которая говорит: *продаждь имение твое и даждь нищим* (Матф. 19. 21). Близ Александрии есть остров, лежащий к северу, по ту сторону озера, называемого Мареотским. Вблизи от него жил парембольский монах, очень уважаемый между гностиками. Он говаривал, что монахи все делают по пяти причинам: ради Бога, ради природы, ради обычая, ради нужды и упражнения рук. Он говорил также, что добродетель по природе — одна, но делится на разные виды, по различию сил души, подобно тому, как и свет солнечный не имеет фигуры, но обыкновенно получает фигуру отверстий, чрез которые проходит. Еще один из монахов говорил: «Я для того презираю удовольствия, чтобы удалить от себя повод к гневу, ибо знаю, что гнев воюет, возмущает мой ум и прогоняет знание всегда за удовольствия». Некто из старцев говорил также, что любовь не умеет хранить порученного ей запаса хлеба или денег. «Я не думаю, — говорил он же, — чтобы диаволы могли прельстить меня два раза одним и тем же». Об этом от слова до слова упоминает Евагрий в книге, названной им «Деятельность», а в своем «Гностике» он говорит следующее: «Мы научились у праведного Григория, что добродетелей и умозрений о них четыре: разумность, мужество, воздержание и справедливость. Дело разумности (говорил он) состоит в том, чтобы созерцать умственные и святые силы без причин, потому что причины (учил он) открываются мудростью. Дело мужества стоят в истине и хотя бы встретил противоборство, не уклоняться к несущему. Принимать семена от первого земледельца, и отвращаться от последующего сеятеля, по его мнению, значит был воздержным. А справедливость состоит в том, чтобы выражаться сообразно со свойствами каждого предмета; иное говорить темновато, иное означать загадочно, а иное ясно на пользу людей простых. Столп истины, Василий каппадокийский говорит: «Знание, происходящее от людей, усовершенствуется постоянным занятием и упражнением, а происходящее от благодати Божией — справедливостью, тихостью и милосердием; первое могут усваивать и люди страстные, а последнее в состоянии принимать только бесстрастные, которые и не во время молитвы зрят собственный осиявающий их свет ума». Светило Египта, св. Афанасий говорит, что Моисей получил повеление поставить трапезу к северной стороне (Исх. 40, 22): пусть же знают гностики[34], кто дышит против них, пусть всякое искушение переносит благодушно и с готовностью питают приходящих. Ангел тмуитской Церкви[35], Серапион говорил, что, уповаясь духовным ведением, ум совершенно очищается, любовь вручает части, пламенеющие гневом, воздержание обуздывает врывающиеся в душу лукавые пожелания. Непрестанно беседуй сам с собою о промысле и о суде, говорил великий и мудрый учитель Дидим, и предметы их старайся содержать в памяти, ибо на этом-то почти все и претыкаются. Указания на суд найдешь в различии тел и в порядке мира, а на промысле — в способах возведения нас от злобы и наведения к добродетели и ведению». Все это внесли мы сюда из Евагрия. Был и еще дивный между монахами муж, по имени Аммоний. Он имел столь мало любопытства, что,

будучи в Риме вместе с Афанасием, ничего не выбрал посмотреть в городе и захотел видеть только храм Петра и Павла. Быв призываем к епископству и убегая от него, этот Аммоний отсек у себя правое ухо, чтобы безобразием тела отклонить от себя рукоположение. Спустя несколько времени, александрийский епископ Феофил взял для епископства Евагрия, который также убежал, но не изуродовал никакой части своего тела, и встретившись с Аммонием, ласково сказал: «Худо сделал ты, что отсек себе ухо, за такой поступок будешь отвечать пред Богом». «А ты не будешь отвечать, Евагрий, что не отсек у себя язык и ради самолюбия не воспользовался дарованной тебе благодатью?» отвечал Аммоний. В то же время по монастырям было много и других дивных и боголюбивых мужей, о которых здесь говорить долго. Притом, если бы мы захотели подробно рассказывать о жизни этих мужей и чудесах, какие они, по присущей им святости, совершили, то неизбежно удалились бы от своего предмета[36]. Кто захочет знать, как они поступали, что делали и что говорили в пользу слушателей, и как им повиновались самые звери, тот пусть прочитает особую книгу, написанную учеником Евагрия монахом Палладием[37]. В этой книге он предложил подробные о них сведения, рассказал также и о женах, которые своей жизнью уподоблялись вышеупомянутым мужам. Евагрий и Палладий процветали спустя немного после смерти Валента. Но возвратимся к тому, на чем остановились.

ГЛАВА 24

О св. монахах изгнанниках, как Бог чрез их чудотворение всех привлекал к себе

Итак, когда царь Валент предписал законом преследовать православных в Александрии и в целом Египте, все было опустошаемо и ниспровергаемо: одних влекли в судилища, других ввергали в темницы, а иных мучили иным образом, ибо для любителей мира мучения были разнородны. Но после того, как в Александрии совершилось все, что угодно было Люцию, Евзой отправился обратно в Антиохию, а военачальник с многочисленным отрядом войска и арианин Люций тотчас напали на египетские монастыри, ибо в то время и Люций не отставал от воинов и, не имея никакого сострадания к святым мужам, поступал еще хуже воинов. Прибыв на место, они хватали мужей среди обычных их занятий, когда эти мужи молились, врачевали недуги, изгоняли бесов. Не обращая внимания на чудеса Божии, мучители не позволяли отшельникам собираться в молитвенных местах даже на обычные молитвословия, но выгоняли их и отсюда. И на этом не остановились, но, простираясь далее, еще употребляли против них оружие. Руфин говорит, что он сам видел это и сострадал им. На них повторилось сказанное Апостолом (Евр. 11, 36—39). Они подвергаемы были посмеянию и побоям, обнажаемы, ввергаемы в узы, побиваемы камнями, от меча умирали, скитались среди пустынь в овечьих и козьих кожах, терпели недостатки, бедствия, озлобления. Те, которых недостоин был мир, блуждали в пустынях, в горах, по пещерам и ущельям земли, несмотря на то, что были свидетельствованы верой, делами и исцелениями, которые руками их совершала благодать Божия. Видно, сам промысл Божий, лучшее что предзревший, допустил сим мужам потерпеть это, чтобы чрез страдание одних обрели спасение в Боге другие. Исход дела и показал это. Но когда сии дивные мужи были выше тяготевшего над ними бедствия, Люций в недоумении дал совет начальнику военного отряда сослать в ссылку тех, которые почитались отцами монахов, а отцами их в то время были Макарий египетский и соименник его александрийский. Этих мужей действительно изгнали на один остров, где между жителями не было ни одного христианина. На том же самом острове находилось капище и при нем жрец, которого все там жившие почитали, как Бога. Когда боголюбивые мужи прибыли на тот остров, все тамошние демоны пришли

в страх и смущение. Вместе с тем случилось еще вот какое событие: дочь жреца вдруг сделалась бесноватой, начала неистовствовать и все ниспровергла. Удержать ее и успокоить было никак невозможно. Она громко кричала тем святым мужам: зачем, говорит, пришли вы и отсюда выгонять нас? По сему случаю, св. мужи силой полученной ими от Бога благодати явили и там свою силу, ибо, изгнав беса из девицы и оставив ее отцу здоровой, они чрез это обратили к Христовой вере и жреца, и всех жителей острова, а идолов тотчас низвергли и капищу дали вид храма, в котором приходящие крестились и с радостью учились христианской вере. Так-то гонимые за веру в единосущие, те дивные мужи и сами сделались славнее, и других спасли, и веру более утвердили.

ГЛАВА 25

О слепце Дидиме

В то же время явил Бог и иного верного мужа, судив ему быть свидетелем своей веры. Тогда процветал дивный, красноречивый и славный всякою ученостью муж Дидим. Еще в молодых летах, знакомясь с первыми основаниями учения, он подвергался глазной болезни и, страдая глазами, потерял зрение. Но бог, вместо чувственных очей, дал ему разумные, ибо чему не мог он выучиться при помощи глаз, тому научился посредством слуха. Быв с детства весьма способен и имея прекрасную душу, он опередил и тех, у которых, кроме способностей, было еще острое зрение. Дидим легко изучил правила грамматики, риторике научился еще скорее, Перешедши же к наукам философским, он дивно усвоил диалектику, арифметику, музыку, — вообще, все науки философов слагал в душе так, что легко мог противостоять тем, которые изучали их при помощи глаз. Да и не это только, но и божественное учение Ветхого и Нового Завета знал он так хорошо, что издал много книг: продиктовал три книги о Троице, истолковал книги Оригена о началах и сделал на них примечания, в которых признает эти книги прекрасными, говоря, что ученые напрасно спорят, стараясь обвинить сего мужа и охулить его сочинения — они даже не могут понять мудрости этого человека. Кто хочет узнать многоученость и пламенность души Дидима, тот узнает это, читая написанные им книги. Говорят, что с Дидимом, еще во время Валента, встретился Антоний, когда, преследуемый арианами, из пустыни приходил в Александрию. Узнав о мудрости сего человека, он сказал ему: «Не смущайся, Дидим, что лишился чувственного зрения, ибо у тебя не стало глаз, которыми смотрят комары и мошки; лучше радуйся, что имеешь глаза, которыми смотрят ангелы, которыми созерцается Бог и воспринимается свет Его». Впрочем, это сказано Дидиму боголюбивым Антонием еще прежде сего времени, а в это время Дидим явился величайшим поборником веры: он спорил с арианами, разрушал их софизмы и обличал лукавые и ложные их речи.

ГЛАВА 26

О Василии кесарийском и Григории Назианзене

Александрийским арианам промысл Божий противопоставил Дидима, а жившим в других местах — Василия кесарийского и Григория Назианзена. Посему благовременно будет, думаю, кратко сказать и о них. Память, сохраняемая о них всеми людьми, и ученость написанных ими книг уже достаточно свидетельствуют о знаменитости того и другого. Но так как в свое время они принесли много пользы Церквам и сохранились в значении

пламенников веры, то предмет нашего сочинения требует особенного о них упоминания. Кто захотел бы сравнить Василия с Григорием, представить душевные свойства, образ жизни того и другого и свойственные каждому добродетели, тот затруднился бы, которого из них предпочесть, ибо по правильному образу жизни и по образованию, то есть по своим познаниям в эллинских науках и в Священном Писании, они были равны друг другу. Проводя первую свою молодость в Афинах, оба они слушали процветавших тогда софистов Имерия и Проэресия, а потом в Антиохии сирийской посещали Ливания и глубоко изучили риторику. Признанные достойными преподавать уроки софистики, они многими были приглашены к званию наставников; другие в то же время призывали их к должностям судебным, но они отказались от того и другого и, оставив софистику, избрали жизнь уединенную. Познакомившись несколько с философскими науками с помощью тогдашнего антиохийского преподавателя их, они вскоре за тем собрали книги Оригена и по ним учились изъяснять Священное Писание, ибо слава Оригена в то время распространилась по всей вселенной. Изучая его сочинения, они сильно оспаривали ариан, и хотя ариане, в подтверждение своего учения, сами, как им казалось, свидетельствовали Оригеном, однако те обличали их и показывали, что они не понимают мудрости Оригена. Ариане и арианствовавший тогда Евномий у многих пользовались мнением людей красноречивых, но, встречаясь с Григорием и Василием, они являлись совершенными невеждами. Возведенный антиохийским епископом Мелетием на степень диакона, а потом избранный в епископы отечественного своего города, Кесарии каппадокийской, Василий особенно заботился о Церквах. Опасаясь, как бы арианское нововведение не проникло и в понтийские епархии, он немедленно отправился в те земли, устроил там скиты и, своими поучениями наставив христиан, утвердил колебавшихся. А Григорий Назианзен между тем был предстоятелем Церкви в незначительном каппадокийском городе, где в управлении Церковью преемствовал своему отцу и действовал подобно Василию. Обходя сам город, он укреплял ослабевавших в вере. Особенно же утвердил своими поучениями единомыслящих в Константинополе, где долго жил, а потому вскоре с одобрения многих епископов сделан был предстоятелем константинопольского народа. Как скоро царь Валент услышал о делах того и другого, тотчас повелел отправить Василия из Кесарии в Антиохию. Посему его немедленно привели туда и, по воле царя, представили пред судилище префектов. Когда же префект спросил Василия, почему он не принимает веры царской, Василий с великим дерзновением укорил царское исповедание и вступился за веру в единосущие. Префект стал было грозить ему смертью, но он отвечал: «О если бы довелось мне, защищая истину, освободиться от уз тела!» Префект советовал подумать, но Василий, говорят, сказал: «Я один и тот же сегодня и завтра, хорошо бы не изменяться и тебе самому». Весь тот день Василий пробыл под стражей. Почти в то самое время малолетнему сыну Валента, по имени Галату, случилось сильно разболеться, так что врачи отчаялись. Мать его, царица Доминика доложила об этом царю, прибавляя, что во сне беспокоят ее страшные видения и что дитя разболелось за оскорбление епископа. Приняв это к сведению, царь послал за Василием и, намереваясь испытать его, сказал ему: «Если твои догматы истинны, помолись, чтобы сын мой не умер». «Если ты, государь, будешь веровать, как я верую, и Церковь соединишь воедино, — отвечал Василий, — сын твой останется жив». И когда тот не согласился, епископ сказал: «Да будет же с отроком воля Божия». Как скоро Василий говорил это, царь приказал ему удалиться, а дитя вскоре за тем умерло. Об этих мужах рассказано здесь кратко. Оба они написали и издали много удивительных книг. Руфин говорит, что некоторые из них переведены и на язык латинский. У Василия было два брата: Петр и Григорий[38]. Петр поревновал пустыннической жизни Василия, а Григорий — назидательности его слова. По смерти брата, он пополнил написанную им, но неоконченную книгу «Шестоднев» и говорил в Константинополе надгробное слово антиохийскому епископу Мелетию. Есть много и других слов его.

ГЛАВА 27

О Григории чудотворце

Но так как некоторые вводятся в обман одноименностью и книгами, надписываемыми именем Григория, то нужно знать, что есть и иной Григорий понтийский, который происходил из Неокесарии, что в Понте, и был древнее этих, ибо учился еще у Оригена. Об этом Григории много рассказов в Афинах и Берите, во всем понтийском округе и, можно сказать, во всей вселенной. Вышедши из афинских училищ, он изучал законы в Берите. Но узнав, что в Кесарии Ориген истолковывает Св. Писание, немедленно отправился в Кесарию. Слушая здесь высокое изъяснение Свящ. Писания, Григорий распрощался с римскими законами и уже не отходил от Оригена. Наставленный им в истинной философии, он впоследствии, по приказанию родителей, возвратился в отечество и там, быв еще мирянином, сделал много чудес — исцелял больных, изгонял своими посланиями бесов, и словами, а еще более делами, приводил к истинной вере язычников. О нем упоминает и мученик Памфил в книгах, написанных им в защиту Оригена, где приложена также прощальная речь Григория с Оригеном. Короче говоря, Григориев было несколько: древний ученик Оригена, Назианзен и брат Василия. Был Григорий и в Александрии, которого ариане, по случаю Афанасиева бегства, возвели на епископский престол. Но довольно о них.

ГЛАВА 28

О Новате и происшедших от него новацианах, и о том как новациане, живущие во Фригии, стали праздновать пасху в одно время с иудеями

Около того времени живущие во Фригии новациане перестановили празднование пасхи. Я расскажу, как это случилось, упомянув наперед, каким образом у народов Фригии и Пафлагонии возымело силу точное правило Церкви. Новат был пресвитером римской церкви и отделился, когда епископ Корнилий принял в общение верных, принесших жертву идолам во время гонения, воздвигнутого на Церковь царем Децием. Отделившись по этой причине, он единомышленными себе епископами рукоположен был во епископа и писал ко всем Церквам, чтобы принесших жертву идолам не допускать к таинствам, но подвергать покаянию, а разрешение их предоставить Богу, могущему и имеющему власть отпускать грехи. Получив такие послания, христиане по епархиям о содержании их судили «каждый по-своему». Так как Новат объявил, что не должно допускать к таинствам людей, сделавших после крещения какой бы то ни было смертный грех, то одним изложение такого правила показалось слишком строгим и жестоким, другие принимали его, как постановление справедливое и законное. Между тем, как этот вопрос был предметом исследования, явилось послание епископа Корнилия, которым возвещалось прощение всем согревшим после крещения. Когда, таким образом, с обеих сторон выходили постановления, одно другому противные, и каждое ссылалось на какое-нибудь основание в Божественном писании, то та и другая сторона, как обыкновенно бывает, обращалась к тому, к чему особенно склонялась и прежде. Любители греха, имея в виду данное тогда разрешение, пользовались им впоследствии при всяком грехе. Но народ фригийский, по-видимому, воздержаннее других народов. Фригийцы даже редко и клянутся. У скифов и фракийцев превозмогает раздражительность, живущие к восходу солнца рабствуют силе пожелательной, а пафлагонцы и фригийцы не имеют сильного

стремления ни к тому, ни к другому, ибо и доселе не заботятся ни о ристалищах, ни о зрелищах. Посему они и все, настроенные подобно им, как мне кажется, легко могли согласиться с тем, что писал в то время Новат. Известно, что прелюбодеяние считается у них за страшное преступление, да и вообще можно доказать, что фригийцы и пафлагонцы живут строже, чем люди какого бы то ни было другого раскола. Полагаю, что и между жителями стран западных у людей, слушавших Новата, было подобное же основание. Впрочем, хотя Новат и отделился от точного учения (православной Церкви), однако праздника пасхи не перенес, но как совершали ее в западных областях, так совершал и он, а тамошние христиане постоянно, с давних времен, как только приняли христианство, совершают пасху после равноденствия. Во время гонения, воздвигнутого на христиан царем Валерианом[39], Новат принял мученическую смерть, и получившие от него имя фригийские новациане, уклонившись от допущенного им в этом отношении согласия с западными, почти тогда же изменили время праздника пасхи. Небольшое число необразованных новацианских епископов во Фригии составили собор в селении Паза, где находятся источники реки Сингары, и постановили соблюдать время иудейского праздника опресноков[40] и праздновать пасху в одно время с иудеями. Это рассказал мне один глубокий старец, называвший себя сыном пресвитера. Он говорил, что на бывшем соборе присутствовал и сам вместе с отцом, и что там не было ни епископа константинопольских новациан, Агелия, ни Максима никейского, ни предстоятеля никомидийского, ни даже котвейского, а эти-то новациане главным образом и управляли своим исповеданием. Так было в то время. Но немного позднее новацианская Церковь по случаю того собора разделилась. Впрочем, об этом скажем в своем месте, а теперь надобно перейти к тому, что тогда же происходило на западе.

ГЛАВА 29

О Дамасии римском (епископе) и Урсине; как во время волнения и мятежа в Риме из-за них случилось много убийств

В мирное правление царя Валентиниана, не беспокоившего никакой страны, в Риме, после Либерия, принял сан епископа Дамасий. При нем в римской Церкви случилось возмущение по следующей причине. Когда происходило избрание епископа, диакон той же Церкви, некто Урсин, был в числе лиц избираемых. Но так как Урсину предпочтен был Дамасий, то первый, не могши вынести эту неудачу, стал делать в церкви непозволенные собрания и уговорил некоторых неблагоразумных епископов тайно рукоположить себя. Его рукоположили не в церкви, а в сокровенном месте базилики, которое называется Сикини. Это событие произвело в народе раздвоение — и спорили не о вере и не о ереси только, а о том, кому следует занять престол епископский. По сему случаю бывало такое стечение народа, что от тесноты многие лишились жизни. За это многие миряне и клирики тогдашним префектом Максимианом были наказаны, после чего Урсин оставил свои покушения, а вместе с ним успокоились и те, которые хотели поддержать его[41].

ГЛАВА 30

О том, что по смерти медиоланского епископа Авксентия, во время мятежа, происшедшего при избрании нового епископа, правитель области Амвросий, вооруженной рукой укрощая мятеж, общим голосом и согласием самого царя Валентиниана, предпочтительно пред всеми, избран в предстоятели Церкви

Около того же времени случилось и другое достопамятное происшествие в Медиолане. По смерти Авксентия, рукоположенного арианами, жители Медиолана, при избрании нового епископа, опять пришли в смятение. По сему случаю у них произошла великая распря, ибо каждый спешил поставить на вид своего избранника. Так как это породило мятеж, то правитель епархии, имевший достоинство консула, по имени Амвросий, опасаясь, как бы от мятежа не проистекло в городе дурных следствий, вбежал в церковь и старался погасить возмущение. С прибытием его народ умолк, префект высказал ему много полезных увещаний и тем остановил безумные порывы толпы. Вдруг все пришли к одной мысли: все достойным епископства провозгласили Амвросия и требовали его рукоположения, говоря, что только тогда народ будет иметь единение и придет к единомыслию в вере. Находившиеся тут епископы рассудили, что единомыслие народа произошло от некоего божественного внушения и, нисколько не противореча, приняли Амвросия и, крестив его — ибо он был оглашенный, — тотчас же хотели рукоположить в сан епископа. Но так как, охотно приняв крещение, Амвросий сильно отказывался от священства, то они довели дело до сведения царя Валентиниана. Царь, удивленный единомыслием народа, признал это событие делом Божиим и повелел епископам повиноваться Богу, повелевающему рукоположить Амвросия, ибо это избрание — скорее Божие, чем человеческое. Когда таким образом Амвросий был поставлен епископом, медиоланцы. прежде разделенные, теперь чрез него пришли к единению[42].

ГЛАВА 31

О смерти Валентиниана

После сего в связи с нападением сарматов на римскую империю[43], царь выступил против них с огромными силами. Услышав о таких силах, варвары не решились противостоять, но, отправив к нему посольство, просили мира на условиях. Когда же послы вошли и открылось, что наружность их не соответствовала достоинству звания, то царь спросил: «Неужели таковы и все сарматы?» Послы отвечали, что к нему пришли знатнейшие из сарматов. Тогда Валентиниан исполнился негодования и сильно закричал: «Несчастна римская империя, если она дошла до того, что и такой ничтожный, варварский народ не хочет наслаждаться своей независимостью, но берется за оружие, попирает римские пределы и осмеливается вступать с нами в войну». Этим криком он так надорвал себя, что открылись все его вены и разорвались артерии. Таким образом, истекши кровью, царь умер в крепости, называемой вергенийской, после третьего консульства Грациана и Экития, в 17 день месяца ноября, на 54-м году жизни и 13-м царствования[44]. В шестой день по смерти царя Валентиниана, войска в италийском городе Акинике провозгласили царем одноименного с отцем малолетнего сына его Валентиниана[45]. Когда же это было объявлено, цари вознегодовали — не на то, что брат одного и племянник другого сделался царем[46], а на то, что он возведен на престол без их согласия, между тем как они думали возвести его сами. Впрочем, оба они признали его царем, — и молодой Валентиниан заступил место своего отца. Надобно заметить, что он родился у царя от Юстины, на которой он женился еще при жизни первой своей супруги Севиры — по следующей причине. Юст, отец Юстины, при Константине бывший правителем пикинской области, видел во сне, будто он из правого бока родил императорскую порфиру. Этот сон рассказан был многим и наконец дошел до ушей Констанция. Констанций изъяснил сновидение так, что от Юста родится царь, и послал умертвить его. Но у Юста осталась сирота девица, дочь Юстина. По прошествии некоторого времени она сделалась известной супруге царя Валентиниана, Севире, и часто посещала царицу. Короткость между ними возросла до того, что они вместе мылись. Увидев Юстину, когда та мылась, Севира пленилась

красотой девицы и сказала о ней царю, что девица, дочь Юста, дивно красива, и что сама она, хотя женщина, пленилась ее благообразием. Царь скрыл в сердце слова жены и решился жениться на Юстине, не оставляя и Севиры, от которой родился у него Грациан, незадолго перед тем провозглашенный царем. Итак, Валентиниан издал закон и объявил по городам, что всякий, кому угодно, может иметь двух законных жен. Этот закон вышел прежде их брака. Потом он женился на Юстине и родил от нее Валентиниана Младшего и три дочери: Юсту, Грату и Галлу. Две из них остались девицами, а на Галле впоследствии женился царь Феодосий Великий, от которой была у него дочь Плацидия. Аркадия же и Гонория родил он от первой своей супруги Плацидии. Но о Феодосии и его детях скажем в своем месте.

ГЛАВА 32

О философе Фемистии и о том, что, убежденный посвященной себе его речью, Валент несколько умерил гонение на христиан

Живя в Антиохии, Валент, наконец, успокоился от внешних войн, потому что варвары всюду оставались внутри своих пределов. Зато сильно ратовал он против исповедников единосущия и всякий раз изобретал для них новые казни, пока эллинский философ Фемистий[47] не умерил великой его жестокости посвященной ему речью, в которой доказывал царю, что различие в христианских догматах нисколько не странно, что в сравнении с множеством и смесью догматов языческих оно невелико, потому что у язычников более трехсот различных учений, что где много мнений, там по необходимости много бывает и разногласия, и что такое различие мнений угодно Богу, дабы каждый более благоговел пред величием Того, Которого ведение для него недоступно. Когда философ раскрыл это и многое другое, царь сделался более кротким, впрочем, не совсем оставил гнев, а только, вместо смертного приговора, определил духовным лицам изгнание, пока следующий случай не укротил и этого порыва.

ГЛАВА 33

О том, как в царствование Валента приняли христианство готы

Варвары, живущие по ту сторону Дуная и называющиеся готами, вступили в междоусобную войну и разделились на две партии: одной из них предводительствовал Фритигерн, а другой — Атанарих[48]. Атанарих одержал верх, и Фритигерн убежал к римлянам просить их помощи против неприятеля. Об этом известили царя Валента и, по его приказанию, войска, расположенные во Фракии, должны были помочь варварам против варваров. Римляне одержали победу над Атанарихом по ту сторону Дуная и обратили в бегство его войско. По этому случаю многие из варваров сделались христианами, ибо Фритигерн, желая отблагодарить своих благодетелей, и сам принял веру царя, и других убедил к тому же. Вот отчего и теперь много готов, преданных арианской ереси: они приняли ее тогда из благодарности к царю. В то же время готский епископ Ульфила изобрел и готские письмена и, переведши божественное писание на готский язык, расположил варваров учиться божественному слову. Но так как Ульфила учил христианской вере подданных не только Фритигерна, но и Атанариха, то Атанарих, как бы за нарушение отечественной веры, подверг многих христиан казням, а потому некоторые из арианских варваров сделались тогда мучениками. Впрочем, не имея сил

опровергнуть учение Савеллия ливийского, Арий отпал от правой веры и начал проповедовать, что сын Божий есть новый Бог. Варвары же, принявшие христианство в простоте сердца, ради веры во Христа, призрели здешнюю жизнь. Это о готах-христианах.

ГЛАВА 34

О том, что побежденные другими варварами, готы вошли в пределы римской империи и были приняты царем, и что от этого погибли как империя, так и сам царь

Вскоре за тем варвары восстановили между собой мир, но, побежденные другими соседними варварами, по имени гунны, изгнаны были ими из собственной страны[49], и убежали в пределы римской земли, обещая служить царю и делать все, что римский царь ни прикажет[50]. Об этом донесли Валенту, и он, ничего не предвидя, повелел просителям оказать милость, и в этом одном случае явился сострадательным. Для поселения назначил он им Фракию[51] и в сем деле почитал себя очень счастливым, ибо рассчитывал приобрести в них готовое и благоустроенное войско против неприятелей и надеялся, что варвары будут более страшными охранителями пределов империи, чем сами римляне. Посему с того времени он не заботился о пополнении римских войск и даже презирал заслуженных, мужественно сражавшихся с неприятелями ветеранов, и вместо выставляемых из провинций по селениям воинов брал деньги, приказав понятым уплачивать за каждого по 80-ти червонцев, то есть нисколько не облегчил прежней поставки их. Это вскоре послужило началом бедствия для римской империи.

ГЛАВА 35

О том, что озаботившись войной против готов, царь слабее вел войну против христиан

Получив Фракию и безопасно владея римской областью, варвары не вынесли своего счастья[52], но пошли на благодетелей и начали все ниспровергать во Фракии. Как скоро это событие дошло до сведения Валента, он перестал отправлять в ссылку исповедников единосущия, ибо, смутившись, из Антиохии немедленно отправился в Константинополь, а вместе с тем прекратил и христианскую войну. В то же время скончался предстоятель арианского исповедания в Антиохии Евзой, что произошло в пятое консульство Валента и первое Валентиниана Младшего. На его место поставлен был Дорофей.

ГЛАВА 36

О том, что веру во Христа приняли тогда и сарацины, находившиеся, под управлением женщины Мавии, и что в епископы себе избрали они благочестивого и правоверного монаха Моисея

Тогда как царь выехал из Антиохии, сарацины, бывшие прежде союзниками римлян, теперь под предводительством женщины Мавии, царствовавшей по смерти своего мужа, отложились от них. В то время на восток сарацинами все было опустошаемо, но промысл Божий остановил их следующим образом. Некто по имени Моисей, а по происхождению

сарацин, проводя в пустыне монашескую жизнь, прославился благочестием, верой и чудодействиями. Сарацинская царица Мавия просила его в епископы своему народу с условием прекратить войну. Услышав об этом, римские полководцы сочли приятным делом заключить мир на таких условиях и тотчас приказали сделать, что следовало. Моисея взяли и из пустыни привели в Александрию для дарования ему священства. Но когда он представлен был управлявшему в то время церквами Люцию, то уклонился от рукоположения, сказав: «Я считаю себя недостойным священства, если же и полезно это для дел общественных, то не Люций возложит на меня руку, потому что десница его полна крови». Люций сказал, что следует не оскорблять, а прежде научиться от него догматам веры, но Моисей отвечал: «Теперь рассматриваются не догматы, а твои поступки с братьями; они ясно показывают христианское достоинство твоих догматов. Христианин не бьет, не бранит и не враждует, ибо враждовать рабу Господню не прилично, а твои дела вопиют устами живущих в ссылке, отданных зверям, брошенных в огонь. Видимое очами ведь сильнее доказывает, нежели принимаемое слухом». Когда Моисей высказал это и подобное этому, приставники отвели его на границы империи, чтобы он принял рукоположение от сосланных. Таким образом, Моисей был рукоположен, и сарацины прекратили войну. Мавия с того времени сохраняла с римлянами мир, так что свою дочь выдала замуж за римского военачальника Виктора. Это — о сарацинах.

ГЛАВА 37

О том, что по отбытии Валента из Антиохии православные на востоке стали смелее. Это сказалось особенно в Александрии, где, изгнав Люция, они передали церкви снова Петру, уполномоченному грамотой римского епископа Дамасия

Тогда же, по удалении Валента из Антиохии, гонимые везде, а особенно в Александрии, несколько ободрились. В это самое время возвратился из Рима Петр с грамотой епископа римского Дамасия, которой утверждалась вера в единосущие и одобрялось избрание Петра. Ободрившийся народ изгнал Люция и опять возвел Петра. Люций, чего и надлежало ожидать, отплыл в Константинополь, а Петр, прожив еще несколько времени, умер и преемником оставил брата своего Тимофея[53].

ГЛАВА 38

О том, что по возвращении в Константинополь царь подвергся порицанию со стороны народа из-за готов и, отправившись из города против варваров, в сражении с ними при Адрианополе македонском был убит. Жизнь его продолжалась 50 лет, а царствование — 16

Царь Валент прибыл в Константинополь тринадцатого мая[54], в шестое консульство свое и второе Валентиниана Младшего, и нашел народ в величайшем унынии, потому что варвары, прошедши по Фракии, уже опустошали предместья Константинополя, в котором не было в то время никакой значительной силы. Так как неприятели намеревались уже подойти к стенам, то город был сильно возмущен; все роптали на царя, что в пределы империи он принял врагов и не тотчас вступил с ними в битву, но оттягивал войну против варваров. Посему, когда набиралось конное войско, все единогласно говорили царю, что он не заботится о настоящем деле; со всех сторон слышен был крик: дай нам оружие, мы

сами будем сражаться. От этих криков царь воспламенился гневом и в одиннадцатый день месяца июня выступил в поход[55], грозясь по возвращении наказать константинопольцев, которые и в этот раз оскорбили его, и еще прежде благоприятствовали тирании Прокопия. Ваш город я превращу в пустыню и проведу по нему плуг, — сказал он, и пошел на варваров. Валент прогнал их далеко от города и преследовал даже до Адрианополя фракийского, что на пределах Македонии, но там, сразившись с варварами[56], умер в девятый день месяца августа, в то же консульство.

Это был четвертый год двести восемьдесят девятой олимпиады. Одни говорят, что он погиб в огне, убежав в одну деревню, которую сожгли напавшие на нее варвары. Другие свидетельствуют, что он снял с себя царскую одежду и бросился в середину пехоты, и что когда конница изменила, не вступив в дело, он, окруженный неприятелями, погиб со всем пешим войском. Здесь, говорят, не узнали его потому, что на нем не было царской одежды, которая могла бы показать, кто он. Итак, Валент умер, прожив 50 лет, а царствовал он вместе с братом 13, да после брата 3 года. Эта книга обнимает 16 лет.

Комментарии

[1] Валентиан I правил Западом в 364—375 гг.

[2] Валент II правил Востоком в 364—378 гг.

[3] Запад в то время подвергся аламанскому вторжению.

[4] Оронт — река в Сирии, на которой расположена Антиохия Великая.

[5] Восстание Прокопия, родственника Юлиана, продолжалось восемь месяцев /с 27 сентября 365 г. по 27 мая 366 г./ и охватило, кроме Константинополя, Вифинию и Фракию.

[6] Речь идет о знаменитом землетрясении 21 июля 365 г.

[7] На Лампсакском соборе 365 г. умеренные ариане /македониане/, принимавшие Никейский символ без понятия «единосущие» /так называемая «вера антиохийская»/, одержали верх над более радикальными течениями арианства /акакианами и аномеями/. После закрытия собора сторонник радикального арианства Валент II подверг его участников преследованиям /Созомен.VI.7/.

[8] Прокопий был схвачен в Филиппополе Фракийском.

[9] Голова Прокопия была послана Валентом II в подарок Валентиниану I, находившемуся в Галлии.

[10] Аномей Евдоксий.

[11] Истр — Дунай.

[12] Речь идет о нашествии вестготов на дунайские провинции в 366—369 гг., которое было успешно отражено Валентом.

[13] Грациан, сын Валентиниана I от Северы, родился 18 апреля 359 г., а Валентиниан II, сын Валентиниана I от Юстины — 2 июля 371 г.

[14] Флавий Грациан стал августом 24 августа 367 г.

[15] Герма — город на азиатском побережье Геллеспонта.

[16] Война с сарматами и с германскими племенами аламан и франков продолжалась до 374 г.

[17] Писидия — римская провинция на юге Малой Азии.

[18] Ликия — область на юго-западном побережье Малой Азии.

[19] Маркиониты — последователи Маркиона /85—ок.180/, ересиарха, который приписывал сотворение мира не Богу, а более низшему существу — Демиургу, врагу Христа, «благого бога». Фотиниане — последователи Фотина /см. II.29/. Маркеллиане — последователи Маркелла Анкирского /см. I.36; II.21/.

[20] Севасты — административный центр провинции Первая Армения.

[21] Эти события, прежде всего Сицилийский собор, на котором умеренные ариане признали Никейский символ, были реакцией на господство в имперской церкви радикальных ариан — акакиан и аномеев. Эта тенденция была поддержана и Тианским собором /Созомен.VI.12/. Однако Тарский собор, где должно было произойти окончательное объединение умеренных ариан с православными на платформе последних, не состоялся из-за противодействия императора Валента.

[22] Указ о низложении Афанасия Александрийского и о передаче православных церквей арианам.

[23] Видимо в 368 г. По другим данным — в 365/366 гг.

[24] Евдоксий умер в 369 г.

[25] Залив в восточной части Пропонтиды /Мраморного моря/.

[26] В 371 г.

[27] Апостол Фома — один из двенадцати апостолов, проповедовавший Евангелие в восточных странах, в частности в Индии.

[28] Речь идет о деле Феодора, обвиненного в стремлении к верховной власти и казненного вместе с множеством предполагаемых сторонников. См. об этом Аммиан Марцеллин. XXIX. 1—2.

[29] Афанасий Александрийский умер 2 мая 373 г.

[30] О насилиях Люция в Александрии подробно рассказывает Феодорит /IV.21—22/.

[31] Дамасий наследовал Либерию в 366 г. и управлял римской епархией до 384 г.

[32] Нитрийская гора — знаменитая гора в Нитрийской пустыне /западный Египет/, «стране монашеских скитов».

[33] Имеется в виду участница эротических представлений, широко распространенных в позднеримскую эпоху.

[34] Гностики — представители еретического течения конца I—II вв., которые пытались синтезировать раннехристианскую доктрину, греческую идеалистическую философию и восточные религиозные системы. Их лидеры — Маркион и Симон Волхв.

[35] Тмунт — город в Египте.

[36] Более подробно о монахах того времени рассказывает Созомен /VI.28— 34/.

[37] Палладий Еленопольский /368—430/ составил сборник жизнеописаний святых, названный им «Лавсаик» в честь каппадокийского префекта Лавса.

[38] Петр был епископ Севаст, а Григорий — епископом Ниссы и одним из трех знаменитых «каппадокийских отцов».

[39] Император Валериан /253—259/ организовал гонения против христиан в 257 и 258 гг.

[40] Праздник опресноков — праздник, начинавшийся одновременно с праздником седьмиц на

следующий день после иудейской Пасхи /пятнадцатый день первого месяца/. Он продолжался в течение семи дней. Праздник опресноков отмечали в честь исхода евреев из Египта. Во время этого праздника верующие должны были есть опресноки, лепешки из пресного теста.

[41] Смута в римской церкви, вспыхнувшая из-за выбора нового епископа, произошла в 366 г. Дамасий, выходец из низов, одержал верх над представителем аристократических слоев диаконом Урсином. По свидетельству Аммиана Марцеллина /XXVII.3/, ожесточение сторон оказалось столь велико, что городской префект Вивенций /Сократ говорит о префекте Максимиане/ был вынужден бежать из Рима.

[42] Эти события произошли в 374 г. Медиолан был столицей Запада, и поэтому епископ этого города играл не меньшую роль, чем епископ Рима. Избрание Амвросия, означавшее конец арианского преобладания в западной столице, было, возможно, организовано ортодоксальным императором Валентинианом I, выдвинувшим кандидатуру своего приближенного, правителя столичных областей Эмилии и Лигурии и аристократа по происхождению /отцом Амвросия был преторианский префект Египта/. Избрание Амвросия близко по своему значению избранию в 381 г. аристократа Нектария на епископский престол другой столицы — Константинополя.

[43] Речь идет о нашествии квадов из Паннонии, которые в 375 г. перешли Дунай.

[44] Валентиниан I умер 17 ноября 375 г. от апоплексического удара во время приема квадских послов. Он царствовал одиннадцать лет.

[45] Валентиниан II был провозглашен августом в четырехлетнем возрасте 22 ноября 375 г. Он управлял Западом в 375—392 гг., до 383 г. — вместе с Грацианом.

[46] Валентиниан II был сводным братом Грациана и племянником Валента II.

[47] Фемистий /ок. 317—388/ — знаменитый ритор и философ, язычник по религиозным убеждениям.

[48] Атанарих, один из могущественных вождей вестготов, был давним врагом Валента II. Еще в 365 г. он оказал поддержку Прокопию и сражался с римлянами в течение трех лет после гибели узурпатора.

[49] Вторжение гуннов во владения остготов произошло в 376 г. Остготы потерпели поражение, а их вождь Эрманарих покончил с собой.

[50] К Валенту II обратились предводители не остготов, а вестготов, которых теснили отступавшие под натиском гуннов остготы.

[51] Вестготы были поселены Валентом во Фракии на правах федератов /376 г./.

[52] Причиной восстания вестготов было игнорирование местными чиновниками приказа императора об обеспечении варваров жильем и продовольствием. Вымогательства местных властей и особенно правителя Фракии Лупицина вынудили вестготов к мятежу летом 377 г. У Марциапополя /в 20 км от совр. Варны/ Лупицин был разбит и едва спасся.

[53] Петр вернулся в Александрию в 379 г., а умер в 380 г.

[54] 378 г.

[55] Валент II ждал подхода войск императора Запада Грациана, который просил его не вступать без него в битву. Но слухи о малочисленности армии вестготов и уговоры военачальника Севастиана побудили императора к решительным действиям.

[56] Речь идет о сокрушительном поражении армии Валента II у Адрианополя. Римская конница бежала с поля боя, а легионеры были затоптаны несметной конницей готов. Кроме императора римляне потеряли девять военачальников и две трети легионеров.

КНИГА 5

ПРЕДИСЛОВИЕ

в котором говорится, почему Сократ, излагая историю Церкви, включал в нее происходившие в разное время войны

Прежде нежели начнем излагать пятую книгу, просим читателей нашей истории не ставить нам в вину того, что, взявшись писать церковную историю, мы включаем в нее происходившие в разное время войны, о которых нам можно было бы иметь верное познание. Это делаем мы по многим причинам: во-первых, для того, чтобы сообщить сведения о событиях; во-вторых, для того, чтобы не наскучить читателям повествованием об одних спорах епископов и их взаимных подвигах; и наконец, для того, чтобы показать, как во время гражданских смятений, будто по некоему сочувствию, приходила в смятение и Церковь. В самом деле, кто будет внимателен, тот заметит, что несчастья общественные и бедствия церковные усиливались вместе, и найдет, что они или в одно и то же время появлялись, или одни за другими следовали, что иногда волнениям гражданским предшествовали бедствия церковные, а иногда наоборот. И я думаю, что подобная преемственность происходила не по какому-либо случаю, но имела свое начало в наших преступлениях — что несчастья посылались именно в наказание за них. Если, по слову Апостола, *неких человек греси предъявлени суть, предваряюще на суд, то неким и последствуют* (1 Тим. 5, 24). По этой-то причине к церковной истории мы присоединяем и некоторые государственные события. Отдаленность времени не позволила нам отыскать сведения о воинских событиях в царствование Константина, но о последующих, сколько можно было узнать о них от живущих еще современников, слегка упоминаем. Сверх того, в своей истории мы постоянно говорим и о царях, потому что с тех пор, как они сделались христианами, от них начали зависеть дела церковные, и по воле их бывали и бывают великие Соборы. Даже мы не проходим молчанием и арианской ереси, так как она волновала все Церкви. Но довольно для предисловия, теперь начнем самую историю.

ГЛАВА 1

О том, как по смерти Валента, при нападении готов на Константинополь, народ, пользуясь помощью сарацинов, управляемых Мавией, выступил против них

После того, как царь Валент скончался неизвестной смертью, варвары снова подступили к самым стенам Константинополя и начали опустошать его предместья. Досадуя на это, народ вооружился чем попало, и выступил против них; супруга царя Доминика, всем выходящим против врагов выдавала из царской казны жалованье, какое положено было и воинам. Гражданам помогали и немногие союзные сарацины, посланные Мавией, о которой мы упоминали выше. Таким образом, народ вступил в сражение, и варвары отошли далеко от города.

ГЛАВА 2

О том, что царь Грациан православных епископов вызвал из заточения, а еретиков изгнал из церквей и принял в соправители себе Феодосия

Получив верховную власть вместе с Валентинианом Младшим, Грациан осудил жестокость дяди своего Валента, вызвал заточенных им и постановил законом, чтобы все, какого бы кто ни держался вероучения, свободно и безбоязненно собирались в молитвенных домах [1], и чтобы только евномиане, фотиниане и манихеи были изгоняемы из церквей. Заметив притом, что римская империя слабеет, а варвары усиливаются, и что государство имеет нужду в доблестном муже, он принял в соправители себе Феодосия, происходившего из благородной испанской фамилии и воинскими подвигами так прославившегося, что давно уже, прежде чем был избран он Грацианом, все признавали его достойным верховной власти. Итак, провозгласив его царем в иллирийском городе Сирмии, в консульство Авзония и Оливрия, месяца января шестнадцатого дня [2], Грациан разделил с ним воинские подвиги против варваров.

ГЛАВА 3

Какие епископы в то время предстоятельствовали в великих Церквах

В то время предстоятелем римской Церкви был преемник Либерия, Дамасий; иерусалимской Церковью управлял еще Кирилл. Церковь антиохийская, как мы сказали прежде, разделена была на три части: некоторые храмы находились в распоряжении арианина Дорофея, следовавшего за Евзоем, а из прочих над одним начальствовал Павлин, над другими возвращенный из заточения Мелетий. В Александрии предстоятелем арианских церквей считался Люций, находившийся теперь в изгнании, а исповедниками единосущия, после Петра, управлял Тимофей. Главой константинопольских церквей, после Евдоксия, был державшийся арианского образа мыслей Демофил, а те, которые чуждались его, имели частные свои собрания.

ГЛАВА 4

О том, что македониане, прежде отправлявшие посольство к римскому епископу Либерию и принявшие веру в единосущие, снова обратились к старому заблуждению

После посольства к Либерию македониане до некоторого времени имели общение безразлично с Церквами всех городов, сносясь и между собой, и с теми, которые с самого начала твердо держались никейского символа веры. Но когда закон царя Грациана даровал вероисповеданиям свободу, они поспешили снова отделиться. Собравшись в Антиохии сирийской, македониане положили отвергнуть слово «единосущный» и ни под каким видом не сообщаться с теми, которые принимали никейский символ. Это предприятие не принесло им пользы, потому что многие, осудив их за разновременное изменение своих догматов, отделились от них и совершенно соединились с исповедниками единосущия.

ГЛАВА 5

О том, что случилось в то время в Антиохии из-за Павлина и Мелетия

В то же время в Антиохии сирийской произошел спор из-за Мелетия и состоял он в следующем. Еще прежде было сказано, что антиохийский епископ Павлин, по уважению к высокому его благочестию, не был послан в заточение. Но Мелетий, возвращенный Юлианом и потом снова заточенный Валентом, теперь опять был вызван при Грациане. Прибыв в Антиохию, он нашел Павлина уже в глубокой старости. Тотчас все приверженцы Мелетия начали стараться о том, чтобы на епископской кафедре он был товарищем Павлина. Когда же Павлин объявил, что разделять престол с тем, который рукоположен арианами, противно церковным правилам, народ прибегнул к насилию и в одной церкви вне города намеревался возвести Мелетия на престол епископский, от чего произошло великое смятение, прекращенное, наконец, следующим образом. Собирая всех, признаваемых достойными епископства, народ нашел таких шесть человек, в числе которых был и Флавиан. Этих избранных обязали клятвой, что никто из них, по смерти одного из двух епископов, не будет домогаться епископства, но предоставит престол умершего тому, кто останется в живых. Когда же эти клятвы были произнесены, народ возвратился к единомыслию и уже более не разделялся. Отделились только люцифериане — именно потому, что Мелетий, рукоположенный арианами, допущен к епископству. В таком состоянии были дела Антиохии, когда Мелетию надлежало отправляться в Константинополь.

ГЛАВА 6

О том, что Григорий Назианзен, по общему приговору православных, избран предстоятелем константинопольской Церкви, и что в то время царь Феодосий, после победы над варварами, заболел в Фессалонниках и принял крещение от епископа Асхолия

В то время, по общему приговору многих епископов, Григорий из Назианза переведен на епископию константинопольскую. Это произошло следующим образом. Около того времени цари Грациан и Феодосий одержали над варварами победы [3]. Грациан немедленно отправился в Галлию, потому что на сию область сделали набег алеманны, а Феодосий после победного торжества поспешал в Константинополь и достиг уже Фессалоник, но здесь, застигнутый болезнью, пожелал принять христианское крещение, так как по своим предкам был христианин и принадлежал к исповедникам единосущия. По расстройству здоровья, желая ускорить крещение, он призвал к себе фессалоникийского епископа и наперед спросил его, какого держится он вероисповедания. Когда же тот отвечал, что арианская ересь не проникла в Иллирию и нововведение Ария не успело увлечь находящихся здесь Церквей, но что иллирийцы непоколебимо соблюдают веру, издревле и от начала преданную Апостолами и утвержденную на никейском Соборе, то царь с величайшей радостью принял крещение от епископа Асхолия. Получив облегчение, он чрез несколько дней прибыл в Константинополь, что случилось в двадцать четвертый день месяца ноября [4], в первое свое и пятое консульство Грациана.

ГЛАВА 7

О том, что перешедши в Константинополь, Григорий, после ропота на это со стороны некоторых епископов, отказался от управления константинопольской Церковью, и что царь повелел арианскому епископу Демофилу либо принять веру в единосущие, либо удалиться из города, и что Демофил избрал последнее

В это время переведенный из Назианза Григорий делал собрания в небольшом молитвенном доме внутри города. К тому дому цари впоследствии присоединили обширный храм и назвали его Анастасией. Григорий был муж красноречивейший и благочестием превосходил всех современников. Узнав, что некоторые ропщут на него, как на чужеземца, он рад был, что дождался прибытия царя, и начал отказываться от пребывания в Константинополе. Феодосий, нашедши Церковь в таком состоянии, стал заботиться о том, каким бы образом, восстановив мир, водворить единодушие и распространить церкви. Он немедленно объявил главе арианского вероисповедания, Демофилу, согласен ли он принять учение никейского Собора, соединить народ и тем утвердить мир. Когда же тот отверг его предложение, царь сказал ему: «Если ты удаляешься от мира и единомыслия, то я повелеваю тебе удалиться из мест молитвенных». Выслушав это и рассудив, как трудно идти наперекор власти, Демофил созвал в церковь своих приверженцев и, став среди них, произнес к ним следующее: «Братие! писано в Евангелии: *егда гонят вы во граде сем, бегайте в другий* (Матф. 10, 23). Так как царь изгоняет нас из церквей, то знайте, что завтра мы соберемся вне города». Сказал это и вышел. Он не понимал смысла, заключающегося в евангельском изречении, не знал, что оно предписывает чуждаться жизни века сего и искать вышнего Иерусалима. Итак, он начал делать собрания за городскими воротами. К нему присоединился и Люций, который, как прежде сказано, изгнан был из Александрии и, убежав, проживал в Константинополе. Таким образом, ариане, около сорока лет владевшие молитвенными домами, отказавшись от мира и единомыслия с царем Феодосием, удалились из города. Это произошло в пятое консульство Грациана и первое Феодосия, двадцать шестого дня месяца ноября. Исповедники единосущия заняли их место и возвратили себе церкви.

ГЛАВА 8

О ста пятидесяти епископах, собравшихся в Константинополе, об их постановлениях и рукоположении Нектария на престол константинопольский

Нисколько не медля, царь созвал Собор епископов своей веры — как для утверждения символа никейского, так и для рукоположения епископа Константинополю. В надежде привести к единомыслию со своими епископами македониан, он пригласил епископов и их ереси. Таким образом, со стороны исповедников единосущия собрались — из Александрии Тимофей, из Иерусалима Кирилл, который тогда уже покаялся и стал единосущником, из Антиохии Мелетий, который еще прежде присутствовал здесь для постановления Григория, из Фессалоник Асхолий, и многие другие. Всех же было сто пятьдесят. Со стороны македониан главными почитались Элевсий кизикский и Маркиан лампсакский, а всех их было тридцать шесть — большей частью из городов геллеспонтских. Они собрались в консульство Евхерия и Евагрия, в мае месяце. Царь и епископы его веры всячески старались привести к союзу и единомыслию с собой приверженцев Элевсия, напоминали им о посольстве, которое прежде отправлено было ими с Евстафием к римскому епископу Либерию; представляли, что недавно еще охотно вступали они в совершенное общение с православными, и что посему не хорошо поступают, когда, приняв согласную с ними веру, теперь опять решаются отвергнуть то, что прежде обстоятельно было ими дознано. Но македониане, не обращая внимания ни на

убеждения, ни на обличения, объявили, что скорее признают исповедание арианское, чем примут веру в единосущие. Давши такой ответ, они удалились из Константинополя и писали к приверженцам своим в разные города увещания — ни под каким видом не соглашаться на учение никейского Собора. Епископы другой стороны, оставшись одни, начали совещаться об избрании епископа, ибо Григорий, как недавно говорено, отказался и собирался уехать в Назианз [5]. Тогда был в Константинополе некто по имени Нектарий, муж сенаторского рода, нравом кроткий, всеми уважаемый, хотя исправлял должность претора. Насильно увлеченный народом, он был предложен в епископы и рукоположен присутствовавшими в то время ста пятидесятью епископами. Тогда же епископы издали определение, чтобы константинопольский епископ имел преимущество чести после епископа римского, так как Константинополь есть новый Рим [6]. Они снова утвердили никейский символ, разделили епархии и установили патриаршества, чтобы епископы не простирали своей власти на чужие Церкви за пределами своих областей, а прежде, по причине гонений, делалось это безразлично. Нектарий получил в управление столицу и Фракию. Понтику получил преемник Василия в Кесарии каппадокийской Элладий, а потом епископ также каппадокийского города Ниссы, брат Василия, Григорий, и епископ Мелитины в Армении, Отрей. Азийский округ разделили между собою Амфилохий иконийский и епископ Антиохии писидийской, Оптим. Египетские Церкви поручены Тимофею, епископу александрийскому, а управление Церквами восточного округа вверено епископам оного — Пелагию лаодикийскому и Диодору тарсийскому, с сохранением преимуществ Церкви антиохийской, предоставленных присутствовавшему тогда на Соборе Мелетию. Бывшие на Соборе епископы определили еще, чтобы, в случае нужды, дела каждой области решал Собор епископов той же области. Все сии определения утвердил своим согласием и царь. Таков был конец этого Собора [7].

ГЛАВА 9

О том, что царь Феодосий с честью перенес тело константинопольского епископа Павла из места изгнания, и что в то же время скончался Мелетий антиохийский

Между тем царь перенес тогда из Анкиры тело епископа Павла, который из-за Македония послан был в заточение придворным префектом Филиппом и по его приказанию задушен в армянском городе Кукузе, как и прежде сказано мною. Взяв тело с великой честью и благоговением, царь положил его в церкви, называющейся ныне Феодосиевой, которой владели македониане, некогда отделившиеся от ариан, а теперь изгнанные царем за то, что чуждались его веры. В то же время заболел и скончался антиохийский епископ Мелетий, и брат Василия, Григорий, в похвалу ему произнес надгробное слово. Ближние Мелетия перенесли его тело в Антиохию, а приверженцы снова отказались повиноваться Павлину и на место Мелетия избрали Флавиана. Таким образом народ опять разделился — и антиохийская Церковь распалась уже не по разномыслию в вере, а по случаю избрания епископов.

ГЛАВА 10

О том, что царь повелел быть Собору епископов из всех вероисповеданий, что в то же время сын его Аркадий провозглашен был августом, и что одни только новациане, согласные с исповедниками единосущия, получили позволение собираться для молитвы внутри города, а прочие еретики были изгнаны

Тогда как ариане были изгоняемы из молитвенных домов, произошли смятения в других городах. При этом нельзя не подивиться мудрости царя: он не мог терпеть, чтобы города его терзались смутами, но в скором времени велел собраться епископам всех вероисповеданий, рассудив, что, если они совокупно обсудят дело, то все придут к единомыслию. Я думаю, что такое-то намерение царя было причиной счастливого его царствования, ибо почти в то самое время, по некоему божественному промышлению, подчинились ему и варварские народы, в числе которых вступил со своим народом в подданство сам предводитель готов Атанарих, спустя несколько времени умерший в Константинополе [8].

Тогда же царь сына своего Аркадия провозгласил августом, что случилось во второе консульство Меробавда и Сатурнина, шестнадцатого дня месяца января. А немного спустя, в то же консульство, в месяце июне стеклись отовсюду епископы всех вероисповеданий. Пригласив к себе епископа Нектария, царь советовался с ним, каким бы образом прекратить в христианстве разногласия и привести Церковь к единению. Надобно говорил он, разъяснить спорный предмет, разделяющий Церкви, и через то, отняв повод к разногласию, водворить в них единомыслие. Выслушав это, Нектарий долго думал, потом призвал к себе тогдашнего новацианского епископа Агелия, как единомышленника в вере, и сообщил ему желание царя. Агелий хотя был человек и благочестивый, но не мог рассуждать о догматах веры и, для рассуждения о них, выставил своего чтеца по имени Сисинний. Красноречивый, опытный в делах, глубоко изучивший толкования священного Писания и философию, Сисинний знал, что рассуждения не только не соединяют разделившихся, но еще больше раздражают еретиков, — знал также, что древние учителя тщательно избегали, как бы не приписать Сыну Божию начала Бытия, ибо признавали Его совечным Отцу; посему он советовал Нектарию оставить диалектические состязания, но в доказательство истины привести свидетельства древних писателей и потом ересеначальникам сделать от царя запрос: уважают ли они учителей, процветавших в Церкви до ее разделения, или отвергают их как людей чуждых христианства? — если отвергают, то пусть дерзнут предать их анафеме. Как скоро они отважатся сделать это, народ тотчас изгонит их, и тогда победа истины будет очевидна, а если не отвергнут древних учителей, то мы должны будем представить книги их, которыми подтвердится наше исповедание. Выслушав это от Сисинния, Нектарий поспешил во дворец и данный себе совет сообщил царю. Феодосий ухватился за эту мысль и мудро повел дело. Не объявив наперед цели, он спросил только еретиков, уважают ли они и принимают ли учителей, бывших в Церкви до ее разделения? Еретики, конечно, не отреклись, но сказали, что очень уважают как своих руководителей. Потом царь опять спросил: следуют ли они им, как достоверным свидетелям христианского учения? Услышав это, предстоятели разных исповеданий и бывшие при них диалектики, — а диалектиков, приготовленных для состязания, было у них много — не знали что делать и разделились в своих мнениях: одни находили предложение царя весьма хорошим, другие говорили, что оно не полезно для их цели, потому что на книги древних смотрели каждый по-своему; вообще еретики не соглашались в этом друг с другом, и разногласие открылось не только между представителями особых исповеданий, но и между членами одной и той же ереси. Таким образом, единодушное зло, как язык древних исполинов и произведение их нечестия — башня, начало расторгаться. Когда же царь увидел такое хаотическое их разъединение и узнал, что они надеются на одно состязание, а не на учение древних, то обратился ко второй мысли — объявил, чтобы каждая ересь представила письменно изложение своей веры. Посему опытнейшие со стороны каждой ереси, взвешивая всякое выражение, изложили свои догматы. В назначенный день епископы всех исповеданий, по приглашению, собрались во дворец. Туда явились: Нектарий и Агелий — защитники веры в единосущие, из ариан Демофил, со стороны евномиан сам Евномий, а во главе македониан Элевсий кизикский. Царь принял их благосклонно и, взяв от каждого

письменное изложение веры, остался один и начал усердно молить Бога, чтобы Он помог ему открыть истину. Потом, прочитав каждый из представленных символов, он осудил все, которыми вводилось разделение Троицы, и разодрал их — одобрил только и принял веру в единосущие. Вследствие чего новациане начали снова наслаждаться благополучием и делать свои собрания внутри городов, ибо царь, с удивлением узнав об их единомыслии с собой в вере, законом повелел владеть им безбоязненно молитвенными своими домами и их церквам иметь те же преимущества, какими пользуются церкви его веры. Напротив, предстоятели других исповеданий, за разногласие между собой, подверглись порицанию даже со стороны своих приверженцев. В недоумении и скорби они удалились и, утешая своих последователей письмами, убеждали их не предаваться печали от того, что многие, оставив их, присоединились к исповедникам единосущия, ибо много званных, говорили они, а мало избранных, чего однако не говорили во времена своего владычества, когда большая часть народа находилась на их стороне. Впрочем, и исповедники веры в единосущие не были совершенно свободны от огорчений, ибо присутствовавших на Соборе разделяли дела антиохийские. Епископы египетские, аравийские и кипрские все вместе утверждали, что Флавиана нужно изгнать из Антиохии, а епископы палестинские, финикийские и сирийские стояли за него. Чем это кончилось, скажу в своем месте.

ГЛАВА 11

О тиране Максиме, как он коварно умертвил Грациана, и о том, что мать Валентиниана Младшего, Юстина, боясь Максима, принуждена была прекратить свои козни против медиоланского епископа Амвросия

Между тем, как в Константинополе были эти Соборы, в западных частях империи происходило следующее: Максим из областей Британии вступил в Римскую империю и напал на Грациана, ведшего тогда войну с алеманнами. В Италии Юстина, мать Валентиниана, по ранней молодости державшаяся арианского учения, при жизни супруга не могла вредить исповедникам единосущия, но после его смерти, пользуясь малолетством своего сына, приехала в Медиолан и, возбудив против епископа Амвросия великое возмущение, повелела отправить его в ссылку. Однако народ, по чрезмерной любви к Амвросию, воспротивился исполнению ее повеления и прогонял самих исполнителей. В это время получено было известие, что Грациан умерщвлен коварством тирана Максима [9]. Вождь Максима Андрагафий, устроив возимые мулами носилки, похожие на ложе, скрылся в них и приказал страже разглашать всем, что едет супруга царя Грациана.

В таком виде встретился он с царем, который тогда близ галльского города Лугдуна переправлялся через реку. Поверив, что действительно едет его супруга, Грациан не предостерегся от обмана и впал в руки врага, как слепой в яму, ибо Андрагафий быстро выскочил из носилок и умертвил его. Грациан умер в консульство Меробавда и Сатурнина, на пятнадцатом году царствования и двадцать четвертом жизни. Это происшествие утешило гнев царской матери на Амвросия.

Валентиниан, покоряясь необходимости времени, против воли признал Максима своим соправителем [10]. В то же время Проб, страшась могущества Максима, решился удалиться в восточные области империи: немедленно оставив Италию, он отправился в Иллирию и утвердил свое пребывание в македонском городе Фессалониках.

ГЛАВА 12

О том, что царь Феодосий собрал против Максима огромное войско в то время, как у него от Плакиллы родился сын Гонорий, и что, оставив Аркадия в Константинополе, сам он при Медиолане вступил в сражение с тираном

Царь Феодосий был в великой заботе. Опасаясь, как бы тиран не замыслил умертвить и Валентиниана Младшего, он готовил против Максима многочисленное войско. В то время прибыло к царю персидское посольство и просило у него мира [11]. А у царя родился тогда сын Гонорий от супруги Плакиллы, в консульство Рихомилия и Клеарха, в девятый день месяца сентября [12]. В это же консульство, несколько прежде, скончался новацианский епископ Агелий; а в следующее, то есть, в первое консульство Аркадия Августа и Вавдона, умер александрийский епископ Тимофей, и епископство после него получил Феофил. Потом спустя год [13], окончил также жизнь предстоятель арианского вероисповедания Демофил, и ариане, на его место вызвав из Фракии некоего епископа своей ереси, Марина, вверили ему епископство. Но Марин оставался недолго. При нем арианское вероисповедание разделилось, о чем будет сказано после, и ариане, вызвав, поставили над собой антиохийско-сирийского епископа Дорофея. Между тем, царь, оставив в Константинополе сына своего Аркадия [14], сам выступил в поход против Максима и, прибыв в Фессалоники, нашел Валентиниана и его приближенных в великом унынии — от того, что принуждены были признать царем тирана. Феодосий не обнаружил своих чувств и не хотел ни принимать, ни отвергать послов Максима, но и не мог видеть, чтобы Римская империя была угнетаема тираном, присвоившим себе имя царя. Взяв свои легионы, он отправился в Медиолан, ибо туда еще прежде прибыл Максим.

ГЛАВА 13

О возмущении, произведенном в Константинополе арианами

Между тем, как царь был занят этой войной, константинопольские ариане произвели мятеж [15] по следующему поводу. Люди любят сочинять рассказы о том, чего не знают, и так как они всегда жадны до новостей, то эти рассказы их, если представится к тому случай, растут и плодятся по воле каждого. То же произошло и теперь в городе. Каждый толковал по-своему и все в дурную сторону о происходивших вдали военных действиях; и хотя сам никто не был на войне, но все рассказывали, как бы очевидцы, и говорили, чего вовсе не видели, будто, например, тиран одержал победу над войском царя, будто столько-то и столько-то пало в битве и будто едва ли сам царь не попал в руки тирана. Тогда ариане, сильно негодовавшие, что церквами внутри Константинополя владеют прежде гонимые ими христиане, взволновались и начали распускать еще разнообразнейшие слухи. А как скоро, вследствие прибавок к их рассказам, сами сочинители их стали верить, что те слухи не выдуманы, но что выдуманное ими действительно справедливо, в чем уверяли их люди, слышавшие свои вести от них же, то отважились на безумное дело — подожгли и истребили дом епископа Нектария. Это случилось во второе консульство Феодосия и Кинигия.

ГЛАВА 14

О победе царя Феодосия и гибели тирана

Когда царь шел на тирана, воины Максима, узнав о его приготовлениях, не надеялись выдержать сражение даже по одной молве о том. Посему они в страхе связали тирана и предали его в руки царя [16] Тиран был умерщвлен в то же консульство, в двадцать седьмой день месяца августа, а убийца царя Грациана, Андрагафий, узнав о поражении Максима, бросился в ближайшую реку и утопился. После сего оба царя-победителя вступили в Рим. С ними был и сын Феодосия, Гонорий: еще в ранней юности, одержав победу над Максимом, отец вызвал его из Константинополя [17]. В Риме они отправили победные торжества. В это время Феодосий оказал свою милость одному из консулов, Симмаху. Симмах в римском сенате занимал первое место, удивлял своим красноречием и даже оставил много речей на латинском языке [18]. Так как, при жизни Максима, он написал в похвалу его речь и произнес ее пред ним, то теперь подвергся обвинению в оскорблении величества и, боясь смерти, прибег под покровительство церкви. Феодосий так благоговел пред христианством, что не только питал глубокое уважение к священнослужителям своей веры, но с удовольствием принимал и новациан, исповедывавших единосущие. Снисходя на просьбу епископа римских новациан, Леонтия, он простил Симмаха. Удостоившись же прощения, Симмах написал защительную речь самодержцу Феодосию. Таким образом война, в начале казавшаяся весьма грозной, скоро пришла к окончанию.

ГЛАВА 15

О Флавиане антиохийском

В это время в Антиохии сирийской происходило следующее. По смерти Павлина, преданный ему народ не хотел подчиняться Флавиану и постарался рукоположить принадлежавшего к своей партии Евагрия. Однако Евагрий жил недолго, и Флавиан умел распорядиться так, что на его место не выбрали никого. Между тем, чуждавшиеся Флавиана — за то, что он нарушил клятву, — делали свои частные собрания. Но Флавиан, по пословице, двигал камни, чтобы их привлечь на свою сторону, в чем он скоро и успел, когда укротил гнев тогдашнего александрийского епископа Феофила, а через него примирился и с римским епископом Дамасием. Оба они негодовали на Флавиана не только за нарушение клятвы, но и за то, что он подал повод к разделению христиан, живших дотоле в единомыслии.

Подавив гнев свой, Феофил, через посланного в Рим пресвитера Исидора, успокоил и огорченного Дамасия, которому представил он, что, для утверждения единомыслия в народе, необходимо забыть опрометчивый поступок Флавиана. Когда же общение с Флавианом было таким образом восстановлено, народ антиохийский в скором времени возвратился к единомыслию. Так кончились дела антиохийские. Тамошние ариане, будучи изгнаны из церквей, делали собрания в городских предместьях. В это время скончался иерусалимский епископ Кирилл, и его место занял Иоанн.

ГЛАВА 16

О разрушении языческих храмов в Александрии и о происшедшем по этой причине сражении язычников с христианами

В то самое время подобное смятение произошло и в Александрии. Епископ Феофил хлопотал, — и царь издал повеление разрушить языческие храмы, а в Александрии попечение об этом деле возложил на Феофила. Опираясь на такое полномочие, Феофил употребил все, чтобы покрыть бесславием языческие таинства: он срыл капище митрийское [19], разрушил храм Сераписа, выставил на позорище кровавые митрийские мистерии и показал все смешные нелепости обрядов Сераписа и других богов, приказав носить по торжищу изображения Приапа [20]. Видя это, александрийские язычники, а особенно люди, называвшиеся философами, не перенесли такого оскорбления и к прежним кровавым своим делам присовокупили еще большие; воспламененные одним чувством, все они, по сделанному условию, устремились на христиан и начали совершать убийства всякого рода [21]. Тем же со своей стороны платили христиане, — и одно зло увеличивалось другим. Борьба продолжалась до тех пор, пока не прекратило ее пресыщение убийствами. В ней погибло несколько и язычников, но христиан весьма много, а раненых с обеих сторон было без числа. Язычники ужаснулись этого события, потому что страшились царского гнева. Поступив так самоуправно и утолив свою ярость убийствами, они скрывались, кто куда мог: многие убежали даже из Александрии и расселялись по разным городам; в числе их были два грамматика, Элладий и Аммоний, у которых я, во время моего детства, учился в Константинополе. Элладий, говорят, был жрецом Юпитера, а Аммоний — обезьяны [22]. Когда, вместе с тем, возмущение прекратилось, александрийский префект и начальник египетских войск [23] предложили Феофилу свое содействие к разрушению капищ, и капища были срыты, кумиры богов перелиты в умывальницы или обращены на другие потребности александрийской Церкви, потому что, согласно с волей царя, богов надлежало употребить для вспоможения бедным [24]. Итак, все боги были сокрушены; Феофил приказал сохранить не перелитым изваяние только одного из них, и это изваяние выставил напоказ всем — для того, как он говорил, чтобы язычники впоследствии не отреклись и знали, каким богам поклонялись. Аммоний грамматик, как мне известно, очень досадовал на это и говорил: языческая вера крайне оскорблена тем, что не перелита и последняя статуя, но соблюдается на посмеяние языческого богослужения. А Элладий перед некоторыми хвастался, что в тогдашней борьбе сам умертвил девять человек. Вот что происходило в то время в Александрии.

ГЛАВА 17

О найденных в храме Сераписа иероглифических письменах

При разрушении и очищении Сеписисова храма, найдены в нем вырезанные на камнях так называемые иероглифические письмена, между которыми были знаки, имевшие форму крестов. Увидев такие знаки, христиане и язычники, те и другие усвояли их собственной религии. Христиане утверждали, что они принадлежат христианской вере, потому что крест считали знамением спасительных Христовых страданий, а язычники доказывали, что такие крестовидные знаки общи и Христу, и Серапису, хотя иное значение имеют у христиан и иное — у язычников. Между тем как происходил этот спор, некоторые, обратившиеся к христианству из язычества и понимавшие иероглифические письмена, истолковали те крестовидные знаки и объявили, что ими обозначается будущая жизнь. По сему объяснению, христиане еще с большей уверенностью стали относить их к своей религии и превозноситься перед язычниками. Когда же из других иероглифических письмен открылось, что в то время, как явится знак креста, означающий новую жизнь, храму Сераписа придет конец, тогда весьма многие язычники обратились к христианству, исповедали грехи свои и крестились. Это-то слышал я о тех крестовидных начертаниях. Не думаю, однако, чтобы египетские жрецы, начертывая изображение креста, могли знать

что-либо о Христе, ибо, если тайна его пришествия в мир, по слову Апостола (Кол. 1, 26), была сокровенна от век и от родов и неизвестна самому начальнику злобы дьяволу, то тем менее могла она быть известна служителям его — египетским жрецам. Открытием и объяснением этих письмен промысл соделал то же, что прежде явил на апостоле Павле, ибо и сей, умудренный Духом Божиим Апостол таким же образом привел многих афинян к вере, когда прочитал начертанную на храме надпись и приспособил ее к своей проповеди [25]. Разве только не скажет ли кто-нибудь, что слово Божие прорекалось в египетских жрецах точно так, как некогда в устах Валаама и Каиафы, которые пророчествовали доброе против воли [26]. Но довольно об этом.

ГЛАВА 18

О том, что царь Феодосий, во время пребывания своего в Риме, принес много пользы городу, разрушив разбойнические гнезда манципов и уничтожив позорные систры в непотребных домах

Царь Феодосий, в короткое время своего пребывания в Италии, сделал весьма много полезного для римлян — одно дал им, а другое прекратил между ними. Он оказал им много милостей и уничтожил в городе два срамных обычая, из которых один был следующий. В великом Риме издревле существовали огромные дома, в которых приготовлялся хлеб и раздавался гражданам. Приставы этих домов, называвшиеся на латинском языке mancipes (хлебники), с течением времени сделали из них вертепы разбойников. Так как в нижних частях сих зданий находились мукомольни, (в которых нужны были работники), то по бокам каждого из них манципы устроили харчевни, где предлагали непотребных женщин и чрез то уловляли многих приходивших туда либо для получения пищи, либо для удовлетворения постыдной страсти. Входившие внутрь, посредством какой-то машины, из харчевни ниспадали в мукомольни, чему подвергались особенно приезжавшие в Рим иноземцы. Попавшие туда принуждаемы были работать, — и многие, не получая позволения выйти, состаривались там, а к родственникам пускаема была молва об их смерти. В такую западню попал один из воинов Феодосия. Его заперли в мукомольню и не хотели выпустить, но он, обнажив бывший при нем меч, умертвил удерживавших, и манципы в страхе освободили его. Узнав об этом, царь самих манципов строго наказал, а разбойнические дома приказал срыть. Это — первое зло, от которого Феодосий избавил столицу, а второе состояло в следующем. Если женщину уличали в любодеянии, то наказывали ее не через исправление, а через усугубление того же греха, а именно: запирали ее в тесное любодеище и оставляли любодействовать без стыда. Притом во время сего постыдного дела, звонили в колокольчики, чтобы оно не укрывалось от проходящих, но чтобы, по звуку колокольчиков, все знали о таком позорном наказании. Узнав об этом бесстыдном обычае, царь не хотел терпеть его, но разрушил систры, — так назывались те любодеища, — а уличаемых в любодеянии женщин приказал подвергать наказаниям иного рода. От этих-то двух мерзких и гнусных дел царь Феодосий избавил город Рим. Устроив наилучшим образом и другие дела, он оставил царствовать в Риме Валентиниана, а сам вместе с сыном Гонорием отправился в Константинополь и прибыл сюда в консульство Тациана и Симмаха, в десятый день месяца ноября [27].

ГЛАВА 19

О пресвитерах-духовниках, по какому случаю они были в то время отменены

Около того же самого времени найдено было нужным уничтожить при церквах пресвитеров-духовников по следующей причине. После того, как новациане отделились от Церкви и не хотели иметь общение с падшими во время гонения Деция, епископы присоединили к церковному чину пресвитера-духовника, чтобы падшие после крещения исповедывали грехи свои пред нарочно для сего поставленных священниками. В некоторых обществах это правило соблюдается и доныне. Одни только исповедники единосущия и единомысленные с ними в вере новациане отвергли пресвитера-духовника. Новациане и в начале не принимали этого дополнения к церковному чину; а православные, владевшие в то время церквами, долго соблюдали его и отменили уже при епископе Нектарии, по следующему случаю. Одна благородная женщина пришла к пресвитеру-духовнику и подробно исповедала перед ним грехи свои, сделанные после крещения. Пресвитер велел ей поститься и непрестанно молиться, чтобы с покаянием она могла явить и дело достойное покаяния. Через несколько времени та же женщина созналась пред ним и еще в одном грехе — в преступной связи с церковным диаконом. Когда это открылось, диакон был отлучен от Церкви, а в народе произошло волнение: негодовали не только на само преступление, но и на то, что помянутое дело навлекло на Церковь поношение и обиду. Так как вследствие сего духовные начали подвергаться насмешкам, то некий священник Евдемон, родом из Александрии, подал епископу Нектарию совет — отменить должность пресвитера-духовника и позволить каждому приступать к таинству по суду собственной его совести, ибо только этим способом можно соблюсти Церковь от поношения. Я осмелился поместить это в своем сочинении потому, что о событии слышал от самого Евдемона. Вообще, часто было мною замечаемо, что я употреблял все старание узнавать о происшествиях от людей, которые знали их, и тщательно разведывать события, чтобы не написать чего-нибудь противного истине. Я тогда же сказал Евдемону: «Бог знает, пресвитер, принесет ли твой совет пользу Церкви или нет». Вижу, что он дал христианам предлог не обличать друг друга в прегрешениях и не соблюдать апостольского повеления, говорящего: *не приобщайтеся к делом неплодным тьмы, пачеже и обличайте* (Еф. 5. 11). Но об этом сказано довольно.

ГЛАВА 20

О том, что и между арианами, и между другими еретиками произошло много расколов

Считаю нужным не проходить молчанием и того, что происходило у других, то есть у ариан, новациан и еретиков, получивших название от Македония и Евномия, ибо Церковь, разделившись, не остановилась на этом разделении; особые общества стали снова разделяться и, пользуясь маловажными и ничтожными предлогами, расходились между собой. Каким образом, когда и по каким причинам каждая ересь раздроблялась, мы изложим впоследствии; теперь же замечаем только, что царь Феодосий не преследовал ни одной из них, кроме ереси Евномия, которого он приказал сослать в заточение за то, что Евномий в Константинополе делал собрания по частным домам, читал в них свои сочинения и этими сочинениями развращал многих. Других он не гнал и не принуждал к единению с собой, но позволил всем делать особые собрания и в исповедании христианской веры держаться того мнения, какое кто имеет. Прочим дано было позволение устроить молитвенные дома вне городов, а единомышленным с собой в вере новацианам повелел он без всякой боязни владеть церквами, как и прежде сказано, внутри городов. Здесь я считаю уместным рассказать нечто о новацианах. Начнем речь немного выше.

ГЛАВА 21

О том, что и новациане пришли к разногласию

Константинопольской новацианской Церковью в продолжение сорока лет, от времени Константина до шестого года царствования Феодосия, как прежде сказано, управлял Агелий. Приближаясь к смерти, он рукоположил на свое место в епископы Сисинния. Но хотя Сисинний был один из поставленных Агелием же пресвитеров, славился красноречием и вместе с царем Юлианом учился философии у философа Максима, однако народ новацианский осуждал это рукоположение и жаловался, почему не рукоположен лучше Маркиан, муж, отличавшийся благочестием, которому новациане обязаны были спокойствием при Валенте. Желая утолить скорбь народа, Агелий рукоположил и Маркиана, потом, получив небольшое облегчение от болезни, пришел в церковь и, обратившись к народу, сказал: после меня да будет вашим епископом Маркиан, а после Маркиана — Сисинний. Сказав это, он жил не много и скончался. Но когда Маркиан сделался епископом новациан, Церковь их разделилась — по следующей причине.

Некто Савватий, из иудейства обратившийся к христианству и Маркианом возведенный в сан пресвитера, оставался, тем не менее, привязанным к иудейским понятиям. К тому же он питал еще замысел сделаться епископом. Открыв свое желание двум преданным себе пресвитерам, Феоктисту и Макарию, он решился защищать нововведение в праздновании пасхи, которое, как и прежде было сказано, новациане сделали во фригийском селении Пазе в царствование Валента. Сначала он удалился из Церкви под предлогом стремления к высшему совершенству, объявляя, что скорбит о некоторых, ибо понимает, что они недостойно приобщаются тайн. Но потом открылось его намерение — делать особые собрания. Узнав об этом, Маркиан укорял себя за ошибку в рукоположении, — что произвел в пресвитеры таких тщеславных людей, и, досадуя, говаривал: лучше бы мне тогда возложить свои руки на терние, чем возводить в сан пресвитера Савватия. По сему случаю он постарался созвать Собор новацианских епископов в Ангаре, торговой пристани близ Еленополиса. Собравшиеся здесь епископы пригласили Савватия и потребовали, чтобы он изложил Собору причины своего недовольства. Когда же тот объявил, что причина состоит в несогласии его с Церковью касательно празднования пасхи, что пасху должно совершать по обычаю иудеев и как предписано Собором в Пазе, тогда епископы, подозревая, что Савватий прикрывает этим только стремление свое к епископской кафедре, обязали его клятвой, что он никогда не примет епископства. Как скоро он произнес в этом клятву, епископы обнародовали правило о праздновании пасхи, названное ими безразличным. Они говорили, что разногласие в дне праздника не может быть достаточной причиной к отделению от Церкви, что и собиравшиеся в Пазе не думали идти вопреки канону вселенскому, что и древние, даже близкие ко временам апостольским, хотя не все были согласны во времени праздника, несмотря на то сохраняли общение между собой и отнюдь не разделялись, и что новациане, живущие в царственном Риме, никогда не следовали обычаю иудеев, но постоянно праздновали пасху прямо после равноденствия и не отделялись от своих собратий по вере, которые праздновали ее не одинаковым с ними образом. Рассуждая так и подобно сему, епископы постановили, как я сказал, безразличное правило касательно пасхи. По силе его, предоставлялось всякому праздновать пасху сообразно с принятым и предварительно усвоенным обычаем, отнюдь не устраняясь чрез то от общения; так чтобы, празднуя ее различно, все, тем не менее, пребывали в единомыслии с Церковью. Когда касательно празднования пасхи было в то время сделано такое определение, связанный клятвою Савватий, если празднование пасхи приходилось не в одно время у всех, частным образом

начинал пост ранее, совершал всенощное бдение и праздновал пасху в узаконенный день субботний, потом в следующий праздновал вместе со всеми, приходил в церковь и приобщался тайн. Так делал он в продолжение многих лет, а посему это не могло укрыться от народа. Некоторые из простолюдинов, особенно во Фригии и Галатии, думая оправдаться этим, начали подражать ему и таким же образом совершали пасху втайне. Между тем, Савватий, мало заботясь о клятве, впоследствии, как увидим, начал противозаконно делать особые собрания и от своих приверженцев принял имя епископа.

ГЛАВА 22

Мнение писателя этой истории о местных разногласиях касательно пасхи, крещения, постов, браков, собраний и прочих церковных обрядов

Здесь считаю не неуместным кратко изложить собственные свои мысли о пасхе. Мне кажется, что ни древние, ни современные подражатели иудеям не имели достаточного основания столько упорно спорить об этом празднике. Они не взяли во внимание того, что по смене иудейства христианством, обрядовая сторона Моисеева закона упразднилась. И это явствует само собою. Христианам ни один закон Христа не позволит иудействовать, напротив, Апостол [28] даже запретил это, изгоняя не только обрезание, но и споры об их праздниках. В послании к Галатам он говорит:*глаголите ми, иже под законом хощете быти, закона ли не слушаете* (4, 21)? Потом, кратко объясняя эти слова, показывает, что народ иудейский рабствовал, а последователи Христа призваны к свободе, и убеждает не соблюдать более ни дней, ни месяцев, ни лет. Подобно сему и в послании к Колоссянам громогласно возвещает он, что обрядовые постановления суть тень: *да никтоже убо вас осуждает о ядении, или о части праздника, или о новомесячиях или о субботах, яже суть стень грядущих,* говорил он (Кол. 2, 16.17). То же самое подтверждает и в послании к Евреям: *предлагаему священству, говорил, по нужде и закону пременение бывает* (Евр. 7, 21). Ни Апостолы, ни евангелисты не возлагали ига рабства на последователей проповеди евангельской, но чтить праздник пасхи и другие праздничные дни предоставили признательности облагодетельствованных. И так как люди любят праздники потому, что в продолжение их отдыхают от работ, то каждое христианское общество, по областям, совершало воспоминание о спасительных страданиях, согласно принятому обычаю, когда хотело; ибо ни Спаситель, ни Апостолы не предписали нам законом соблюдать это, равно как ни Евангелие, ни Апостолы не грозили осуждением или проклятием, как угрожал иудеям закон Моисеев. В Евангелиях, к осуждению иудеев, осквернявших свои праздники убийствами, написано только исторически, что Спаситель пострадал в праздник опресноков. Цель Апостолов была не та, чтобы предписывать время праздников, но чтобы дать руководство к правой жизни и благочестию. Мне кажется, что как многое другое произошло от местного обычая, так и празднование пасхи установилось обычаем и в каждой стране сохраняло особенность, потому что никто из Апостолов, как сказано, не определил его законом. А что этот праздник искони совершался везде согласно более с обычаем, нежели с законом, показывает самое дело. Так, в Малой Азии весьма многие издревле совершали его в четырнадцатый день, не обращая внимания, был ли то день субботний, — и, поступая таким образом, никогда не отделялись от христиан, совершавших этот праздник иначе, но римский епископ Виктор по неумеренной ревности, послал отлучения всех христианам Азии, праздновавшим пасху в четырнадцатый день. За это, однако, епископ галльского города Лугдуна, Ириней, сильно порицал Виктора и в своем послании не только не одобрял его горячности, но еще представлял ему, что и древние, хотя не соглашались во времени празднования пасхи, однако не разрывали взаимного общения и что сам епископ смирнский Поликарп, впоследствии претерпевший

мученическую кончину в царствование Гордиана [29], имел общение с римским епископом Аникитой, нисколько не спорил с ним об этом празднике, хотя, по местному обычаю смирнской Церкви, совершал пасху в четырнадцатый день, как говорит о том в пятой книге церковной своей Истории Евсевий. Итак, некоторые в Малой Азии, как я сказал, соблюдали четырнадцатый день. Другие же жители востока совершали праздник вообще в день субботний, но не соглашались в месяце, ибо одни говорили, что в этом праздновании надобно следовать обычаю иудеев, хотя сами не держались его строго, а другие, не желая следовать иудеям, совершали праздник после равноденствия и утверждали, что надлежит отправлять его, когда солнце бывает в созвездии Овна, то есть в антиохийском месяце Ксанфике или в римском Апреле, и в этом были согласны — если не с современными иудеями, которые ошибаются почти во всем, то с древними и с Иосифом, как он говорит в третьей книге Иудейских древностей [30]. Так-то разногласили они между собой. Остальные, наконец, жившие в странах западных до самого океана, держась древнего предания, праздновали пасху после равноденствия, и все они, поступая таким образом, не разногласили между собою. Да и бывший при Константине Собор, вопреки мнению некоторых, не сделал никакой перемены в этом праздновании. Сам Константин в послании к христианам, разногласившим касательно сего праздника, советует немногочисленным подражать большинству. Это послание царя во всей целости найдешь в третьей книге Евсевия о жизни Константина, а здесь предлагается относящаяся к празднику пасхи часть его следующего содержания: «Так как порядок, которому в этом отношении следуют все Церкви западных, южных, северных и некоторых восточных областей империи, действительно благоприличен, то в настоящее время Собор епископов признал его хорошим, — и я ручаюсь, что он понравится и вашему благоразумию; ваша рассудительность, конечно, с удовольствием примет то, что единомысленно и согласно соблюдается в Риме, Италии и Африке, во всем Египте, Испании, Галии, Британии, Ливии, в целой Греции, в областях азийской, понтийской и киликийской, она разочтет, что в поименованных местах не только большее число церквей, но и что все они желают этого порядка, как самого лучшего. Да, кажется, и здравый смысл требует, чтобы мы не имели никакого общения с клятвопреступными иудеями». Таково послание царя. Совершающие праздник пасхи в четырнадцатый день утверждают, что это им передано от Апостола Иоанна, а римляне и вообще западные говорят, что свое обыкновение получили они от Апостолов Петра и Павла. Но ни те, ни другие не могут представить на это письменного свидетельства. Отсюда я заключаю, что в каждой стране совершали праздник пасхи, следуя действительно, главным образом, обычаю. Ни одно вероисповедание не держится одних и тех же обычаев, хотя имеет одно и то же понятие о Боге. В отношении к обычаям даже и единоверные разногласят между собою. Посему не неуместно здесь кратко предложить нечто о разности обычаев в разных Церквах.

С самого первого взгляда легко заметить, что посты перед пасхой в разных местах соблюдаются различно. Именно, в Риме пред пасхой постятся непрерывно три недели, кроме субботы и дня Господня. А в Иллирии, во всей Греции и Александрии держат пост шесть недель до пасхи и называют его четыредесятницей. Другие же начинают поститься за семь недель до праздника и, хотя исключая промежутки, постятся только три пятидневия, однако свой пост называют также четыредесятницей. Удивительно для меня, что те и другие, разноглася между собой в числе постных дней, называют пост одинаково — сорокодневным, и представляют особые свои основания для объяснения его наименования. Притом видно, что разногласие их касается не только числа постных дней, но и понятия о воздержании от явств; потому что одни воздерживаются от употребления в пищу всякого рода животных, другие из всех одушевленных употребляют только рыбу, а некоторые вместе с рыбой едят и птиц, говоря, что птицы, по сказанию Моисея, произошли также из воды. Одни воздерживаются даже от плодов и яиц, другие питаются только сухим хлебом, некоторые и того не принимают, а иные, постясь до девятого часа,

вкушают потом всякую пищу. Таким образом, у разных племен бывает различно, и представляются на то бесчисленные причины. И так как никто не может указать на письменное касательно сего повеление, то явно, что Апостолы предоставили все это воле и выбору каждого, чтобы всякий делал доброе не по страху и принуждению. Таково по Церквам разногласие в рассуждении постов.

Есть также различие и в церковных собраниях. Тогда как все Церкви в мире совершают тайны и в день субботний каждой недели, александрийцы и римляне, на основании какого-то древнего предания, не хотят делать это; а соседи александрийцев — египтяне и жители Фиваиды, хотя делают собрания в субботу, но принимают тайны не тогда, как это бывает вообще у христиан, но приносят жертву и приобщают тайн уже по насыщении всякими яствами, около вечера. И опять, александрийцы в четверток и в так называемый день приготовления (пяток) читают Писание, а учителя объясняют его. В эти дни совершается все, что обыкновенно бывает в собраниях, кроме тайн — и такой обычай в Александрии ведется из древности, ибо известно, что еще Ориген учил особенно в эти дни. Как мудрый учитель, он видел, что немощное Моисеева закона нельзя было передать буквально, а потому слово о пасхе возвел к смыслу таинственному, говоря, что истинная пасха была только одна, которую совершил Спаситель, когда, пригвожденный ко кресту, разрушил силу вражию и водрузил против нее сей победный трофей. В Александрии также чтецами и канонархами бывают безразлично и оглашенные и верные, между тем, как во всех других Церквах эта должность возлагается на верных.

Быв клириком в Фессалии, я знал еще один обычай. Там клирик, если продолжал жить со своей женой, с которой вступил в супружество прежде определения своего в клирики, исключался из клира, тогда как на востоке все, даже и епископы воздерживались от общения со своими женами по собственному произволению, то есть если сами того хотели, не будучи принуждаемы к сему непреложным законом, ибо многие из них во время епископства от законных жен имели и детей. Виновником такого обычая в Фессалии был некто Илиодор, уроженец тамошнего города Трикки. Говорят, в молодости он написал несколько эротических книг и назвал их эфиопскими. Этот обычай соблюдается также в Фессалонике, даже в Македонии и Греции. Знал я в Фессалии и другой обычай: там крестят только в дни пасхи; поэтому, кроме немногих, прочие умирают, не получив крещения. А в Антиохии сирийской церковь имеет обратное положение: алтарь устрояется не к востоку, а к западу. В Греции, в Иерусалиме и Фессалии молитвы совершаются при зажженных свечах — почти так же, как у константинопольских новациан. Равным образом и в Кесарии каппадокийской, и в Кипре епископы и пресвитеры изъясняют св. Писание в субботу и в день Господень — всегда около вечера, при зажженных свечах. Но новациане геллеспонтские совершают молитвы не во всем так, как константинопольские, но во многом близко к господствующей Церкви. Вообще между всеми обществами верных едва ли можно найти и две Церкви, которые в совершении молитв были вполне согласны одна с другой. В Александрии пресвитеры не говорят поучений, — и это началось с того времени, как Арий возмутил Церковь. В Риме постятся всякую субботу, в Кесарии каппадокийской согрешившие после крещения отсекаются от общения, равно как и у новациан. То же делают македониане в Геллеспонте и жители Азии, празднующие пасху в четырнадцатый день. Фригийские новациане не принимают двоеженцев, тогда как константинопольские явно и не принимают, и не отвергают их, а западные открыто принимают. Виновниками такого различия надобно почитать, думаю, епископов, бывших в свое время предстоятелями тех церквей; а принявшие от них обычай передали его потомкам как закон.

Трудно, даже невозможно описать все церковные обычаи, соблюдаемые в разных городах и областях. Но и сказанное служит достаточным подтверждением, что праздник пасхи по

местным обычаям, чтим был различно. Итак, те ошибаются, которые толкуют, будто никейский Собор извратил празднование пасхи. Бывшие на этом Соборе прежде всего заботились о том, чтобы разногласивших в обычаях привести к согласию с большинством. А что в обычаях было много разногласий еще во времена апостольские, это не укрылось и от самих Апостолов, как свидетельствует книга Деяний; ибо как скоро они заметили между верующими смятение, произведенное разногласием и спорами язычников, тотчас же собрались вместе и прорекли божественный закон, написав его в виде послания, которым освободили верующих от тягостного рабства и суетных споров, и преподали верный образец правой жизни, ведущий к истинному благочестию, предписав всем соблюдать только то, что необходимо нужно. Хотя это послание вписано в книгу Деяний апостольских, но ничто не препятствует поместить его и здесь.

«Апостолы и старцы и братия, сущим во Антиохии и Сирии и Киликии братиям, иже от язык, радоватися. Понеже слышахом, яко нецыи от нас изшедше, возмутиша вас словесы, развращающе души ваша, глаголюще обрезатися и блюсти закон, имже мы не завещахом: изволися нам собравшимся единодушно, избранные мужи послати к вам, с возлюбленными нашими Варнавою и Павлом, человеки, предавшими души своя о имени Господа нашего Иисуса Христа. Послахом убо Иуду и Силу и тех словом сказующих таяжде. Изволися Святому Духу и нам, ничтоже множае возложати вам тяготы разве нуждных сих: сгребатися от идоложертвенных и крове и удавленины с блуда: (и елика нехощете вам быти, другим нетворите); от нихже соблюдающе себе, добре сотворите. Здравствуйте (Деян. 15, 23—29). Вот, что угодно Богу, *изволися Святому Духу*, говорит послание, *ничтоже множае возложити вам тяготы разве нужных»*, то есть кроме того, что соблюдать необходимо нужно. Между тем, что есть люди, которые, пренебрегая сии заповеди, всякое любодейство считают делом безразличным, а о днях праздника спорят, будто о душе, которые, извращая повеления Божии и предписывая закон сами себе, вменяют ни во что постановления апостольские и незаметно делают противное тому, что угодно Богу. Речь о пасхе можно бы продолжить еще более и показать, что и иудеи не соблюдают строгой точности во времени и образе празднования пасхи, что и отделившиеся от иудеев самаритяне [31] совершают этот праздник всегда после равноденствия, но это потребовало бы особенного и продолжительного труда. Замечу только, что любящие подражать иудеям и заботливо занимающиеся первообразами не должны опускать без внимания ни одного такого первообраза, потому что, решившись с точностью соблюдать закон, они должны соблюдать не только дни и месяцы, но и все, что исполнял Христос по обычаю иудейскому, быв под законом, — все, что он несправедливо потерпел от иудеев и совершал образно, благодетельствуя людям: когда учил, вошедши в корабль, когда повелел приготовить в горнице пасху, когда послал отрешить привязанную ослицу, когда имеющим приготовить пасху дал знамение, что они встретят человека, несущего сосуд воды, или когда делал много другое, что описано в Евангелиях. Между тем, думающие найти себе оправдание в праздновании пасхи ничего подобного наружным образом не соблюдают: никто из их учителей никогда не поучал народ с корабля, никто не входил непременно в горницу для совершения пасхи, никто не отрешал привязанной ослицы и снова не привязывал ее, никто не поручал кому-либо нести сосуд с водой, чтобы выразить те первообразы. Все это и подобное этому почиталось свойственным скорее иудеям, которые заботятся о соблюдении закона более чувственным, нежели духовным образом, за что и подлежат проклятию как люди, приемлющие закон Моисеев в его образах, а не в истинном его значении. Друзья иудеев, хотя все сие возводят к духовному смыслу, однако за дни и месяцы ведут непримиримую войну и в этом случае отвергают иносказательное их значение, так что с сей стороны необходимо подвергаются осуждению, подобно иудеям, и произносят сами над собою приговор проклятия. Но об этом, кажется, довольно.

Возвратимся к предмету, о котором упомянули немного прежде, то есть, что Церковь не остановилась на первом разделении и что отделившиеся от нее общества опять разделились между собой, и под ничтожными, маловажными предлогами распадались на частные секты. Так-то, сказал я, по поводу разномыслия касательно празднования пасхи, разделились и новациане. И в этом отношении у них не одна община, потому что, по разным областям, они не соглашаются не только в месяце, но и в днях недели, и в иных неважных обстоятельствах, так что в одних местах делают особые собрания, а в других смешанные.

ГЛАВА 23

О константинопольских арианах, переименованных в псафириан

И между арианами произошло разделение — по следующей причине: ежедневно возникавшие у них спорные вопросы довели их рассуждения до нелепостей. Так как Церковь веровала, что Бог есть Отец Сына-Слова, то между ними возник вопрос: мог ли Бог называться Отцом, прежде нежели существовал Сын? Утверждая, что Слово Божие родилось не от Отца, но произошло из не-сущего, и погрешив в этом первом и важнейшем предмете вероучения, они не могли не впасть в нелепое словопрение об одном имени. Некто Дорофей, вызванный ими из Антиохии, говорил, что Отцем нельзя ни быть, ни называться прежде существования Сына, а Марин, которого они, еще прежде Дорофея, призвали из Фракии, и который оскорблялся тем, что ему предпочтен Дорофей, улучил теперь благоприятный случай и начал защищать противное мнение. Отсюда произошло разделение: отступив друг от друга за одно слово, каждый из них начал делать особые собрания. Признававшие власть Дорофея оставались в прежних своих местах, а последовавшие Марину, устроили собственные молитвенные дома и стали в них собираться, признавая, что Отец всегда был Отцем, даже и прежде существования Сына. Эти последние прозваны были псафирианами, потому что некто Феоктист псафирополь (пирожник), родом из Сирии, с особенной горячностью стоял за упомянутое их мнение. Им последовал и готский епископ Селина, человек смешанного происхождения, ибо родился от отца гота и матери фригиянки, а потому учил в церкви с равной легкостью на обоих языках. Немного спустя разделились и псафириане, когда Марин пришел в разногласие с Агапием, которого сам же поставил епископом в Эфесе. Они малодушно спорили между собой не о вере, а о первенстве, и в их споре готы приняли сторону Агапия. По сему случаю многие из подвластных им клириков, гнушаясь этим происшедшим из тщеславия спором, оставили их и присоединились к вере в единосущие. Между тем, ариане, разделившиеся двадцать пять лет тому назад, после — в царствование Феодосия Младшего и в консульство военачальника Плинфы — прекратили междоусобный спор и приняли ересь псафириан, положив себе законом на будущее время не касаться вопроса, бывшего причиной их разделения. Впрочем, так могло сделаться только в Константинополе, а в других городах, где ни находятся ариане, существует между ними тот же раскол. Это — о разделении ариан.

ГЛАВА 24

О том, как и евномиане разделились в мнениях и получили разные прозвания по именам, своих начальников

Даже и евномиане не остались не разделившимися. Сперва отделился сам Евномий от Евдоксия, которым рукоположен был в епископа Кизики. Это произошло под тем предлогом, что Евдоксий не принимал в общение отлученного от Церкви учителя его Аэция. Потом разделились последователи Евномия и составили разные общества. Во-первых, некто Феофроний Каппадокиец, учившийся искусству состязаться у Евномия, немного знавший также «Категории» и «Об истолковании» Аристотеля, сочинив несколько книг под заглавием «Об упражнении ума» навлек на себя ненависть своих единоверцев и был изгнан ими, как отступник. Делая с того времени особые собрания, он установил ересь, названную по его имени. Потом явился в Константинополе еще некто Евтихий, отделившийся от евномиан по случаю какого-то неважного спора, который продолжает доныне делать особые собрания. Последователи Феофрония называются евномио-феофронианами, а последователи Евтихия евномио-евтихианами. Я считаю недостойным истории говорить, из-за каких ничтожных слов и выражений произошло между ними разделение, и не хочу уклоняться от своего предмета. Скажу только, что они обезобразили крещение, ибо крестят не в Троицу, а в смерть Христову. В продолжение некоторого времени было разделение и между македонианами, когда пресвитер Евтропий делал особые собрания, а Картерий не соглашался с ним. Может быть, в других городах существовали и еще какие-нибудь возникшие из этих секты, но, живя в Константинополе, где родился и получил воспитание, я предположил себе с большей подробностью говорить о событиях, происходивших в этом городе, — частью потому, что некоторых был очевидцем, а частью и потому, что события константинопольские считал более замечательными и достойными памяти; и все они случились не в одно какое-либо время, но во времена разные. А кто пожелает узнать имена различных ересей, то пусть прочитает так называемую якорную книгу кипрского епископа Епифания [32]. Но об этом уже слишком довольно. В то же время и дела гражданские пришли в беспорядок — по следующей причине.

ГЛАВА 25

О тирании Евгения, об умерщвлении Валентиниана Младшего и победе царя Феодосия над тираном

В западных областях был один грамматик по имени Евгений. Сначала он преподавал римскую словесность, а потом, покинув школу, поступил в придворную военную службу и сделался царским секретарем. Уважаемый более прочих за свое красноречие, он не мог выдержать своего счастья, но, склонив на свою сторону Арбогаста, выходца из Малой Галлии, бывшего в то время военачальником, человека со свирепым и жестоким характером, решился захватить верховную власть. Оба они условились убить царя Валентиниана, подговорив евнухов, приставленных к его опочивальне, и евнухи, обольщенные обещанием высших почестей, задушили Валентиниана во время его сна [33]. Вслед за тем Евгений стал правителем дел в западных областях империи и начал совершать то, чего естественно было ожидать от тирана. Услышав об этом, царь Феодосий был опять сильно озабочен и увидел, что после недавно оконченного похода против Максима, ему предстоит второй подвиг. Собравши военные силы и провозгласив сына своего Гонория царем в третье свое консульство и в консульство Абунданция, в десятый день месяца января, он снова быстро двинулся на запад [34], а в Константинополе оставил царствовать обоих сыновей своих. В походе против Евгения присоединились к нему весьма многие варвары, жившие по ту сторону Дуная и желавшие оказать помощь царю в борьбе с тираном. В короткое время он явился с многочисленным войском в Галлию, где Евгений уже приготовился к войне и имел также огромную армию. Сражение произошло

при реке, называемой Фригида, которая от Аквилеи течет на расстоянии тридцати шести тысяч шагов. В том месте, где римляне бились против римлян, бой был равный, но там, где сражались союзники царя Феодосия — перевес оставался на стороне Евгения. Видя, что варвары гибнут, царь пришел в величайшее смущение, упал на колени, призывая Бога на помощь, — и молитва его не была отвергнута. Военачальник Вакурий так укрепился мужеством, что с передовыми линиями перебросился в то место сражения, где преследуемы были варвары, разрезал неприятельские фаланги и обратил в бегство тех, которые сами недавно гнали врагов. При этом случилось и еще нечто дивное. Поднялся сильный ветер и стрелы, пускаемые воинами Евгения, обращал на них самих, а стрелам противников их придавал большую стремительность [35]. Столь могущественна была молитва царя! Когда сражение приняло такой оборот, тиран прибежал и повергся к ногам царя, моля его о пощаде, но тут же обезглавлен был воинами [36]. Это произошло в шестой день месяца сентября, в третье консульство Аркадия и во второе Гонория. Виновник всего зла Арбогаст, два дня убегавший от преследования войска Феодосия, видя, что ему не остается никакого средства к спасению, умертвил себя собственным мечем.

ГЛАВА 26

О том, что, заболев после победы, царь призвал к себе в Медиолан сына своего Гонория и, почувствовав небольшое облегчение, повелел было учредить конские бега, но в тот же день скончался

Но воинские труды расстроили здоровье царя Феодосия. Полагая, что усилившаяся болезнь прервет его жизнь, он при своей кончине более заботился о делах общественных, ибо знал, сколько бедствий причиняет народу смерть царя. Посему, желая строить порядок в западных областях, немедленно вызвал он из Константинополя сына своего Гонория. Гонорий поспешно прибыл в Медиолан, и Феодосий, получив небольшое облегчение от болезни, назначил для торжествования победы конские ристалища. В назначенный для торжества день, до обеда, он владел еще силами и смотрел конские бега, а после обеда вдруг почувствовал себя хуже и, не могши уже идти на зрелище, послал вместо себя своего сына, и в следующую ночь скончался. Это было в консульство Оливрия и Пробина, в семнадцатый день месяца января, в первый год двести девяносто четвертой олимпиады [37]. Царь Феодосий жил шестьдесят лет, а царствовал шестнадцать. Эта книга обнимает шестнадцать лет и восемь месяцев.

Комментарии

[1] Грациан был первым римским императором, отказавшимся от титула Великого Понтифика. В 382 г. он приказал вынести алтарь и статую Победы из здания Сената и конфисковать имущество коллегии весталок и других религиозных языческих объединений, лишив их государственных субсидий.

[2] 379 г. Феодосий Великий управлял восточной частью Империи в 379— 392 гг. и всей Империей в 392—395 гг.

[3] Вестготы были усмирены /в основном дипломатическими средствами/ к лету 380 г.

[4] 380 г.

[5] Сократ обходит молчанием тот факт, что на соборе епископы Египта и Македонии оспаривали законность рукоположения Григория на том основании, что он был рукоположен Милетием Антиохийским, а не Тимофеем Александрийским, ибо, как они говорили, александрийский партриарх выше антиохийского и только он имеет право рукополагать константинопольского епископа. В спорах вокруг Григория отразилось вновь обострившееся после смерти последнего арианского императора Валента II соперничество александрийской и антиохийской церквей за первенство. Это соперничество будет во многом определять всю церковную историю последней четверти IV и, особенно, V в.

[6] Тем самым были отвергнуты домогательства александрийской партии. Данное решение отражало желание императора сделать столичную митрополию главной в имперской церкви. Показательно, что римского епископа Дамасия о нем даже не проинформировали.

[7] Второй Вселенский /Константинопольский/ собор 381 г. нанес решающий удар по арианству. Он подтвердил Никейский символ на основе улучшенной формулы трех каппадокийцев /Василия Великого, Григория Богослова и Григория Нисского/.— «одна единственная божественная субстанция в трех лицах». Был утвержден догмат о происхождении Св. Духа от Отца, который будет расширен западной церковью на Толедском соборе 589 г. /и от Отца, и от Сына/. На Втором Вселенском соборе подверглись осуждению умеренные ариане с их доктриной «подобосущия», аномеи с их доктриной «неподобия» и Аполлинарий Лаодикейский. На соборе председательствовали Мелетий Антиохийский, Григорий Богослов и Нектарий Константинопольский.

[8] По мирному договору 382 г. между Феодосием Великим и вестготами последние были поселены в Мизии и Фракии на правах федератов.

[9] Магн Максим, испанец по происхождению, один из предводителей британских легионеров, был провозглашен августом в начале августа 389 г. и через несколько дней высадился в Галлии. Грациан в это время находился в Паризии /Париже/. Галльские войска изменили императору, и он бежал в Лугдун /Лион/, где был схвачен и убит 25 августа 383 г.

[10] Валентиниан II был вынужден признать Магна Максима соправителем, поскольку не мог рассчитывать на помощь Феодосия Великого, который был озабочен гуннской угрозой с севера и непредсказуемостью нового персидского шаха Шапура III на Востоке. Посредническую роль в переговорах Валентиниана II и узурпатора сыграл Амвросий Медиоланский.

[11] Мир с персами был заключен в 387 г.

[12] 384 г.

[13] 385 г.

[14] Аркадий родился в 377 г. В 388 г. ему было 11 лет.

[15] В июне 388 г.

[16] Армия Феодосия столкнулась с армией Максима у Сисции /совр. Сисак на реке Сава/. Несмотря на усталость после долгого марша, солдаты императора в полном вооружении переплыли реку и, выйдя на другой берег, атаковали мятежников и обратили их в бегство. Вскоре после этого столкновения узурпатор был схвачен в Аквилее.

[17] Торжественный въезд в Рим Феодосия Великого и его четырехлетнего сына Гонория состоялся 13 июня 389 г.

[18] Речь идет о Квинте Аврелии Симмахе /340—ок.402/, префекте Рима, лидере языческой аристократической оппозиции и видном латинском писателе-панегиристе.

[19] Речь идет о храме Митры.

[20] Приап — в античной мифологии итифаллическое божество производительных сил природы.

[21] По свидетельству Созомена /VII. 15/, язычники напали на христиан и заняли храм Сераписа,

откуда они совершали вылазки и хватали многих христиан, принуждая их приносить жертвы. В случае отказа пленников распинали или подвергали иным видам мучительной казни. Язычников возглавлял философ Олимпий.

[22] Вероятно, имеется в виду эллинизированный древнеегипетский культ Тота, бога-покровителя мудрецов и бога-проводника в царство мертвых, которого часто отождествляли с Гермесом. Павиан — священное животное Тота-Гермеса.

[23] Александрийским префектом был в то время Евагрий, а командующим египетскими войсками — Роман.

[24] Феодосий Великий, по свидетельству Созомена, даровал мятежникам прощение, чтобы «пристыженные этим благодеянием, они быстрее обратились в христианство» /VII.15/.

[25] Апостол Павел увидел на жертвеннике посвящение «Неведомому Богу» /Деян.XVII.23/.

[26] Валаам, чьи проклятия и благословения всегда сбывались, был призван Валаком, царем моавитским, чтобы он проклял приближавшихся к его царству израильтян /во время Исхода/. По воле Бога вместо тройного проклятия Валаам трижды благословил народ Израиля и предсказал пришествие Мессии /Числ.XXII—XXIV/. Кайафа, первосвященник иудейский, главный ненавистник Христа, на собрании жрецов и фарисеев, вдохновленный Св. Духом, невольно стал пророчествовать об искупительной жертве Иисуса /Иоанн.XI.50/.

[27] 391 г.

[28] Апостол Павел.

[29] Ошибка: Поликарп Смирнский жил в 69—155 гг. и принял мученическую смерть при Антонине Пии /138—161/, тогда как Гордиан I, Гордиан II и Гордиан III правили в 238—244 гг.

[30] Иосифом Флавием /37—ок.100/, древнееврейским историком и политиком, автором «Иудейской войны» и «Иудейских древностей».

[31] Самаритяне — жители Самарии, области в центральной Палестине, переселенные в разгромленный Израиль ассирийскими царями и постоянно враждовавшие с иудеями, несмотря на этническую, религиозную, языковую и культурную близость.

[32] Епифаний, в будущем злейший враг Иоанна Златоуста, был епископом г. Саламин на Кипре с 361 по 402 гг.

[33] В действительности же инициатором заговора был франк Арбогаст, военный магистр, фактически узурпировавший власть при Валентиниане II. Попытка последнего дать ему отставку и привела к государственному перевороту 15 мая 392 г. Зная, что он как язычник и варвар не может претендовать на престол, Арбогаст решил сделать императором государственного секретаря христианина Евгения. Трудно сказать, действительно ли Валентиниан II был убит или же он покончил жизнь самоубийством, находясь в безвыходном положении. Интересно, что в своей надгробной речи Амвросий Медиоланский ничего не говорит об убийстве Валентиниана, хотя, произнося ее перед членами императорского дома, он, конечно, должен был бы отвести от покойного любое подозрение в самоубийстве, ибо оно лишало его душу небесного блаженства.

[34] Феодосий Великий выступил против узурпатора в начале лета 394 г.

[35] Сражение продолжалось два дня — 5 и 6 сентября 394 г. В первый день положение Феодосия было критическим, и лишь наступление темноты спасло его от полного разгрома. Ночью же один из отрядов Арбогаста перешел на сторону императора. На следующий день, получив подкрепления и воспользовавшись пыльной бурей, бившей в лицо мятежникам, Феодосий одержал над ними решительную победу.

[36] Узурпация Евгения была последней попыткой языческого реванша. Несмотря на то, что сам узурпатор являлся христианином, его всячески поддерживали языческие круги, а Амвросий Медиоланский объявил его отступником. Солдаты Евгения шли в бой под изображениями Зевса и Геркулеса. После разгрома мятежников Феодосий помиловал тех из них, кто спрятался в церквах, при условии, что они перейдут в христианство.

[37] 395 г. Феодосий Великий был последним правителем единой Римской империи.

КНИГА 6

ПРЕДИСЛОВИЕ

В предшествующих пяти книгах, святой Божий человек Феодор, повеление твое исполнено: церковная история от времен Константина, по возможности, написана. Да будет тебе известно, что о выражениях мы не заботились, ибо полагали, что заботясь о красоте языка, может быть, не достигнем своей цели, но хотя мы и кончили, однако не могли написать всего того, что высказано древними историками, которые, как подумаешь, умели распространять и сокращать происшествия. Притом словесность не займет людей простых и неученых, которые хотят только знать о событиях, а не удивляться красоте речи. Итак, чтобы мое сочинение не было бесполезно тем и другим, — ученым, поскольку оно не может равняться в красноречии с древними, и неученым, поскольку они не в состоянии понять происшествий, прикрытых изысканною речью, — мы употребили самый скромный и, как кажется, самый ясный способ изложения.

Приступая теперь к шестой книге, мы предварительно говорим, что, намереваясь описывать случившиеся в наше время события, боимся, что описание их многим не понравится [1]— либо потому, что, как говорит пословица, истина горька, либо потому, что не с похвалою произносят у нас имена мужей, пользующихся любовью, либо потому, что не величаются нами деяния их. Ревнители Церкви упрекнут нас за то, что епископов мы не называем боголюбезнейшими, святейшими или как-либо иначе. Другие будут озабочены тем, что к именам царей мы не прибавляем слов: божественнейший владыка и других, обыкновенно с ними соединяемых титулов. Но я ссылаюсь на примеры писателей древних и могу доказать, что раб у них всегда называет своего господина собственным его именем и, занятый делами, не обращает внимания на его достоинства. Итак, повинуясь законам истории, которые требуют искреннего и беспристрастного раскрытия событий, незатемняемого никакими прикрасами, я приступаю к самому повествованию и, описывая то, что сам видел или что успел узнать от очевидцев, буду почитать рассказ истинным, если говорящие об одном и том же происшествии не противоречат друг другу. Труд мой в познании истины основывается на повествовании многих и различных свидетелей, из которых одни говорят, что сами присутствовали при описываемых событиях, а другие утверждают, что знают их лучше всех.

ГЛАВА 1

О том, как по смерти царя Феодосия сыновья его разделили царскую власть и как, вскоре после сего, возвратившееся из Италии войско, будучи встречено Аркадием, умертвило у ног царя преторианского префекта Руфина

По смерти царя Феодосия, в консульство Оливрия и Пробина, в семнадцатый день месяца января, верховную власть над римской империей приняли сыновья его. Аркадий сделался властителем востока, а Гонорий — запада [2]. Предстоятелями Церквей в то же время были — в столичном городе Риме Дамасий, а в Александрии Феофил; церковью иерусалимской управлял Иоанн, а антиохийской Флавиан. В новом же Риме, или Константинополе епископский престол занял, как сказано в предшествующей книге,

Нектарий. В то же консульство, в восьмой день месяца ноября, привезено было тело Феодосия и с обыкновенными почестями предано земле сыном его Аркадием. Вскоре после сего, в двадцатый день того же месяца, возвратилось и войско, бывшее с царем Феодосием на войне против тирана. И когда царь Аркадий по обыкновению выехал к нему навстречу за городские ворота, воины умертвили царского префекта Руфина [3], ибо подозревали его в тирании и думали, что он призвал в римскую область варварский народ гуннов, которые около того времени опустошили Армению и другие восточные земли. В тот самый день, в который умерщвлен был Руфин, скончался и новацианский епископ Маркиан, и преемником его в епископском достоинстве сделался Сисинний, о котором упомянуто выше.

ГЛАВА 2

О кончине Нектария и рукоположении Иоанна

Спустя немного времени, при консулах Кесаре и Аттике, в двадцатый день месяца сентября скончался константинопольский епископ Нектарий. Вслед за ним тотчас родилась забота о рукоположении нового епископа. Одни требовали одного, другие другого, и после многократных по сему случаю совещаний [4], наконец, согласились вызвать из Антиохии антиохийского пресвитера Иоанна, ибо о нем распространилась молва, как о человеке учительном и красноречивом. Итак, через некоторое время царь Аркадий, по общему определению всех, то есть клира и народа, признал его. А чтобы рукоположению Иоанна придать более важности, при нем, по повелению царя, присутствовали многие епископы и, между прочими, Феофил александрийский, старавшийся помрачить славу Иоанна и в епископское достоинство возвести пресвитера своего Исидора, которого очень любил, потому что тот принял на себя одно опасное его поручение. Скажем, в чем оно состояло. Когда царь Феодосий вел войну против тирана Максима [5], тогда Феофил, посылая царю дары через Исидора, вручил ему два письма и приказал дары и письмо поднести победителю. Повинуясь ему, Исидор прибыл в Рим и ожидал конца войны, но это дело недолго оставалось в неизвестности — бывший при нем чтец похитил упомянутые письма. Исидор поражен был страхом и тотчас убежал в Александрию. Это-то было причиной Феофиловой заботливости об Исидоре. Но царедворцы предпочли ему Иоанна. Притом, так как многие обвиняли Феофила и к присутствовавшим тогда епископам поступило довольно жалоб, указывавших на разные его преступления, то царский постельничий Евтропий [6], взяв список сих обвинений, показал его Феофилу и сказал ему, что от его воли зависит — или рукоположить Иоанна, или подвергнуть суду за приписываемые ему преступления. Устрашенный этим, Феофил рукоположил Иоанна. Таким образом рукоположенный в сан епископа, Иоанн взошел на епископский престол. Это произошло в двадцать шестой день месяца февраля, в следующее консульство, которое в Риме праздновал царь Гонорий, а в Константинополе — тогдашний царский префект Евтихиан [7]. Но об Иоанне, так как он, по своим сочинениям и по многим претерпенным несчастиям, был муж знаменитый, умолчать не следует. Мы, сколько можно короче, скажем о нем все, о чем можно бы рассказывать довольно долго, то есть откуда он был, от кого произошел, каким образом получил сан священства, как лишился его, и как, наконец, по смерти получил больше почестей, чем при жизни.

ГЛАВА 3

О происхождении и образе жизни константинопольского епископа Иоанна

Иоанн родился в келесирийской Антиохии [8]. Отец его Секунд и мать Анфуса принадлежали к тамошнему благородному сословию. Он был учеником софиста Ливания и слушателем философа Андрагафия. Иоанн хотел вступить в должность судьи, но размыслив, какую жалкую и неправедную жизнь ведут в судилищах, обратился к жизни более тихой. Так поступил он, подражая Евагрию [9], который учился у тех же наставников и еще прежде его избрал уединение [10]. Вскоре, переменив одежду и поступь, он направил свой ум к чтению священного Писания и начал постоянно ходить в церковь. Вместе с тем убедил он Феодора и Максима, посещавших с ним школу софиста Ливания, оставить жизнь роскошную и избрать простую и скромную. Из этих мужей, Феодор впоследствии был епископом монсуэстским в Киликии, а Максим — селевкийским в Исаврии. В то время ревнители добродетельного жития учились подвижничеству у Диодора и Картерия, бывших настоятелями монастырей. Диодор позднее занимал епископский престол Тарса и сочинил много книг, изыскивая простой смысл божественных писаний и избегая иносказательного их объяснения. С Иоанном жил в тесной дружбе Василий [11], возведенный тогда Мелетием [12] в сан диакона, а потом рукоположенный в епископа Кесарии каппадокийской. Сам же Иоанн поставлен был на степень чтеца антиохийской Церкви епископом Зеноном, когда последний возвращался из Иерусалима. Находясь в достоинстве чтеца, он написал книгу против иудеев, а спустя немного времени, возведенный уже Мелетием в сан диакона, сочинил книги о священстве и против Стагирия, также — о непостижимом и о сожительницах. Потом, когда Мелетий скончался в Константинополе, куда приезжал для рукоположения Григория Назианзена, Иоанн оставил общество мелетиан и, прервав сношения с Павлином, целые три года провел в уединении, а впоследствии, по кончине Павлина, преемником его Евагрием рукоположен был в пресвитера. Вот в кратких словах жизнь Иоанна до епископства. Он был, как говорят, самый строгий ревнитель целомудрия и, по свидетельству одного из близких к нему людей, с ранней юности обнаруживал в характере более суровости, нежели ласковости. По правоте жизни, он не обеспечивал себя на время будущее, а по простоте был весьма доступен и с кем случалось без меры пользовался свободой слова. Преподавая учение, он особенно старался об исправлении нравов в своих слушателях, а находясь в собраниях, казался гордым для людей, не знавших его характера.

ГЛАВА 4

О диаконе Серапионе и о том, как благодаря ему епископ сделался враждебным и ненавистным клиру

С такими нравственными свойствами возведенный в сан епископа, Иоанн начал обходиться с подчиненными суровее, чем следовало, и через это надеялся исправить жизнь подвластных себе клириков. Но в самом начале епископского служения, обнаруживая в отношении к духовным жестокость, он до того возбудил в них против себя ненависть, что многие стали питать к нему отвращение и удалялись от него, как от человека строптивого. К оскорблению всех возбудил его рукоположенный им диакон Серапион, который однажды, в присутствии клира, громогласно сказал епископу следующее: «Епископ! Ты до тех пор не будешь иметь над ними власти, пока не погонишь всех одним жезлом». Эти слова заставили ненавидеть епископа. Между тем епископ вскоре многих за разные преступления отлучил от Церкви, и отлученные, как обыкновенно бывает при таких насильственных поступках правителей, составили против него братства и начали клеветать на него перед народом. Клевета их слушающим казалась

тем вероятнее, что епископ не хотел ни с кем принимать пищу и не приходил, когда звали его на общественную трапезу. От этого клеветники получили еще более силы. А с какою целью не соглашался он ни с кем принимать пишу, — того основательно объяснить не мог никто. Одни, желая защитить его, говорили, что он слабонервен и болен желудком, а потому обедает один. Другие утверждали, что он так поступает, следуя правилам чрезвычайного подвижничества. Но незнание истинной причины этого все-таки помогало обвинителям немало клеветать на него [13]. Впрочем, народ не думал о взносимых на Иоанна обвинениях, сильно рукоплескал ему и любил его за произносимые им в церкви поучения. А каковы эти, частью изданные им самим, частью изложенные скорописцами с его слов поучения, сколь они убедительны и трогательны, — говорить не нужно; желающие могут читать их и почерпать из них обильную пользу.

ГЛАВА 5

О том, что Иоанн имел врагов не только в клире, но и между лицами правительственными, и о евнухе Евтропии

Пока Иоанн нападал только на клир, дотоле питаемые против него замыслы были слабы, но когда он начал более надлежащего обличать и правительственные лица, тогда возгорелась против него большая ненависть, тогда к его вреду стали говорить многое, и слушавшие весьма многому верили. К особенному же усилению клеветы содействовало сказанное им слово против Евтропия. Начальник царских постельничьих, евнух Евтропий, первый из евнухов получивший от царя консульское достоинство, хотел отомстить некоторым убежавшим в церковь и потому старался убедить самодержцев, чтобы они издали закон, возбраняющий всем искать покровительства церкви и повелевающий извлекать оттуда убежавших. За таким умыслом вскоре последовало наказание. Едва этот закон был обнародован, как и сам Евтропий подвергся царскому гневу и прибег в церковь. Тогда как он лежал пред жертвенником и трепетал от страха, епископ взошел на амвон, откуда обыкновенно проповедовал и прежде, чтобы лучше быть слышимым, и произнес против него обличительное слово. Этим он еще более раздражил против себя некоторых, то есть не только тем, что не пожалел несчастного, но и обличил его. Евтропий, имевший в то время достоинство консула, за некоторые преступления был, по повелению царя, обезглавлен, и его имя в списке консулов изглажено, так что в нем значится только имя товарища Евтропия по консульству, Феодора [14]. Говорят, что епископ Иоанн, со свойственной ему смелостью, сильно оскорбил и тогдашнего военачальника Гайну [15] — за то, что для своих единоверцев, ариан, он дерзнул просить у царя одну церковь внутри города. По разным причинам смело укорял Иоанн и других сановников, и через то нажил себе много врагов. Поэтому и александрийский епископ Феофил вскоре после рукоположения начал думать, как бы расставить ему сети, и с некоторыми, бывшими там людьми, тайно рассуждал об этом, а многим, находившимся далеко, сообщал свое желание письменно. Его оскорбляла не одна чрезмерная смелость Иоанна; он досадовал и на то, что не мог возвести на епископский престол в Константинополе подчиненного себе пресвитера Исидора. В таком-то состоянии были дела епископа Иоанна. Зло восстало на него тотчас, в самом начале его правления. Но об этом будем говорить в другом месте.

ГЛАВА 6

О тирании гота Гайны, о произведенном им в Константинополе возмущении и о его погибели

Я упомяну об одном, случившемся в то время достопамятном происшествии, и покажу, как промысл Божий чудесной помощью своей избавил город и римское государство от величайшей опасности. Что это за происшествие? По происхождению Гайна был варваром, но сделавшись римским подданным и вступив в военную службу, весьма скоро достиг высших должностей и, наконец, объявлен предводителем римской пехоты и конницы. Получив столь великую власть, он забылся и не мог ограничить своих замыслов, но, по пословице, ворочал камни, чтобы подчинить себе римскую империю. Он призвал к себе весь готский народ из его отечества и своим приближенным старался доставить в войске начальственные должности. Потом, когда один из его соотечественников, Требигальд, тысяченачальник расположенных во Фригии военных отрядов, по желанию Гайны, стал вводить новости и взволновал фригийцев, он домогался, чтобы ему поручено было устроение дел в этой области. Ничего не подозревая, царь Аркадий охотно на это согласился, и Гайна немедленно отправился, по-видимому, против Требигальда, а в самом деле для целей задуманной тирании. Он повел с собой многочисленные полки варваров готов и, пришедши во Фригию, начал все разрушать. Римляне устрашились как многочисленности бывших с Гайной варваров, так и великой опасности, угрожавшей богатым восточным провинциям. В таких обстоятельствах царь, воспользовавшись полезным для настоящего времени советом, употребил против варваров хитрость. Он отправил к нему послов и изъявил свою готовность служить ему словом и делом. Когда же Гайна потребовал в заложники двух первейших сенаторов, облеченных в консульское достоинство, Сатурнина и Аврелиана, которых почитал способными противиться его стремлению, царь, уступая необходимости, невольно выдал их. И эти мужи, для общего блага решившись пожертвовать собственной жизнью, охотно покорились воле царя: они вышли далеко за Халкидон и, приготовившись потерпеть все, что угодно будет варвару, встретились с ним в месте, называемом ипподром. Впрочем они не претерпели никакого зла. Гайна под благовидной личиной явился в Халкидон; туда же прибыл и царь Аркадий. Вошедши в церковь, где почивают мощи мученицы Евфимии, оба — и царь, и варвар — дали друг другу клятву, что не будут злоумышлять один против другого. Но царь, привыкший быть верным данному слову и за то любимый Богом, сохранил эту клятву, а Гайна нарушил договор и, не отступая от своего намерения, замышлял произвести пожары и грабежи в Константинополе и, если можно, во всей римской империи. Царственный город был уже во власти многочисленных варваров, и его жителям достался жребий плена [16]. Опасность, угрожавшая Константинополю, была так велика, что ее предвозвещала необыкновенной величины комета, которая от неба достигала до земли, и какой никто прежде не видывал. Гайна сперва хотел нагло расхитить хранившуюся в купеческих лавках для публичного размена серебряную монету, но когда распространилась об этом молва и купцы перестали выкладывать на столах серебро, он немедленно перешел к другому намерению: с наступлением ночи послал толпу варваров сжечь царский дворец. И тут-то ясно открылось, каким промышлением Бог блюдет наш город. Злоумышленникам представился многочисленный сонм ангелов в виде вооруженных воинов величественного роста. Предположив, что это в самом деле многочисленное и сильное войско, варвары изумились и отступили. Об этом донесено было Гайне, но он не поверил, ибо знал, что большая часть римского войска находится в отсутствии и расположена по разным городам Востока. Посему в следующую ночь посылает он других, а после сего несколько раз опять других, но так как все отряды делали пославшему такое же донесение, ибо ангелы Божии представляли злоумышленникам всегда один и тот же образ, то наконец, взяв многочисленное войско, он пошел сам и захотел лично убедиться в этом чуде. Заметив, в самом деле, множество войска, которое днем скрывается, а ночью противится его намерениям, он составил

другой план, как ему представлялось, гибельный для римлян, а как доказано последствиями, полезный для них. Притворившись одержимым злым духом, он, как бы для молитвы, спешит в церковь апостола Иоанна, отстоявшую от города на семь миль. Вместе с ним пошли и варвары, тайно неся оружие, которое они скрывали то в сосудах, то в других местах. Когда же привратники заметили коварство и не позволили им войти с оружием, то варвары, обнажив мечи, перебили их. От этого в городе произошло страшное смятение, казалось, смерть угрожает всем. Впрочем, город находился тогда вне опасности, потому что все ворота его были заперты. Между тем царь, воспользовавшись кстати спасительным советом, объявил Гайну врагом государства и повелел истребить оставшихся в городе варваров. На другой день после того, как привратники были умерщвлены, в городе наличные войска царя сразились с варварами в воротах, подле готской церкви, куда собрались все они, еще оставшиеся в живых. Церковь была сожжена и варваров убито великое множество [17]. Узнав, что не успевшие выйти из города сподвижники его истреблены, и видя, что хитрость ему не удалась, Гайна оставил церковь и побежал во Фракию. Прибыв в Херсонес, он старался переправиться из него и овладеть Лампсаком, чтобы оттуда господствовать над восточными областями. Но царь поспешил послать туда сухопутное войско и флот, — и вслед за тем снова открылось дивное действие Божия промысла, ибо едва лишь варвары, за неимением кораблей построив плоты, начали переправляться, как вдруг появились римские вооруженные корабли и подул сильный западный ветер. Римляне удобно плавали на кораблях, а варвары с конями сделались игрушкой волн и поглощены морем; сверх того, многие из них истреблены были и римлянами. Вообще при переправе погибло их несметное число. Гайна побежал назад, рыскал по Фракии и, встретившись с другим римским войском, погиб со всеми бывшими при нем варварами. Для краткого рассказа о Гайне довольно этого. А кто хочет узнать вес подробности упомянутой войны, тот пусть читает историю Гайны, написанную Евсевием схоластиком, который посещал тогда софиста Троила. Быв очевидцем военных действий, Евсевий описал тогдашние события в четырех книгах героическим размером, и так как о сих событиях еще все говорили, то своим стихотворением он возбудил удивление. Да и нынешний поэт Аммоний воспел то же самое происшествие, и в шестнадцатое консульство Феодосия Младшего, которое он имел вместе с Фавстом, поднесши свое стихотворение самодержцу, заслужил от него великую похвалу. Эта война кончилась в консульство Стилихона и Аврелиана. На следующий же год консульское достоинство дано было Фравитте, который был также гот, но пользовался великим расположением римлян во время той войны и совершил важные подвиги, за что и возведен был в достоинство консула. В том же году в десятый день месяца апреля у царя Аркадия родился сын, Феодосий Добрый. Но довольно об этом. При таком состоянии римской империи, люди, которым вверено было священнослужение, не переставали, ко вреду христианства, строить друг другу козни, ибо в это самое время духовные заботливо нападали один на другого, и сие зло вышло из Египта по следующей причине.

ГЛАВА 7

О разборе между александрийским епископом Феофилом и монашествующими пустынниками и о том, что Феофил анафематствовал сочинения Оригена

Незадолго перед этим возник вопрос: Бог есть ли существо телесное, имеющее человеческий образ, или Он бестелесен и чужд человеческого и вообще всякого телесного вида? По случаю этого вопроса, между многими произошли распри и споры: одни держались последнего мнения, другие защищали первое. Многие, особенно из простых подвижников, утверждали, что Бог телесен и человекообразен; но большая часть людей,

осуждая их, говорила, что Бог бестелесен и чужд всякого плотского вида. С последними соглашался и александрийский епископ, Феофил, который даже в церкви пред народом порицал христиан, облекавших Бога в человеческий образ, и доказывал, что Он бестелесен. Узнав о таком его учении, египетские подвижники оставили свои монастыри и, пришедши в Александрию, произвели возмущение против Феофила, обвиняли его в нечестии и угрожали ему смертью. Услышав об этом и чувствуя всю трудность своего положения, Феофил, для избежания предстоявшей себе погибели, решился употребить хитрость. Увидевшись с антропоморфитами, он начал расточать им ласкательства и сказал: «Созерцая вас, я как будто созерцаю лице Божие». Эти слова укротили порыв монахов, и они отвечали ему: «Если правда, что у Бога такое же лицо, какое у нас, то предай проклятию сочинения Оригена, потому что некоторые, основываясь на них, противятся нашему мнению; а если не сделаешь этого, то прими от нас жребий людей нечестивых и богопротивных». «Исполню ваше желание, — сказал Феофил, — не гневайтесь на меня. Я сам не люблю Оригеновых сочинений и порицаю тех, которые принимают их». Таким-то образом в то время отделался он от монахов и отпустил их. Может быть, этот, столь далеко зашедший вопрос и был бы забыт, если б к нему не присоединилось другое, следующее происшествие: в Египте настоятелями скитов были четыре богобоязненные мужа — Диоскор, Аммоний, Евсевий и Евфимий. Родные братья по рождению, они прозывались длинными, по высоте телесного роста, и славились как жизнью, так и ученостью, отчего в Александрии были предметом частых разговоров. Александрийский епископ Феофил весьма любил и уважал их, так что одного из них, Диоскора, извлекши из пустыни силой, сделал епископом в Гермополисе [18], а двух других вызвал для единожительства с собою. Убедить их к этому едва ли было можно: он употребил власть епископа, возвел их в достоинство клириков и вверил им хозяйственную часть в своей церкви. И они, хотя находились при нем поневоле, однако хорошо вели церковное хозяйство. Их огорчало только то, что им нельзя было, по желанию, жить подвижнически и предаваться любомудрию. Когда же впоследствии они заметили, что для душ их вредно видеть в епископе человека корыстолюбивого, слишком заботящегося о приобретении денег и, по пословице, двигающего камни, чтобы собрать их, то отказались долее оставаться при нем, говоря, что они любят пустынножительство и предпочитают его жизни в городе. Епископ же, пока не знал истинной причины отказа, увещевал их остаться, а когда ему сделалось известно, что они осуждают его, то воспламенился гневом и грозился причинить им всякое зло. Однако они мало думали об угрозах и удалились в пустыню, а Феофил, человек горячий по природе, воздвиг на них гонение и старался всеми средствами коварства вредить им. Он возненавидел также и брата их, гермопольского епископа Диоскора. Ему было весьма неприятно, что к Диоскору сохраняли преданность и питали особенное уважение подвижники. Феофил знал, что он не иначе может повредить сим мужам, как вооружив против них монахов, а потому употребил следующее средство. Ему было очень памятно, что эти братья, часто рассуждая с ним о Боге, называли Его существом бестелесным и не имеющим никакого человеческого образа, ибо человекообразному необходимо свойственны и человеческие страсти. Это доказано вообще древними, а особенно Оригеном. Точно так думал о Боге и Феофил, и тем не менее, для отомщения своим врагам, не усомнился объявить себя противником справедливого их мнения. Он вовлек в обман множество монахов, людей простых и неученых, из которых иные не знали даже и грамоты, и писал скитам в пустыне, что не должно верить Диоскору и его братьям, которые утверждают, будто бог бестелесен. Бог, по свидетельству священного Писания, говорит он, имеет очи и уши, руки и ноги, как и люди, а сообщники Диоскора, подражая Оригену, вводят нечестивое учение, будто у Бога нет ни очей, ни ушей, ни ног, ни рук. Таким лжемудрованием он обманул многих монахов, — и между ними произошло сильное возмущение. Образованнейшие из них, конечно, не увлеклись этой хитростью и остались на стороне Диоскора и Оригена, но необразованные, которых было числом гораздо более и которые

отличались особенной ревностью, тотчас востали против братий. Итак, между ними произошло разделение и одна сторона начала упрекать другую в нечестии. Преданные Феофилу называли братьев оригенистами и нечестивцами, а последние приверженцам Феофила давали имя антропоморфитов. Отсюда произошла сильная вражда, — и между монахами возгорелась война непримиримая [19]. Узнав, что цель его достигнута, Феофил с многочисленной толпой прибыл в Нитрию, где было много скитов, и вооружил монахов против Диоскора и его братьев, так что они с трудом избегли угрожавшей им опасности. Об этих событиях в Египте константинопольский епископ Иоанн вовсе не знал. Он отличался своими поучениями и через то приобретал всеобщую славу. Он первый также к ночным песнопениям присоединил молитвы по нижеследующей причине.

ГЛАВА 8

О собраниях для ночных песнопений у ариан и исповедников единосущия, о происшедшей между ними драке и о том, что пение антифонов получило начало от Игнатия Богоносца.

Ариане, как я сказал, делали свои собрания вне города. Для сего в праздничные дни каждой недели, то есть в субботу и воскресенье, когда обыкновенно бывали церковные собрания, они сходились в городских воротах около портиков и на двух противоположных сторонах пели гимны, составленные применительно к учению арианскому. Это происходило большей частью ночью. А поутру певшие свои антифоны шли из середины города по направлению к воротам, оттуда же — в места своих собраний. Так как в эти гимны они не переставали вносить оскорбительные для исповедников единосущия выражения, часто, например, пели «где те, которые три называют одною силою», то Иоанн, опасаясь, как бы кого-нибудь из простых такими песнями ариане не отторгли от Церкви, противопоставил им песнопения собственного народа, — приказал, чтобы исповедники единосущия упражнялись так же в пении ночных гимнов и, превосходя в этом усердии ариан, сильнее привлекали ближних к своей вере. Такое намерение Иоанна хотя казалось и полезным, однако сопровождалось смятением и опасностями. Так как исповедники единосущия ночные свои песнопения совершали гораздо торжественнее, ибо Иоанн придумал сопровождать их ношением серебряных крестов при свете восковых свечей, на что царица Евдоксия назначила от себя деньги, то ариане, которых было числом очень много, воспламенившись завистью, вознамерились отомстить за себя и сделать на них нападение. К тому же, помня прежнее свое владычество, они горячо приступали к битве и презирали своих противников. Таким образом, нимало не медля, в одну ночь произвели они драку, в которой евнух царицы, Бризон, управлявший в то время поющими, ушиблен был камнем в лицо и погибло несколько народа с той и другой стороны. Разгневанный этим, царь запретил арианам общественное песнопение [20]. Таковы-то были тогда происшествия. Теперь скажем, откуда родился в Церкви обычай петь антифоны. Игнатий, третий после апостола Петра епископ сирийской Антиохии [21], обращавшийся с самыми апостолами, в видении созерцал ангелов, воспевавших торжественную песнь святой троице на двух противоположных сторонах, и образ сего пения ввел в антиохийскую Церковь. Отсюда это предание перешло уже и во все прочие Церкви. Вот что говорят о пении антифонов.

ГЛАВА 9

О так называемых длинных монахах, и о том, как чрез них Феофил вступил в непримиримую вражду с Иоанном и старался низложить его

Спустя немного времени приходят в Константинополь монахи из пустыни вместе с Диоскором и его братьями, а с ними прибыл и Исидор, которого Феофил прежде весьма любил, теперь же сильно ненавидел по следующей причине. Некто Петр был протопресвитером александрийской Церкви. Питая к нему ненависть, Феофил старался изгнать его и обвинял в том, будто он допустил к святым тайнам одну женщину манихеянку, прежде нежели она отреклась от манихейской ереси. Но когда Петр сказал, что это жена и оставила свою ересь, и была принята не без воли Феофила, то Феофил вознегодовал на него, как бы оклеветанный, и утверждал, что вовсе не знает этого дела. Однако Петр привел в свидетели Исидора, что епископу известно все, касающееся упомянутой женщины. Исидор в то время жил в царственном Риме, куда послан был Феофилом к римскому епископу Дамасию, чтобы примирить его с антиохийским епископом Флавианом, от которого, как сказано было прежде, отпали приверженцы Мелетия по случаю данной им клятвы. По возвращении из Рима, призванный Петром для свидетельства, Исидор показал, что упомянутая манихеянка принята была действительно по воле епископа, и что он сам же преподал ей и святые тайны. После сего Феофил запылал гневом и обоих отлучил от Церкви. Это-то и было причиной, почему с Диоскором и его братьями прибыл в Константинополь и Исидор. Он намерен был и перед самим царем и епископом Иоанном изобличить устроенное против них коварство. Узнав об этом, Иоанн принял упомянутых мужей с честью и не возбранил им участвовать в молитвах, однако сказал, что к общению в таинствах не допустит их, пока не разведает их дела. Между тем, как это происходило таким образом, до Феофила дошел ложный слух, будто Иоанн преподал им и святые тайны, и готов защищать их. В результате Феофил начал всячески стараться, как бы не только отомстить Диоскору и Исидору, но и Иоанна низвести с епископского престола. Он рассылал к епископам всех городов послания, в которых, скрывая свое намерение, явно порицал только сочинения Оригена, несмотря на то, что этими сочинениями еще прежде его часто свидетельствовался Афанасий, когда в своих речах защищал веру против ариан.

ГЛАВА 10

О том, как Епифаний кипрский, обманутый хитростью Феофила, собрал епископов на Собор в Кипре будто бы против сочинений Оригена и укорял Иоанна за то, что он читал Оригеновы книги

Феофил подружился и с епископом города Констанции на острове Кипре, Епифанием [22], с которым до того времени был в несогласии. Он порицал Епифания за то, что последний в своем понятии уничижал Бога, почитая Его человекообразным, но теперь, ради ненависти к другим, явно отрекся от прежнего своего мнения и, быв в несогласии с Епифанием, восстановил с ним дружбу, то есть как бы раскаялся и в мнении касательно Бога вступил с ним в единомыслие, даже усиливался созвать в Кипре Собор епископов с целью осудить сочинения Оригена. Епифаний, по причине чрезвычайного благочестия сохранив простоту нрава, тотчас согласился на письменное предложение Феофила; он составил Собор из епископов острова и запретил читать книги Оригена, потом писал Иоанну и убеждал его посланием воздержаться от чтения сочинений Оригена, созвать также Собор и сделать одинаковое с ним по этому предмету определение. Склонив на свою сторону знаменитого благочестием Епифания и увидев, что он достиг своей цели, Феофил уже с большей смелостью и сам созвал многих

епископов и, подобно Епифанию, произнес клевету на книги Оригена, умершего более чем за двести лет до этого времени, произнес, поставляя себе прямой целью не книги, а месть приверженцам Диоскора. Между тем Иоанн, нимало не заботясь о том, чем угрожали ему Епифаний и Феофил, с усердием занимался назиданием Церквей и приобретал через то славу, а устрояемое себе коварство вменял ни во что. Но враги Иоанна, когда вообще сделалось известно, что Феофил старается лишить Иоанна епископства, начали строить ему козни: многие и из клира, и из вельмож, имевших великую силу при дворе, полагая, что наступило удобное время отомстить ему, старались созвать в Константинополе многочисленный Собор епископов и приглашали сюда одних письменно, других устно.

ГЛАВА 11

О Севериане и Антиохе сирийском, как они отступили от Иоанна и по какой причине

Ненависть к Иоанну еще более увеличилась по следующему случаю. В одно время с ним были в славе два епископа, родом сирийцы, Севериан и Антиох. Севериан управлял Церковью в сирийском городе Гавалы, а Антиох — в финикийской Птолемаиде. Оба они славились красноречием, но Севериан, казавшийся весьма ученым, произносил греческие слова не совсем чисто; в греческом его выговоре слышно было что-то сирийское. Из Птолемаиды Антиох однажды приезжал в Константинополь и здесь, в продолжение некоторого времени усердно проповедуя по церквам, собрал множество денег и возвратился к своей пастве. Впоследствии узнав, что Антиох сделал в Константинополе великий сбор, и Севериан захотел подражать его примеру. Долго трудившись и сочинив много поучений, он прибыл в Константинополь и, принятый Иоанном ласково, несколько времени угождал и льстил ему, да и сам был любим и уважаем, а между тем своим учением начал приобретать себе славу и сделался известен многим вельможам и самому государю. Случилось, что в то время скончался епископ Эфесский. Поэтому Иоанн необходимо должен был отправиться в Эфес для рукоположения нового епископа. Находясь там, он увидел, что возвести в епископское достоинство старался кто кого и что, желая доказать справедливость своего выбора, все жарко спорили между собою. Увидев же, что обе партии находятся в раздоре и не хотят ни в чем принимать его увещаний, он вознамерился решить спор их без дальних хлопот и в епископа рукоположил диакона своего Гераклида, родом киприота [23]. После сего, обе стороны прекратили свои споры и успокоились. Но Иоанну необходимо было провести в Эфесе еще несколько времени. Между тем как он там жил, Севериан в Константинополе приобретал более и более любви от своих слушателей, и это не скрылось от Иоанна, ибо ему немедленно доносили обо всем, что происходило. Так как Серапион, о котором упомянуто было выше, по предположению извещал своего епископа, что Севериан возмущает Церковь, то Иоанн воспламенился ревностью и, отняв на пути у новациан и четырнадцатидневников много церквей, прибыл в Константинополь. По возвращении своем, он снова возымел должное попечение о церквах, но гордости и высокомерия Серапиона терпеть никто не мог, потому что, приобретши полную доверенность епископа Иоанна, Серапион превозносился перед всеми более надлежащего и этим возбуждал сильнейшую ненависть против самого епископа. Однажды Севериан проходил мимо Серапиона, но последний не отдал ему должной чести, как епископу, и остался на своем месте, показав тем, что для него ничего ни значит присутствие Севериана. Севериан не перенес такого пренебрежения, но тут же громогласно сказал всем: «Если Серапион умрет христианином, то Христос не вочеловечился». Воспользовавшись этим случаем, Серапион привел Севериана в явную

вражду с Иоанном. Скрыв от Иоанна условие («если Серапион умрет христианином»), он донес ему только последние слова: «Христос не вочеловечился», и чтобы доказать, что это действительно было сказано, представил множество свидетелей. После сего Иоанн, нимало не медля, выслал Севериана из города. Узнав об этом, императрица Евдоксия начала порицать Иоанна и приказала, как можно скорее, возвратить Севериана из Халкидона вифинского. Севериан тотчас возвратился. Но Иоанн, несмотря ни на какие увещания, избегал дружбы с ним. Наконец, царица Евдоксия в церкви Апостолов повергла к ногам Иоанна сына своего Феодосия, благополучно ныне царствующего, а тогда бывшего еще в младенчестве, и, долго клявшись им, с трудом убедила епископа восстановить дружбу с Северианом. В результате, по наружности они примирились, но в душе оставались друг к другу в неприязненном отношении. Вот что подало Иоанну повод к неудовольствию на Севериана.

ГЛАВА 12

О том, как Епифаний, прибыв в Константинополь и желая угодить Феофилу, делал собрания и совершал рукоположения против воли Иоанна

Немного спустя, в Константинополь опять, по совету Феофила, приезжал кипрский епископ Епифаний и привез с собою запретительное определение против Оригеновых книг, которым не отлучил самого Оригена, а только отверг его сочинения. Пристав близ церкви святого Иоанна, отстоявшей на семь миль от города, и вышедши из корабля, он сделал собрание и, рукоположив диакона, немедленно прибыл в город. Из угождения Феофилу, не согласившись на приглашение Иоанна, он остановился для жительства в частном доме и, созвав приезжих епископов, прочитал им запретительное определение против сочинений Оригена и прибавил: «Я ничего не могу сказать против них, но мне и Феофилу показалось нужным подвергнуть их запрещению». Некоторые, из уважения к Епифанию, подписали это определение, но большая часть отказалась. Из числа последних был и епископ Скифии, Феотим, давший Епифанию следующий ответ: «Епифаний! Я не согласен оскорблять и древнего мужа, если он скончался в благочестии; не смею приступить к поносному делу и изгнать то, чего не отвергали наши предки, особенно когда мне известно, что в книгах Оригена нет никакого худого учения». Тут он принес одну Оригенову книгу, прочитал ее и показал, что в ней содержится изложение учения Церкви, а потом прибавил: «Порицатели этих книг, сами не замечая, порицают и то, о чем в них говорится». Вот что отвечал Епифанию знаменитый своим благочестием и святостью жизни Феотим.

ГЛАВА 13

О том, что говорит этот писатель в защиту Оригена

Так как любители порицания многих расположили разуметь Оригена, будто человека поносного, то здесь прилично, думаю, сказать о них несколько слов. Люди слабые и неспособные высказаться собственными делами хотят обратить на себя внимание порицанием тех, которые лучше их. Такую слабость имел, во-первых, епископ ликийского города Олимпа Мефодий, потом недолго управляющий антиохийской церковью Евстафий, после него Апполинарий и, наконец, Феофил. Эта-то четверка хулителей, идучи не одним и тем же путем, поносила Оригена. Все они представляли разные

причины к его обвинению и тем ясно показали, что чего не осуждали, в том были совершенно уверены. Так как всякий из них опровергал что-либо отдельное, то очевидно, что чего не осуждал один, то принимал за несомненную истину другой и самым молчанием одобрял учение, отвергаемое прочими. А Мефодий, многократно нападавший на Оригена, впоследствии даже запел противную тому песню и в своем разговоре под названием «Ксенон» начал удивляться сему мужу. Полагаю, что их обвинение более служит к похвале Оригена, ибо, если изыскав все, по их мнению, достойное порицания, они вовсе не упрекали его в неправомыслии касательно святой троицы, то этим ясно выставили себя свидетелями правой его веры. Непорицание с их стороны есть свидетельство в его пользу. Да и ревностный защитник веры в единосущие, Афанасий, в своих рассуждениях против ариан громогласно призывает этого мужа в свидетели своего исповедания и, соединяя его слова с собственными, говорит: «Наше мнение о Сыне Божием подтверждает сам дивный и трудолюбивейший Ориген, когда называет Его совечным Отцу». Итак, порицающие Оригена сами не замечают, что вместе с тем злословят и хвалителя его Афанасия. Но довольно об Оригене, перейдем теперь к дальнейшему повествованию.

ГЛАВА 14

О том, что Иоанн приглашал к себе Епифания, который однако не послушался и продолжал делать особые собрания в церкви Апостолов, и что первый с упреком показывал последнему незаконность его поступков во многих случаях, чем устрашенный, он возвратился в отечество

Иоанн не только не оскорбился, что, вопреки постановлению, Епифаний в его Церкви совершил рукоположение, но еще просил его жить вместе с собой в епископском доме. Однако Епифаний в ответ на это сказал, что не станет ни жить, ни молиться вместе с ним, пока он не изгонит из города приверженцев Диоскора и не даст собственноручного согласия на осуждение Оригеновых сочинений. А так как Иоанн медлил исполнить это требование, утверждая, что безрассудно было бы решиться тут на что-либо прежде определения вселенского Собора, то враги его советовали Епифанию употребить другое средство. Они готовились сделать Собор в церкви апостолов и убеждали кипрского епископа выйти вперед и перед всем народом [24] осудить книги Оригена, отлучить от Церкви приверженцев Диоскора и обвинить Иоанна в том, что он держит их сторону. Это пересказано было Иоанну, и на следующий день, когда Епифаний вошел уже в церковь, Серапион от имени Иоанна объявил ему следующее: «Епифаний! Ты делаешь много противного постановлениям: во-первых, в Церквах, мне подчиненных, совершаешь рукоположение, во-вторых, без моего позволения, пользуясь только собственной властью, отправляешь в них богослужение. Некогда я приглашал тебя, — и ты отказывался, а теперь входишь самовольно. Берегись, чтобы в народе не произошло возмущения и чтобы тогда самому тебе не подвергнуться опасности». Выслушав это, Епифаний в страхе удалился из церкви и, осыпав Иоанна жестокими укоризнами, отплыл на Кипр. Некоторые говорят, будто перед самым отплытием он так сказала Иоанну: «Надеюсь, что ты не умрешь епископом», на что Иоанн отвечал: «Надеюсь, что ты не достигнешь отечества». Не могу утверждать, правду ли говорили те, от которых я слышал это, но предсказания сбылись над обоими, потому что и Епифаний, не доехав до Кипра, умер во время пути на корабле, да и Иоанн, немного спустя, низведен был с епископского престола, как увидим ниже.

ГЛАВА 15

О том, что по отплытии Епифания Иоанн сказал слово против женщин и за то, старанием царя и царицы, на Соборе, бывшем против него в Халкидоне, изгнан из Церкви

По отплытии Епифания Иоанн узнал от некоторых, что Епифаний вооружен был против него царицей Евдоксией [25]. Быв горячего нрава и всегда готовый говорить, он ни мало не медля сказал народу слово, в котором порицал всех вообще женщин. Это слово народ тотчас понял, как намек на царицу, и молва о нем через недоброжелателей Иоанна дошла до двора. Узнав это, императрица жаловалась царю на причиненное ей оскорбление и говорила, что, оскорбляя ее, оскорбляют и его. Царь повелел Феофилу наскоро созвать против Иоанна Собор, к чему подстрекал его и Севериан, который все еще помнил обиду. Поэтому Феофил в короткое время созвал многих епископов из разных городов и прибыл с ними в Константинополь. Зов его подтверждался и указом царя. На Собор съехались большей частью те, которые по каким-либо причинам питали вражду против Иоанна. Явились и такие, которых Иоанн лишил епископства, ибо во время путешествия своего в Эфес для рукоположения Гераклида он низложил многих азийских епископов [26]. Сговорившись между собой, все они собрались в Халкидоне, что в Вифинии. Халкидонским епископом тогда был некто Кирин, родом египтянин, который много наговорил епископам об Иоанне, называя его нечестивым, высокомерным, непреклонным, и епископы с удовольствием слушали слова его. В это время епископ Месопотамии Маруфа однажды, по неосторожности, наступил Кирину на ногу, и тот, сделавшись от сего очень болен, не мог вместе с другими ехать в Константинополь, но остался в Халкидоне, а прочие отправились. Из клира никто не встретил Феофила и не оказал ему обычной почести, потому что все видели в нем явного врага Иоанна, но александрийские мореходы, корабли которых с хлебом случайно стояли тогда близ Константинополя, вышли к нему навстречу и приняли его благожелательно. Феофил отказался войти в дом молитвы и остановился в одном из царских дворцов, который назывался Плацидиным. С этого времени отсюда стало выходить множество обвинений на Иоанна. Но о книгах Оригена еще и не упоминали, а рассматривали другие странные обвинения. Предуготовив все таким образом, епископы собрались в одном предместии Халкидона, которое называлось Дуб [27], и тотчас послали звать Иоанна для оправдания во взносимых на него обвинениях. Вместе с ним приказано было явиться также Серапиону пресвитеру, евнуху Тигру и чтецу Павлу, потому что с Иоанном и они подвергались обвинениям. Но так как Иоанн, в своих судьях видя врагов, устранял их от суда и требовал Собора вселенского, (то и не шел на этот суд). Епископы же, не обратив на то внимания, звали его еще четыре раза, и когда он при всем том не хотел идти и повторял одно и то же, осудили его и низложили, поставив ему в вину только одно, что он не послушался призывавших [28]. Низложение Иоанна сделалось известно вечером и произвело величайшее смятение в народе. Народ целую ночь стерег церковь, чтобы из нее не увлекли Иоанна и кричал, что возносимые на него обвинения надобно рассмотреть на Соборе более многочисленном. Но от царя вышел указ, повелевавший как можно скорее взять епископа и отправить его в ссылку. Иоанн узнал об этом и опасаясь, чтобы из-за него не произошло мятежа, на третий день после своего низложения, около полудня, сам выдал себя тайно от народа и был отправлен.

ГЛАВА 16

О том, что по причине народного волнения, возбужденного ссылкой Иоанна, послан был к нему царский евнух Бризон с повелением возвратить его в Константинополь

Народ чрезвычайно волновался и, как в подобных случаях обыкновенно бывает, многие из недругов Иоанна стали жалеть о нем и говорили, что он оклеветан, хотя незадолго перед тем сами нетерпеливо ждали его низложения. Посему в народном крике слышен был ропот большей частью на царя и на Собор епископов, и роптавшие всю вину этих козней возлагали особенно на Феофила, потому что козни его не могли долее оставаться в тайне — как по многим другим признакам, так, особенно, потому, что вскоре по низложении Иоанна он вступил в сношение с сообщниками Диоскора, по прозванию длинными [29]. В то же время Севериан, уча в церкви, счел благовременным порицать Иоанна и говорить, что если бы и ни в чем другом не был он обличен, то один высокомерный нрав его был бы достаточной причиной к низложению сего епископа, потому что все грехи прощаются людям, но гордым, как учит священное Писание, Бог противится. Эти слова еще более раздражили народ. Посему царь приказал как можно скорее звать назад Иоанна [30]. Посланный за ним евнух царицы Бризон, настиг его в Пренете, торговом местечке, лежащем против Никомидии, и возвратил в Константинополь. Но возвращаемый Иоанн заранее объявил, что до тех пор не вступит в город, пока не оправдают его на более представительном Соборе, и потому на время остановился в городском предместий, называемом мариинским. Между тем как он медлил и не хотел вступить в город, народ вознегодовал и скоро стал произносить оскорбительные выражения в адрес царствующих особ; это заставило Иоанна вступить в город. Многочисленные толпы народа вышли к нему навстречу и с величайшими почестями прямо повели его в церковь [31]. Здесь народ просил его сесть на епископский престол и по обыкновению преподать предстоящим мир. Когда же Иоанн начал отказываться, говоря, что он может сделать это только по приговору судей и что прежние судьи должны наперед оправдать его, то народ еще более воспламенился желанием видеть Иоанна на епископском престоле и слышать его учение, — и наконец склонил его к этому. Иоанн сел на епископский престол и по обыкновению возвестил народу мир и даже, уступая необходимости, произнес поучение. Этот поступок подал повод врагам Иоанна строить ему новые козни, но они на время примолкли.

ГЛАВА 17

О том, что, когда Феофил, несмотря на сопротивление Иоанна, хотел рассмотреть дело Гераклида во время его отсутствия, произошло возмущение и погибли многие из жителей Константинополя и Александрии и что, устрашившись этого, Феофил вместе с другими епископами удалился из города

Феофил еще прежде старался подвергнуть следствию рукоположение Гераклида, чтобы, если можно, найти здесь повод к низвержению Иоанна. Самого Гераклида теперь не было, но его обвиняли заочно, будто он кого-то без всякой причины бил, заключил в оковы и приказывал торжественно водить по улицам Эфеса. По этому случаю преданные Иоанну люди говорили, что суда над отсутствующим производить не должно, но александрийцы с жаром противоречили им, утверждая, что выслушать обвинителей Гераклида надо, несмотря на то, что те обвиняли его заочно [32]. Отсюда между константинопольцами и александрийцами [33] произошла сильная распря и драка, так что во время схватки многие были изранены, а некоторые и убиты. Узнав об этом, Феофил тотчас же убежал в Александрию, что сделали и другие епископы, кроме немногих, защищавших Иоанна; все они возвратились в свои епархии, будто беглецы. После этого всеобщее осуждение пало на Феофила, и ненависть к нему сделалась еще сильнее, когда, совсем не скрываясь, он

начал снова усердно читать сочинения Оригена. Кто-то спросил его, почему он с любовью занимается теперь книгами, которые прежде отвергал. На это Феофил дал такой ответ: «Сочинения Оригена подобны лугу, усеянному цветами всякого рода; если среди них я нахожу что-либо хорошее, то срываю, а что кажется мне тернистым, то оставляю, как колючее». Отвечая таким образом, Феофил не подумал об изречении премудрого Соломона, что *словеса мудрых якожу остны воловыя* (Еккл. 12, 10), и что укалываемые умозрениями не должны приражаться к ним. За это-то Феофил подвергся общему осуждению. Вскоре после бегства Феофила скончался епископ гермопольский Диоскор, один из братьев, прозванных длинными, и торжественно был погребен в церкви предместья Дуб, где был собор на Иоанна. Иоанн между тем занимался проповеданием Слова Божия и рукоположил во епископа фракийской Гераклеи того самого Серапиона, который возбудил против него ненависть. Немного же спустя случилось следующее.

ГЛАВА 18

О серебряной статуе Евдоксии, и о том, что за нее Иоанн снова изгнан был из церкви и отправлен в ссылку

Императрице Евдоксии поставлена была на порфировой колонне серебряная статуя, одетая в тонкую женскую одежду. Эта статуя стояла на высоком подножии, не слишком близко и не очень далеко от церкви, называемой Софией, так что их разделяла одна средняя дорога площади. Подле этой статуи обыкновенно происходили народные игры. Почитая сии игры оскорбительными для церкви, Иоанн снова принял тон обыкновенной смелости и вооружил свой язык против учредителей их. Ему следовало бы убедительно просить властителей, чтобы они прекратили эти игры; а он не сделал так, но употребил язык обличительный и начал порицать особ, повелевших учредить их. Царица, как и прежде, приняла это на свой счет и, почитая для себя слова его оскорбительными, снова начала стараться созвать Собор против епископа [34]. Узнав об этом, Иоанн сказал в церкви ту известную беседу, которая начинается словами: «Иродиада опять беснуется, опять возмущается, опять пляшет, опять старается получить на блюде главу Иоанна» [35]. Это еще более раздражило царицу, и вскоре явились епископы: Леонтий, епископ Анкиры, что в малой Галатии, Аммоний, епископ Лаодикии писидийской, Брисон, епископ Филипп, что во Фракии, Акакий, епископ Верии сирийской, и некоторые другие [36]. По прибытии их, восстали прежние обвинители. В этом случае Иоанн не упал духом и согласился, чтобы рассмотрены были возносимые на него обвинения. Между тем настал праздник Рождества Спасителя, и царь, против обыкновения, не пришел в церковь, объявив Иоанну, что он не прежде вступит в общение с ним, как по оправдании его от обвинений. А обвинители, по мере возрастающего мужества Иоанна, делались малодушнее, и присутствовавшие епископы не находили ничего достойного осуждения. По словам их, одно только надлежало осудить: почему Иоанн, после своего низложения, занял престол без соборного утверждения. На слова Иоанна, что он восстановлен шестидесятые пятью епископами, вступившими с ним в общение, Леонтий и товарищи его возразили: «На Соборе низложило тебя, Иоанн, большее число епископов». Но Иоанн отвечал, что это правило принадлежит не их Церкви, а арианской, ибо собравшись в Антиохии для уничтожения веры в единосущие, ариане издали такое правило по ненависти к Афанасию. Однако, епископы не приняли этого оправдания и низложили Иоанна, забывая, что пользуясь означенным правилом, они низлагали вместе с ним и Афанасия. Это случилось перед праздником пасхи [37]. Царь объявил Иоанну, что он не может войти в церковь, потому что осужден двумя Соборами. Таким образом, Иоанн остался отлученным и с того времени никогда не входил в церковь [38]. Поэтому и все

преданные ему немедленно удалились из церкви и праздновали пасху в общественных банях, называемых Константиновскими. Вместе с ними было много епископов, пресвитеров и других людей церковного чина [39], которые с этого времени по своей воле делали в разных местах частные собрания и назывались иоаннитами. Два месяца Иоанн не выходил никуда [40], пока не получил царского указа — отправиться в ссылку. Он был взят из церкви и увезен. В тот самый день некоторые из иоаннитов зажгли церковь; когда же она горела, подул сильный ветер, и пламя истребило здание сената [41]. Это случилось в двадцатый день июня, в шестое консульство Гонория, когда товарищем его был Аристенет. По случаю сего пожара, что сделал с приверженцами Иоанна префект Константинополя, по имени Оптат, державшийся языческой религии и потому ненавидевший христиан, сколь многих из них предал он казни, о том лучше, кажется, умолчать [42].

ГЛАВА 19

Об Арзакии, который рукоположен был на место Иоанна, и Кирине халкидонском

Спустя несколько дней в епископа константинопольского рукоположен был Арзакий, брат Нектария, счастливо управлявшего этой епископией до Иоанна. Арзакий был человек очень старый, имевший тогда более восьмидесяти лет [43]. Между тем как он, отличаясь особенной кротостью, мирно управлял своею паствою, халкидонский епископ Кирин, которому месопотамский епископ Маруфа по неосторожности раздавил ногу, находился в худом положении: нога его загнила до того, что надлежало отнять ее, и это делали не раз, а многократно, ибо болезнь распространилась по всему телу, так что и другая нога заразилась ею и требовала такого же врачевания. Я упоминаю об этом по той причине, что болезнь Кирина многие считали наказанием за злословие Иоанна, поскольку Кирин, как прежде сказано, всегда называл его непреклонным. А так как тогда же в Константинополе и его окрестностях выпал необыкновенной величины град, что случилось при тех же консулах в тридцатый день месяца сентября, то и это явление относили к признакам гнева Божия за несправедливое низложение Иоанна. Подобные толки еще более усилились по случаю смерти царицы, которая скончалась в четвертый день после того, как выпал град. Другие же, напротив, говорили, что Иоанн низложен справедливо, ибо путешествуя в Эфес для рукоположения Гераклида, он отнял много церквей у новациан, четырнадцатидневников и некоторых других в Азии и Лидии. Справедливо ли было низложение Иоанна, как утверждали люди, огорченные им, или Кирин получил достойное наказание за свое злословие, также из-за Иоанна ли выпал град и умерла царица, или это произошло по другим причинам, либо даже по тем и другим вместе, — известно одному Богу, который знает тайное и есть праведный судья самой истины. А я написал, что тогда говорили.

ГЛАВА 20

О том, что после Арзакия на Константинопольский престол вступил Аттик

Арзакий недолго жил в епископстве, ибо скончался в следующее консульство, когда консулами были Стилихон во второй раз и Антемий, а именно одиннадцатого числа ноября. Так как этой епископии домогались многие, и потому в искательстве протекло много времени, то упразднившийся престол занят был уже в следующее консульство, то

есть, шестое Аркадия и Проба, и в епископское достоинство возведен благочестивый муж, по имени Аттик [44]. Родом был он из Севастии, что в Армении, с юных лет вел жизнь подвижническую, и хотя имел образование посредственное, но обладал здравым природным рассудком. О нем я буду говорить немного ниже.

ГЛАВА 21

О кончине Иоанна в изгнании

Иоанн скончался на пути в ссылку, именно в Команах при Эвксинском Понте, в четырнадцатый день месяца сентября, в следующее консульство, то есть седьмое Гонория и второе Феодосия [45]. Он был, как и прежде сказано, по строгому воздержанию, более склонен к гневу, нежели к ласковости, и, воодушевляемый воздержанием, во всю свою жизнь смело говорил истину. Но удивляюсь, почему при таких подвигах воздержания он в своих беседах учил пренебрегать воздержанием. Так, несмотря на то, что на Соборе епископов постановлено было, чтобы от падших после крещения только однажды принимаемо было покаяние, он дерзнул сказать: «приступай, хотя бы ты каялся и тысячу раз». За такое учение порицали его многие даже из близких к нему людей, а особенно епископ новацианский Сисинний, который против этих слов Иоанна написал и сочинение, где сильно нападал на него. Но это было еще прежде.

ГЛАВА 22

О новацианском епископе Сисиннии, и о чем говорил он с Иоанном

Мне кажется, теперь не неблаговременно сказать несколько слов и о Сисиннии. Это, как я многократно говорил, был муж красноречивый и глубоко знал философию, особенно же занимался диалектикой и хорошо умел изъяснить священное Писание, так что и еретик Евномий часто убегал от силы его диалектических состязаний. Но жизнь вел он не скудную, при всей строгости воздержания, любил пышность и великолепие, роскошно одевался в белые одежды и два раза в день мылся в общественных банях. Однажды кто-то спросил его, почему, будучи епископом, он моется дважды в день? Потому, отвечал Сисинний, что в третий раз не успеваю. В другое время, сделав почетное посещение епископу Арзакию, он выслушал вопрос от одного из приближенных Арзакия, почему на нем не приличная епископу одежда? Где написано, что священному лицу должно одеваться в светлые ризы? Сисинний отвечал: «Скажи прежде ты, где написано, что епископ должен носить черные», и, когда вопрошатель не знал, как отвечать на этот встречный вопрос, он прибавил: «Ты не в состоянии доказать, что священному лицу следует одеваться в черную одежду, на моей стороне и Соломон, который говорит: да будут ризы твоя белы (Еккл. 9, 8) и Спаситель, который, по свидетельству Евангелия, не только сам явился в белой одежде (Лук. 9, 29), но даже Моисея и Илию показал Апостолам в белых ризах». Этими и другими внезапными ответами Сисинний привел всех присутствовавших в величайшее удивление. Когда-то епископ Анкиры, что в малой Галатии [46], Леонтий отнял у новациан церковь и потом проживал в Константинополе. Сисинний пришел к нему и убедительно просил его о возвращении церкви. Но Леонтий принял его с гневом и сказал: «Вы, новациане, не должны иметь храма, потому что отвергаете покаяние и отвращаете от людей Божие милосердие». Выслушав от Леонтия этот и другие худые отзывы о новацианах, Сисинний возразил: «Однако никто так не

раскаивается, как я. — В чем же раскаиваешься ты? — спросил Леонтий. — В том, — отвечал Сисинний, — что увидел тебя». Однажды укорял его также епископ Иоанн, говоря, что один город не может иметь двух епископов. «Да и не имеет», — отвечал Сисинний. Иоанн разгневался и сказал: «Видишь ли, ты один хочешь быть епископом?» «Не то хотел я выразить, — отвечал Сисинний. — Моя мысль та, что будучи епископом для других, я не епископ для тебя одного». Приняв эти слова с негодованием, Иоанн сказал: «Я запрещу тебе проповедывать, потому что ты еретик. — А я дам тебе награду, — промолвил уклончиво Сисинний, — если избавишь меня от такого труда». Смягченный этим ответом Иоанн заключил: «Так не запрещу же тебе проповедовать, если проповедование для тебя тяжело». Вот сколь находчив и ловок был в ответах Сисинний. Впрочем описывать и припоминать все сказанное им слишком долго. И из сих немногих приведенных мною примеров, довольно видно, каков он был. Прибавлю только, что Сисинний очень славился своей ученостью, и потому все соседственные епископы любили и уважали его. Мало того, ему свидетельствовали свою привязанность и удивление даже знаменитые сановники сената. Он написал много сочинений, в которых особенно старался о красоте слога и приводил выражения поэтов. Но гораздо большую славу приобрел он живым словом, чем сочинениями, потому что и в лице его, и в голосе и в одежде, и во взгляде, и во всех телодвижениях заметна была какая-то приятность, за что любили его христиане всех исповеданий, а особенно епископ Аттик. Но о Сисиннии, кажется, довольно.

ГЛАВА 23

О смерти царя Аркадия

Спустя немного после кончины Иоанна, скончался и царь Аркадий, муж кроткий и миролюбивый, под конец жизни стяжавший славу боголюбезного по следующему случаю. В Константинополе есть очень большое здание, называемое Кариею. Это название произошло от того, что на дворе сего здания находится тминное дерево, на котором, говорят, был повешен и скончался мученик Акакий. По этой причине близ дерева построен и молитвенный домик. Царь Аркадий захотел посетить его, вошел, помолился и опять вышел. При этом все, живущие около молитвенного дома, сбежались посмотреть на царя, и одни стали перед домом и старались занять места подле идущей мимо дороги, чтобы лучше рассмотреть лицо царя и окружающих его телохранителей, а другие вошли вслед за ним, пока прочие с женами и детьми оставались вне дома. Тотчас после сего целое огромное здание, окружавшее молитвенный дом, обрушилось, и за этим следовали восклицания и удивление, — все взывали, что только молитва царя спасла от гибели такое множество народа. Это было точно так, как я сказал. Царь скончался, оставив восьмилетнего сына Феодосия, что случилось в консульство Васса и Филиппа, в первый день мая, во второй год 297-й Олимпиады. Царствовал он вместе с отцом своим Феодосием тридцать лет [47], а по смерти отца четырнадцать, вся же жизнь его продолжалась тридцать один год. Эта книга обнимает двенадцать лет и шесть месяцев времени.

Комментарии

[1] Сократ намекает на события, связанные с низложением и ссылкой константинопольского

епископа Иоанна Златоуста.

[2] Аркадий стал первым восточно-римским императором /395—408/, Гонорий — первый западно-римским /395—423/. В момент смерти Феодосия Аркадию еще не было восемнадцати, Гонорию же было всего десять лет.

[3] Ближайший сотрудник Феодосия Великого, преторианский префект Руфин стал после смерти императора фактическим правителем Восточно-римской империи. Единственным, кто мог бороться с его влиянием, оказался евнух Евтропий, императорский постельничий /препозит священной опочивальни/. Воспользовавшись временным отъездом Руфина в Антиохию, Евтропий свел Аркадия с молодой красавицей Элией Евдоксией, разрушив тем самым план префекта женить императора на своей дочери Марии. Руфин не смог помешать браку Аркадия с Евдоксией. При возвращении римской армии после похода против восставших готов /во главе которых стоял Аларих/ префект был неожиданно казнен 27 ноября 395 г. Вероятно, заговор против Руфина организовали Евтропий и военачальник Гайна, гот по происхождению.

[4] Нектарий умер 26 сентября 397 г. Ситуация в Константинополе была особо неустойчивой из-за длительного периода преобладания ариан в столице /до 380 г./, из-за слабого управления Нектария и из-за интриг александрийского епископа Феофила, желавшего ослабить своих константинопольских соперников и иметь на столичном престоле своего ставленника.

[5] 388 г.

[6] Своим выбором антиохийский пресвитер Иоанн /Иоанн Златоуст/, кандидатура которого сначала не привлекла большого внимания, был обязан препозиту Евтропию, фактическому правителю Империи после убийства Руфина. По свидетельству Палладия, Иоанн произвел большое впечатление на Евтропия во время их первой встречи в Антиохии незадолго до описываемых событий. Кроме того, Евтропий, предпочтя антиохийского кандидата, действовал в пику честолюбивому александрийскому папе.

[7] Иоанн Златоуст стал константинопольским епископом 26 февраля 398 г.

[8] Около 354 г. Его отец Секунд занимал важный военный пост в Сирии.

[9] Речь идет о Евагрии Понтийском, знаменитом монахе и христианском писателе. См. IV.23.

[10] В восемнадцатилетнем возрасте.

[11] Это не Василий Великий, а какой-то другой Василий из Каппадокии.

[12] Антиохийским епископом.

[13] Иоанн Златоуст вызвал недовольство клира прежде всего тем, что он провел реформу епархиальной администрации Константинополя. Он лишил некоторых клириков постов из-за их аморального поведения или преступлений, прекратил все траты на нецерковные цели, сократил бюджет епископской резиденции, уничтожил официальные епископские обеды. Сэкономленные средства Иоанн использовал для строительства больниц и приютов для бедных, а также гостиниц для прибывающих в столицу паломников.

[14] Падение Евтропия было делом рук военачальника Гайны. Однако свою роль в этом сыграла и императрица Евдоксия, раздраженная непочтительным отношением к ней евнуха, хотя она была обязана ему всем своим высоким положением.

[15] Влияние Гайны резко усилилось после падения Евтропия в 399 г.

[16] Гайна вернулся в Константинополь в начале 400 г. Однако враждебные ему группы не позволили варварскому военачальнику приобрести такую же власть, которую имели до него Руфин и Евтропий. Попытка Гайны скрытно захватить императорский дворец не удалась, и он приказал своим войскам отступить из столицы. Но в этот момент готы стали объектом нападения восставших жителей Константинополя. Часть готов бежала, другая же часть была истреблена на улицах или сожжена в церкви рядом с императорским дворцом.

[17] Около 7 тыс. человек.

[18] Гермополис — город в северо-западном Египте.

[19] Египетский спор между монашеской партией /группа Диоскора Гермопольского/ и епископом Феофилом, объединившимся с антропоморфитами (так называемое дело «Высоких /Длинных/ братьев»), касался поставленного Аполлинариями вопроса о природе Христа. В позиции большинства /бестелесность Христа/, которую примет в будущем и сам Феофил, выразились идеи александрийской теологической школы, ориентировавшейся на философию Оригена. Взгляды же антропоморфитов были ближе к арианской теологии и к идеям антиохийской теологической традиции.

[20] Это столкновение с арианами еще больше усилило напряженные отношения Иоанна Златоуста с еретиками. Его первая речь в качестве константинопольского епископа была направлена против арианства, а во время своей инспекционной поездки в Азию он закрыл все церкви, принадлежавшие четыредесятникам и новацианам /см. далее VI. II/. Неудивительно, что впоследствии церковные диссиденты будут приветствовать низложение Иоанна.

[21] Речь идет об Игнатии Богоносце, антиохийском епископе /он был рабом по происхождению/, погибшем во время гонений 107—110 гг. при императоре Траяне /97—117/.

[22] Епифаний Саламинский /Констанцский/ был известным специалистом по ересям. Его перу принадлежит своеобразная «энциклопедия ересей» — «Панарион» /домашняя аптечка/.

[23] Гераклид происходил из скитских монахов и был учеником монаха Евагрия /Созомен.VIII.6/. Позже Феофил, желая дискредитировать Иоанна Златоуста, выдвинет против Гераклида ряд обвинений. См. далее VI. 17.

[24] Из этого ясно, что главной проблемой для заговорщиков оставалась позиции константинопольского населения, всецело поддерживавшего своего епископа.

[25] Элия Евдоксия была раздражена недипломатичными высказываниями Иоанна Златоуста по поводу ее скупости и любви к роскоши. Это дало возможность Феофилу получить поддержку императорского двора и его разрешение на созыв церковного собора.

[26] По свидетельству Созомена /VIII.6/, Иоанн низложил тринадцать малоазийских епископов, в том числе Геронтия Никомидийского.

[27] Так называемый «Дубовый собор» происходил в начале 403 г. Епископы заседали в здании, принадлежавшем государству, в бывшей резиденции префекта претория Руфина в знак поддержки заговорщиков императорской четой.

[28] На соборе Иоанна обвинили во всевозможных грехах от обжорства до незаконной продажи церковной собственности /правда, никто не посмел обвинить его в ереси/. В соборном же приговоре, посланном Аркадию, епископы добавили обвинение в государственной измене. Видимо, они намекали на оскорбление, нанесенное Златоустом императрице.

[29] Тем более, что примирение Феофила с Диоскором было публичным.

[30] Созомен /VIII. 18/ и Феодорит /V.34/ приписывают инициативу в возвращении Иоанна императрице Евдокии. По Созомену она уступила мольбам народа, по Феодориту — испугалась происшедшего ночью землетрясения, в котором увидела небесную кару.

[31] Эту толпу возглавили тридцать епископов, лояльных Иоанну Златоусту.

[32] Этот спор был прежде всего спором о прерогативах Иоанна и Феофила, ибо эфесский епископ в церковно-административном отношении не подчинялся александрийскому папе.

[33] Вероятно, это были египетские моряки, поклонники Феофила.

[34] Императрица вновь обратилась к Феофилу, прося его организовать новый собор для смещения Златоуста, причем, говорила она, если он боится константинопольцев, то он может руководить собором, находясь в Египте. Александрийский епископ согласился.

[35] Иродиада, жена Ирода Антипы, с помощью своей дочери Саломеи, потрясшей красотой своего

танца Ирода и его приближенных, добилась у него головы Иоанна Крестителя /Марк.VI.17—29/.

[36] Речь идет о Константинопольском соборе 404 г., вторично низложившем Иоанна Златоуста.

[37] Пасха 404 г.

[38] Иоанн ответил отказом на дважды повторенный приказ императора уйти из церкви и был после этого арестован и помещен под домашний арест в своей епископской резиденции.

[39] Это собрание было силой разогнано отрядом солдат-фракийцев под командованием язычника Люция. Инициатива этой полицейской акции принадлежала епископам, враждебным Иоанну. На следующий день была рассеяна толпа сторонников Златоуста, направлявшаяся за город праздновать Страстную Субботу.

[40] В этот период на него было совершено два покушения /Созомен.VIII.21/.

[41] Однако позже городской префект Оптат даже с помощью пыток не смог добыть у иоаннитов доказательства сознательного поджога и расследование было прекращено императорским указом.

[42] Подробнее об этом рассказывает Созомен /VIII.24/.

[43] Иоанниты отказались иметь с ним общение и подверглись репрессиям.

[44] Арзакий умер в 405 г. Аттик стал епископом в следующем, 406 г.

[45] Сначала Иоанн Златоуст был отправлен в г. Кукуз в Армении, где он провел большую часть своей ссылки. Позже император решил перевести его еще дальше — в Питиунт на Черном море. Во время долгого изнурительного переезда Иоанн умер в сентябре 407 г.

[46] Малая Галатия — северная часть провинции Галатия.

[47] Аркадий был провозглашен августом 16 января 383 г., а умер 1 мая 408 г. Вместе со своим отцом Феодосием Великим, умершим 17 января 395 г., он правил не тридцать, а двадцать пять лет.

КНИГА 7

ГЛАВА 1

О том, что, по смерти царя Аркадия, который оставил восьмилетнего сына Феодосия, всем управлял префект Анфемий

По смерти царя Аркадия, случившейся в первый день месяца мая, в консульство Васса и Филиппа, брат его Гонорий управлял западными странами, а под властью сына его, Феодосия Младшего, которому было тогда восемь лет, находились страны восточные [1]. Здесь дело управления лежало на префекте Анфемии, внуке Филиппа, который при Констанции изгнал из Церкви епископа Павла и вместо него ввел Македония. Анфемий со всех сторон окружил Константинополь великими стенами и, как в мнении, так и на самом деле, был человеком между современниками умнейшим, ничего не предпринимал необдуманно, но советовался со многими друзьями, что следовало делать, особенно же софистом Троилом, который, при своей мудрости, не уступал Анфемию и в знании дел общественных. От того-то Анфемий почти во всем поступал по совету Троила.

ГЛАВА 2

О константинопольском епископе Аттике, какого он был нрава

В то время, как царь был на восьмом году своей жизни, Аттик уже третий год сиял на епископской кафедре Константинополя. Он, как мы предварительно сказали, при великом образовании, был муж благочестивый и мудрый. От того-то и церкви при нем значительно умножились. Своим благоразумием он не только держал в союзе правоверных, но изумлял и еретиков, и никак не решался мучить их; если же иногда и стращал, то после в отношении к ним опять выказывал свою снисходительность. Не пренебрегал он также и наукой, ибо много занимался сочинениями древних и просиживал над ними ночи, от того философы, или софисты не удивляли его. Да и в разговорах бывал он приятен и привлекателен, и обнаруживал сострадание к скорбящим, словом, по Апостолу, был всем вся. Прежде, еще в пресвитерстве, заучивал на память им же предварительно составленные слова и сказывал их в церкви, а впоследствии с трудолюбием приобретши и смелость, говорил уже без приготовления самые торжественные проповеди. Впрочем слова его были не таковы, чтобы могли заставлять слушателей заносить их на бумагу. Но довольно о его нраве, качествах и образовании. Теперь расскажу о том, что достопамятного случилось в его время.

ГЛАВА 3

О Феодосии и Аттике, епископствовавших в Синнаде

В городе пакацианской Фригии [2], Синнаде, был епископом некто Феодосий. Он неослабно преследовал находившихся там еретиков (которых было много из секты

македониан) и изгонял их не только из города, но и из деревень. Это делал он не потому, что в православной Церкви еретики обыкновенно подвергались гонению, и не по ревности к правой вере, но по страсти к сребролюбию, чтобы с еретиков собирать деньги. Поэтому он все приводил в движение против людей, мысливших согласно с Македонием, вооружал во вред им руки подчиненных себе клириков и употреблял бесчисленное множество ухищрений, даже не упускал призывать их в судилища; особенно же подвергал различным оскорблениям епископа их, по имени Агапит. Впрочем, для исполнения наказаний, ему казалось мало власти областных начальников; он отправился еще в Константинополь и просил окружных указов. Но между тем как Феодосий для этой цели медлил в Константинополе, Агапит, бывший, как я сказал, предстоятелем македонианского вероисповедания, пришел к благой мысли. Посоветовавшись со всем своим клиром и созвав подчиненный себе народ, он начал убеждать его принять веру в единосущие и, когда достиг этого, тотчас же с великой толпой, или лучше, со всем народом отправился в церковь и, совершив молитву, занял престол, на котором обыкновенно восседал Феодосий. Таким образом, соединив народ и потом проповедуя веру в единосущие, он сделался правителем и тех Церквей, которые зависели от Синнады. Спустя немного времени после сего события, является Феодосий и приносит с собой полномочие областным начальникам. Еще не зная ничего случившегося, он тотчас приходит в церковь, но, изгнанный из нее всеми вместе христианами, опять отправляется в Константинополь и, прибыв туда, оплакивает перед епископом Аттиком свое несчастие, как неожиданно изгнан он из епископии. Аттик рассудил, что это дело произошло с выгодой для Церкви, и потому, утешив Феодосия словами, убедил его принять с терпением жизнь в покое и научил предпочесть выгоды общественные собственным, а Агапиту написал, чтобы он управлял епископией, не опасаясь ничего неприятного от огорчения Феодосия.

ГЛАВА 4

Об исцелении расслабленного иудея во святом крещении, которое совершил епископ Аттик

Это была одна из выгод, полученных Церковью во времена Аттика. Но упомянутые времена не лишены также чудес, или исцелений. Так, один иудей, впав в расслабление, лежал на одре много лет. Над ним без пользы истощено было все искусство врачебной науки, нимало также не помогли ему и все иудейские молитвы; наконец, он обратился к христианскому крещению и верил, что оно одно будет истинным врачевством его. Это скоро сделалось известным епископу Аттику, и он, огласив его и возвестив ему надежду на Христа, приказал принести его с ложем в крещальню. Расслабленный иудей, приступив к крещению с искренней верой, лишь только воспринят был от крещальной купели, тотчас освободился от болезни и потом уже был здоров. Такое исцеление сила Христова благоволит явить людям и в наши времена; и оно было причиной, что многие язычники уверовали и крестились. Но иудеев, несмотря на то, что они ищут знамений, и самые знамения не приводили к вере. Так-то Христос благодетельствовал людям.

ГЛАВА 5

О том, как новацианский пресвитер Савватий, по происхождению иудей, отделился от своих единоверцев

Впрочем, многие, не ставя это ни во что, продолжали заниматься делами нечестия, ибо не одни иудеи не верили бывшим чудесам; их образу мыслей следовали и те, которые любят подражать им. Савватий, о котором мы упомянули немного выше, не желая оставаться в сане пресвитерском, стал с самого начала домогаться епископства и в это же время, под предлогом хранения иудейской пасхи, отделился от общества новациан. Назначая собрания независимо от своего епископа Сисинния в одном городском месте, которое называется Ксиролофос, где ныне площадь Аркадия, он отважился на весьма опасное дело. В день церковного собрания, читая отдел Евангелия, где сказано: был праздник, глаголемый иудейская пасха, он прибавил, чего нигде не написано и никогда не слыхали, именно: «проклят, кто будет совершать пасху вне опресноков». Эти слова распространились между многими, и неопытные миряне из общества новациан, быв увлечены ими, присоединились к Савватию. Впрочем, он не извлек пользы из своей выдумки, и подлог кончился для него худо. Спустя немного времени, Савватий совершал праздник согласно со своим мнением, и к нему, по обычаю, стеклось множество народа. Но когда совершалось обычное всенощное бдение, ими овладел какой-то демонический страх, будто бы идет на них епископ Сисинний с величайшей толпой. От этого, как обыкновенно, произошло смятение и они, ночью, заключенные в тесном месте, давили себя так сильно, что из них погибло более семидесяти человек. Это событие многих отделило от Савватия. Впрочем, некоторые, закосневшие в грубом мнении, остались при нем. А каким образом Савватий достиг клятвопреступного епископства, скажем несколько ниже.

ГЛАВА 6

О бывших в те времена предстоятелях ариан

Дорофей, предстоятель арианского исповедания, переведенный арианами, как мы выше упомянули, из Антиохии в Константинополь, прожил сто девятнадцать лет и скончался в седьмое консульство Гонория и второе Феодосия августа, в шестой день месяца ноября. После него предстоятелем арианского исповедания был Варва, и при этом Варве арианской секте посчастливилось иметь двух красноречивых мужей, облеченных достоинством пресвитерства. Одному из них было имя Тимофей, а другому — Георгий. Георгий более изучил науки греческие, а Тимофей более упражнялся в священном Писании. Первый всегда имел в руках сочинения Аристотеля и Платона, а последний дышал Оригеном и, всенародно объясняя священное Писание, обращался даже к еврейскому языку. Тимофей и прежде уже принадлежал к секте псафириан, а Георгий был рукоположен Варвой. С Тимофеем я сам разговаривал и узнал, как он способен отвечать на вопросы и разрешать все, что встречается неясного в божественных изречениях. Он при всяком случае ссылался на Оригена, как на истинного свидетеля своих слов. Посему для меня удивительно, как эти мужи остались с арианским исповеданием, когда один из них всегда имел в руках Платона, а другой дышал Оригеном, ибо и Платон не говорит, что, по обыкновенному его выражению, вторая и третья причина получила начало бытия, и Ориген повсюду проповедует совечность Сына Отцу. Впрочем, хотя они и остались в своем обществе, однако незаметно улучшили арианство, потому что своим учением изгнали многие хулы Ария. Но довольно о них. Когда, спустя немного времени, в то же консульство, скончался и новацианский епископ Сисинний, на его место рукоположен был Хрисанф, о котором скажем немного после.

ГЛАВА 7

О том, что за александрийским епископом Феофилом следовал Кирилл

Вскоре после этого впал в летаргию и скончался александрийский епископ Феофил, что случилось в девятое консульство Гонория и пятое Феодосия, в пятнадцатый день месяца октября. Здесь епископство сделалось также предметом спорным, потому что одни хотели возвести на престол архидиакона Тимофея, а другие — Кирилла, сына сестры Феофила. Во время происшедшего по этому случаю народного смятения, сторону Тимофея поддерживал военачальник Абунданций. Посему Кирилл возведен был на престол уже в третий день по смерти Феофила [3] и вступил на епископство с большей властью, чем Феофил, ибо с его времени александрийское епископство выступило за пределы священнического сана и начало самовластно распоряжаться делами. Именно, Кирилл тотчас же запер бывшие в Александрии новацианские церкви и взял всю их священную утварь, а епископа их Феопемита лишил всего, что он имел.

ГЛАВА 8

О месопотамском епископе Маруфе и о том, как чрез него христианство распространилось в Персии

Около того же самого времени христианство распространилось и в Персии — по следующему случаю. Между римлянами и персами происходят непрестанные сношения, и причин много, по которым они так часто сносятся. Конечно, и тогда встретилась какая-нибудь нужда, что месопотамский епископ Маруфа, о котором мы упомянули несколько прежде, послан был царем римским к царю персидскому. Персидский царь [4]заметил в этом муже особенную набожность и, обошедшись с ним почтительно, внимал ему, как человеку истинно боголюбезному. Это возбудило зависть в волхвах [5], которые у царя персидского имеют великую силу. Они боялись, как бы Маруфа не убедил царя принять христианство, потому что застаревшую головную болезнь, от которой сами не могли исцелить его, епископ уврачевал своими молитвами. Итак, волхвы замыслили обман. Известно, что персы чтут огонь, и царь имел обыкновение покланяться в одном доме непрестанно горящему огню, поэтому волхвы, спрятав там под землей человека, научили его в обычное время царской молитвы закричать: «Низвергнуть царя, потому что он поступил нечестиво, назвав христианского священника боголюбезным». Услышав это, Исдигерд — так называли персидского царя, — хотя и совестился, однако же хотел было отослать Маруфу. Но Маруфа, человек истинно боголюбезный, стал молиться и благодаря тому открыл сделанный волхвами обман. Он сказал царю: «Не будь предметом шутки, царь, но войди и, услышав голос, раскопай землю, — тогда откроешь обман; ибо не огонь говорит, а человеческая хитрость делает это». Поверил Маруфе персидский царь и снова вошел в тот домик, где был неугасающий огонь. Услышав опять прежний голос, он приказал разрыть это место и тотчас обличил, кем произносимы были слова, принимаемые за божии. Царь крайне разгневался и весь род волхвов обложил десятиной, а потом позволил Маруфе строить церкви, где ему угодно. С этого времени христианство в Персии начало распространяться, Маруфа же тогда хоть и оставил персов и возвратился в Константинополь, но вскоре опять отправлен был к ним в качестве посланника. По возвращении его, волхвы снова придумали хитрость. Чтобы царь отнюдь не принимал этого мужа, они распространили какое-то искусственное зловоние в том месте, куда он обыкновенно хаживал, и распустили клевету, будто это делается исповедниками христианства. Но так как царь уже и прежде подозревал волхвов, то, тщательнее

разыскивая виновников, опять открыл, что они же были распространителями дурного запаха, и потому многих из них снова подверг наказанию, а Маруфе стал оказывать еще большую почесть. Любил он и римлян и дорожил их дружбой, да едва не сделался и христианином, когда Маруфа, вместе с персидским епископом Авдой, совершил другое дело, — когда оба они, попостившись и помолившись, избавили царского сына от мучившего его демона. Но Исдигерд скончался прежде, чем успел сделаться совершенным христианином [6]. По смерти же его царство перешло к его сыну Варарану, при котором союз между римлянами и персами, как мы скажем немного ниже, разрушился [7].

ГЛАВА 9

Тогдашние епископы в Антиохии и Риме

Около того же времени в Антиохии, по смерти Флавиана, принял епископство Порфирий, а после Порфирия в тамошней Церкви предстоятельствовал Александр [8]. У римлян же за Дамасием, который занимал епископский престол в продолжение восемнадцати лет, следовал Сириций, за Сирицием, который был епископом пятнадцать лет, управлял Церковью три года Анастасий, а после Анастасия — Иннокентий, начавший прежде всех преследовать в Риме новациан и отнявший у них много Церквей [9].

ГЛАВА 10

О том, что в то же время Рим подпал под власть варваров и был опустошен Аларихом

В то же самое время пришлось и Риму подпасть под власть варваров. Некто Аларих, варвар, союзник римлян, помогавший царю Феодосию в войне с тираном Евгением и за то удостоенный римских почестей, не вынес своего счастья. Впрочем, он не предполагал сделаться царем. Удалившись от Константинополя, хотел он перейти в западные области и, достигнув Иллирии, тотчас стал все разрушать. Потом, при переходе устья реки Пинея, где через гору Пинд лежит дорога к Никополису эпирскому, ему, противостали фессалийцы, и в сражении убили у него около трех тысяч человек. Уже после этого сопутствовавшие ему варвары уничтожали все встречавшееся и наконец, взяли сам Рим и, опустошив его, многие из дивных его зданий сожгли, сокровища разграбили, нескольких сенаторов подвергли различным казням и умертвили [10]. В насмешку же над царским достоинством, Аларих назначил царя, по имени Аттила, и в один день приказал ему выйти, как царю, окруженным царскою стражею, а в другой заставил его явиться в виде раба [11]. После сего, испугавшись молвы, что царь Феодосий послал против него войско, он обратился в бегство. И молва не была выдумана: войско действительно шло, поэтому Аларих, не перенесши, как я сказал, и одного слуха о том, поспешно удалился. Рассказывают, будто во время его похода к Риму, один благочестивый муж, по образу жизни монах, уговаривал его не радоваться при виде столь великих бедствий, не наслаждаться убийством и кровью. На что он отвечал: «Не по своей воле я иду туда, кто-то каждый день беспокоит и мучит меня, говоря: ступай, опустоши город [12] Рим». Но довольно об этом.

ГЛАВА 11

О бывших тогда в Риме епископах

После Иннокентия, в продолжение двух лет римской Церковью управлял Зосима, а после Зосимы предстоятелем Церкви три года был Бонифаций, которого сменил Целестин [13]. Этот Целестин у римских новациан отнял церкви, и епископа их Рустикула принудил делать собрания тайно в частных домах. До его времени римские новациане весьма благоденствовали и, имея множество церквей, собирали в них многочисленный народ. Но зависть коснулась и их, потому что римское епископство, подобно александрийскому, выступив за пределы священства, давно уже перешло в самовластное господство. Вот от чего римские епископы не позволяли свободно собираться даже одномыслящим с ними христианам, но, отняв у них все, лишь хвалили их за единомыслие. Епископы констатинопольские не были заражены такой болезнью, напротив, они особенно любили новациан и позволяли им собираться внутри города, как об этом я уже и прежде довольно говорил.

ГЛАВА 12

О Хрисанфе, новацианском епископе в Константинополе

По смерти Сисинния, на престол епископский против воли возведен был Хрисанф, сын Маркиана, предшествовавшего Сисиннию епископа новацианского. В молодых летах он служил в придворном войске, потом при царе Феодосии Великом был префектом Италии, и наконец, поставлен наместником Британских островов, где возбуждал удивление своими распоряжениями. Достигнув преклонных лет и возвратившись в Константинополь, Хрисанф хотел было сделаться префектом города, но против воли возведен был на престол епископский, потому что Сисинний во время кончины упомянул о нем как о человеке, способном епископствовать, и новацианский народ, приняв его слова за закон, решился насильно увлечь его к епископству. Хрисанф однако скрылся, а Савватий, полагая, что теперь настало удобное время, в которое он может овладеть церквами, вменил ни во что данную им клятву и склонил некоторых незначительных епископов возложить на него руки. В числе рукополагавших его был и Гермоген, которого он проклял и отлучил за хульные сочинения. Впрочем, намерение Савватия не исполнилось, ибо народ ненавидел его за то своенравие, с которым он употреблял все средства, чтобы прокрасться на степень епископства, а потому всячески старался отыскать Хрисанфа и, узнав, что он скрывается около Вифинии, взял его силой и возвел на епископство. Это был муж самый мудрый и одновременно самый скромный, какого только можно было найти. Новацианские церкви в Константинополе он тщательно сберег и умножил, также первый стал раздавать бедным собственные свои деньги, а из церковной собственности не брал ничего, кроме двух благословенных хлебов по воскресным дням. Он имел такое попечение о своей Церкви, что от софиста Троила взял превосходнейшего в то время ритора Аблавия и возвел его в сан пресвитера. Написанные Аблавием беседы отличаются изящной отделкой и звучностью языка. Впоследствии Аблавий был епископом никейско-новацианской Церкви и в то же время учил там софистов.

ГЛАВА 13

О бывшей в Александрии между христианами и иудеями битве и раздоре епископа Кирилла с префектом Орестом

В то же самое время епископу Кириллу пришлось изгнать из Александрии и племя иудеев, — по следующей причине. Александрийская чернь любит возмущения больше всякой другой черни и, когда находит повод, устремляется к нестерпимым злодействам, ибо без крови не успокаивается от волнения. Случилось, что эта самая чернь и тогда взволновалась — не по какому-либо важному поводу, но по причине распространившегося во всех городах зла, то есть страсти к плясунам. Так как плясун в день субботний собирал к себе гораздо более народа, потому что иудеи, ничего в этот день не делающие, занимались не слушанием закона, а театральными зрелищами, то суббота обыкновенно бывала днем столкновения народных партий. Александрийский префект хотя до некоторой степени и ограничил такой беспорядок, однако иудеи все-таки не переставали враждовать против людей противной партии. Будучи всегда и везде врагами христиан, они еще более вооружились против них из-за этих плясунов. При таких-то обстоятельствах александрийский префект Орест делал в театре politeian — так обыкновенно назывались общественные распоряжения. Тут были и приверженцы епископа Кирилла, желавшие знать о распоряжениях префекта, и в числе их находился один человек, по имени Иеракс, бывший учителем детских наук и, как пламенный слушатель епископа Кирилла, всячески старавшийся возбуждать рукоплескания при его поучениях. Когда толпа иудеев увидела этого Иеракса в театре, то вдруг закричала, что он пришел на зрелище не за чем другим, как для возбуждения смятения в народе. Между тем Оресту и прежде было ненавистно владычество епископов — частью потому, что они отнимали много власти у поставленных от царя начальников, а особенно потому, что Кирилл хотел иметь надзор и над его распоряжениями. Итак, схватив Иеракса, он всенародно в театре подверг его мучениям. Узнав об этом, Кирилл позвал к себе знатнейших из иудеев и, вероятно, грозил им, если они не перестанут возмущаться против христиан. Но иудеи, слыша угрозы, сделались еще упорнее и во вред христианам придумывали козни. Я расскажу о главнейшей, которая была причиной изгнания их из Александрии. Сговорившись, чтобы каждый носил с собой, как отличительный знак, сделанное из коры пальмового дерева кольцо, они задумали напасть ночью на христиан, и в одну ночь послали некоторых людей кричать по всем концам города, будто горит церковь соименная Александру. Услышав это, христиане, для спасения церкви, сбегались со всех сторон, а иудеи тотчас нападали и умерщвляли их. Друг друга они не трогали, потому что каждый показывал другому кольцо, а встречавшихся христиан убивали. С наступлением дня это злодейство обнаружилось. Раздраженный им, Кирилл с великим множеством народа идет к иудейским синагогам, — так называют иудеи места своих молитвенных собраний — и синагоги у них отнимает, а самих изгоняет из города, имущество же их отдает народу на разграбление. Таким образом, иудеи, жившие в городе со времен Александра Македонского, тогда все и без ничего оставили город и рассеялись по разным странам [14]. Но учитель врачебных наук Адамантий, отправившись в Константинополь, прибег к епископу Аттику и, приняв христианство, впоследствии опять жил в Александрии. Между тем александрийский префект Орест был крайне огорчен этим происшествием и очень скорбел, что столь великий город так неожиданно лишился такого множества жителей, а потому донес об этом царю. О злодействе иудеев известил царя и сам Кирилл, хотя, тем не менее, посылал и к Оресту людей с предложением ему своей дружбы, потому что к этому побуждал его александрийский народ. Но Орест отверг дружбу епископа. Тогда Кирилл взял и держал перед ним книгу Евангелие, думая хотя этим пристыдить его, однако и такая мера не смягчила префекта, — и между ними осталась непримиримая вражда, следствием которой было следующее.

ГЛАВА 14

О том, что нитрийские монахи, для защиты Кирилла пришедшие в Александрию, восстали против префекта Ореста

Некоторые из монахов в горах нитрийских, выказавшие свою горячность еще при Феофиле, когда он несправедливо вооружил их против Диоскора и его братьев, одушевились и теперь ревностью и решились усердно сражаться также за Кирилла. Посему, оставив монастыри, в числе почти пятисот человек, они пришли в город и выжидали, когда префект будет проезжать на своей колеснице. Потом, подошедши к нему, называли его жертвоприносителем, язычником и многими другими позорными именами. Префект, подозревая в этом козни со стороны Кирилла, закричал, что он христианин и крещен константинопольским епископом Аттиком. Но монахи не слушали слов его, — и один из них, по имени Аммоний, ударил Ореста камнем в голову, так что он весь облился кровью, текшей из раны, а его телохранители, кроме немногих, все разбежались в разные стороны и скрылись в толпе, боясь, что и их побьют камнями. Между тем начали сбегаться и жители Александрии, чтобы защитить префекта от монахов, — и всех других обратили в бегство, а Аммония схватили и представили к префекту, который, на основании законов, всенародно подверг его наказанию и дотоле мучил, пока тот не умер. Об этих событиях вскоре донес он самодержцам. А Кирилл представлял их царю с противоположной стороны, тело же Аммония взял и положил в одной из церквей и, переменив ему имя, назвал его Фавмасием, чтобы считали его мучеником и прославляли в Церкви его великодушие, как подвиг за благочестие. Однако люди скромные, хотя и христиане, не одобрили этой Кирилловой ревности, ибо знали, что Аммоний понес наказание за свое безрассудство и умер в мучениях не потому, что был принуждаем к отречению от Христа. Итак, сам Кирилл своим молчанием мало-помалу привел это дело в забвение. Но злая вражда между Кириллом и Орестом даже и здесь не остановилась. Угасил ее другой, подобный упомянутым случай.

ГЛАВА 15

Об Ипатии философе

В Александрии была одна женщина, по имени Ипатия, дочь философа Феона [15]. Она приобрела такую ученость, что превзошла современных себе философов, была преемницей платонической школы, происходившей от Платона, и желающим преподавала все философские науки. Поэтому хотевшие изучить философию стекались к ней со всех сторон. По своему образованию, имея достойную уважения самоуверенность, она со скромностью представала даже пред лицом правителей, да и в том не поставляла никакого стыда, что являлась среди мужчин, ибо за необыкновенную ее скромность все уважали ее и дивились ей. Против этой-то женщины вооружилась тогда зависть. Так как она очень часто беседовала с Орестом, то ее обращение с ним подало повод к клевете, будто бы она не дозволяла Оресту войти в дружбу с Кириллом. Посему люди с горячими голосами под начальством некоего Петра, однажды сговорились и подстерегли эту женщину. Когда она возвращалась откуда-то домой, они стащили ее с носилок и привлекли к церкви, называемой Кесарион, потом, обнажив ее, умертвили черепками, а тело снесли на место, называемое Кинарон, и там сожгли. Это причинило немало скорби и Кириллу, и александрийской Церкви, ибо убийства, распри и все тому подобное совершенно чуждо мыслящим по духу Христову. Упомянутое событие произошло в четвертый год

епископства Кирилла, в десятый консульства Гонория и шестой Феодосия, в месяце марте, во время поста.

ГЛАВА 16

О том, что иудеи снова завязали драку с христианами и были наказаны

Спустя немного времени иудеи снова наделали христианам дерзостей и за то были наказаны. В одном месте, называемом Инместар, которое находится между Халкидою и сирийской Антиохией, у них был обычай совершать какие-то игры. Во время этих игр, делая много бессмысленного, они, упоенные вином, издевались над христианами и над самим Христом и, осмеивая как крест, так и уповающих на Распятого, между прочим придумали следующее: схватив христианского мальчика, они привязали его ко кресту и повесили, потом начали смеяться и издеваться над ним, а вскоре, обезумев, стали бить его и убили до смерти. По сему случаю между ними и христианами произошла сильная схватка. Когда же это сделалось известно царям, то областные начальники получили предписание разыскать виновных и казнить. Таким образом, тамошние иудеи за совершенное ими во время игр злодеяние были наказаны.

ГЛАВА 17

О новацианском епископе Павле, и о чуде, которое совершилось, когда он приступил к крещению обманщика иудея

В то же самое время, после семилетнего управления подвластными себе церквами, скончался и новацианский епископ Хрисанф, что случилось в консульство Монаксия и Плинфы, в двадцать шестой день месяца августа, и преемником его на епископском престоле сделался Павел. Сперва он преподавал римскую словесность, а потом, оставив язык римлян, обратился к подвижнической жизни и, собрав в монастырь ревностных мужей, жил подобно пустынным монахам. Я нашел его именно таким, каковы, по описанию Евагрия, должны быть монахи, обитатели пустыни, ибо он во всем подражал им: непрестанно постился, мало говорил, воздерживался от (употребления в пищу) животных, а нередко даже от вина и елея. Сверх того он более всех заботился о бедных, без устали посещал содержимых в темницах и за многих ходатайствовал перед начальниками, которые, по уважению к набожности просителя, охотно выслушивали его. Но зачем мне распространяться в описании его? Я сейчас расскажу о таком деле, которое было у него в руках и по всей справедливости должно быть передано потомству письменно. Один обманщик иудей, притворяясь христианином, часто принимал крещение и, через эту хитрость, собирал деньги. Обманув уже такой хитростью многие ереси — ибо крестился и у ариан, и у македониан, — и не зная, кого бы еще обмануть, он наконец пришел к новацианскому епискому Павлу и, сказав, что пламенно желает крещения, просил этого от его руки. Павел принял его желание, но объявил, что не прежде преподаст ему крещение, как по оглашении его учением веры и когда он проведет много дней в посте. Однако иудей, принужденный поститься против расположения, стал еще ревностнее умолять епископа о крещении, и Павел, не желая дальнейшей отсрочкой огорчать усердного просителя, приготовил все нужное для крещения — купил ему светлую одежду и, приказав наполнить водою купель крещальницы, привел к ней иудея с тем, чтобы крестить его. Но некоей невидимой силой Божией вода исчезла. Епископ и

присутствующие не исследуя, как это произошло, подумали, что вода вытекла через находившееся внизу отверстие, через которое обыкновенно выпускали ее, а потому, тщательно закрыв все отверстия купели, снова наполнили ее. Но едва лишь опять приведен был иудей, вода вдруг исчезла. Тогда Павел сказал ему: «Послушай, или ты лукавишь, или, и сам не ведая, принял уже крещение». Потом на это чудо сбежался народ, и некто, узнав иудея, засвидетельствовал, что он самозванец и был крещен епископом Аттиком. Такое-то чудо совершилось в руках новацианского епископа Павла.

ГЛАВА 18

О том, что, по смерти персидского царя Исдигерда, мир между римлянами и персами прекратился и началась сильная война, в которой персы были побеждены

По смерти персидского царя Исдигерда, который не делал тамошним христианам никаких притеснений, царство наследовал его сын, по имени Варараn и, побуждаемый волхвами, стал жестоко гнать христиан, подвергая их, по персидскому обычаю, различным казням и пыткам [16]. Теснимые нуждой, персидские христиане прибегли к римлянам с просьбой, чтобы они не дали им погибнуть. Епископ Аттик благосклонно принял просителей, всячески старался, сколько можно помочь им и об их положении довел до сведения царя Феодосия. Между тем, в это же время римляне имели и другие причины питать неудовольствие на персов, потому что персы не хотели возвратить золотокопателей, которых они взяли у римлян за известную плату, и сверх того отняли товары у римских купцов. К этим-то неудовольствиям присоединилась еще жалоба римлянам со стороны персидских христиан. Персидский царь тотчас отправил послов с требованием выдачи беглецов, а римляне отнюдь не выдавали их не только потому, что хотели покровительствовать им, как просителям, но и потому, что готовы были все сделать в защиту христианства. Они решились лучше воевать с персами, чем попустить погибнуть христианам. Итак, мир был прерван и возгорелась жестокая война [17], о которой кратко рассказать я считаю не неблаговременным. Римский царь первый выслал часть войска под предводительством вождя Ардавурия, который, вторгшись чрез Армению в Персию, опустошил одну из ее областей, по имени Азазину. Против него выступил с персидским войском вождь персидского царя Нарсес, но, побежденный в сражении с римлянами, обратился в бегство. Тут он понял, что для него полезнее будет неожиданно вторгнуться в римские владения через Месопотамию, где границы не охраняются войсками, и таким образом отомстить римлянам. Однако это намерение Нарсеса не утаилось от римского вождя; последний, опустошив быстро Азазину [18], сам пошел в Месопотамию. Тогда Нарсес, хотя собрал и много войска, не в силах был однако вторгнуться в римские провинции и, пришедши в принадлежащий персам пограничный город Низибу, послал из него сказать Ардавурию, чтобы он условился с ним насчет войны и определил место и время для битвы. Но пришедшим Ардавурий отвечал: «Объявите Нарсесу, что римские цари будут воевать не тогда, когда ты захочешь...» Между тем, думая, что перс вооружился всеми силами, царь в подкрепление выслал весьма большое войско и надежду брани возложил совершенно на Бога. А что за свою веру он тотчас же получил от Бога благодеяние, видно было вот из чего. В то время, как жители Константинополя беспокоились и сомневались касательно исхода войны, некоторым лицам, шедшим в Константинополь по своим нуждам, явились около Вифинии Ангелы Божии и приказали возвестить жителям Константинополя, чтобы они не падали духом, молились и верили Богу, что римляне будут победителями, ибо сами, говорят, посланы от Бога для распоряжения сею войной. Слух об этом не только оживил город, но сделал смелее и воинов. Между тем, когда война из Армении, как я сказал, перенесена была в

Месопотамию, римляне, осадив персов, засевших в городе Низибе, и устроив деревянные башни, двигавшиеся посредством какой-то машины, подвели их к стенам и убили многих из тех, которые, сражаясь на стенах, старались защититься. Персидский царь Вараран, узнав, что и подвластная ему страна Азазина опустошена, и войска его, заключившиеся в городе Низибе, осаждены, готовился было сам со всеми силами идти против римлян, но, устрашившись множества препятствий, обратился с прошением помощи к сарацинам, над которыми тогда начальствовал Аламундар, человек храбрый и воинственный. Последний, приведя с собою многие тысячи сарацин, говорил персидскому царю, чтобы он смело надеялся, и обещал в непродолжительном времени представить ему римлян пленниками и передать Антиохию сирийскую. Но это обещание не исполнилось, потому что Бог навел на сарацинов безотчетный страх. Вообразив, что на них наступает римское войско, они пришли в смятение и, не зная куда бежать, бросились вооруженные в реку Евфрат, где погибло их около десяти тысяч человек. Это было так. А римляне, осаждавшие Низибу, услышав, что персидский царь ведет с собою множество слонов, испугались и, сжегши все осадные машины, возвратились в свои границы. Сколько после того было сражений, как другой римский вождь, Ареовинд, в единоборстве с мужественнейшим из персов убил его, как Ардавурий заманил в засаду семь храбрых персидских вождей и умертвил их, или каким образом еще вождь римский Вициан разбил остальных сарацин, — все это я думаю пройти молчанием, чтобы не слишком удалиться от своего предмета.

ГЛАВА 19

О скороходе Палладии

Об этих событиях скоро доводимо было до сведения царя Феодосия. А каким образом царь мог скоро узнавать о том, что происходило далеко, я и расскажу. По счастию, у него был человек, сильный душой и телом, именно Палладий. Он с такой быстротой ездил на лошадях, что в три дня достигал границ, разделявших царства римское и персидское, и во столько же дней возвращался в Константинополь. Этот человек чрезвычайно скоро путешествовал и по другим странам вселенной, куда посылал его самодержец. Однажды некто из людей остроумных сказал о нем следующее: «Этот человек своей быстротой и величайшее царство римское заставляет представлять малым». Да и персидский царь изумлялся, узнав о такой быстроте его. Но довольно о Палладии.

ГЛАВА 20

О том, как персы снова наголову разбиты были римлянами

Римский царь, живя в Константинополе и узнав о победе, явно дарованной от Бога, был так добр, что несмотря на успешные действия своих подданных, желал мира. Посему он отправил к войску Илиона, человека очень им уважаемого, и велел ему заключить с персами мирный договор. Илион прибыл в Месопотамию, где римляне для своей безопасности разбили укрепленный лагерь, и с поручением вести переговоры о мире отправил Максимина, мужа красноречивого, который был советником вождя Ардавурия. Приехав к персидскому царю, Максимин сказал, что он прислан для заключения мира, но не от римского царя, а от его вождей; царь же говорил, что он даже и не знает об этой войне, да когда и узнает, то почтет ее ничтожной. Персидский царь с радостью готов был принять это посольство, потому что его войско страдало от голода, но к нему приступили

воины, называемые у персов бессмертными, которых считается десять тысяч храбрых мужей, и говорили, чтобы он не прежде принял предложение о мире, как позволив им неожиданно напасть на римлян. Царь склонился на их слова и, заключив посланника в темницу, приказал стеречь его, а бессмертных послал устроить римлянам засаду. Они прибыли к назначенному месту и, разделившись на два отряда, решили окружить одну часть римлян. Римляне же увидели один отряд персов и потому приготовились к отражению его нападения, а другого не заметили, — и он напал на них внезапно. Но в то же самое время, как готово было начаться сражение, вдруг на одном холме, по явному распоряжению Божию, показалось римское войско, предводимое военачальником Прокопием. Видя, что его соплеменники подвергаются опасности, Прокопий напал на персов с тыла, — и таким образом персы, хотевшие окружить римлян, теперь сами явились окруженными. Истребив в короткое время этих, римляне обратились потом к выступавшим из засады и также перебили всех их. Вот как войска, которым персы дали имя бессмертных, все оказались смертными, и народ персидский получил от Христа наказание за смерть многих Его чтителей, мужей благочестивых! Узнав об этой неудаче, персидский царь притворился, будто событие ему неизвестно, и, приняв посольство, сказал послу: «Я соглашаюсь на мир не потому, что уступаю римлянам, а по благосклонности к тебе, которого нахожу благоразумнейшим из всех римлян». Так кончилась война, начатая за персидских христиан. Это было в консульство двух августов, в тринадцатое Гонория и десятое Феодосия, в четвертом году трехсотой олимпиады. Вместе с тем прекратилось в Персии и гонение на христиан [19].

ГЛАВА 21

О том, как поступал с пленными персами епископ города Амиды, Акакий

Тогда же епископ города Амиды [20] Акакий весьма прославился у всех добрым своим делом. Когда римские воины никак не хотели отдать персидскому царю пленных персов, которых они взяли, опустошая Азазину, — а между тем эти пленники, в числе семи тысяч человек, гибли от голода, что немало огорчало персидского государя — тогда Акакий не оставил этого без внимания, но, созвав подчиненных себе клириков, сказал: «Бог наш не имеет нужды ни в блюдах, ни в чашах. Он не ест и не пьет, ибо ни в чем не нуждается. А так как церковь от усердия своих прихожан приобрела много сосудов — и золотых, и серебряных, то ценою их прилично будет выкупить у воинов пленных персов и доставить им пропитание». Объяснив клирикам это и многое подобное этому, он расплавил сосуды и, отдав воинам плату за пленников, доставил им пропитание, а потом, снабдив их нужным для дороги, отпустил к персидскому царю. Такой поступок дивного Акакия чрезвычайно изумил персидского государя; он понял, что римляне постарались победить его и войной, и благотворительностью. Говорят даже, что этот царь пожелал насладиться лицезрением Акакия и просил его посещения, и что Акакий, по приказанию царя Феодосия, действительно был у него. После того, как римляне получили от Бога эту победу, многие отличавшиеся красноречием мужи писали в честь царя похвальные речи и произносили их всенародно. Да и сама супруга царя написала стихи героическим размером, потому что почиталась женщиной умной. Будучи дочерью софиста Леонтия, она была образована и наставлена отцом в науках всякого рода. Когда же царь захотел жениться на ней, то епископ Аттик присоединил ее к христианству и во время крещения вместо Афинбисы наименовал Евдокиею [21]. Итак, многие, сказал я, говорили похвальные речи; иной потому, что хотел сделаться известным царю, другой потому, что старался выказать свою способность красноречия и никак не соглашался, чтобы приобретенное многими трудами образование оставалось в неизвестности.

ГЛАВА 22

О прекрасных качествах царя Феодосия младшего

А я — и не стараюсь сделаться известным царю, и не желаю выказывать свое красноречие, но хочу просто, по требованию истины, рассказать о прекрасных качествах Феодосия, ибо и умолчать о них, когда они так полезны, и не знать их, по моему мнению, будет вредно для потомков. Итак, во-первых, хотя он родился и воспитывался в царском дворце, однако от этого воспитания не сделался нисколько изнеженным; напротив, был так рассудителен, что разговаривавшие с ним предполагали в нем лично приобретенную опытность во многих вещах. Притом он отличался такой терпеливостью, что мужественно переносил и холод, и жар, часто также постился, а особенно по средам и пятницам, и это делал потому, что старался жить совершенно по-христиански. В царском дворце он учредил порядок, подобный монастырскому: вставал рано утром и вместе со своими сестрами пел во славу Божию антифоны, поэтому знал на память священное Писание и, встречаясь с епископами, рассуждал, на основании Писания, как давно поставленный священник [22], а священных книг и написанных на священные книги толкований собрал больше, чем некогда Птоломей Филадельф [23]. Незлобием и человеколюбием превосходил он всех людей. Царь Юлиан, хотя выдавал себя и за философа, однако не удержался от гнева на тех, которые осмеяли его в Антиохии, но предал Феодора жесточайшим мучениям, а Феодосий, и оставив силлогизмы Аристотеля, показывал философию на деле, — воздерживался и от гнева, и от печали, и от удовольствий. Он не мстил никому, кто оскорблял его, да никто даже и не видывал его разгневанным. Некогда один из ближних спросил его: «Почему ты никогда не накажешь смертью человека, тебя оскорбившего?» «О если бы, — отвечал он — возможно было мне и умерших возвратить к жизни!» А на вопрос другого о том же он сказал: «Не великое и не трудное дело лишить человека жизни, но, раскаявшись, воскресить уже умершего никто не может, кроме одного Бога». И это правило хранил он так твердо, что когда кто совершал преступление, достойное смерти, и его вели на казнь, то преступник еще не достигал и до городских ворот, как человеколюбие царя уже возвращало его. Однажды на константинопольском амфитеатре давал он зрелище звериной травли, — и народ стал кричать, чтобы с диким зверем сразился кто-нибудь из отважных смельчаков. «А вы не знаете, — отвечал он народу, — что мы привыкли смотреть на зрелища человеколюбиво?» — и сказав это, научил народ впоследствии довольствоваться такими зрелищами, в которых нет ничего бесчеловечного. Он был так благочестив, что чтил всех посвященных на служение Богу, особенно же тех, о которых знал, что они более других отличаются набожностью. Говорят, что, по смерти одного хевронского епископа [24], который умер в Константинополе, он отыскал верхнюю его одежду, и несмотря на крайнюю ее ветхость, покрывался ею — в том убеждении, что чрез это позаимствует несколько от святости почившего. В один холодный и ненастный год обычные и установленные зрелища, по просьбе народа, должен был он давать в ипподроме. Случилось, что в то время, как ипподром наполнился народом, холод увеличился и сделалась сильная вьюга. Тогда царь явно обнаружил свое благоговение перед Богом, объявив народу через глашатаев, что гораздо лучше оставить зрелище и всем вместе усердно помолиться Богу, чтобы при наступающей непогоде сохраниться невредимыми. Эти слова еще не вполне были сказаны, как все с величайшей радостью составили в ипподроме молитвенное собрание и начали единогласно воспевать гимны Богу. Тогда весь город соделался одной Церковью, и царь, идя посредине, в простой одежде, управлял поющими. Да он и не обманулся в своей надежде, ибо воздух сделался благорастворенным и, вместо недостатка в пище, Божие человеколюбие даровало всем обилие плодов. Воспламенялась ли когда война, он, по

примеру Давида, прибегал к Богу, зная, что Бог распоряжает войнами, и своей молитвой счастливо оканчивал ее. Для примера я расскажу, как он, вскоре после войны с персами, по смерти царя Гонория, в консульство Асклепиодота и Мариана, в пятнадцатый день месяца августа, возложив надежду на Бога, победил тирана Иоанна. Тогдашние события я считаю достопамятными, ибо, что случилось при Моисее с евреями [25], когда они переходили через Чермное море [26], то же было и с его вождями, когда он послал их против тирана. Постараюсь рассказать об этом кратко, а описание великого события, для которого требуется особенное сочинение, предоставляю другим.

ГЛАВА 23

Об Иоанне, который по смерти царя Гонория тиранствовал в Риме, и о том, как Бог, преклоненный молитвами Феодосия, предал его во власть римского войска

Когда царь Гонорий скончался [27], самодержец Феодосий, получив о том сведение, скрывал его и то так, то иначе держал народ в неведении, а между тем тайно послал войско в Салоны, город Далмации, чтобы в случае какого-либо возмущения в западных областях усмирители были недалеко. Распорядившись таким образом, он уже потом объявил о смерти своего дяди. Но в это время первый из царских секретарей [28], Иоанн, не вынесши счастия занимать столь высокий пост, захватил себе царскую власть [29] и послал посольство к самодержцу Феодосию — просить его о принятии себя в цари. Феодосий послов отдал под стражу [30], а против Иоанна выслал [31] военачальника Ардавурия [32], который совершил особенные подвиги в персидскую войну. Ардавурий прибыл в Салоны и, оттуда переплыв в Аквилею, попал, как думали, в несчастие (хотя это несчастие имело последствия весьма счастливые), потому что поднявшийся неблагоприятный ветер предал его в руки тирана. Овладев им, тиран надеялся поставить самодержавца в необходимость — согласиться на свою просьбу и объявить себя царем, если захочет сохранить военачальника. В самом деле, и царь, узнав об этом, и посланный против тирана полководец были в крайнем беспокойстве, как бы Ардавурий не потерпел от тирана какого-либо зла, а сын Ардавурия, Аспар [33], получив сведение, что тиран держит его отца в плену и что к нему на помощь пришли многие тысячи варваров, не знал что и делать. Тогда-то опять обнаружилась сила молитвы боголюбезного царя, ибо Ангел Божий, в виде пастуха, явился руководителем Аспара и его спутников, и провел их через болото, лежащее пред Равенной, так как в этом городе жил сам тиран [34] и держал под стражей военачальника. Говорили, что здесь никто и никогда не хаживал, но и этот непроходимый путь Бог сделал тогда удобопроходимым. Итак, прошедши, как по суху, по водам болота и нашедши городские ворота отворенными [35], они овладели тираном. Тут благочестивейший царь снова выразил обычное себе благоговение перед Богом, ибо когда возвестили ему о смерти тирана, что случилось в то время, как даваемо было зрелище в ипподроме, он сказал народу: «Послушайте, оставим лучше удовольствие цирка и отправимся в церковь принести благодарственные молитвы Богу за то, что Его десница потребила тирана». Лишь только это было сказано, зрелище тотчас закрылось и было оставлено, и все через ипподром пошли в Божию церковь, единогласно воспевая вместе с царем благодарственные песни, так что весь город тогда сделался одной Церковью. Пришедши же в церковь, народ провел там целый день.

ГЛАВА 24

О том, что, по умерщвлении тирана Иоанна, царь Феодосий объявил римским царем Валентиниана, сына Констанция и своей тетки Плациды

По умерщвлении тирана [36], самодержавец Феодосий озабочен был тем, кого бы назначить царем западных областей. Был у него двоюродный брат, еще дитя, по имени Валентиниан, происходивший от тетки его Плациды, дочери царя Феодосия Великого и сестры двух августов, Аркадия и Гонория. А отцом своим Валентиниан имел Констанция, которого Гонорий объявил царем и который, поцарствовав вместе с ним недолгое время, вскоре скончался [37]. Этого-то двоюродного брата сделал он кесарем и послал в западные области, поручив попечение о делах матери его Плациде [38]. Между тем и сам он торопился побывать в Италии — с намерением как двоюродного брата объявить царем, так и жителей тех областей лично вразумить своим благоразумием, чтобы они не склонялись на сторону тиранов. Но, прибыв в Фессалоники, он задержан был болезнью, а потому, послав двоюродному брату царский венец с патрицием Илионом, сам возвратился в Константинополь. Но об этом, кажется, довольно.

ГЛАВА 25

О том, как Аттик управлял Церквами, как внес имя Иоанна в церковные диптихи и предузнал свою смерть

При епископе Аттике удивительно как процветали Церкви — частью потому, что он управлял ими благоразумно, а частью и потому, что своими поучениями возбуждал народ к добродетели. Зная о разделении Церкви, поскольку иоанниты собрались вне ее, он приказал поминать в молитвах Иоанна, подобно тому, как делается поминовение и о других усопших епископах, в той надежде, что через это многие возвратятся в Церковь [39]. Аттик был столь щедр, что заботился о бедных не только в своей епархии, но для утешения нуждающихся посылал деньги и в соседние города. Так, он послал триста золотых монет пресвитеру церкви никейской, Каллиопию, при следующем письме:

«Каллиопию Аттик желает здравия о Господе.

Я узнал, что в вашем городе тысячи страждущих от голода нуждаются в милосердии людей благочестивых. Говоря «тысячи», разумею не определенное число, а множество. Но так как от человека, который добрым распорядителем дает щедрою рукою, я получил немного денег, и так как людям случается терпеть нужду для испытания тех, кто имеет достаток, но не даст нуждающимся, то прими, возлюбленный брат, эти триста золотых монет и издержи их, как захочешь. Захочешь же ты раздать их, конечно, тем, которые стыдятся просить, а не тем, которые во все время своей жизни выставляли для прибыли свое чрево. И когда будешь давать, не обращай внимания на вероисповедание, но имей в виду только одно — напитать алчущих, не разбирая, по нашему ли они мыслят».

Так-то заботился он и о тех бедных людях, которые находились вдали от него. Помимо того, Аттик старался и об искоренении суеверий. Узнав, что христиане, ради празднования иудейской пасхи отделившиеся от новациан, перенесли тело Савватия с острова Родос, где он скончался в изгнании, и, предав земле, молятся на его могиле, он послал ночью людей с повелением зарыть тело Савватия в другую могилу. После сего те, по обычаю пришедши сюда и нашедши могилу разрытой, перестали чтить ее. Сверх сего, Аттик был изящен и в установлении названий. Так, гавань, находящуюся при устье Понта Эвксинского и с давних пор называемую Фармакеус (составитель лекарств, ядов), назвал

он Дгарапейя (служение), чтобы, делая там молитвенные собрания, не означать этого места именем бесславным. А другое предместье Константинополя наименовал он Аргирополисом — по следующей причине. Есть старинные гавань, Хрисополис, лежащая при входе в Боспор. О ней упоминают многие древние писатели — Страбон, Николай Дамаскин и знаменитый по красноречию Ксенофонт [40]. Последний, в шестой книге Кировых походов [41] и в первой о делах греческих [42] говорит, что Алкивиад [43] обнес ее стеною и постановил собирать в ней десятину, то есть что плывущие из Понта должны были оставлять здесь десятую часть груза. Увидев, что место, лежащее против Хрисополиса, приятно и весело, Аттик сказал: «Этому месту прилично называться Аргирополисом» [44], — и по его слову оно с тех пор так и называлось. А когда иные говорили ему, что новациане не должны собираться внутри городов, он отвечал:

«Вы не знаете, сколько они потерпели вместе с нами во время гонений при Констанции и Валенте. Сверх того, новациане служат свидетелями нашей веры, — говорил он, — ибо, давно уже отделившись от Церкви, они не ввели ничего нового по отношению к вере». Находясь однажды в Никее для рукоположения епископа, и увидев тамошнего новацианского епископа Асклепиада, человека уже старого, Аттик спросил его, сколько лет он епископствует, и когда тот отвечал: пятьдесят, — счастливый ты человек, сказал он, что так долго служишь доброму делу. Тому же Асклепиаду заметил он: «Новата я хвалю, а новациан не одобряю». Изумившись при этом замечании, Асклепиад спросил: «Как это говоришь ты, епископ?» «Новата, — отвечал Аттик, — хвалю, потому что он не хотел иметь общения с людьми, принесшими жертву, я и сам то же сделал бы. А новациан не хвалю, потому что они отлучают мирян от общения и за малые грехи». На это Асклепиад отвечал: «Кроме приношения жертв, по Писанию, есть много и других смертных грехов, за которые вы отлучаете только клириков, а мы — и мирян, предоставляя прощение их единому Богу». Аттик предвидел и свою кончину. Отправляясь из Никеи, он сказал тамошнему пресвитеру Каллиопию: «Если хочешь еще видеть меня живым, поспеши прежде поздней осени в Константинополь, если же задержишься, то не застанешь». Сказав это, он не ошибся, ибо скончался в двадцать первый год своего епископства, в десятый день месяца октября, в одиннадцатое консульство Феодосия и в первое Валентиниана [45]. Царь Феодосий, возвратившись из Фессалоник, уже не застал его погребения, ибо Аттик предан был земле за день до прибытия самодержца. Вскоре после сего, именно, в двадцать третий день того же месяца октября последовало и провозглашение Валентианина [46].

ГЛАВА 26

О Сисинии, который был константинопольским епископом после Аттика

После кончины Аттика происходил великий спор касательно рукоположения епископа, потому что одни хотели того, другие другого, а именно: одни представляли пресвитера Филиппа, другие Прокла, который также был пресвитером [47]. Но весь вообще народ сильно желал видеть епископом Сисиния. Этот Сисиний хотя стоял и на степени пресвитера, но определен был не к какой-либо церкви внутри города, а получил жребий священства в предместии Константинополя, по имени Элея. Предместие Элея лежит против города, и в нем обыкновенно совершается всенародный праздник вознесения Господня. Этого мужа все миряне особенно любили, потому что он славился своею набожностью, а еще более потому, что помогал бедным больше, чем сколько дозволяли ему средства. Итак, желание народа одержало верх, и Сисиний был рукоположен в двадцать восьмой день месяца февраля, в следующее консульство, именно, в двенадцатое

Феодосия и второе Августа Валентиниана Младшего [48]. Вследствие этого, пресвитер Филипп, недовольный тем, что ему предпочли другого, в написанной им христианской истории наговорил много в осуждение этого рукоположения, порицая как рукоположенного, так и рукополагавших, а особенно мариан. Он высказал в ней то, чего я не хотел бы предавать письмени, ибо и его-то не одобряю именно за безрассудство, что он осмелился говорить о том письменно. Впрочем, краткое изложение этого дела, думаю, не будет неблаговременно.

ГЛАВА 27

О сидском пресвитере Филиппе

Филипп был родом из Сиды, а Сида — город в Памфилии, откуда происходил и софист Троил, которым Филипп гордился как своим родственником. Когда был он диаконом, то по большей части обращался с епископом Иоанном, любил также заниматься науками и собрал множество всякого рода книг. Филипп много писал, стараясь подражать азиатскому характеру речи. Так, например, он написал сочинение в опровержение книге царя Юлиана и составил христианскую историю, разделив ее на тридцать шесть книг, из которых каждая содержала в себе много томов, так что всех томов доходило почти до тысячи. Притом содержание каждого тома своей обширностью равнялось самому тому. Это-то свое сочинение назвал он не церковной историей, а христианской, и внес в нее много материалов, желая показать, что ему не чужды и философские науки. Так, он часто приводит положения из области и геометрии, и астрономии, и арифметики, и музыки, описывает острова, горы, деревья и другие неважные предметы. Из-за этого его история сделалась сочинением растянутым и потому, думаю, бесполезным для людей как простых, так и образованных, ибо люди простые не в состоянии понимать напыщенную его речь, а образованные осуждают его за повторение одного и того же. Впрочем, пусть каждый судит об этих книгах по-своему; а я говорю одно, — что он смешивает времена истории: упомянув, например, о временах самодержца Феодосия, вслед за тем обращается к временам епископа Афанасия, и это делает очень часто. Но довольно о Филиппе. Теперь надобно сказать о том, что случилось при Сисинии.

ГЛАВА 28

О том, что Сисиний в епископа Кизики рукоположил Прокла, но кизикцы не приняли его

По смерти кизикского епископа, Сисиний на епископию Кизики рукоположил Прокла. Но между тем как Прокл собирался ехать туда, кизикцы, предупредив его, рукоположили одного подвижника, по имени Далмаций. И это сделали они, не обратив внимания на закон, запрещавший рукополагать епископа против воли епископа константинопольского, а не обратили внимания на этот закон потому, что он давал права одному Аттику. Таким образом, Прокл жил, не управляя своей Церковью, а только славясь поучениями в церквах константинопольских. Но о нем мы будем говорить в своем месте. Между тем Сисиний, не прожив на епископстве и полных двух лет, скончался в консульство Иерия и Ардавурия, в двадцать четвертый день месяца декабря [49]. Он славился воздержанием, правотой жизни и любовью к бедным, а по характеру был доступен и прост, отчего не

любил тяжебных дел. По этой причине людям беспокойным он не нравился и прослыл у них человеком недеятельным.

ГЛАВА 29

О том, что, по смерти Сисиния, был вызван из Антиохии и сделан епископом константинопольским Несторий, которого тотчас узнали, каков он был

По смерти Сисиния, самодержцы, ради людей тщеславных, не заблагорассудили рукоположить на епископство кого-либо из константинопольской Церкви, хотя многим хотелось иметь епископом Филиппа и многим Прокла, но решили вызвать иноземца из Антиохии. Там был некто, по имени Несторий, родом из Германикии, человек с хорошим голосом и отличным даром слова. Посему-то и решено было вызвать его, как способного к проповеданию [50]. Через три месяца Несторий явился, и весьма многие стали рассказывать о его воздержании, а каков он был в других отношениях, — это от людей умных не утаилось с самой первой его проповеди. Быв рукоположен в десятый день месяца апреля, в консульство Филока и Тавра [51], он тогда же, в присутствии всего народа, обратил речь к царю и произнес следующие замечательные слова: «Царь! (сказал он) Дай мне землю, очищенную от ересей, и я за то дам тебе небо; помоги мне истребить еретиков, и я помогу тебе истребить персов» [52]. Хотя некоторые простые люди, питавшие ненависть к еретикам, приняли произнесенные им слова с удовольствием, но от людей, умевших по словам заключать о качествах души, не укрылись, как я сказал, ни его легкомыслие, ни вспыльчивость, ни тщеславие, ибо, не удержавшись и на минуту, он уже дошел до таких слов; не отведав еще, как говорится, и городской воды, уже объявил себя жестоким гонителем. Действительно, в пятый день после своего рукоположения Несторий вознамерился разрушить молитвенный дом ариан, где они тайно молились, и через это довел их до отчаяния. Видя, что место молитвенных собраний их разрушают, они подложили под него огонь и зажгли. Огонь распространился и истребил соседние дома. От этого в городе произошло смятение, и ариане готовились к отмщению; но Бог, хранивший город, не попустил исполниться этому злу. С тех пор не только еретики, но и свои по вере стали называть Нестория пожаром, ибо он не успокоился, но, строя против еретиков козни, губил город, сколько от него зависело. Пытался он мучить и новациан, завидуя тому, что новацианский епископ Павел славился набожностью, но самодержцы своим увещанием остановили порыв его. А сколько зла наделал он четырнадцатидневникам в Азии, Лидии и Карии [53], и сколь многие чрез него погибли во время бывшего возмущения в Милете и Сардах, о том лучше, думаю, умолчать. О наказании же, которое постигло его и за это, и за необузданный язык, скажу немного ниже.

ГЛАВА 30

О том, каким образом при Феодосии Младшем приняли христианство бургунды

Прежде я расскажу о случившемся тогда достопамятном событии. Есть варварский народ, живущий по ту сторону реки Рейна и называющийся бургундами [54]. Бургунды ведут жизнь спокойную, почти все они плотники и, этим ремеслом зарабатывая себе деньги, питаются. На них непрестанно нападали гунны, опустошали их страну и нередко многих убивали. Находясь в столь затруднительном положении, бургунды не прибегли к какому-

либо человеку, но решились обратиться к какому-либо Богу. А так как они заметили, что Бог римлян сильно помогает боящимся Его, то все единодушно обратились к вере во Христа. Посему, находясь в одном галльском городе, они просили епископа о христианском крещении. Епископ приказал им поститься семь дней и, огласив их верою, в восьмой день крестил их и отпустил назад. Тогда они смело пошли против своих тиранов, и надежда не обманула их, ибо, когда царь гуннов, по имени Оптар, ночью умер от обжорства, бургунды напали на гуннов, лишившихся вождя, и в малом числе сразившись с многочисленными неприятелями, победили их. Бургундов было только три тысячи, а число пораженных гуннов простиралось до десяти тысяч. С тех пор этот народ пламенно привержен был к христианству. Около того же времени скончался и арианский епископ Варва, что случилось в тринадцатое консульство Феодосия и третье Валентиниана, в двадцать четвертый день месяца июня, и на его место поставлен был Савватий. Но довольно об этом.

ГЛАВА 31

О том, что потерпели от Нестория македониане

Между тем, поступая сам против обычая Церкви, Несторий, как показывают происшедшие при нем события, заставлял и других подражать себе в этом отношении. Так, епископ города Гермы в Геллеспонте, Антоний, подражая стремлению Нестория против еретиков, начал сильно преследовать македониан и в свое оправдание ссылался на поведение патриарха. Македониане до некоторого времени терпели мучения, но когда Антоний стал мучить их с еще большей жестокостью, они, не могши переносить тяжести мук, впали в страшное отчаяние и, подослав людей для которых приятное выше доброго, убили его. Как скоро македониане совершили такое преступление, Несторий воспользовался этим случаем для поддержания своих стремлений и убедил самодержцев отнять у македониан церкви. Вследствие сего у них отнята была церковь в Константинополе перед старой городской стеной, церковь в Кизике и много других, принадлежавших им в селах Геллеспонта. А некоторые из македониан обратились к церкви православной и приняли веру в единосущие. Но для пьяницы, говорит пословица, всегда будет вино, а для сварливого — предмет ссоры. Случилось, что Несторий, любивший изгонять других, и сам изгнан был из Церкви — по следующей причине.

ГЛАВА 32

О пресвитере Анастасии, которым Несторий вовлечен был в нечестие

При Несторий был присвитер Анастасий, приехавший вместе с ним из Антиохии. Несторий весьма уважал его и в делах пользовался его советами. Однажды, уча в церкви, этот Анастасий сказал: «Пусть никто не называет Марию Богородицей, ибо Мария была человек, а от человека Богу родиться невозможно». Эти слова устрашили многих — как клириков, так и мирян [55], ибо все издревле научены были признавать Христа Богом и никак не отделять Его, по домостроительству, как человека, от божества, последуя слову Апостола, который говорит: *еще и разумехом по плоти Христа, но ныне к тому не разумеем* (2 Кор. 5, 16), и: *темже оставльше начала Христова слово, на совершение да ведемся* (Евр. 6, 1). Итак, когда в Церкви, сказал я, произошло смятение, Несторий, стараясь подтвердить слова Анастасия, — ибо ему не хотелось, чтобы человек, им

уважаемый, обличен был в нечестивом учении, — стал часто проповедовать в церкви о том же предмете, нарочито предлагал о нем вопросы и всегда отвергал название Богородицы. А так как вопрос об этом различными людьми был понимаем различно, то в Церкви произошли разделения, — и христиане, как бы сражаясь ночью, утверждали то одно, то другое, то соглашались с новым учением, то отвергали его [56]. Между тем, Несторий у многих прослыл таким человеком, который учил, что Господь есть простой человек, и будто бы вводит в Церковь ересь Павла Самосатского и Фотина [57]. Касательно сего предмета возникло столько споров и такое смятение, что нужен был даже вселенский Собор. Но, прочитав изданные Несторием сочинения, я нахожу его человеком несведущим и буду говорить о нем справедливо, ибо как не неприязнь к нему заставила меня упомянуть о его недостатках, так и не угождение кому-либо расположить — высказать все то, что я нашел в нем. Мне кажется, Несторий не подражал ни Павлу Самосатскому, ни Фотину, да и не называл Господа совершенно простым человеком. Он боялся, как призрака, одного названия Богородицы, и это с ним случилось от крайней необразованности [58]. Быв от природы красноречив, Несторий считал себя образованным, а на самом деле не имел никакой учености, да и не хотел изучать книги древних толкователей. Ослепленный своим даром слова, он не показывал внимания к древним, но предпочитал всем самого себя. Во-первых, он не знал, что в древних списках соборного послания Иоанна написано было: «всякий дух, который отделяет Иисуса от Бога, *от Бога несть*», и что хотевшие отделить божество от человека по домостроительству, из древних списков изгладили сие изречение. От того-то еще древние толкователи заметили это самое, т. е. что некоторые, намереваясь отделить Бога от человека, исказили послание Иоанна. Между тем, человечество и божество в Христе соединены, так что он — уже не два, а одно. Основываясь на этом, древние не сомневались называть Марию Богородицей. Например, и Евсевий Памфил в третьей книге «О жизни Константина» слово в слово говорит так: «Еммануил (с нами Бог) благоволил родиться для нас, и местом плотского его рождения, по свидетельству евреев, был именно Вифлеем. Посему благочестивейшая царица Елена всячески украсила эту священную пещеру и почтила дивными памятниками бремя Богородицы». А Ориген, в первом томе своих толкований на послание Апостола к Римлянам, объявил, почему она называется Богородицей, и подробно исследовал этот предмет. Итак, очевидно, что Несторий не знал сочинений древних и восстал, как сказано, против одного имени. Но что он не называл Христа простым человеком, как Фотин или Павел Самосатский, это показывают и изданные им беседы, в которых он нигде не уничтожает ипостаси Бога-Слова, но везде исповедует Его ипостасным и сущным, и не отнимает у Него бытия, как делали Фотин и Павел Самосатский, или как осмелились утверждать манихеи и последователи Монтана. Таковыми-то нахожу я мысли Нестория, прочитав его сочинения и сообразив положения его приверженцев. Между тем, пустословие Нестория возбудило во вселенной немалое волнение.

ГЛАВА 33

О мерзости, которую в алтаре великой церкви совершили беглые рабы

Во время этих событий случайно произошло в Церкви одно отвратительное дело. Слуги некоего вельможи, по происхождению варвары, испытав жестокость своего господина, прибежали в церковь и, обнажив мечи, проникли в алтарь. Когда же просили их выйти, они отнюдь не хотели повиноваться и препятствовали отправлять священную службу. В продолжение многих дней стоя с обнаженными мечам, эти варвары готовы были поразить всякого, кто подойдет к ним, и когда в самом деле одного из клириков убили, а другого

ранили, то наконец умертвили и самих себя [59]. Тут один из присутствовавших сказал, что осквернение храма не предвещает добра, и произнес два стиха одного древнего стихотворца:

Худым всегда бывает знаком,
Когда злодейством храм сквернится.

Сказавший это не ошибся в своем мнении, ибо сим, как кажется, предозначалось разделение народа и низложение виновника этого разделения.

ГЛАВА 34

О первом Эфесском Соборе, созванном против Нестория

В самом деле, прошло немного времени — и царский указ повелевал епископам отовсюду съезжаться в Эфес [60]. Посему тотчас после праздника Пасхи, Несторий, прибывший туда со множеством народа, уже нашел там собрание многих епископов. Несколько замедлили только Кирилл александрийский, приехавший около Пятидесятницы [61], и Ювеналий иерусалимский, явившийся в пятый день после Пятидесятницы. Но Иоанн антиохийский медлил еще более, так что бывшие налицо епископы, не дождавшись его, наконец коснулись данного предмета [62]. Сперва бросил несколько слов и завязал дело Кирилл александрийский — с намерением испугать Нестория, которого не любил. Потом, когда уже многие исповедали Христа Богом, Несторий сказал: «а я не могу назвать Богом того, кто был двухмесячным и трехмесячным; посему чист от крови вашей и отныне не приду к вам» [63]. Сказав это, он с некоторыми, державшимися его мыслей епископами, начал собираться особо. Таким образом, присутствовавшие разделились на две части. Впрочем, сторона Кирилла, делая заседания, приглашала и Нестория [64], но он не слушал и свой приход на Собор откладывал до прибытия Иоанна антиохийского. Тогда бывшие на стороне Кирилла [65], прочитав много раз говоренные Несторием беседы о предмете исследований и по ним заключая, что касательно Сына Божия он постоянно богохульствовал, низложили его. А державшие сторону Нестория, сделав другое, отдельное заседание, низложили Кирилла и вместе с ним эфесского епископа Мемнона. Вскоре после сего приехал на Собор и антиохийский епископ Иоанн [66]. Узнав о происшедшем, Иоанн досадовал на Кирилла, что он был виновником таких смятений и поторопился с низложением Нестория. Поэтому, чтобы отомстить Иоанну, Кирилл вместе с Ювеналием низложил и его. Когда же дела были в таком замешательстве, Несторий, видя что спор доходит до разрыва общения, раскаялся и стал называть Марию Богородицей: «пусть Мария называется и Богородицей, — говорил он, — только бы прекратились эти неприятности». Однако раскаянию Нестория никто не поверил, а потому, низложенный и сосланный в ссылку [67], он доселе живет в Оазисе [68]. Так-то кончился бывший в то время Собор. Это произошло в консульство Васса и Антиоха, в двадцать восьмой день месяца июня. Между тем, Иоанн возвратился в Антиохию и, собрав многих епископов, низложил Кирилла, когда он прибыл уже в Александрию. Впрочем, вскоре после этого они прекратили вражду и, снова вступив в дружбу, возвратили друг другу престолы [69]. Но в Церквах константинопольских, вследствие низложения Нестория, происходило страшное смятение, потому что чрез его пустословие, как я сказал, народ разделялся, а клирики все единогласно провозглашали ему анафему, — так мы, христиане, обыкновенно называем приговор против богохульника, когда свое мнение объявляем всем, выставляя его как бы на столбе.

ГЛАВА 35

О том, что, по низложении Нестория, некоторые епископы, вопреки людям, хотевшим возвести на престол Прокла, избрали в епископа константинопольского Максимиана

За этим следовало рассуждение об избрании епископа, — и многие избрали Филиппа, о котором я уже упоминал, а еще больше голосов было в пользу Прокла. Мнение стороны, избравшей Прокла, конечно, одержало бы верх, если бы не попрепятствовали некоторые люди сильные, говоря, что церковное правило назначенного в какой-либо город епископа запрещает перемешать в другой. Эти слова приняты были как верные, и заставили народ замолчать. Итак, через четыре месяца со времени низложения Нестория [70] на епископство избран был некто, по имени Максимиан, а по образу жизни подвижник, облеченный также в достоинство пресвитера. Он уже давно прослыл как человек набожный, потому что на свой счет устраивал гробницы для погребения в них покойников, славившихся в жизни набожностью. Впрочем, он был неискусен в слове и больше любил жить вдали от мирских хлопот.

ГЛАВА 36

Примеры, которыми писатель, по-видимому, доказывает, что нет препятствия перемещать епископов с одного престола на другой

Так как некоторые, сославшись на церковное правило, не дозволили возвести на епископский престол в Константинополе Прокла, как уже назначенного епископом кизикским, то я хочу немного поговорить об этом. Мне кажется, что решившиеся тогда утверждать это, утверждали неправду: они либо побуждались ненавистью к Проклу, либо не знали ни правил, ни того, что часто с пользой бывало в Церквах. Например, Евсевий Памфил в шестой книге «Церковной истории» говорил, что Александр, быв епископом одного города в Каппадокии, пришел в Иерусалим помолиться, но, удержанный иерусалимцами, поставлен был на место епископа Нарцисса и с тех пор во всю свою жизнь предстоятельствовал в тамошней Церкви. Следовательно, переводить епископа из города в город, как скоро требовала того нужда, у предков наших было делом безразличным. Но если в этом сочинении надобно поместить и правило касательно сего предмета, то ясно будет, как лично понимали его люди, не дозволившие возвести на престол Прокла. Правило это следующее: если какой епископ, рукоположенный в известную епархию, не пойдет туда, куда рукоположен — не по своей вине, но либо по несогласию народа принять его, либо по другой, не зависевшей от него причине, то да сохранит он участие в чести и служении, лишь бы не производил замешательства в делах той Церкви, где будет назначать собрания. Впрочем, он должен подчиниться тому, что касательно представленного дела рассудит и определит областной Собор. Таково это правило. А что многие епископы, по встречавшимся иногда нуждам Церквей, из одних городов действительно бывали перемещаемы в другие, для доказательства я изложу имена перемещенных. Периген был рукоположен епископом в Патрасе, но так как жители этого города не приняли его, то римский епископ, по случаю смерти коринфского епископа, повелел возвесть Перигена на престол митрополита в Коринфе, — и он в тамошней Церкви предстоятельствовал всю жизнь. Григорий Назианзен прежде был епископом в одном городе Каппадокии, Сасимах, а потом в Назианзе. Мелетий сначала

предстоятельствовал в Церкви севастийской, а после — в антиохийской. Селевкийского епископа Досифея антиохийский Александр перевел в Тарс киликийский. Реверенний из города Архи в Финикии впоследствии перемещен в Тир, Иоанн из Лидии перемещен в Приконис и был предстоятелем тамошней Церкви. Палладий из Еленополиса перемещен в Аспуну, Александр из Еленополиса перемещен в Адрианы. Феофил из Апамеи азийской перемещен в Евдоксиополис, называвшийся в древности Саламврией. Поликарп из Сексантаприста в Мизии перемещен в Никополь Фракийский, Иерофил из Трапезополиса фригийского перемещен в Плотинополис фракийский. Оптим из Агдамии фригийской перемещен в Антиохию писидийскую, Сильван из Филиппополя фракийского перемещен в Троаду [71]. Но для настоящего случая довольно и упомянутых нами столь многих епископов, которые перемещены были из своих городов в другие. На Сильване, перемещенном из Филиппополя фракийского в Троаду, я считаю полезным остановиться и сказать о нем несколько слов.

ГЛАВА 37

О Сильване, перемещенном из Филиппополя в Троаду

Сильван сначала был ритором в школе софиста Троила, но потом, стараясь вести жизнь строго христианскую и полюбив подвижничество, отказался носить мантию ритора. Тогда епископ Аттик взял его и поставил епископом Филиппополя. Но, прожив три года во Фракии и не имея сил переносить холод, так как был очень худ и слаб телом, Сильван стал просить Аттика о рукоположении другого на свое место и говорил, что он не почему иному, а только по причине холода отказывается жить во Фракии. Когда же, по уважению к этой причине, на его место поставлен был другой, Сильван переехал на житье в Константинополь и вполне следовал правилам подвижничества. Он был столь чужд изнеженности, что по улицам такого многолюдного города ходил большей частью в тростниковых сандалиях. Между тем, через несколько времени скончался предстоятель Церкви в Троаде, и троадяне пришли просить себе епископа. Когда же Аттик думал, кого бы рукоположить, и вдруг сверх чаяния увидел он перед собою Сильвана и, увидев его, тотчас оставил заботу и сказал ему: «теперь уже ты не имеешь причины отклонять от себя попечение о Церкви; в Троаде не холодно. И вот тебе от Бога приготовлено место, сообразное со слабостью твоего тела. Не медли же, брат, и ступай в Троаду». Сильван действительно перешел туда, и я расскажу о совершенном им чуде. На морском берегу Троады только что было отстроено огромное грузовое судно, называемое плоскодонным и назначенное для перевозки больших колонн. Это судно следовало стянуть в море. Но несмотря на множество веревок и народа, который тянул его, судно нисколько не двигалось. В этом прошло уже несколько дней. Наконец, все пришли к мысли, что демон держит судно, и потому обратились к епископу Сильвану и просили его совершить на том месте молитву, веруя, что только этим средством можно сдвинуть судно. Но Сильван, по своей скромности, называл себя грешником и говорил, что это не ему делать, а какому-либо праведнику. Когда же те стали настойчиво просить его, он пошел на морской берег, совершил молитву, потом взялся сам за одну из веревок и приказал приступить к делу. Они принялись и лишь только сделали небольшое усилие, судно быстро пошло в море. Это чудо, совершенное Сильваном, возбудило к благоговению всех жителей области. Впрочем, Сильван и в других отношениях был муж доблестный. Заметив, например, что клирики извлекают себе пользу из споров людей тяжущихся, он никого из клира не назначал уже в судьи, но, взяв от тяжущихся прошения, призывал кого-либо из верных мирян, о ком знал, как о человеке правдолюбивом, и, поручив ему выслушать дело, прекращал спор между тяжущимися. Через это-то именно снискал он себе у всех

величайшую силу. Сообщив такие сведения о Сильване, я, несмотря на сделанное отступление, не без пользы, думаю, упомянул о них. Теперь возвратимся к тому, на чем остановились. Итак, Максимиан возведен был на епископство в консульство Васса и Антиоха, в двадцать пятый день месяца октября, и волнения в церквах прекратились.

ГЛАВА 38

О критских иудеях, как многие из них в то время обратились к христианству

Около того же времени многие из иудеев на острове Крит обратились к христианству по следующему случаю. Один обманщик иудей стал выдавать себя за Моисея и говорил, что он послан с неба взять живущих на острове иудеев и перевести их через море. Я тот самый, возвещал он, который и в древности спас Израиль, проведши его через Чермное море. В течение целого года обошел он все города острова и живущих там иудеев убедил верить себе. Притом он увещевал оставить все сокровища и стяжания, ибо обещался по сухому морю привести их в землю обетования. Питаясь такими надеждами, иудеи бросили свои занятия, не стали дорожить имуществом и предоставили брать его, кому угодно [72]. Когда же настал назначенный обманщиком день, сам он пошел вперед, а за ним следовали все вместе с женами и детьми. Обманщик привел их на одну вдавшуюся в море скалу и приказал бросаться вниз. Взбежавшие на скалу прежде всех, делали это и тотчас погибли, одни из них разбивались о камни, а другие утопали в воде. Погибло бы их и гораздо более, если бы, по Божию смотрению, не случилось там несколько христиан, рыболовов и купцов. Они вытаскивали из воды и спасали утопавших, спасенные же, в минуты бедствия сознав свое безумие, не допускали и других бросаться в море, ибо указывали на погибель тех, которые бросались прежде. Тогда-то иудеи увидели обман и прокляли необсужденную свою веру. Что же касается до поддельного Моисея, то они хотели было убить его, но не могли поймать, он исчез, и это очень многих привело к мысли, что обманщик был демон-губитель, принявший вид человека на погибель тамошнего рода их. По случаю такого несчастья, в это время на острове Крите многие из иудеев, оставив иудейство, приняли Веру христианскую.

ГЛАВА 39

О бывшем в церкви новацианской пожаре

Спустя немного времени, новацианский епископ Павел снискал славу человека истинно боголюбезного, и славу гораздо большую, чем какую имел прежде. Случился ужаснейший пожар, какого никогда прежде не бывало. Огонь истребил большую часть города, так что погибли и огромные кладовые с хлебом, и бани, называемые ахиллесовыми. Распространяясь далее и далее, огонь приблизился наконец и к новацианской церкви, что близ Пеларгоса. Тогда епископ Павел, видя церковь в опасности, прошел в алтарь и, поручив Богу спасение церкви и всего, что было в ней, не переставал молиться о городе и о самом доме молитвенном. И Бог, как показало дело, внял молитвам этого мужа, ибо огонь, вторгавшийся в церковь через все двери и окна, ничего не повредил. Вокруг по соседству многое вовсе уничтожено, а она среди самого огня, казалось, торжествовала над его чрезмерной силой. Пожар, продолжавшийся двое суток, наконец потух. Большей части города уже не было, а церковь осталась невредимой и, что особенно удивительно, даже следов копоти не видно было на бревнах или стенах ее. Это случилось в

семнадцатый день месяца августа, в четырнадцатое консульство Феодосия и первое Максима. С тех пор новациане ежегодно вспоминают о спасении своей церкви, воссылая в семнадцатый день августа благодарственные молитвы Богу. Да и все почти, помня совершившееся над ней чудо, чтут теперь это место и поклоняются ему, как истинно святому, причем не только христиане, но и весьма многие язычники. Впрочем, довольно об этом.

ГЛАВА 40

О том, что преемником епископа Максимиана делается Прокл

После мирного управления Церковью в течение двух лет и пяти месяцев, Максимиан скончался. Это случилось в консульство Ареовинда и Аспара, в двенадцатый день месяца апреля [73], и именно на неделе постов, непосредственно предшествующей празднику Пасхи, в так называемый пяток. При этом случае царь Феодосий мудро распорядился делом. Чтобы опять не вышло спора об избрании епископа и не возбудилось в Церкви волнение, он нисколько не медля, еще до погребения тела Максимиана приказал случившимся в Константинополе епископам возвести на престол Прокла. С этим согласны были и полученные послания римского епископа Целестина, которые писал он Кириллу александрийскому, Иоанну антиохийскому и Руфу фессалоникийскому, и в которых доказывал, что нет препятствия — назначенного в какой-нибудь город или уже находящегося в известном городе епископа перемещать в другое место. Итак, Прокл возведен был на престол и совершил погребение тела Максимиана. Теперь пора кратко сказать и о нем.

ГЛАВА 41

О епископе Прокле, каков он был

Прокл с ранних лет был чтецом, посещал школы и ревностно занимался риторикой. Достигнув же мужского возраста, большей частью находился при епископе Аттике в должности его секретаря. Так как на этом месте сделал он значительные успехи, то Аттик возвел его в сан диаконский, а потом, удостоенный и пресвитерства, он, как я уже сказал, возведен был Сисинием на епископство кизикское. Но все это было прежде, а теперь он наследовал престол Церкви константинопольской. Прокл был человек прекрасного права и отличался этим больше других. Воспитанный Аттиком, он подражал всем его добродетелям, а незлобием превосходил и его самого, ибо Аттик иногда бывал страшен для еретиков, а Прокл на всех действовал кротко и старался привести их к истине скорее этим средством, чем силой. Решившись не преследовать ни одной ереси, он вполне возвратил Церкви достоинство кротости и в этом отношении подражал царю Феодосию. У Феодосия было принято за правило — не употреблять строгих мер власти против виновных, а у него — не обращать много внимания на тех, которые не так мыслили о Боге, как он мыслил.

ГЛАВА 42

О том, почему писатель распространяется в рассказе о прекрасных качествах царя Феодосия Младшего

За это и царь хвалил его, ибо сам был подобен людям, истинно освященным, и никогда не одобрял тех, которые хотели воздвигать гонения. Можно сказать, что кротостью он даже превосходил всех истинно освященных. Как в книге Числ говорится о Моисее: *и человек Моисей кроток зело паче всех человек, сущих на земли* (Числ. 12,3), так можно сказать и о царе Феодосии, что он кроток зело паче всех человек, сущих на земли. За такую-то его кротость Бог покорял ему врагов и без трудов военных, что доказала победа над тираном Иоанном и последовавшая затем гибель варваров, ибо что получали от Бога древние праведники, то же в настоящее время Бог всяческих даровал и боголюбезнейшему государю. А что я пишу это не по внушению лести, но по сущей истине — в доказательство изложу события всем известные.

ГЛАВА 43

О том, что потерпели варвары, помогавшие тирану Иоанну

По смерти тирана, призванные им на помощь против римлян варвары готовы были сделать набег на римские области. Узнав об этом, царь, по обычаю, все попечение возложил на Бога и, усердно помолившись Богу, скоро получил то, чего желал. А что именно случилось тогда с варварами, о том полезно послушать. Вождь их, по имени Ругас, поражается молнией и умирает, затем наступает язва и истребляет большую часть подвластных ему людей. Но этого одного было не довольно: кроме сего, ниспал еще с неба огонь и пожрал многих из оставшихся. Это уже привело варваров, в величайший страх — не столько потому, что они осмелились поднять оружие против храброго народа римского, но гораздо более потому, что этот народ нашли под покровительством всесильного Бога. В то же самое время возбудил к себе удивление и епископ Прокл, приноровив в своем поучении пророчество Иезекииля о Церкви к дарованному Богом спасению. Это пророчество состоит в следующем: *Сыне человече, прорцы на Гога князя, Рос, Мосоха и Фовеля. Ибо отсужду ему смертию, и кровию, и дождем потопляющим, и камением градным, огонь и камень горящ одождю нань, и на вся сущая с ним, и на языки многие с ним. И возвеличуся, и прославлюся, и уведан буду пред языки многими, и уведят, яко аз есмь Господь* (Иез. 38, 1, 2, 22, 23). Этим-то, как сказано, Прокл возбудил к себе чрезвычайное удивление. А между тем царю, за его кротость, провидение Божие даровало очень много милостей, из которых одна — следующая.

ГЛАВА 44

О том, что царь Валентиниан Младший взял в супружество дочь Феодосия, Евдоксию

Была у него от супруги Евдокии дочь, по имени Евдоксия, — и двоюродный брат его, Валентиниан, поставленный им в цари над западными областями, стал просить ее себе в супружество. Царь Феодосий изъявил свое согласие, и они думали совершить брак где-нибудь на границах двух империй. Разделяя путь пополам, захотелось было им сделать это в Фессалониках, но Валентиниан дал знать Феодосию, чтобы ом не беспокоился, и извещал его, что сам придет в Константинополь. Действительно, обеспечив западные

области, Валентиниан для вступления в брак прибыл в Константинополь; по совершении же брака, что случилось в консульство Исидора и Сенатора, взял свою супругу и опять возвратился на запад [74]. Такой-то счастливый случай обрадовал тогда царя.

ГЛАВА 45

О том, что епископ Прокл убедил царя перенести тело Иоанна из ссылки в Константинополь и положить в церкви Апостолов

Спустя немного времени после сего епископ Прокл своим благоразумием утешил и возвратил в Церковь тех, которые отделились от нее по случаю низвержения епископа Иоанна. А как сделал он это, я скажу. Тело Иоанна погребено было в Киманах, но Прокл убедил царя, в тридцать пятый год по низложении Иоанна, перенести его в Константинополь, и с великой честью, при всенародном торжестве, положил в церкви, соименной Апостолам. Этим отделившиеся приверженцы Иоанновы были тронуты и присоединились к Церкви. Упомянутое событие произошло в шестнадцатое консульство царя Феодосия в двадцать седьмой день месяца января [75]. При сем не могу не удивляться, как зависть, преследовавшая, по смерти, Оригена, пощадила Иоанна. Ориген, спустя почти двести лет после кончины, отлучен был Феофилом, а Иоанн в тридцать пятый год после кончины принят в общение Проклом. Столько-то Прокл своим нравом превосходил Феофила. Впрочем, как это всегда бывало и бывает, люди умные понимают.

ГЛАВА 46

О смерти новацианского епископа Павла и о рукоположенном после него Маркиане

Вскоре после перенесения тела Иоаннова, именно в то же консульство, двадцать первого числа месяца июля скончался и епископ новацианской церкви Павел. В день своего погребения он все многоразличные секты соединил некоторым образом в одну церковь, ибо все они сопровождали тело его с псалмопением до самой могилы, равно как и при жизни был он всеми любим за правоту свою. Так как перед кончиной Павел сделал нечто достойное памяти, то рассказ об этом, для пользы читателей, я нахожу нужным прибавить к своей истории. Что никогда не отступая от обычаев подвижнической жизни, он хранил их даже в болезни и не переставал ревностно совершать молитвы, о том я умолчу, боясь, как бы рассмотрение сего обстоятельства, не помрачило достопамятного, как я сказал, и весьма полезного его поступка. Какой же это поступок, сейчас скажу. Приближаясь к смерти, он созвал всех священников подвластных себе Церквей и сказал им: «позаботьтесь назначить кого-либо епископом, пока я дышу, чтобы после в ваших Церквах не произошло смятения». Но они начали просить его, чтобы он не предоставлял им права решить это дело, ибо каждый из нас, говорили они, имеет свой образ мыслей, и мы никогда не наречем одного и того же, а потому к тебе обращаемся, — назначь сам, кого хочешь. Так дайте же мне, сказал Павел, письменное обещание, что изберете именно того, кого я сам назначу. Как скоро пресвитеры сделали это и подписались, он поднялся на постели и тайно от присутствующих написал имя Маркиана, который был в сане пресвитерском и учился у него подвижнической жизни, а теперь находился в отсутствии. Потом сам приложил печать на бумаге и, приказав сверх того запечатать ее старшим из пресвитеров, отдал эту бумагу Марку, который был новацианским епископом в Скифии, а тогда находился в городе, и сказал ему следующее: «Если Бог благоволит, чтобы я

оставался еще в этой жизни, ты возвратишь мне этот залог в сохранности, а когда Ему угодно переселить меня в другую жизнь, ты здесь найдешь, кого назначаю я после себя епископом». Сказав это, он скончался. На третий день после кончины Павла, пресвитеры, в присутствии многочисленного народа, открыли эту бумагу и, нашедши в ней имя Маркиана, все провозгласили его достойным и, нисколько не медля, послали взять его. Посланные, употребив невинную хитрость, взяли Маркиана в Тивериополисе фригийском и, рукоположив, в двадцать первый день того же месяца возвели его на престол. Но довольно об этом.

ГЛАВА 47

О том, что супругу свою, Евдокию, царь Феодосий послал в Иерусалим

Между тем царь Феодосий за полученные благодеяния исполнил данные Богу благодарственные обеты и сделал это, почтив Христа отличными дарами. А супругу свою Евдокию, послал он в Иерусалим [76], так как и она дала такой обет, если увидит дочь свою в супружестве. Евдокия на пути туда и оттуда почтила различными дарами церкви — и около Иерусалима, и все, находящиеся в городах восточных [77].

ГЛАВА 48

О епископе Кесарии каппадокийской, Фалассии

А епископ Прокл в то же самое время, то есть в семнадцатое консульство царя, решился на удивительное дело, какого не делал ни один из прежних епископов. Именно, когда епископ Кесарии каппадокийской Фирм скончался, кесарийцы пришли просить себе епископа. И между тем как Прокл думал, кого бы рукоположить на епископство, случилось, что в один субботний день пришли в церковь повидаться с ним все члены сената. В числе их был и Фалассий, имевший власть префекта над народами и городами в империи. И на него-то, несмотря на тогдашнюю молву, будто царь хочет поручить ему управление восточными областями, Прокл возложил руку и, вместо префекта, сделал его кесарийским епископом. Вот как успешно шли тогда дела церковные. Здесь я оканчиваю свою историю и молю Бога, чтобы все церкви, города и народы жили в мире, ибо когда воцарится мир, желающие писать историю не будут иметь предмета. Ведь и я, в этих семи книгах исполнив твое поручение, святой человек Божий Феодор, не нашел бы предметов для повествования, если бы люди, любящие смуты, предпочли им жизнь мирную. Эта седьмая книга обнимает время тридцати двух лет, а вся история, состоящая из семи книг, обозревает события в продолжение ста сорока лет, начиная с первого года двести семьдесят первой олимпиады, когда Константин объявлен был царем, и оканчивая свое дело вторым годом триста пятой олимпиады, когда наступило семнадцатое консульство Феодосия [78].

Комментарии

[1] Феодосий II Младший правил Восточно-римской империей в 408-450 гг.

[2] Пакацианская Фригия — восточная Фригия.

[3] Кирилл был избран 18 октября 412г.

[4]Речь идет о Йаздигерде I /399—421/.

[5] Волхвы — маги, жрецы зороастрийской религии, официальной религии державы Сассанидов, обладавшие большим влиянием.

[6] Йаздигерд I терпимо относился к персидским христианам и ориентировался на союз с Восточно-римской империей. Он вызвал недовольство магов и иранской аристократии и погиб в результате государственного переворота.

[7] Речь идет о персидском шахе Бахраме V /421—438/, одном из трех сыновей Йаздигерда, который взошел на престол, свергнув узурпатора Хосрова, представителя боковой ветви Сассанидов. Бахрам V совершенно отказался от политики своего отца. При нем начались жестокие преследования персидских христиан и резко ухудшились отношения с Византией.

[8] Порфирий сменил Флавиана в 404 г., а Александр Порфирия в 413 г.

[9] Сириций сменил Дамасия в 384 г., Анастасий Сириция в 398 г., а Иннокентий Анастасия в 402 г.

[10] Аларих /ум. 410/ из рода Балтов — вождь вестготов, ставший при Феодосии I командиром наемных отрядов. В 398 г. он опустошил Фракию и Грецию, а затем вторгся в Паннонию и Италию. Потерпев поражение от Стилихона 6 апреля 402 г. при Полленции и затем при Вероне, Аларих занял Иллирию и оттуда начал наступление на Рим. Он трижды осаждал Вечный город и наконец взял его 24 августа 410 г.

[11] Приск Аттал, префект Рима, был провозглашен императором по требованию Алариха еще до захвата последним Вечного города /во время второй осады в 409 г./. Вскоре Аларих поссорился с Атталом и лишил его императорского титула летом 410 г., после чего осадил Рим в третий раз.

[12] Здесь имплицитно присутствует идея божественного наказания языческого Рима, более ярко выраженная у Созомена /IX.6/. В наиболее развернутой форме она представлена у Аврелия Августина.

[13] Зосима сменил Иннокентия в 417 г., Бонифаций Зосиму в 418 г., а Целестин Бонифация в 422 г. Феодорит /V.38 и 40/ ошибочно помещает Бонифация между Иннокентием и Зосимой.

[14] Эта смута, как и последующие события /нападение монахов на префекта Ореста и убийство Ипатии/, относятся к 415 г.

[15] Ипатия /ок.370—415/ — знаменитая женщина-математик и философ неоплатонической школы.

[16] По мнению Феодорита /V.39/, гонения спровоцировал епископ персидских христиан Авда, который разрушил один зороастрийский храм, тем самым вызвав гнев шаха.

[17] Война византийцев с персами шла в 421—422 гг.

[18] Речь идет об Арзанене, области к западу от озера Ван.

[19] По условиям мирного договора 422 г. между Византией и Персией персидским христианам была предоставлена свобода вероисповедания и отправления культа в пределах державы Сассанидов.

[20] Амида — город на р. Тигр на границе Арзанены и Софены Великой /области между истоками Тигра и Евфрата/.

[21] Атенаида была язычницей. Ее брак с Феодосием II был заключен 7 июня 421 г.

[22] Аскетизм и благочестие императору привила его старшая сестра Пульхерия, которая фактически управляла государством в 411—421 гг. и которая, по утверждению современников, превратила императорский дворец в настоящий монастырь. После брака Феодосия с Евдокией Пульхерия стала

утрачивать свое влияние на брата.

[23] Птоломей Филадельф /285—246 гг. до н. э./ — египетский царь, знаменитый покровитель литературы и искусств. Считалось, что именно по его инициативе Ветхий Завет был переведен на греческий язык.

[24] Хеврон — город в Иудее /область в южной Палестине/.

[25] При Исходе израильтян из Египта Красное море расступилось перед ними, но сомкнулось над преследовавшим их войском фараона.

[26] То есть Красное море.

[27] Западно-римский император Гонорий умер в Равенне в августе 423 г. от водянки на сороковом году жизни.

[28] Иоанн был главой императорских нотариев.

[29] Узурпация Иоанна продолжалась с 423 г. по 425 г.

[30] Гонорий также возвел Галлу Плацидию, сестру Гонория, в ранг августы, а ее сына Флавия Плацида Валентиниана /род. 2 июля 419 г./ в ранг цезаря. Это произошло в 423 г.

[31] Военная экспедиция в Италию была отправлена в следующем, 424 г.

[32] Ардавурий был аланом по происхождению.

[33] Аспар, прославившийся захватом Равенны, в будущем станет военным магистром Востока, консулом, «первым из патрициев». В 457 г. он возведет на престол Льва I, но затем будет им казнен по обвинению в антиправительственном заговоре.

[34] Равенна, город в Романье, области на северо-востоке Италии, на побережье Адриатического моря, являлась с конца IV в. резиденцией западно-римских императоров.

[35] Равенна была захвачена в начале 425 г. солдаты Аспара устроили страшную резню и грабеж в павшем городе.

[36] Узурпатор Иоанн был подвергнут позорной казни на ипподроме в Аквилее.

[37] Август Констанций был соправителем Гонория в течение нескольких месяцев 421 г.

[38] Валентиниан II был императором Западно-римской империи в 425— 455 гг. До своей смерти 27 ноября 450 г. за него фактически правила его мать Галла Плацидия.

[39] Возможно, это произошло около 415 г. В письме к Кириллу Александрийскому Аттик оправдан свой поступок настояниями Феодосия II, симпатизировавшего Иоанну Златоусту, и народа. В свете непримиримости иоаннитов он считал это единственным способом прекратить раскол в столичной церкви.

[40] Страбон /ок.64 до н. э.—ок.24 н. э./ — древнегреческий географ, автор «Географии» в 17 книгах. Николай Дамасский /64 до н. э.—нач. I в. н. э./ — древнегреческий историк, автор «Истории» в 144 книгах и «Жизни Цезаря». Ксенофонт /ок.430—354 до н. э./ — древнегреческий писатель и историк.

[41] «Анабасис».

[42] «Греческая история».

[43] Алкивиад /ок.450—404 до н. э./ — афинский политический деятель и полководец эпохи Пелопонесской войны.

[44] Аргирополис — «Серебряный город» или «Город Денег».

[45] 425г.

[46] Валентиниан III /419—455/ был коронован в Риме 23 октября 425 г. Он правил Римской империей до 16 марта 455 г.

[47] Речь идет о будущем константинопольском епископе. Свою церковную карьеру Прокл начал келейником Иоанна Златоуста.

[48] 426 г.

[49] 427 г.

[50] Несторий родился около 381 г. в военном поселении Германикея в Евфратской Сирии. Возможно, что по происхождению он был персом. Несторий учился в Антиохии, вероятно, под руководством знаменитого теолога того времени Феодора Мопсуэстского. Позже ушел в монастырь Эупрепиос за стенами Антиохии. Там он прославился своим аскетизмом и своим красноречием. Эти качества Нестория и сыграли основную роль в его избрании. Феодосий II надеялся, что антиохийский праведник сможет повысить нравственность столичных жителей.

[51] 428г.

[52] Несторий получил законную основу для своей политики, когда Феодосий II 30 мая 428 г. издал эдикт, подтвердивший и увеличивший старые наказания за еретические взгляды и еретическое богослужение.

[53] Кария — область на юго-западном побережье Малой Азии.

[54] Речь идет о Первом Бургундском королевстве на Рейне с центром в городе Вормс /нач.V—436/437/.

[55] По свидетельству самого Нестория спор об именах Девы Марии начался еще до его рукоположения в константинопольские епископы.

[56] Спор об именах Девы Марии имел очевидное христологическое значение: если кто-то подчеркивает божественную природу Христа, то он стремится называть его мать «богородицей», если же кто-то акцентирует человеческое начало в Христе, то он предпочитает определять ее как «человекородицу». Несторий отказывался называть Деву Марию именами, которых нет в Евангелиях, — он предложил термин «христородица».

[57] Первым с таким обвинением выступил схоластик Евсевий, будущий епископ Дорилеи. Затем в его поддержку выступил Прокл, неудачливый кандидат на епископских выборах 428 г. К ним примкнули константинопольское монашество и многие миряне. Смутой воспользовался Кирилл Александрийский, давно искавший повод унизить своих константинопольских соперников. Кирилл вовлек в конфликт римского епископа Целестина, по инициативе которого Римский собор в августе 430 г. осудил учение Нестория. Несторию не удалось заручиться широкой поддержкой среди константинопольского населения. На стороне столичного епископа, однако, были Феодосий II и его двор, которые предприняли некоторые полицейские меры против враждебных Несторию монахов. Император также осудил Кирилла Александрийского за провоцирование смут в церкви и за попытки внести раскол в императорскую семью /александрийский епископ обращался к Феодосию, его супруге Евдокии и к его сестре Пульхерии, настраивая их против Нестория/.

[58] Несторий возражал против термина «богородица», так как опасался злоупотребления этим понятием. В принципе он не отвергал его использования, но считал, что слишком частое его употребление приведет к неоправданному подчеркиванию роли Девы Марии и, следовательно, возврату к языческому политеизму. Несторий говорил, что нельзя превращать мать Христа в богиню. Однако он никогда не называл Сына простым человеком — это была клевета его врагов.

[59] По другим данным, эти беглые рабы намеревались поджечь церковь, и они покончили с собой только по недоразумению.

[60] Против созыва Третьего Вселенского /Эфесского/ собора был настроен Феодосий II, не желавший полагаться на соборные превратности при защите избранного им самим епископа. Однако всеобщее давление заставило его согласиться, и 30 ноября 430 г. император разослал приглашение всем митрополитам явиться в Эфес на Троицу 431 г.

[61] Пятидесятница /Троица/ — праздник в честь сошествия Св. Духа на апостолов, отмечаемый на пятидесятый день после Пасхи. Рассматривается как праздник в честь основания христианской церкви.

[62] Собор не открывался в день Троицы /7 июня 431 г./, так как отсутствовали восточные епископы во главе с Иоанном Антиохийским /423—440/. После двухнедельного ожидания 21 июня Кирилл Александрийский предложил открыть собор на следующий день /он говорил, что при такой летней жаре дальнейшая задержка вызовет болезни и смерти среди соборных отцов/. 68 епископов подписали протест против исключения восточной делегации, но присланные ими представители были изгнаны с собора, который начал свою работу 22 июня, несмотря на возражения Кандидиана, личного представителя императора. Кандидиан не посмел воспрепятствовать открытию собора силой ввиду той широкой поддержки, которую оказывало александрийской партии население Эфеса во главе с местным епископом Мемноном, злейшим врагом Нестория.

[63] Эти слова были произнесены Несторием в проповеди еще до открытия собора.

[64] Два раза.

[65] Их было около 200.

[66] Восточная делегация прибыла в Эфес 26 июня 431 г., и собор окончательно раскололся на два отдельных собрания.

[67] Феодосий II отрицательно отнесся к решению собора о низложении Нестория и некоторое время колебался. Однако под давлением столичного монашества и паствы, в большинстве своем оппозиционной епископу, он сдался. Архимандрит Далмаций, 48 лет не покидавший стен своего монастыря, лично отправился к императору, очень его уважавшему, и убедил его признать решение Эфесского собора.

[68] Речь идет о Большом Оазисе в пустыне к западу от Фив.

[69] Примирение было достигнуто лишь в 435 г.

[70] Выборы нового епископа состоялись осенью 431 г.

[71] Троада — область на северо-западе Малой Азии /от города Троя/.

[72] Этот эпизод хорошо иллюстрирует широкое распространение мессианских ожиданий, отражавшее общую социальную и психологическую неудовлетворенность многих членов иудейских общин в первой половине V в.

[73] 434 г. По другим данным 437 г. Прокл правил до 448 г.

[74] Брак Валентиниана III с Лицинией Евдоксией состоялся летом 437 г. После убийства Валентиниана III 16 марта 455 г. Евдоксия против своей воли стала женой его убийцы, нового императора Петрония Максима /455/. Существует легенда, что она из мести призвала вандалов во главе с Гензерихом, который разграбил Рим 15 июня 455 г. Петроний Максим был убит во время осады, а Евдоксия и ее младшая дочь были отправлены в Константинополь, где и жили до самой смерти.

[75] 438 г.

[76] Он хотел также, чтобы Евдокия повторила визит императора Елены стоодиннадцатилетней давности.

[77] Евдокия отправилась в это паломничество в 438 г. и провела в Иерусалиме целый год.

[78] Второй год триста пятой олимпиады 441 г. Следовательно, Сократ описал события ста тридцати семи лет /в действительности ста тридцати пяти/.